

Г. А. ДЗИДЗАРЯ

ТРУДЫ

2

Г. А. ДЗИДЗАРΙΑ

ТРУДЫ

2

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
СУХУМИ
1990**

63.3(2Г-6А6)
Д 43

Дзидзария Г. А. Труды: Книга вторая.— Сухуми: Алашара, 1990.— 288 с.

Во вторую книгу трудов видного советского историка-кавказоведа, члена-корреспондента АН ГССР Г. А. Дзидзария включены исследования, посвященные проблемам «крупнейшего в жизни абхазского народа восстания 1866 г.», деятельности декабристов, сосланных на Западный Кавказ и лиц, по единомыслию или по службе связанных с ними; а также статьи «Участники польского движения 20—40-х гг. XIX в. в Абхазии»; «Из истории мореходства в Абхазии».

1805080000 Д
М623(06)90 072—90

ISBN 5-8144-0252-0

© Издательство «Алашара», 1990

ВВЕДЕНИЕ

События 1866 г. в Абхазии могут быть изучены путем сопоставления сведений, почерпнутых из архивных источников, с данными современной периодической печати, а также с материалами устных источников (свидетельствами современников и материалами фольклора). При этом, разумеется, все материалы должны быть подвергнуты тщательному критическому анализу.

При почти полном отсутствии исследований, специально посвященных изучаемому восстанию, в основу настоящей работы легли большей частью неопубликованные ранее архивные материалы, которые в значительной степени впервые вводятся в научный оборот. К сожалению, не сохранилось никаких письменных документов, которые непосредственно исходили бы от участников движения. Поэтому нам приходилось пользоваться в основном официальными документами: материалом следственной комиссии, донесениями царских военных и гражданских чиновников и пр.

Основные архивно-документальные материалы, относящиеся к данной теме, находятся в трех крупнейших архивохранилищах страны — Центральном государственном историческом архиве (Москва), Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (Тбилиси) и Центральном государственном военно-историческом архиве (Москва). В центре этого круга архивных материалов стоят: «Выписка из следственного дела об убийствах и грабежах в Абхазии во время последних беспорядков в ней» (октябрь 1866 г.)¹; «Показание штатного переводчика управления Сухумского военного отдела милиции прапорщика Георгия Ткецишвили о происшествии 26 июля 1866 года»²; рапорт кутаисского генерал-губернатора кн. Святополк-Мирского наместнику Кавказа вел. князю Михаилу Николаевичу Романову от 13 сентября 1866 г.³

¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. л. 230—265.

² ЦГВИА, ф. 400, азиатская часть, оп. 258/908, 1866 г., д. 54, л. л. 32—47. Документ, хранящийся в данном архиве, является копией, посланной наместником Кавказа воен. министру Д. А. Милютину. (См. там же, л. 31).

³ ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., оп. 258/908, 1866 г., д. 54,

* Печатается с незначительными сокращениями по изданию 1955 г. (г. Сухуми).

Следственное дело велось особой комиссией, учрежденной «для раскрытия участников бывшего в Сухумском округе возмущения»⁴. Следственная комиссия, работавшая с 31 августа по 19 октября 1866 г. под председательством капитан-лейтенанта Корганова, старалась выяснить начало и непосредственные мотивы восстания; возможно подробнее зафиксировать ход восстания, детально изучить лыхнинское событие; определить степень причастности к восстанию отдельных лиц и сел путем расследования. Комиссия опросила большое количество участников и свидетелей движения. К сожалению, текст заключения следственной комиссии о восстании 1866 г., представленного наместнику Кавказа, не удалось найти⁵. «Выписка из следственного дела...» (на 35 листах), особенно местами, изобилует грамматическими ошибками и описками, что известным образом затрудняет понимание смысла некоторых предложений и фраз. Кроме того, в ряде случаев допускаются погрешности при применении местных географических и других собственных имен⁶, что нашло свое отражение и в некоторых изданиях⁷.

Второй документ — показание Г. Г. Ткецишвили (на 15 листах) почти во всем основном вошел в состав следственного дела, для какой цели он был и написан. Но этот документ и сам по себе является весьма существенным. «Показание», за исключением

⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 216—316.

⁵ Между прочим, из записки начальника Кавказского горского управления Старосельского наместнику о результатах работы следственной комиссии и о причинах восстания 1866 г. (ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, л.л. 165—199) мы узнаем, что доклад и рапорт комиссии о причинах восстания в Абхазии были представлены наместнику Мирским вместе с его мнением об этих причинах.

⁶ Главнейшие искаженные географические наименования: Абцаева (вместо Апцхва); Дирипш и Дюрипш (Дурипш); Анхойская и Анхайская (Анухская, сел. Анухва); Гуридуны (Бгарданы); Чигирко (Чигурхва); Псырха (Псырцха) и др.; название же «Аубара» и вовсе непонятно.

Искаженные имена и фамилии: Шам(ы) и Шим(ы) (Шамба); Хак и Хахба (Хаг и Хагба), Моргани (Маргания или Маан); Кагли и Колга (Калги); Джиния (Джения), Дбер (Дбар), Цехпер-ипа (Шахтыр-ипа), Чэф Чал-ипа (Какучал-ипа) и др.

⁷ В хрестоматии С. С. Дмитриева по истории СССР (т. III, Учпедгиз, 1949), напр. имя и фамилия крестьянина Османа Шамба переданы как «Мама-Осман». Дело в том, что в абхазской речи, когда имя и фамилия произносятся вместе, то обычно происходит сокращение окончания фамилии; в данном случае Шамба Осман будет звучать как «Шамы Осман». В материалах следственной комиссии, в «Показаниях» Г. Г. Ткецишвили и в некоторых других документах местами Шамба Осман, как имена и фамилии многих других участников и свидетелей восстания, записано в такой форме. Причем, начальная буква «Ш», которую переписчик снабжал росчерком, автор хрестоматии принял за букву «М», в результате чего и получилось «Мама-Осман». Подобные искажения наблюдаются также в сборн. документов проф. П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения» (т. II, изд. АН Груз. ССР, Тбилиси, 1950); с. Лдзаа (в документе Ладзаа) написано искаженно — Аадзаа; в названиях селений Апцхва, Мугудзырхва и Чаабалурхва составитель вместо буквы «в» (в оригинале «у») написал «ц», с. Дурипш — Берипш и Дврипши (и в документе так), фамилию Маргания — Морган (и в документе так), Маги Шмаф — Пшимаер, Хагба — Хахба. Аналогичные искажения имеются и в сборнике «Материалов по истории Грузии (1862—1917)», т. I, ч. I, под ред. проф. Ш. К. Чхетия. Архивное управление МВД Грузинской ССР, Тбилиси, 1954.

отдельных мест, дает довольно объективное и подробное описание событий, непосредственным свидетелем и участником которого был автор. Свое показание Г. Г. Ткецишвили начинает с характеристики деятельности царских чиновников в Бзыбской Абхазии⁸ в связи с подготовкой крестьянской реформы и кончает описанием лыхинского события. Г. Г. Ткецишвили не без возмущения говорит о грубых действиях Коньяра, Черепова и других царских чиновников и офицеров. Особое место в «Показании» занимает речь выборного от населения ешерского крестьянина Османа Шамба на народном собрании 26 июля 1866 г. Переводчик (с абхазского на русский) старался передать речь оратора подробно, отражая весь ее гневный характер.

Рапорт кн. Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. представляет подробное изложение восстания в целом. В этом документе (14 листов) обобщены все официальные материалы, как исходившие от самого Мирского, так и поступавшие к нему по поводу движения. Кроме того, он сообщает дополнительные сведения, которые по той или иной причине не вошли в указанные официальные документы. Словом, это есть подробный отчет генерал-губернатора наместнику, в котором ставилась цель: дать возможно полное описание восстания и всех тех мер, которые были проведены под непосредственным командованием Святополк-Мирского для подавления движения. Рапорт Мирского интересен, прежде всего, как документ, содержащий значительный фактический материал, безотносительно того, что он излагается с той тенденциозностью, с какой вообще мог писать царский генерал-губернатор.

Следует также выделить пространный рапорт начальника Сухумского отряда полк. фон Кульмана⁹ кутаисскому генерал-губернатору от 31 июля 1866 г.¹⁰, хотя он до некоторой степени и использован в упомянутом рапорте Мирского; письмо и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами подполк. П. Дукмасова начальнику Зеленчукского округа подполк. Калиновичу от 28 июля 1866 г.¹¹ и записку, являющуюся, по-видимому, приложением к докладу и. о. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами есаула Ротова от 22 июля 1867 г.¹² Первый документ особенно важен в той части, где дается описание штурма Сухума повстанческой массой. Второй и третий документы интересны с точки зрения освещения связи рассматриваемого восстания с подобными движениями, также на почве подготовки проведения крестьянской реформы, в отдельных районах

⁸ Бзыбская Абхазия, которая по административному делению изучаемого периода называлась Бзыбским округом, охватывает часть Абхазии к северо-западу от гор. Сухуми.

⁹ В указ. хрестоматии С. С. Дмитриева начальник Сухумского отряда полк. Кульман ошибочно назван начальником Сухумского отдела, т. е. перепутано слово «отряд» с «отделом».

¹⁰ ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., оп. 258/908, 1866 г., д. 54, л.л. 22—27.

¹¹ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л.л. 1—6.

¹² Там же, л.л. 7—16.

по ту сторону Кавказского хребта, т. е. на Северном Кавказе, его влияния здесь, а также выяснения мер, которые были приняты против распространения этого влияния, «к удержанию крестьян от своеволия» и «в прежних повинностях».

Необходимо затем обратиться к другим официальным материалам, также строго учитывая, что они вообще в значительной степени односторонни и тенденциозны, и поэтому требуют критической проверки и сопоставления с более достоверными историческими сведениями и фактами. Мы имеем в виду следующие материалы в фонде Кавказского горского управления ЦГИА Грузинской ССР: телеграммы и отношения отдельных должностных лиц из Абхазии, а также из Кутаиса, Поты, Сурама и т. д. в Тифлис и Боржом наместнику Кавказа и начальнику Горского управления полк. Старосельскому; рапорт управления 6 округа корпуса жандармов наместнику от 5 августа 1866 г.; приказы Святополк-Мирского по Кутаисскому генерал-губернаторству и его предписания начальнику Сухумского военного отдела ген. Толстому; отношения последнего кутаисскому генерал-губернатору; записка Старосельского наместнику о результатах работы следственной комиссии и причинах восстания в Абхазии (октябрь 1866 г.) и др.

Среди этих документальных материалов следует особо отметить «Общую ведомость о количестве огнестрельного оружия, как отобранного у жителей Сухумского военного отдела, так и оставленного при окружных управлениях»¹³, подписанную ген. Толстым. В ней дано количество и род конфискованного оружия по отдельным районам и по Абхазии в целом. К этому источнику примыкает ряд других документов, которые дают более подробные сведения по отдельным селам, существенно ценные для выяснения социального состава, размаха и района распространения восстания.

Из важнейших источников ЦГВИА¹⁴ также должны быть выделены телеграммы и отношения наместника Кавказа на имя императора Александра II и военного министра Д. А. Милютина.

Кроме упомянутых, использованы материалы и других фондов центральных архивных учреждений. Например, фонды кн. Шервашидзе в ЦГИА и ЦГИАЛ, фонд Кавказского комитета в ЦГИАЛ; фонды Кавказской археографической комиссии, Канцелярии по управлению кавказскими горцами и Комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края по военно-народному управлению в ЦГИА Грузинской ССР, фонды Сухумского окружного управления и Сухумской сословно-поземельной комиссии в ЦГА Абхазской АССР и др. В делах этих фондов, как и в названных выше, содержится материал, дающий возможность критически исследовать социально-экономическое состояние Абхазии накануне восстания и изучить всю подготовку и проведение крестьянской реформы здесь.

Таковы в общих чертах архивные материалы, которые послужили главными источниками для настоящей работы.

¹³ Д. 2784.

¹⁴ Ф. Главного штаба (№ 400), аз. ч., д. 54.

Из архивных материалов, непосредственно относящихся к восстанию 1866 г. в Абхазии, опубликованы лишь из фонда Главного штаба ЦГВИА ¹⁵ следующие документы: в хрестоматии С. С. Дмитриева по истории СССР ¹⁶ — отрывки из отношения наместника Кавказа военному министру от 10 августа 1866 г., из показания Г. Г. Ткецишвили и из рапорта полк. Кульмана Мирскому от 31 июля 1866 г.; в сборнике документов «Сельское хозяйство и аграрные отношения» ¹⁷, составленном проф. П. В. Гугушвили, — показание Г. Г. Ткецишвили, рапорт полк. Коньяра князю Мирскому от 23 июля 1866 г., донесение русского генерального консула в Трапезунде с. с. А. Мошина в императорскую миссию от 1 августа 1866 г., отношение наместника Кавказа военному министру от 9 августа 1866 г. Наконец, во время уже набора настоящего труда мы получили возможность ознакомиться с только что вышедшим сборником «Документов по истории Грузии», в который включены отрывки из вышеуказанных рапортов Кульмана от 31 июля и Мирского от 31 сентября 1866 г., «Выписки из следственного дела...» и записки Старосельского наместнику Кавказа от октября 1866 г. ¹⁸ Сборник содержит также ряд документов по вопросу социальных отношений, подготовки и проведения крестьянской реформы в Абхазии, упразднения абхазского владительства, вознаграждения князей Шервашидзе и т. д. ¹⁹

С. С. Дмитриев указанные материалы помещает в главе «Национально-колониальная политика царизма в шестидесятых — семидесятых годах и национально-освободительное движение» и не дает никаких комментариев для объяснения социального характера восстания 1866 г. Тем самым он невольно затушевывает антифеодальное содержание восстания.

По поводу сборника проф. П. В. Гугушвили прежде всего следует сказать, что подбор материалов в части истории восстания 1866 г. в Абхазии, на наш взгляд, нельзя считать удачным. Во-первых, показание Г. Г. Ткецишвили (основной материал в сборнике) уже частично было опубликовано в указанной выше хрестоматии по истории СССР ²⁰. Во-вторых, можно было дать документы более ценные для правильного понимания сущности восстания, хранящиеся не только в ЦГВИА, но и в других архивах страны. В-третьих, важнейшим недостатком публикации является отсутствие пояснительных примечаний к документам, тем более, когда речь идет об официальных и тенденциозных материалах, к тому же содержа-

¹⁵ Азиатская часть, оп. 258/908, 1866 г., д. 54.

¹⁶ Т. III, Учпедгиз, 1949, стр. 233—237.

¹⁷ Том II. Отмена крепостного права. Изд. АН Груз. ССР, Тбилиси, 1950, стр. 550—566.

¹⁸ Документы по истории Грузии (1862—1917), т. I, ч. I, стр. 58—120.

¹⁹ Там же, стр. 482—529, 630—678.

²⁰ Между прочим, в главе (XII), где даются материалы по Абхазии, помещены «Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях жителей Бзыпского округа Абхазии» А. П. Черепова, которые были опубликованы раньше в пятом томе «Исторического архива» за 1950 г. (См. публикацию И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецкого «Из истории крестьянской реформы в Абхазии»).

щих явные искажения и ошибки различного характера и степени. Например, донесение А. Мошнина либо вовсе не следовало бы включать в сборник, либо обязательно с соответствующими примечаниями. То же самое надо сказать и об отдельных местах показания Г. Г. Ткецишвили, этого в целом очень важного документа. О фактах искажения собственных имен было сказано выше. Следует также заметить, что если придерживаться современной терминологии, то нужно было писать не Сухумский округ, а Сухумский отдел, как официально именовалась Абхазия в период крестьянской реформы.

Вышеуказанный сборник «Документов по истории Грузии», в целом нужный и полезный, вызывает ряд замечаний. Прежде всего, к сожалению, ему не предпослано специального археографического предисловия, что помогло бы читателю ориентироваться в характере и ценности того или иного документа. В обширном же введении не дается критической оценки архивных материалов, например, по истории Абхазии, даже когда речь идет о явно тенденциозном по характеру документе. В сборник не вошли некоторые очень важные материалы, в частности, по истории восстания 1866 г. в Абхазии, хранящиеся в исторических архивах Москвы и Краснодара. Сборник содержит, далее, очень много неисправленных и в свою очередь допущенных искажений географических и собственных имен²¹.

Помимо опубликованных архивных материалов, в качестве источника для данной работы использованы напечатанные в современной тифлисской русской газете «Кавказ»²² сведения, сообщаемые большей частью сухумским корреспондентом этого официального органа²³. Корреспонденции и другие материалы «Кавказа», несмотря на свою определенную тенденциозность, представляют интерес, поскольку дают известное количество фактов, а также помогают в выяснении позиции и мероприятий властей по отношению к восстанию. Значительную помощь в написании первой главы работы оказали также документы, включенные в Акты кавказской археографической комиссии.

Особую группу составляют устные источники: свидетельства современников и данные фольклора. Восстание 1866 г., как одно из крупнейших явлений в исторической жизни края второй половины XIX в., не могло не сохраниться в народной памяти и не найти соответствующего отражения в устном творчестве. К сожалению, уже потеряно время, чтобы в полной мере собрать материалы

²¹ Дуритли вместо Дурипш, Абгалафара — Абгалахара, Мцыри — Мцара, Апхо — Анухва, Ау — Аацы, Звандрыпек — Звандрипш, Акоскемда — Акуаскиамца, Псырт — Псырцха, Калдахаз — Калдахара, Мчишиерт — Мчишнырцв, Абжихва — Абжаква; Мам Осман — Шамба Осман, Хахба — Хагба, Дуракипа — Дурачипа, Дзяпшигалы — Дзалшиповы, Питу — Титу, Пшимаер — Пшимаф (правильнее Шьмаф), Зефел — Зафас, Ханам и Хамаш — Ханашв, Джинья — Джения, Гумблиа — Гублиа и т. д. и т. п.

²² «Кавказ», 1866 г., №№ 68—70.

²³ Газета «Кавказ» (1846—1918 гг.) в тот период (с 1856 г.) являлась официальным правительственным изданием, имея официальную и неофициальную часть, редактировал в 1846—1867 гг. Э. Шварц.

этого рода, по причине естественной убыли их хранителей. Тем не менее, работа в этом направлении дала свои результаты. Фактические данные некоторых свидетельств и преданий почти вполне согласуются с сообщениями письменных источников, а также отличаются колоритным характером передачи отдельных деталей события, которые не могли содержаться в официальных документах.

Из преданий по своему содержанию и форме изложения обращает на себя внимание народная песня «Узбакъ» («Узбакъ»). Песня в стихотворном виде повествует о провокационной пропаганде группы князей и дворян в лице переводчика туркофила Узбакъ по поводу «планов» русского правительства насадить в Абхазии безнравственность. Она клеймит турецкого агента и осуждает тех крестьян, которые доверяли еще феодалам и таким образом становились жертвой своей политической слепоты; нашли не «рай», а гибель в султанской Турции²⁴.

Из воспоминаний следует назвать, прежде всего, сообщение 107-летнего колхозника из с. Анухва Кансоу Таркил, в воспоминаниях которого содержатся интересные фактические данные²⁵. Автор фиксирует внимание особенно на событиях, имевших место в с. Лыхны и в районе крепости Сухума. Инициаторами выступления, которые первыми дали сигнал (выстрелами) и призвали к борьбе, он называет анухвского крестьянина Шпагу Дзган-ипа и лыхнинского крестьянина Кайнагу Мачич-ипа (Кобахия). О дворянах же он отзывается не лестно, подчеркивая провокационный характер их пропаганды устами переводчиков и других во время лыхнинского схода. Из описания же сухумских событий заслуживает внимания сообщение о местах расположения и действиях повстанческих масс.

Другим наиболее интересным надо считать сообщение лыхнинского колхозника старика Езуг Герия, в памяти которого хранится много ценных сведений, частью заимствованных им от матери — сказительницы Джгуана Герия (Гагулия)²⁶, являвшейся непосредственной свидетельницей восстания 1866 г. В этом рассказе особенно интересны данные о «докторе» Иванове²⁷, который во время расследования дела о восстании, как русский свидетель, выступил с разоблачением деятельности царской администрации, оправдывая повстанцев. Благодарные крестьяне впоследствии охотно одобряли то, что Иванову был выделен участок земли в местности Бамбора²⁸.

²⁴ Арх. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, ф. 2, д. 71/74а, л.л. 21—22.

²⁵ Там же, ф. 1, д. 92, л.л. 23—26.

²⁶ Джгуан (Цьгуан) Герия умерла в 1943 г. в возрасте около 120 лет.

²⁷ Действительно, в 60—70-х гг. в Бзыбской Абхазии Василий Иванов работал в качестве земского фельдшера. В 1872 г. он подал заявление «о водворении» его в с. Лыхны, где, в поселке Бамбора, в 1873 г. ему был отведен из «общинных земель» участок земли (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1872 г., д. 273, л.л. 3—9). Здесь до недавнего времени проживали потомки В. Иванова.

²⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92, л.л. 1—2.

Д. И. Гулиа в 1933 г. записал воспоминание «О полковнике Коньяре» со слов 102-летнего старика Мыстаф Агумаа из с. Бурджа, Сухумского района²⁹. В нем, как и в указанных выше воспоминаниях и преданиях, говорится о «безнравственных порядках», которые будто бы собиралось ввести правительство в Абхазии. Интересны данные о переводчице Георгие Ткецишвили. Из этого материала мы узнаем, что в связи с восстанием его лишили офицерского чина, и он умер в бедности³⁰.

Дореволюционная, дворянско-буржуазная, историография, разумеется, не могла дать правильного анализа социально-экономических предпосылок, раскрыть закономерные причины и сущность восстания 1866 г. Оценка изображаемого явления диктовалась преимущественно политическими соображениями. Восстание порой рассматривалось лишь как эпизод, вызванный подстрекательством некоторых феодалов, а также злоупотреблениями отдельных офицеров и чиновников и т. п. Это была установка, данная наместником Кавказа. Кроме того, как уже отмечалось, дореволюционные историки рассматривали восстание 1866 г. в Абхазии совершенно изолированно, искусственно отрывая его от общей борьбы трудящихся Грузии и всего Кавказа.

При таком подходе к изучению интересующей нас темы указанная литература может представлять интерес лишь с точки зрения использования приведенного в ней фактического материала.

Очень показательны высказывание писателя Г. М. Шервашидзе, которое отличается крайней субъективностью в оценке восстания 1866 г. Он уверял, что восстание «не может считаться политическим»³¹, т. е. антиправительственным, и вообще отрицал подобную борьбу в истории Абхазии. Антифеодальный характер выступления крестьян он также отрицал, исходя из своей концепции о том, что в Абхазии «все жили в довольстве и не было ни бедняков, ни рабов. Дворянство и крестьянство жило дружно, при взаимном уважении, ибо в Абхазии не существовало крепостной зависимости»³². Более того, Г. М. Шервашидзе восстанию 1866 г. придавал характер оскорбленного самолюбия: «от чего нам, мол, освободиться когда мы совершенно свободный народ», — рассуждали так абхазские крестьяне в ответ на решения правительства «освободить (их)... на осн. реформы 61 года»³³. Подобные высказывания отражали точку зрения местного дворянства.

Первым автором, обратившим серьезное внимание на изучение

²⁹ Там же, ф. 2, д. 58/80, л.л. 89—90.

³⁰ Действительно, в заявлении от 9 февраля 1882 г. в Кавказское военное управление сам Г. Ткецишвили писал: я «страшно бедствую, а потому, чтобы с голоду не умереть, осмеливаюсь покорнейше просить... Отвод земли спасет меня от многих бед». (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 7), 1882 г., д. 2638, л. 3).

³¹ Г. Шервашидзе. Так пишется история. (Письмо в редакцию). Газ. «Заквказье», 6 июня 1910 г., № 126, Тифлис.

³² Его же. Открытое письмо агроному в Гудаутском участке г-ну Ефимову. Газ. «Сухумский вестник», 29 марта 1917 г., № 69.

³³ Его же. Так пишется история.

восстания 1866 г., был историк С. Эсадзе, который в первом томе своего монографического труда «Историческая записка об управлении Кавказом» (Тифлис, 1907) посвятил 31 страницу рассматриваемому вопросу и связанным с ним событиям. Сочинение С. Эсадзе, по крайней мере в части интересующего нас вопроса, включает в себе немного исследовательского материала и по большей части содержит описательные сведения. Конкретные исторические данные, которые излагаются пространно в работе, почерпнуты автором из очень важных документальных источников и прежде всего из следственного дела о восстании. Вообще работа С. Эсадзе представляет определенный интерес с точки зрения использования фактического материала, чем и ограничивается ее значение для изучаемого движения.

В освещении этого вопроса официозный историк С. Эсадзе придерживается тона официальных материалов, которые приводятся им без критического осмысления. Он изображает восстание в идиллических тонах, как проявление сословного единения, совершенно затушевывая ту внутреннюю классовую борьбу, которая скрывалась под этим «единением». Толкуя восстание как выступление, которое было направлено почти лишь исключительно против самодержавного правительства, автор писал о том, что это последнее будто желало «всем сословиям доставить выгоды свободной жизни».

Точка зрения А. Н. Дьячкова-Тарасова в его работе «Абхазия и Сухум в XIX столетии»³⁴ по вопросам о причинах и характере восстания 1866 г. вполне сходна с мнением С. Эсадзе. Только первый, быть может, сильнее подчеркивает произвол царских чиновников по отношению к населению, старание князей и дворян использовать движение в своих личных интересах, а также то положение, что «между некоторыми анхайе нашлись умные люди, критически относившиеся к слухам о русских реформах в Абхазии и мало доверявшие рассказам абхазских дворян».

Основное значение работы А. Н. Дьячкова-Тарасова заключается в том, что он сообщает не встречающиеся в других материалах факты из документов, которые не сохранились, или, во всяком случае, остаются пока не разысканными. В одном из примечаний автор указывает, что очерк восстания 1866 г. изложен им по запискам его отца — члена Сухумской сословно-поземельной комиссии полковника Н. А. Дьячкова-Тарасова, проживавшего в Абхазии с 1857 по 1876 г. и с 1878 по 1880 г., а также по рассказу полковника Давыдова³⁵, кавказского старожилы³⁶. В другом месте он пишет: от Османа Шамба «мой отец и слышал передаваемые мною подробности лыхнинского убийства»³⁷.

Т. Т. Стефанов в книге «Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819—1906 г.» (Юбилейный выпуск, Батум, 1906), сообщая много фактов по истории Абхазии XIX в., опреде-

³⁴ ЗКОРГО, т. XX, Тифлис, 1910.

³⁵ Имеются в виду записки полк. Давыдова.

³⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 186.

³⁷ Там же, стр. 183.

ленное место уделяет и восстанию 1866 г. Он охватывает весь период движения, стараясь осветить его по возможности систематически и подробно. Автор ссылается на целый ряд архивных источников. Поэтому и работа Стефанова в части описания восстания 1866 г., как и по другим вопросам истории края, несомненно, имеет значение в смысле использования фактического материала.

Что же касается оценки события, то Т. Т. Стефанов в этом вопросе также стоит на позиции официозной историографии, является ее типичным представителем и оправдывает национальную и социальную политику самодержавия. Говоря о возникновении восстания, он выдвигает инициаторами движения «владельцев крепостных», рассчитывавших получить за крестьян вознаграждение от казны. По его утверждению, дворяне, увидев ошибочность этого расчета, стали распространять слух, что выкуп правительство наложит на самих крестьян. В книге повстанцы часто называются «хищниками», а их цель изображается как стремление ограбить г. Сухум и вообще «чем либо поживиться».

Истории абхазского восстания 1866 г. касался и К. Д. Мачавариани в «Описательном путеводителе по Сухуму и Сухумскому округу» (Сухум, 1913). Хотя он черпал сведения о восстании в основном из официальных источников, но пытался критически подойти к освещению некоторых вопросов. Например, по поводу официальной точки зрения о причинах движения К. Д. Мачавариани заявляет: «Но дело обстояло совершенно иначе».

Однако автор не мог, конечно, дать никакого классового анализа движения. Он не только не раскрыл подлинные мотивы восстания, но допустил глубоко принципиальные искажения в этом кардинальном вопросе. К. Д. Мачавариани утверждал, что вся вина лежала на чиновнике Черепове, хотя обстоятельство, связанные с деятельностью последнего в Абхазии, имели отнюдь не решающее значение для непосредственного взрыва возмущения среди населения. Более того, он даже возражал против положения о том, что движение 1866 г. носило характер выступления против крепостнической сущности реформы. Ошибочность понимания причин и характера восстания К. Д. Мачавариани ярко проявил и в статье «Очерки Абхазии»³⁸, в которой он коротко касался этого события. К. Д. Мачавариани писал, что судьи, изучив дело, будто убедились, что абхазцев, «можно сказать, вынудили турецкие фанатики взяться за оружие». Правда, в своей более поздней работе — «Путеводителе» — К. Д. Мачавариани опровергал преднамеренно распространяемое мнение относительно того, что события 1866 г. были инспирированы пройсками Турции.

Вместе с тем он категорически утверждал, что представители абхазского населения ни в коем случае не ставили вопрос о переселении в Турцию.

К. Д. Мачавариани сообщал некоторые детали о событиях в Цебельде³⁹, заимствованные, очевидно, от его отца, миссионера

³⁸ Газ. «Черноморский вестник», 14 ноября 1899 г., № 254.

³⁹ Эти данные приводятся им и в статье «Семь дней в горах Абхазии». (См. К. Д. Мачавариани «Метафизические размышления. Кавказские очерки», стр. 92).

Д. Мачавариани, который был в числе осажденных повстанцами в цебельдинском укреплении.

В некоторых других работах имеются лишь отдельные случайные замечания по интересующему нас вопросу. Таковы, например, очерки графини Уваровой, в которых дается великодержавно-шовинистическая оценка событий 1866 г. Действия повстанцев она называла «изменническими», вздыхая по поводу «заброшенного и запущенного» вида часовни в с. Лыхны над могилой полк. Коньяра и других царских чиновников⁴⁰.

В советской историографии восстание 1866 г. в Абхазии нашло лишь незначительное отражение. Только в некоторых общих работах по истории XIX в. делалась попытка осветить этот вопрос. Однако авторы ограничились лишь беглым и поверхностным обзором восстания 1866 г., к тому же нередко эти обзоры страдают методологическими ошибками. Следует особо отметить, что важнейшие документы вопроса, которыми располагают наши архивы, авторами не были подняты.

К. Д. Кудрявцев в работе «Сборник материалов по истории Абхазии» уделяет восстанию 1866 г. буквально одну страницу и освещает его неправильно. «В 1866 году,— пишет он,— при проведении в Абхазии освобождения крестьян и разбора сословно-земельных вопросов, в сел. Лыхны сход напал на прибывших русских чиновников и сопровождавший их конвой...»⁴¹ При таком одностороннем подходе создается впечатление, что крестьянские массы выступили не против классово-феодальной основы крестьянской реформы, а против своего «освобождения» правительством и уничтожили русских чиновников, которые практически осуществляли это «освобождение». Книга содержит и ряд фактических ошибок.

В общей работе Г. В. Хачапуридзе «Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии»⁴² восстание 1866 г. рассматривается как крупное крестьянское выступление. Причинами восстания автор считает: установление колониального режима в крае, дальнейшее усиление феодального гнета, помещичий характер подготавливаемой крестьянской реформы (непосредственная причина восстания) и др. Г. В. Хачапуридзе вместе с тем подчеркивает, что к восстанию, в силу его антиколониального содержания, примкнула известная часть феодалов, оппозиционно настроенных против царских властей и стремившихся использовать это движение в своих интересах. Однако в ходе борьбы, за исключением отдельных лиц, они изменили крестьянским повстанцам, причем оказали царским властям ряд услуг. Фактическая сторона событий изложена весьма кратко.

Общий характер работы, разумеется, не позволил Г. В. Хачапуридзе специально исследовать источники и широко использовать имеющийся архивно-документальный материал, чтобы пока-

⁴⁰ Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия и Псковский участок, ч. II, М., 1891, стр. 150.

⁴¹ К. Кудрявцев. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1922, стр. 182.

⁴² См. Ф. Е. Махарадзе, Г. В. Хачапуридзе. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. Жур.-газ. объединение, (М.), 1932.

зять восстание во всех его проявлениях. Но нельзя пройти мимо тех некоторых недостатков, которые, к сожалению, имеются в названной работе Г. В. Хачапуридзе. Самым существенным из них является утверждение о том, что в подготовке восстания в Абхазии будто бы практически играла активную роль султанская Турция. Даже в официальных источниках такого категорического утверждения мы не имеем⁴³.

Г. В. Хачапуридзе пишет, что абхазское дворянство было настроено оппозиционно по отношению к царизму. Это верно только по отношению к части феодалов. Далее автор указывает, что к вечеру 27 июля Сухум был взят восставшими и царская власть пала во всей Абхазии. Это также не совсем точно. Полностью занять Сухум восставшим не удалось, восстание же не распространилось на определенную часть Абхазии.

Работа Г. В. Хачапуридзе содержит ряд других неточностей (о количестве отобранного оружия у населения, в написании некоторых фамилий и пр.). Не выяснена достаточно роль в восстании Георгия Шервашидзе; недостаточно раскрыты причины поражения восстания и его последствий, а также нечетко показана тактика повстанцев.

Вслед за указанной работой Г. В. Хачапуридзе вышел краткий исторический очерк Ф. Е. Махарадзе «Грузия в XIX столетии». Во второй главе («Система управления. Крестьянское восстание») он касается движения 1866 г. в Абхазии, но очень сжато. В вопросе о причинах и характере абхазского восстания Ф. Е. Махарадзе по существу не расходится с оценкой Г. В. Хачапуридзе. Автор, безусловно, преувеличивает значение «красного значка» (знамени) повстанцев, когда пишет: «Было ли это случайно? А если нет, то спрашивается, каким же образом красный значок — это эмблема пролетарской революции — очутился в руках абхазских повстанцев в 1866 г.?»⁴⁴

Восстания 1866 г. в Абхазии в ряде своих работ касался А. В. Фадеев⁴⁵, а одна его статья — «Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии»⁴⁶, — как видно из названия, специально посвящена этому вопросу. А. В. Фадеев выдвинул ряд важных положений, критически подходя к высказываниям буржуазных авторов и официальных источников. Он особо останавливается на причинах, характере и движущих силах восстания. Заслугой А. В. Фадеева является и то, что он выявил ряд ценных архивных документов и ввел их в научный оборот.

Однако нельзя согласиться с утверждением А. В. Фадеева о том, что слух о письме туркофила Хасана Маан (Маргания) «был достаточен», а «Крымская война была у всех в памяти»,

⁴³ См., напр., «Кавказ», 1 сентября 1866 г., № 68.

⁴⁴ Ф. Махарадзе. Грузия в XIX столетии, стр. 45—46.

⁴⁵ Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932; Краткий очерк истории Абхазии. Сухум, ч. I, 1934; «Лыхненское восстание 1866 г.» Газ. «Советская Абхазия», 24 июля 1936 г., Сухум.

⁴⁶ «Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения», вып. II, Сухум, 1934.

«для того, чтобы к восстанию примкнули самые широкие массы крестьянства»⁴⁷. В одном месте автор и сам признает, что «однако события в Абхазии развиваются быстрее, чем Хасан Маан и его друзья находят союзников в Турции»⁴⁸.

В отдельных работах А. В. Фадеева наблюдается известное преувеличение силы патриархальных обычаев и общинных традиций, что невольно принижает классовое самосознание крестьянства, хотя автор в принципе совершенно правильно подчеркивает низкий идейно-политический уровень восстания. Это замечается в вопросе об отношении крестьян к бывшей владетельской семье и, особенно, о понимании ими характера реформы. Так, в «Кратком очерке» говорится, что, не разобравшись в сущности вопроса, крестьяне реформу представляли лишь в виде новых карательных мероприятий, направленных против их обычаев и родового быта. Но в статье «Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии» автор справедливо констатирует, что «...абхазские крестьяне достаточно уяснили себе классовый характер реформы»; в статье «Крестьянская «реформа» в Абхазии» мы также читаем: «Оказывается, выслушав Коньяра, абхазские крестьяне очень быстро разглядели классовую сущность реформы»⁴⁹. Работы А. В. Фадеева не лишены и некоторых фактических ошибок. Например, датой выступления в с. Лыхны указывается 21 июля, тогда как в действительности оно произошло 26 июля; датой же появления повстанцев под Сухом со стороны Бзыбской Абхазии — 17 июля, вместо 27 июля, а их численность — 15.000 чел., вместо — около 2.000; количество сданного населением оружия после подавления восстания — всего лишь 4.000 штук.

Восстания 1866 г. касается и Е. А. Мороховец в очерках «Крестьянская реформа 1861 г.»⁵⁰, где дана оценка этому событию. Указав, что в Абхазии реформа была проведена с гораздо более значительными отступлениями от «Положения 19 февраля», автор подчеркивает, что этой реформе предшествовало «упорное и бурное восстание крестьян 1866 г., направленное как раз против готовящейся реформы»; крестьяне опасались, что реформа будет проведена в том виде, в каком она уже была проведена в ряде районов Грузии, и особенно возмущались выкупом ими повинностей, настаивая на том, чтобы выкуп был проведен за счет государства. К этому присоединялась давно накипевшая ненависть против самодержавия, подогретая свежим воспоминанием о недавних карательных экспедициях.

С. Н. Джанашиа в работе «Георгий Шервашидзе. Культурно-исторический очерк...»⁵¹ также уделяет определенное место восста-

⁴⁷ А. В. Фадеев. Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии, стр. 124.

⁴⁸ Там же, стр. 122.

⁴⁹ «Известия Академии наук СССР», 1935, № 7, стр. 627—644.

⁵⁰ Е. А. Мороховец. Крестьянская реформа 1861 г. Соцэкгиз, 1937, стр. 145—146.

⁵¹ ს. ჯანაშია. გიორგი შერვაშიძე. ნარკვევი აფხაზეთისა და სამეგრელოს კულტურული ისტორიიდან. „მასალები საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის“, ნარკვ. III, თბილისი, 1939.

нию 1866 г. Он останавливается, прежде всего, на выяснении социального характера восстания. Указав на непосредственные причины, вызвавшие движение, и неоднородность классового состава участников восстания, С. Н. Джанашиа подчеркивает, что, «в частности, крестьянство (анхаю, основной слой населения) было возбуждено известием о том, что ему нужно откупиться от бывших господ. Представители народа заявляли, что они ничего не будут платить». В другом месте, констатируя факт недовольства дворян, автор заключает: «Во всяком случае, кроме социальных мотивов, движение основывалось и на политических»⁵².

Однако краткость изложения и тематическая направленность работы не дали, очевидно, возможности С. Н. Джанашиа показать четко классовые противоречия и различия интересов и целей участников движения. Реакционный характер выступления части абхазского дворянства не выяснен. Нельзя, конечно, согласиться с безоговорочным утверждением, что факт ликвидации абхазского владения был одним из решающих причин восстания, а вопрос о восстановлении его — одним из основных требований всей повстанческой массы. Нельзя также согласиться с общей односторонней, преувеличенной оценкой роли князя Г. М. Шервашидзе в восстании.

Краткое изложение восстания 1866 г. в Абхазии имеется и в книге Тедо Сахокия «Путешествия»⁵³. Материалы по Абхазии, содержащиеся в этой книге, автором были опубликованы еще в 1903—1904 гг. в форме газетных статей⁵⁴. В освещении восстания 1866 г. Т. Сахокия опирается, в основном, на сообщения современников. В книге Т. Сахокия, хотя и приводится ряд любопытных сведений по вопросу абхазского восстания, но освещение его дано в целом с позиции старой историографии. Так, причины движения сведены, по существу, к «непониманию» миссии полк. Коньяра населением, высокомерному тону и оскорбительным выражениям «вспыльчивого» полковника и к «самолюбию абхазов». Словом, правильного представления о характере восстания 1866 г. в Абхазии работа Т. Сахокия не дает. Что же касается фактической стороны, то, пользуясь главным образом рассказами современников восстания, автор допускает, как бывает обычно в таких случаях, немало погрешностей.

Проф. Ш. К. Чхетия, рассматривая крестьянские выступления в предреформенной Грузии, касается восстания 1866 г. в Абхазии⁵⁵. В статье «Буржуазные реформы в Грузии», являющейся введением к первой части первого тома сборника «Документов по

⁵² См. გორგი შარვაშიძე. ლირიკა. ეპოსი. დრამა. Сухуми, 1946, стр. 15.

⁵³ თედო სახოკია. მოგზაურობანი. სახელგამი. თბილისი, 1950, გვ. 309—311.

⁵⁴ „ცნობის ფურცელი“, №№ 2309, 2343, 2349, 2356 и 2369 — 1903г.; №№ 2386 и 2456 — 1904 г.

⁵⁵ შ. ჩხეტია. საგლეხო რეფორმის ისტორიისათვის საქართველოში „სასიტორიო მოამბე“. Исторический вестник, 4. Тбилиси, 1948, стр. XLIII—XLIV.

истории Грузии (1862—1917)», это восстание трактуется как крупное восстание абхазского крестьянства⁵⁶.

Восстание 1866 г. в Абхазии нашло свое отражение также в учебниках по истории СССР. Правда, данные о восстании, приводимые в этих учебниках, весьма лаконичны. И учебник для вузов⁵⁷, и учебник для средней школы⁵⁸ восстание 1866 г. оценивают как крестьянское. Причем, в первом учебнике это восстание названо «большим крестьянским восстанием», вызванным «слухами о готовящейся реформе по грузинскому образцу», а на карте Кавказа в XIX в., приложенной к нему, оно отмечено как крупнейшее крестьянское движение. Кроме того, в школьном учебнике даны следующие выводы: абхазские крестьяне не могли мириться с тем, что у них отнимали в пользу помещиков лучшие земли и заставляли нести повинности, и в 1866 г. подняли восстание, которое охватило всю страну; оно заставило царизм провести и в Абхазии крестьянскую реформу. Конечно, восстание 1866 г. в известной мере было повсеместным, но категорическое утверждение о том, что оно охватило всю страну, не соответствует действительности.

Упоминание об абхазском восстании мы находим в коллективном историческом очерке об Абхазии в «Большой советской энциклопедии» С. Н. Джанашиа, Г. В. Хачапуридзе и З. В. Анчабадзе⁵⁹. В статье восстание также рассматривается как крестьянское выступление. Причинами же, его вызвавшими, указываются: подготовка крестьянской реформы, которая должна была заставить крестьян заплатить выкуп за их «освобождение», и колониальная политика царизма.

В книге П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России» дается краткая справка об абхазском восстании 1866 г., которое характеризуется как крупное крестьянское восстание, возникшее в связи с подготовкой крестьянской реформы в Абхазии⁶⁰. Аналогично расценивает восстание 1866 г. в Абхазии и В. Д. Мочалов в статье «Крестьянская реформа в Закавказье»⁶¹.

Наконец, довольно пространную справку об изучаемом восстании мы находим в статье А. А. Олонецкого «Крестьянская реформа 1870 г. в Абхазии»⁶². Основные положения А. А. Олонецкого, по нашему мнению, являются правильными.

⁵⁶ Документы по истории Грузии (1862—1917), т. I, ч. I, стр. XIV, XXXV. Между прочим, утверждение Ш. К. Четия о том, что в июне 1866 г. была образована «Особая комиссия» под руководством А. Черепова, а 9 сентября того же года кн. Мирский писал начальнику Сухумского отдела полк. Коньяру (стр. XXXV—XXXVI), является неправильным, так как председателем указанной комиссии был майор Баратов; Коньяр же был убит 26 июля 1866 г.

⁵⁷ История СССР, под ред. М. В. Нечкиной, т. II, Госполитиздат, М., 1954, стр. 417.

⁵⁸ История СССР, под ред. А. М. Панкратовой, ч. II, Госучпедгиз, М., 1953, стр. 246.

⁵⁹ БСЭ, т. 2, изд. 2, стр. 49.

⁶⁰ П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. Госполитиздат, М., 1954, стр. 239—240.

⁶¹ «Доклады и сообщения института истории» АН СССР, вып. 3, М., 1954, стр. 47, 63.

⁶² См. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузии. ССР», XXV, Сухуми, 1954.

ГЛАВА I

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ВОССТАНИЯ

1

Значение ближайших причин событий 1866 г. в официальных источниках и литературе толковались, по-разному, но почти во всех случаях указывалось «на скопление многих элементов восстания».

В июне 1864 г. было упразднено Абхазское княжество, владетельный князь отстранен от власти и введено, до утверждения положения и штатов, временное «военно-народное управление». Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел с подразделением на округа и приставства и подчинением кутаисскому генерал-губернаторству. Начальником отдела был назначен командующий войсками в Абхазии ген. Шатилов, которому было приказано вступить во внутреннее управление краем с 12 июля 1864 г.

В ноябре того же года последний владетель Абхазии Михаил Шервашидзе был выслан в г. Воронеж под надзор местного губернатора¹. В ознаменование его прежних заслуг перед самодержавием за ним был сохранен титул «светлейшего князя», а также назначена значительная пенсия.

Акт ликвидации княжества был непосредственно связан с окончанием Кавказской войны.

Ликвидация феодального княжества и введение непосредственного русского управления в Абхазии, о положительном значении которых говорилось в первой главе, не вызвали никаких серьезных событий. Такое положение определялось, прежде всего, отношением к этому крестьянских масс. Часть дворянства, опасавшаяся потери своих привилегий, находилась в оппозиции новому управлению. Но ее активность была парализована противоположным отношением основной массы крестьянства к факту отстранения от власти феодального владетеля.

Между прочим, еще в 1850 г. Иогель и Рябиков писали: «Простой народ крепко желает спокойствия и не принимает живого участия в ссорах и междоусобиях князей, так что теперь, в случае надобности, не встретится препятствий в удалении самых беспокойных князей»².

¹ М. Г. Шервашидзе умер в г. Воронеже, похоронен в моквской церкви (сел. Моква, Очамчирский район, Абхазской АССР) в фамильном склепе владетельных князей Шервашидзе (Чачба).

² ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 749, л. 194 об.

Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 5 сентября 1864 г. отмечал: «В Абхазии совершенно спокойно, жители, выказывая полное послушание нашим властям, обращались к ним охотно по своим делам...»³

Кавказский наместник в своем отношении военному министру Д. А. Милютину от 15 января 1865 г. писал: «Как ваше превосход. усматриваете из прилагаемых при сем двух выписок из рапортов командующего войсками в Абхазии к кутаисскому генерал-губернатору, задержание кн. Шервашидзе и удаление его из Абхазии совершилось без всякого фактического сопротивления со стороны прежде бывшего под властью его населения и почти не имело влияния на состояние общественного спокойствия в стране»⁴. (Подчеркнуто мною.— Г. Д.).

Наместник в письме императору Александру II от 5 августа 1866 г., излагая свои «догадки» об обстоятельствах, обусловивших восстание, подчеркивал, что население было даже довольно введением нового управления в 1864 г., особенно же отменой всевозможных пошлин, которыми владетель облагал его; «происшествий преимущественно в начале не было почти»⁵.

Крестьянин О. Шамба в своей речи на сходе населения Бзыбской Абхазии 26 июля 1866 г. прямо заявил, что народные массы разочаровались в новом управлении, а они ожидали, что с упразднением владательства благосостояние их будет возрастать с каждым годом и правительство будет с ним «милостиво»⁶.

«Абхазцы,— писал Святополк-Мирский,— не без некоторого опасения и недоверия, но спокойно и безропотно приняли новый порядок управления. Можно верить, что они надеялись отдохнуть и устроиться после долгих бедствий и неурядицы». В другом месте: из края без всякого «сопротивления и даже волнения» насильственно был удален владетель; окружные начальники без затруднения начали собирать подробные статистические сведения⁷. Сам М. Шервашидзе, «вопреки всем ожиданиям,— констатировал тот же Мирский,— не только не препятствовал введению в Абхазии русского управления, но по первому требованию... созвал абхазцев для объявления им высочайшей воли и просил их ко мне для получения дальнейших указаний»⁸.

Таким образом, с введением непосредственного русского управления в Абхазии крестьянские массы связывали улучшение своего положения. Совершенно очевидны тенденциозность и ошибочность утверждения тех авторов, которые абхазское восстание 1866 г. рассматривали как факт, который был абсолютно обусловлен упразднением княжества. В действительности непосредственные причины изучаемого восстания были вызваны последующими

³ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 2—6.

⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 26, стр. 124—127.

⁵ ЦГИА, ф. 678, по. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 29—38.

⁶ Из следственного дела, л. 235.

⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 157.

⁸ Записка Святополк-Мирского по делам Абхазии от 30 сентября 1864 г. ЦГИАГ, ф. 416, д. XXVI.

фактами и явлениями, шедшими вразрез с надеждами широких масс населения после введения нового управления, о чем недвусмысленно говорил О. Шамба в упомянутой его речи.

Недовольство населения было вызвано, прежде всего, неудовлетворительной организацией этого нового управления. Введение его вызывало глубокие изменения в жизни страны. Между тем, временные учреждения, по словам С. Эсадзе, «возникали без согласования их с местными потребностями и организовались спешно, под влиянием политических соображений, имевших целью как можно скорее заменить автономное управление владельца»⁹.

Существовавший в Абхазии «общественный строй был почти неведом русским чиновникам, призванным теперь управлять этой страной»¹⁰. Сам и. д. начальника Сухумского отдела полк. Коньяр, по словам А. Н. Дьячкова-Тарасова, был «мало знаком с краем, с характером и бытом абхазцев» и не находил «необходимым непосредственное общение с народными массами»¹¹. Более того, «непосредственное начальство», — как писал А. В. Пахомов, — было не только «не знакомо с местными обычаями, с правами населения», но «вообще с гражданской частью»¹².

Святополк-Мирский в рапорте на имя наместника Кавказа от 13 октября 1866 г., говоря о причинах восстания, признавал, что «состав управления Сухумского отдела был неудовлетворителен, и это одна из причин беспорядков в Абхазии». Происшедшее замедление с введением штатов в Абхазии, представленных еще в 1864 г., объяснял Мирский, лишило возможности устроить правильное управление, выбрать на должности лиц, соответствующих назначению. Генерал-губернатор спрашивал: но где такое положение не существует «при том недостатке в способных и честных деятелях, который у нас везде ощущается?». И далее утверждал, что «нет нигде, и в особенности трудно их приискать для Абхазии...»

Мирский вместе с тем писал, что обязанность хорошего управления и правосудия сделалась еще обязательнее, чем прежде, и считал необходимым как можно скорее разделить Абхазию на округа, согласно новым штатам, и открыть «правильный суд и расправу»¹³.

Кавказский наместник одной из причин восстания 1866 г. также вынужден был признать «несоответственность вообще существующих административных учреждений» в Абхазии с сложившимися привычками населения, между тем как вновь составленное «Положение об управлении Абхазией» на иных началах не введено было еще в действие¹⁴.

Это «Положение» было выработано особой комиссией под

⁹ С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 272.

¹⁰ Ал. Гарсеванов. Страницы из недавнего прошлого Абхазии. Газ. «Заквказье», 24 апреля 1910 г., № 91, Тифлис.

¹¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 185.

¹² А. Пахомов. Замечания на записку... Краевича. 1869 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 6 об.

¹³ ЦГИАГ. ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 160—162.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 19—21.

председательством ген. И. А. Бартоломея, созданной наместником еще в сентябре 1864 г., но работа комиссии затянулась почти на 2 года.

Комиссии ген. Бартоломея предшествовала другая комиссия, деятельность которой имела более непосредственную связь с возникновением восстания. Мы имеем в виду комиссию ген. Понсэ, прибывшую из Тифлиса в 1865 г. и ставившую своей задачей: выяснить размеры имущества бывшего владельца и установить его семье соответствующее вознаграждение. На эту комиссию был возложен также сбор сведений об общем социально-экономическом положении Абхазии. Члены комиссии Понсэ собрали довольно значительный материал ¹⁵.

Комиссия ген. Понсэ имела ряд конфликтов на различной почве как с крестьянами, так и с отдельными князьями и дворянами. Крестьяне, в особенности бывшие владетельские, выступали, в частности, против требования с них платы для пополнения суммы, назначенной правительством в пользу членов владетельской семьи. Весьма показательно, что впоследствии, перед самым началом открытого всеобщего выступления, 23 июля 1866 г., крестьяне нескольких сел на сходе в с. Дурипш выражали неудовольствие, почему правительство не хочет спросить, желает ли «население детей бывшего владельца Абхазии допустить остаться в крае на помещичьих правах» ¹⁶.

Кроме того, и, пожалуй, главное, работа комиссии Понсэ здесь рассматривалась как подготовка проведения крестьянской реформы, крепостнический характер которой крестьянам был известен из практики проведения ее в России в 1861 г. и в Восточной Грузии в 1864 г., а также подготовки этой реформы в Имеретии, Гурии и Мегрелии. Крестьяне в с. Лыхны и м. Очамчыры, где происходили сходы населения, сделали многочисленные заявления, что, согласно обычному праву, «земля принадлежит тому, кто ее расчистил от зарослей и засеял», — такое положение «распространяется на всех без исключения абхазцев ¹⁷. «Заинтересованные в земельных вопросах» князья и дворяне были весьма обеспокоены: «они признавали, что если русская власть всецело станет на сторону этого закона, то их мечты приобрести латифундии не осуществляются» ¹⁸.

Святополк-Мирский отмечал, что действия указанной комиссии, «затрагивая вопросы сословной поземельной собственности и возбуждая их разрешение, были первою причиною неудовольствий и волнения в народонаселении» ¹⁹.

Вместе с тем, крестьян возмущало грубое отношение членов комиссии, в особенности чиновника Черепова, к ним, к их обычаям,

¹⁵ Результатом работы этой комиссии была и рукопись А. П. Черепова «Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях Бзыпского округа Абхазии», на которую мы ссылались выше.

¹⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 120.

¹⁷ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 180.

¹⁸ Там же, стр. 185.

¹⁹ Рапорт кутаисск. ген-губерн. главнокомандующему Кавказ, арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 158.

нравам. Начальник Пицундского округа майор кн. Д. Чавчавадзе в своем рапорте на имя начальника Сухумского отдела от 4 июня 1867 г., говоря о причинах восстания 1866 г., писал: «Я, к сожалению, убежден, что одной из главных (причин) были приемы работ членов комиссии генерал-майора Понсэ... Я положительно могу сказать, что она оставила весьма тяжелое впечатление в народе и породила в нем кучу сомнений по делу поземельной собственности и сословных прав»²⁰.

Абхазские феодалы, недовольные введением русского управления и опасавшиеся дальнейшего ухудшения своего положения, всячески препятствовали работе комиссии и вообще отрицательно относились к праву новой власти на вмешательство в отношения между помещиками и их крестьянами; нападка на русское правление они стремились скрыть крепостническую эксплуатацию крестьян. Некоторые из них действовали в направлении захвата общинных лесов и пастбищ; например, домогались получить джгердский лес в 100 кв. верст²¹. Другие пытались ввести в заблуждение членов комиссии в деле определения владетельских имений, чтобы кое-что присвоить себе, в том числе и крестьян²². Среди местных феодалов имелись протурецки настроенные лица, всеми средствами старавшиеся заставить крестьян, в том числе и владетельских, отказаться от дачи каких-либо сведений комиссии, намереваясь потом увести этих крестьян с собой в султанскую Турцию²³. Они распространяли слухи, что русское правительство уже якобы решило отобрать в казну все леса, крестьян поселить в правильно расположенных селениях и ввести воинскую повинность²⁴. Местные реакционные силы не только стремились создать общий фронт против русской власти, но и натравить отсталые элементы населения на русский народ.

Ген. Понсэ, отмечая наличие протурецких настроений у части дворянства, подчеркивал, что «толки о переселении не редкость между здешними дворянами», которые стараются «увлечь с собою возможно большее число людей, под предлогом подвластности».

В сентябре 1865 г. в с. Хуап состоялось нелегальное собрание некоторых протурецки настроенных лиц, большей частью из фамилии Маргания (Маан). Один из них — Камбулат Маргания — был отправлен в Турцию, чтобы с помощью своего зятя — убухского князя Керантуха Берзек — завязать переговоры с турецкими властями²⁵.

Однако отрицательное отношение абхазского крестьянства к вопросу о переселении обусловило безрезультатность этих переговоров. Впоследствии Святополк-Мирский, говоря о том, что не-

²⁰ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л. 43.

²¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 186.

²² Там же.

²³ Письмо ген. Понсэ Шатилову от 1 декабря 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, л.л. 113—116.

²⁴ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 185.

²⁵ Письмо Понсэ Шатилову от 1 декабря 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, л.л. 113—116.

которые феодалы готовы были удалиться в Турцию, подчеркивал, что «их удерживало брать с собою своих подвластных и рабов»²⁶. Следует также отметить, как положительную меру, стремление правительства ослабить «значение и влияние» этих протурецких реакционных элементов и помешать их провокационным замыслам относительно переселения абхазских крестьян.

Содержание членов владетельского дома было определено правительством в 25 тыс. рублей в год. Бывшие подвластные крестьяне этих князей Шервашидзе были обложены платой в казну на пополнение названной суммы. Сбор производился главным образом деньгами по стоимости натуральных налогов. Начальник Сухумского отдела ген. Гейман в 1868 г. писал: «Таким образом, этот непомерно большой налог взымался по настоящее время, вследствие чего и без того многие бедные подвластные люди теперь дошли до крайней бедности»²⁷. Общий размер повинностей и разных налогов с рассматриваемых крестьян достигал в год в среднем около 17 руб. 40 коп. с дыма, что в натуральном выражении составляло 1 корову и 6 голов мелкого рогатого скота²⁸.

Сообщая «об этом крайне тяжелом положении» крестьян в Кавказское горское управление, Гейман просил испросить у наместника разрешения об уменьшении подати тех крестьян, которые платили ее в повышенном размере; о дозволении ему частным образом собрать сведения «о действительно бедных подвластных семействах, не имеющих средств отбывать» подать, и ходатайствовать потом о сложении с них этого налога на 1869 г.²⁹

Особенно тяжело стало положение крестьян тех сел, на территории которых были расположены окружные управления, где очень часто имели место «разные случаи» для взыскивания дополнительных налогов. Кроме того, эти села, в силу обычая гостеприимства, содержали людей, «осаждавших своими просьбами и жалобами начальство»³⁰. «Подобных гостей каждодневно бывает до 100 человек, и они в буквальном смысле объедают селения, где расположены окружные управления»³¹. Они «в полном смысле обеднели от кормления» этих посетителей³². Жители сел. Лыхны предлагали оказать свое содействие при постройке дома для окружного управления, если только оно будет перенесено из их селения в местечко Гудауты³³.

Новое управление разочаровало крестьянство. Результаты установления колониального режима здесь были вообще те же самые, что и повсюду: это был дополнительный гнет и для абхазского народа.

Нельзя забывать тот факт, что «царская Россия была тюрьмой

²⁶ Рап. кутаис. ген.-губерн. главнокомандующему Кавказ. арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 159.

²⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г.; д. 76, л. 256—258.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, л.л. 241—242.

³⁰ Там же, л.л. 256—258.

³¹ ССКГ, IV, стр. 38

³² Там же, VI, отд. III, стр. 10.

³³ Там же, IV, прим. 2.

народов», и что «царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»³⁴.

«Злейшим врагом русского, украинского и других народов России являлось царское самодержавие. Опираясь на реакционную верхушку местных помещиков и буржуазии, царизм проводил политику жестокого национально-колониального угнетения нерусских народов»³⁵.

Возьмем, например, судебное дело. Одним из первых правительственных мероприятий в Абхазии было учреждение окружных судов, где, в силу инструкции, дела должны были решаться согласно требованиям местного обычного права. В предписании кн. Мирского ген. Шатилову от 12 июля 1864 г. о введении общероссийского управления в Абхазии предлагалось: спорные дела разбирать по народным обычаям, для чего, до утверждения «правильных судов», собирать при окружных начальниках «почтеннейших из жителей». Исключению из этого правила подлежало только смертоубийство, за которое абхазцы должны были судиться по русским законам³⁶. Окружные суды состояли из председателя, должность его исполнял начальник округа или его помощник, и четырех депутатов по выбору населения.

Надо сказать, что изменения, последовавшие в области судопроизводства, в принципе имели положительное значение. Ив. Аверкиев в 1866 г. писал: «Отменой огромной платы, следовавшей с подсудимых в пользу владетеля и судей, равно и больших штрафов, введением за убийство суда по русским законам, во многом изменен строй жизни абхазцев...»³⁷

Однако несовершенство этого судопроизводства и произвол, чинимый его отдельными деятелями, доходил до того, что вызывалось не только разочарование, но и открытое возмущение широких крестьянских масс. Прежде всего, в состав окружных судов не допускали представителей ахоую и ахашвала, т. е. «более других нуждающихся в защите и без того не слишком широких прав их»³⁸. Кроме того, хотя в представительстве от местного населения в судах анхаю и преобладали, но фактически руководящую роль играли не они, а князья и дворяне. К сожалению, нас ограничивают материалы для характеристики того положения, как последние, вместе с царскими чиновниками, пользовались судебной властью в своих классовых и личных интересах. В этом отношении наши сведения полнее по Самурзаканскому и Цебельдинскому приставам, где новое управление, как известно, было введено гораздо раньше, чем в других частях Абхазии.

В Самурзаканском приставстве после Крымской войны управление приняло такой «произвольный способ действия», что ген. Колюбакин вынужден был представить новые проекты управления,

³⁴ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 6.

³⁵ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)». Госполитиздат, 1954, стр. 12.

³⁶ ЦГИАГ, ф. 416, д. XXVI, л. л. 85—86.

³⁷ Ив. Аверкиев. Указ. соч.

³⁸ ССКГ, IV, стр. 29—30.

утвержденные кавказским наместником Барятинским в конце 1859 г.³⁹ Однако речь шла лишь о незначительных изменениях, и в сущности был сохранен прежний порядок. Судебное дело было сосредоточено в руках словесного суда, в него входили 5 мдиванбегов из местных князей и дворян (Шервашидзе, Чхотуа, Маргания, Акиртава); суд находился под наблюдением царского пристава. Дела по мелким кражам решались сельскими бокаулами. Поскольку значительная часть взыскивавшихся штрафов делилась между мдиванбегами и другими чинами пристава, а в селениях они целиком шли в пользу бокаулов, то нетрудно себе представить злоупотребления всех этих лиц. К этому нужно добавить, что в словесном суде, находившемся в с. Окум, не велось какой-либо отчетности для записывания штрафных денег⁴⁰.

В 1859 г. в Цебельде было введено управление, очень сходное с самурзаканским: пристава делилось на 4 участка, во главе которых стояли мдиванбеги из князей Маршания, получавшие жалованье от казны и пользовавшиеся определенной судебноплицейской властью⁴¹. Надо сказать, что цебельдинский словесный суд, как и пристав, не имел никаких правил для своей деятельности⁴². Но полная лояльность указанной деятельности к интересам царизма была совершенно бесспорна. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в апреле 1862 г. все 4 мдиванбега Цебельдинского «народного суда» князя Маршания кавказским начальством были представлены к награде «за преданность их правительству и служебные отношения»⁴³. В наградном листе, например, прапорщика Бабышья Маршания мы читаем следующее мнение ген. Шатилова об этом князе: «За отлично-усердное в продолжение более трех лет исполнение обязанности мдиванбега народного суда и во внимание к совершенной преданности правительству и постоянной готовности выполнять все приказания и поручения, даже вне круга его прямых обязанностей, полагаю испросить производство жалования по чину»⁴⁴. А в наградном листе прапорщика Хирипса Маршания значилось: «Во внимание к долговременному, с примерным усердием исполнению должности мдиванбега народного суда и совершенной преданности правительству, полагаю испросить в награду производство жалования по чину»⁴⁵. Причем кн. Бабышь Маршания, имевший офицерский чин с 1854 г. и награды, «вновь заслужил внимания правительства» сражаясь в рядах царских войск при операции против дальцев в 1861 г., во время которой он был тяжело ранен, а затем и умер⁴⁶.

Что же касается системы «народных судов», то подробную ее характеристику можно найти в статье «Несколько слов о примене-

³⁹ В. Н. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901, стр. 428.

⁴⁰ С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 126—127.

⁴¹ ВПСЗРИ, т. 34, № 35, стр. 196.

⁴² С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 131.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 10, 1862 г., д. 109, л. л. 2, 10.

⁴⁴ Там же, л. л. 3—4.

⁴⁵ Там же, л. л. 5—8.

⁴⁶ Там же, л. л. 11—12.

нии народных обычаев к судопроизводству в Абхазии»⁴⁷, в которой автор описывает существовавшее до 1868 г. судопроизводство в Абхазии, знакомое ему, по его словам, «более других горских судов»⁴⁸.

Аноним указывал, что поводом к обвинению служил совершившийся факт, а основанием — полный произвол обвинявшего. Эта «полная безответственность обвинителя» давала возможность привлекать к суду людей, «совершенно невинных в преступлении», какими, как правило, являлись ахашвала и ахоуо и вообще крестьяне. Результатом такой постановки было «размножение кляузников, затевавших иски при всяком удобном случае». Таким образом без вины потеряв часть имущества и не имея средств в продолжение короткого времени поправить свое расстроенное хозяйство, ответчик часто уходил из дома и начинал скитаться.

«В Абхазии,— свидетельствовал тот же автор,— весьма достаточное число бездомных, отказавшихся от своих семейств... Если проследить их жизнь, то легко убедиться, что очень многие из них дошли до настоящего положения именно сказанным путем. Лишившись без вины своего рабочего скота или коров, кормивших все семейство, они тем же незаконным путем хотели возвратить отнятое и, потеряв все состояние, увидели свои семейства в полной нищете: тогда, бросив последние на произвол судьбы, они начали скитаться из двора в двор...»⁴⁹

Так, в 1867 г. в с. Ачандара один анхаю, лишившийся по суду последней коровы, сжег свой дом, бросил семейство и ушел в лес. На вопрос, почему он так поступил, заявил, что «обвиненный невинно два раза в воровстве, он лишился через это всего своего имущества и как убедился, что семейству его грозит полная нищета, то сжег дом, для того, чтобы лишить семейство крова и тем самым заставить родственников жены принять в нем более живое участие, а сам ушел, чтобы не видеть голодающими свою жену и детей». «Все это,— сообщает упомянутый автор,— обвиненный высказывал на суде, до своего преступления, и выставлял как доказательство своей невинности прежнюю честную жизнь, но суд остался глух к его оправданию и поступил совершенно правильно, на основании народных обычаев, дав присягу истцу, который, по бессовестности, легко ее исполнил. Настоящий вор коровы отыскался через три недели после сделанного обвиненным преступления»⁵⁰.

Кроме того, при выполнении всей процедуры суда иск, начатый по поводу какой-нибудь украденной козы, влек за собой отрыв от работы 10—15 чел. при самых благоприятных обстоятельствах на 6 или 10 дней. Причем, так как некоторые селения были расположены далеко от места пребывания окружного суда, то приходившие для выполнения какого-нибудь судебного акта сплошь и

⁴⁷ ССКГ, IV.

⁴⁸ Там же, стр. 29.

⁴⁹ ССКГ, IV, стр. 31, 33—35.

⁵⁰ Там же, стр. 35.

рядом оставались на 2—3 дня, а иногда и на неделю в том селе-нии, где находился окружной суд, обедая это селение⁵¹.

В судах часто происходили столкновения между населением и представителями царской администрации, а также и их сослуживцами из местных князей и дворян. «Суд,— писал Ал. Гарсеванов,— на первых порах принес сильный материальный вред коренным жителям; непоправимые недоразумения, происходившие на судах, сильно раздражали народ; ввиду этого многие абхазцы, недовольные русским правосудием, воспользовались удобным случаем и произвели открытое возмущение»⁵². Автор явно преувеличивал значение указанного фактора, считая его чуть ли не единственной причиной восстания. Но нельзя отрицать и серьезное значение его.

Крестьяне подвергались арестам со стороны властей и без всякого суда за малейшие проступки, как это явствует хотя бы из слов О. Шамба. Царские тюрьмы появились во многих местах Абхазии. Еще М. Селезнев отмечал, что теперь владелец часто отправляет людей на гауптвахту в Бамбора или Сухум, а потом, для окончательного решения их участи, в Кутаис⁵³. Вот что писал ген. Гейман об условиях в этих тюрьмах в своем обзоре о положении в крае от 16 октября 1867 г.: «Помещения для арестантов (в сухумской тюрьме.— Г. Д.) отвратительные, надобно удивляться их живучести»⁵⁴. Не случайно, что одним из требований повстанцев было немедленное освобождение арестованных, после чего они разгромили тюрьмы в Лыхнах и Цебельде.

Следует также подчеркнуть, что, говоря словами автора статьи «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии», «окружные суды, сверх прямого своего назначения, должны были быть учреждениями, подготавливающими население к принятию тех реформ в быте, которые рано или поздно должны были состояться»⁵⁵. О характере этих реформ, их классовой сущности речь будет идти ниже.

* * *

Недовольство населения новым управлением особенно обострялось тем фактом, что в ряде случаев его возглавляли грубые и невежественные бездушные царские чиновники и офицеры, меньше всего думавшие о благе края. Как известно, «служить» на «окраины» часто отправлялись лица с очень подозрительными целями — искатели легкой наживы и быстрого продвижения в чинах. Эти люди, как правило, были попавшие в опалу генералы и офицеры, проворовавшиеся интенданты и чиновники. В системе военно-административного управления процветали взятки, грабеж, насилие, обман, надувательство, интриги. Еще генерал Ермолов,

⁵¹ Там же, стр. 38.

⁵² Ал. Гарсеванов. Указ. статья.

⁵³ М. Селезнев. Указ. соч., стр. 188, 201.

⁵⁴ ГЦИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 258, л. л. 1—8.

⁵⁵ ССКГ, IV, стр. 27.

вскоре после своего назначения на Кавказ в 1816 г., дал такой отзыв о чиновниках в Грузии в донесении начальнику Главного штаба: «И доньше, если и приезжают в Грузию чиновники, то, конечно, большею частью такие, которые по ограниченным способностям и дурному поведению нигде уже в России не могли найти себе места. Вся цель их состоит только в том, чтобы, воспользовавшись определенным пособием, иметь возможность удовлетворить порочным своим наклонностям»⁵⁶.

Сенаторы Кутаисов и Мечников, производившие ревизию управления Грузией в 1830—1831 гг., сообщали, что приставы управляют не как чиновники от правительства, но как помещики своими поместьями⁵⁷. Генерал Филипсон, вспоминая об этом периоде своей службы на Кавказе, писал, что последний в то время являлся «убежищем и сборным местом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения»⁵⁸.

В 1864 г., при упразднении владательства и введении русского управления в Абхазии, Святополк-Мирский протестовал против учреждения здесь участковых управлений, считая их просто вредными, так как на должность участковых начальников, по его словам, нельзя было найти людей достойных, и места эти обыкновенно замещались или взяточниками, или людьми совершенно неспособными⁵⁹.

Эти военные и гражданские чиновники, действия которых носили характер преступного самоуправства и безграничного произвола, разумеется, ни в коем случае не представляли Россию, а являлись отбросами царской бюрократии. Они не имели ничего общего с русским народом, который сам от них тяжело страдал.

Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1866 г. заключал: теперь же стало слышно, что население Абхазии недовольно своими управителями, «находя, что они несоразмерно строги». Далее он писал еще более определенно: «Всего грустнее мне, что твои, Саша (Александр II.— Г. Д.), опасения оказываются основательными: мы сами виноваты в случившемся! Но только не ради злоупотреблений низших властей, а ради их ошибок и бестактности. Князь Мирский пишет, что, по-видимому, главная причина восстания заключалась в неосторожных действиях чиновника (убитого!), посланного собирать сведения о холопах и подвластных, и в недостаточном умении покойного окружного начальника направлять его деятельность»⁶⁰.

То же самое писал наместник в донесении военному министру Д. А. Милютину. «Что касается до обстоятельств,— читаем мы в рапорте от 19 августа 1866 г.,— побудивших весь Бзыбский округ восстать, то можно полагать с уверенностью, что они заключаются в ошибках лиц, пострадавших в этой катастрофе (Коньяр, Измайлов, Черепов и др.— Г. Д.), не умевших применить к обы-

⁵⁶ АКАК, т. VI, ч. 1, стр. 45.

⁵⁷ Там же, т. VIII, ч. I, стр. 41.

⁵⁸ Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», 1883 г., кн. 6, стр. 285.

⁵⁹ ЦГИАГ, ф. 416, д. XXVI, л. л. 81—83.

⁶⁰ ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., л. л. 29—33.

чаем и понятиям народа. Еще сильнее подтверждает это поведение жителей в двух других округах, в которых окружные начальники держали себя с большою осмотрительностью»⁶¹. «Грустнее всего, что мы сами виноваты бунту!», — восклицал наместник и в письме Д. А. Милютину от 10 августа 1866 г.⁶²

Посетив Сухум, наместник в дополнение к упомянутому выше письму на имя Александра II, излагая ему же о том, «что видел в Сухуме и какие вынес оттуда впечатления», писал 21 августа 1866 г.: «Нет сомнения, что главнейшей причиной восстания были неосторожные действия лиц, которым поручено было собирание сведений по крестьянскому вопросу, несчастные поплатились за то жизнью! Думаю теперь даже, что ради... абхазцев, недавнего введения у них нашего правления, еще вполне не организованного и не окрепшего, вовсе не следовало теперь же затрагивать в Абхазии столь щекотливого и сложного вопроса; мы поторопились...»⁶³

Стремление наместника объяснить возникновение восстания в основном «ошибками» представителей местной власти и свалить на них всю ответственность и, таким образом, затушевать главные причины, обусловившие движение, — совершенно очевидно⁶⁴. Но то, что им было сказано при характеристике деятельности этой власти, является фактически признанием действительного положения.

Даже царский генерал Гейман признавал, что «во главе управления были люди, которых народ возненавидел, и довольно было только придрки, чтобы вспыхнуть волнению»⁶⁵. Совершив же поездку по Абхазии после назначения его начальником отдела в 1867 г., Гейман о своих общих впечатлениях писал, что в период управления краем царского начальства «мы заботились о том, чтобы поселить полное недоверие к нам» в населении.

Для подтверждения своего вывода ген. Гейман приводил следующие факты. Когда Самурзаканская Абхазия перешла в российское управление, то «явился пристав и четыре участковых начальника, которые под шумок очень набивали карман. С уничтожением приставства бывший окружной начальник подполковник Кишельский, хотя, как известный человек, не пользовался достоянием народным, но неумением обращаться окончательно навел омерзение... Все это и было причиной крайней бедности этого края, богатого всеми дарами природы»⁶⁶. Что же касается утверждения Геймана о том, что в последнее время дело идет хорошо, то оно имело целью затушевать печальную картину того, что творилось здесь в это «последнее время».

⁶¹ ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., 1866 г., оп. 258/908, д. 54, л.л. 28—30.

⁶² Рукописное отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютин, шифр 1424/2 (переписка с вел. кн. Михаилом Николаевичем), л.л. 188—189.

⁶³ ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 34—37.

⁶⁴ Эта установка была воспринята историком С. Эсадзе.

⁶⁵ Письмо ген. Геймана гр. Евдокимову от 20 октября 1866 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

⁶⁶ Докладная записка ген. Геймана от 16 октября 1867 г. об осмотре Сухумского отдела. ЦГИАГ, ф. 545, 1867 г., д. 252, л.л. 1—2.

Г. М. Шервашидзе в статье «Так ли пишется история», опубликованной в газете «Закавказье» от 6 июня 1910 г.⁶⁷, сообщал ряд фактов, свидетелем которых он был, о надменном отношении чиновников и офицеров к местному населению, предварительно заметив: «...Насколько чиновники не только не изучали обычаев старины, но не руководствовались даже общечеловеческой этикой, сейчас вам доложу». Однажды, отдавая приказание сельскому старшине, чиновник Черепов сказал: «Значит, завтра, к вечеру, я у вас буду,— собери кого нужно, чтобы встретили.— Да, мне придется у вас переночевать, прикажите там дивчатам хорошенько вымыться, и старых рож чтобы не было!»

У старшины блеснул в глазах зловещий огонь, но он удержался и только ответил: «У нас всегда все хорошо умыты, но вас не ждут». С этими словами он ушел. Так как разговор этот происходил при мне, то я заметил г. Черепову, что таким языком говорить с ними не следует, и что напрасно он это делает. «Ничего»,— ответил он, смеясь,— «надо их понемножку цивилизовать».

На следующий день, когда г. Черепов поехал в деревню, то ни в один дом его не впустили, и сход к нему не собрался. Ему пришлось возвращаться в 10 часов ночи верхом с одним чапаром. Раздеваясь спать, возмущенный, он ругался. «Погодите, подлещи, я вам покажу, как над русским чиновником издеваться»⁶⁸.

Следственная комиссия и кн. Мирский утверждали, что Черепов еще во время работы комиссии Понсэ стал ненавистным абхазскому населению. Начальник Кавказского горского управления Старосельский при всем своем стремлении оправдать деятельность Черепова вынужден был заявить, что последний «действовал неблагоприятно на абхазское население»⁶⁹.

О вызывающем поведении Черепова писал и К. Д. Мачавариани, о чем он мог знать не только на основании официальных материалов, но и со слов своего отца, очевидца событий 1866 года в Абхазии — миссионера Давида Мачавариани. Правда, он явно преувеличивал роль этого чиновника, что видно из следующих его слов: «Вся вина лежит на чиновнике Черепове, который, не ознакомившись с правами, обычаями и нуждами населения, пожелал сразу ввести в действие все предложенные им свои проекты. Он издевался даже над князьями и дворянами, угрожая, что едва ли они будут причислены к привилегированным сословиям. Издевался и над представительницами женского пола, задевая самые священные чувства населения. И вот, когда изрубили Черепова, абхазцы с своей стороны прибегли к тому же издевательствам над его трупом»⁷⁰.

И. д. начальника Бзыбского округа Измайлов требовал на

⁶⁷ Статья Г. М. Шервашидзе была написана в ответ на очерк Ал. Гарсеванова «Страница из недавнего прошлого Абхазии», опубликованного в той же газете «Закавказье» от 23—24 апреля 1910 г.

⁶⁸ Г. Шервашидзе. Указ. статья.

⁶⁹ ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784 л.л. 165—199.

⁷⁰ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухуми и Сухумскому округу. Сухум. 1913, стр. 296.

одном из сходов в поле, чтобы ему отвечали снимая шапку. Один из присутствовавших, по фамилии Мканба, ответил: «Мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измайлова мы еще не знаем». За такой ответ Мканба был арестован и сидел в Сухумской крепости несколько месяцев. Когда в связи с подготовкой реформы крестьяне пришли к Измайлову с просьбой разъяснить им сущность предполагаемой меры, окружной начальник ответил: «Освобождою вас, бараны, от тех, кому вы принадлежите». «Безтактные выходы в таком роде случались часто и производили на население удручающее впечатление». Они «вызывали в народе глухой ропот и недовольство»⁷¹.

А. Н. Дьячков-Тарасов также указывал, что Измайлов был не только не администратор, но человек, «с пренебрежением относившийся к абхазцам: последние не имели к нему ни малейшего доверия, боялись его»⁷².

Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. так отзывался об Измайлове и Черепове: «...Как бывший начальник Бзыбского округа капитан Синсоков, так и исправлявший эту должность З. А. Измайлов не обладали достаточными качествами для внушения народонаселению доверия и приобретения нравственного влияния... Чиновник Черепов, назначенный в Бзыбский округ для собирания сведений, был человек грубый, заносчивый и неосторожный в своих речах и поступках»⁷³.

В цитированной выше речи О. Шамба достаточно обстоятельно была охарактеризована деятельность самого и. д. начальника отдела полк. В. Коньяра, сменившего ген. Шатилова и бывшего до этого начальником штаба Кутаисского генерал-губернаторства⁷⁴. Ввиду важности этой части речи крестьянина Шамба, смело произнесенной им перед Коньяром, для общей оценки деятельности царских властей в крае мы приведем ее целиком из показания Г. Ткецишвили, непосредственно переводившего речь оратора. Он начал с напоминания того факта, что в 1864 г. правительство нашло нужным удалить М. Шервашидзе из Абхазии и ввести непосредственное русское управление. При этом от имени казказского наместника населению было объявлено о том, что правительство будет к последнему милостиво и благосостояние его будет возрастать. «Но,— сказал Шамба,— со вступлением вашим, т. е. полковника Коньяра в управление Абхазиею, вы давите и притесняете нас. Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малейшие наши проступки. Такие взыскания не могут быть налагаемы даже на образованных людей внутри самой России..., и едва ли там народ стерпел бы это, тем более мы не можем этого, мы — народ необразованный и незнакомый с законами русскими и непонимающий взгляда правительства на различные роды преступ-

⁷¹ Г. Шервашидзе. Так пишется история. «Закавказье», 6 июня 1910 г., № 126.

⁷² А. Н. Дьячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии, стр. 184.

⁷³ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

⁷⁴ Список полковникам по старшинству. Спб., 1865, стр. 335.

ления. Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением и мы не в силах больше терпеть»⁷⁵.

Иванов, о котором сообщает Езуг Герия⁷⁶, во время расследования причин восстания, выступая в качестве свидетеля, разоблачал деятельность представителей царской администрации в Абхазии. Он заявил, что чиновники вели себя весьма грубо, не считаясь с привычками, нравами и обычаями населения; шли напролом, проводя важные мероприятия. В 1868 г. А. В. Пахомов с возмущением писал: «Я сам русский и мне обидно, что наше же русское начальство восстанавливает против нас и против себя все туземное население своими в высшей степени непрактическими распоряжениями»⁷⁷.

Было бы неправильно, однако, думать, что весь аппарат угнетения состоял из одних русских. Такая постановка вопроса неизбежно приведет к идеализации борьбы феодалов, как это свойственно дворянским буржуазным историкам-националистам. От поведения бездушных царских чиновников и офицеров не отличалась и деятельность местных князей и дворян, одетых в офицерские мундиры и служивших самодержавию не за страх, а за совесть. Поэтому крестьяне, в сущности, не дифференцировали свое отношение к тем и другим.

Крестьяне Абхазии страдали от двойного гнета: от своих помещиков и от произвола, насилий и злоупотреблений новой царской власти, от которой оно ждало облегчения своего положения.

Поведение представителей власти в Абхазии, были ли они царскими офицерами и чиновниками, или местными князьями и дворянами, вызывало возмущение широких масс населения. Но это вовсе не означало, что последнее всегда и во всех случаях выступало против русского управления вообще и в принципе. Напротив, с введением нового управления крестьяне связывали надежду на большие перемены в их жизни в лучшую сторону. Кроме того, население подчас выступало в защиту того или иного представителя администрации, если он в его глазах зарекомендовал себя более или менее положительно.

Такой факт имел место, например, в 1868 г. в Бзыбской Абхазии, в том самом районе, где за два года до того вспыхнуло восстание. На место убитого во время восстания и. д. начальника Бзыбского округа Измайлова был прислан майор Д. Чавчавадзе. Нового окружного начальника здесь совершенно не знали. Но его скоро начали уважать. Однако именно за это его возненавидел новый начальник Сухумского военного отдела ген. Гейман. Против Д. Чавчавадзе были начаты интриги, чтобы заменить его человеком более «твердой руки».

Узнав об этом, население заступилось за Чавчавадзе. До нас дошло заявление жителей сел Бзыбской Абхазии на имя ген. Геймана по этому поводу. В этом прошении указывалось, что благо-

⁷⁵ Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/808, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. л. 32—47.

⁷⁶ См. введение к настоящей работе, стр. 13—14.

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 384.

царя Чавчавадзе сложили оружие те лица, которые стояли за продолжение бесцельной кровопролитной борьбы после окончательного поражения восстания, а также было предотвращено массовое выселение. Кроме того, Чавчавадзе возбудил ходатайство перед высшим начальством о смягчении участи населения после совершения им восстания, постоянно разъяснял крестьянам смысл происходивших событий. Бзыбцы просили оставить Чавчавадзе начальником округа еще на два года, пока не окончены «великие дела, а именно крестьянский вопрос, княжество и дворянство и юземельные права...»

Интересно также привести следующее место цитированного прошения: «Но если позволите сказать правду, и прежнее возмущение произошло (из-за) таковых же интриг; но и ныне не перестают, назначаются такие помощники в наш округ, что... напрогиву своего начальника передают нам, что если начальник наш был бы хорош, дело решалось бы иначе и лучше, и подобные отзывы помощников настаивают выдумать и подать в сомнение, но отчего назначают таких помощников; должно полагать, что сами помощники домогаются получить место начальника, и потому не перестают возмущать народ, что нас беспокоит сильно и также служащие в канцелярии выдумывают ложь»...⁷⁸

Чавчавадзе все же был заменен. Но впоследствии, во время русско-турецкой войны 1877—1878 г., когда в Абхазии создалась весьма трудная обстановка, кавказское начальство решило командировать сюда подполк. Чавчавадзе, как человека, который управлял округом «и имеет там много связей». «Никто,— писал Святополк-Мирский генералу Кравченко,— более его неспособен прислать наиболее верных лазутчиков и вообще склонить туземцев на нашу сторону. Кроме того, он храбр и распорядителен»⁷⁹.

Указанное выше заявление населения Бзыбской Абхазии, с одной стороны, определенно свидетельствует о царистских настроениях его составителей, об их классовой ограниченности вообще, но с другой — совершенно ясно указывает на возмущение населения деятельностью большинства царских администраторов, отмечает благожелательное отношение к тем чиновникам, которые в той или иной мере шли навстречу населению.

В этой связи следует еще вспомнить сообщение о фельдшере Иванове, выступившем во время расследования причин восстания в защиту повстанцев и с разоблачением деятельности грубых администраторов. За этот справедливый поступок впоследствии крестьяне настаивали, чтобы Иванову был выделен участок земли на территории Бамбора.

Абхазские крестьяне выступали против России царской, против которой неустанно боролся и там русский народ; против той России, которая в 1864 г. организовала позорную «гражданскую казнь» великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского, а двумя годами раньше заточила замечательного русско-

⁷⁸ ЦИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1868 г., д. 324, л. л. 5—10.

⁷⁹ Климан. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг., на Кавказско-Малоазиатском театре, т. V, Тифлис, 1909, приложения., стр. 158.

го публициста и критика Д. И. Писарева в Петропавловскую крепость; против того правительства, которое А. И. Герцен в «Колоколе» назвал «шайкой разбойников и негодяев».

Именно поэтому Чернышевский и Герцен поддерживали освободительную борьбу народов Российской империи против царизма.

* * *

Недовольство масс вызывалось также деятельностью российской официальной церкви — верного орудия колониальной политики царизма, призванной привести население к «повиновению» императору. В 1851 г. в Абхазии были учреждены духовная миссия и архиерейская кафедра, состоявшая в ведении русского Синода через посредство Кавказского экзархата⁸⁰. Кавказский наместник кн. Воронцов, настаивая на немедленной организации Абхазской архиерейской кафедры, писал в своем отношении на имя Чернышева от 26 марта 1851 г.: «Отлагательство, однако, будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для христианства вообще, и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих... горах и плоскостях всегда должны получать от распространения нашей веры...»⁸¹

Однако методы и цель достижения этих «великих успехов», вопреки официальным утверждениям, не могли, конечно, обеспечить их. С другой стороны, эти методы и задачи церкви, как и вся система действий и цели царизма, мешали действительно великому прогрессивному делу тесного сближения местного населения с русским народом, жизненная необходимость которого была продиктована самой историей.

Святополк-Мирский так характеризовал деятельность миссионеров и результаты этой деятельности: «По недостатку у нас нравственных элементов для такой деятельности все наши попытки в этом деле имеют какой-то характер, смею сказать, недостойный такой высокой и священной цели, и поэтому вместо успеха возбуждают часто лишь справедливые нарекания и ненависть. В Абхазии по этому вопросу случилось и существует то же, что и везде»⁸². Генерал Гейман также писал, что в Абхазии начали «чуть не насильственно вводить христианство»⁸³, в другом месте: «само введение христианства, вследствие неосторожных приемов, придало некоторый вид будто бы насилия»⁸⁴. И в отчете «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1865 г. мы читаем о «содействии некоторых внешних мер» в деле проповеди православия в Абхазии. И Гейман, и названное Общество слишком явно смягчали действительное положение, но характерно и сказанное ими.

⁸⁰ АКАК, т. X, ч. II, стр. 899.

⁸¹ Там же, ч. I, стр. 231.

⁸² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

Не лестно отзывался о деятельности «распространителей христианства» также автор статьи «Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии». Он указывал, что духовенство добивалось перенесения практики дачи присяги населения исключительно в церковь, в результате чего акт присяги превратило в источник своего значительного дохода. Например, в Лыхнинской церкви, сообщал этот автор, все присягающие платят от 20 до 30 коп. с человека, «деньги эти поступают в бесконтрольное распоряжение священника». И далее: «Толпы праздношатающихся нашли возможным изыскать из частого применения присяги к решению дел свою пользу, и образовались целые артели, готовые за известную плату подтвердить присягою какое угодно показание. Местное духовенство, признавая этот порядок вещей самым выгодным для своего кармана, открыло конкуренцию, сбавляя плату за принятие присяги и доказывая преимущественную святость одного храма перед другим. В последнее время Лыхнинский и Илорский храмы занимали самые почетные места и ежедневно в них приносилась присяга десятками людей»⁸⁵.

К чему приводила такая практика? На этот вопрос автор давал следующий ответ: «Неуважение к присяге ведет за собою неуважение и к тому месту, где она принимается. Какое значение имеют в настоящее время наши храмы в глазах абхазцев, трудно решить, но утвердительно можно сказать, что прежнее безотчетное уважение к ним рассеялось». Так, в 1866 г. в Лыхнинской церкви происходила перестрелка с казаками, «тогда как, по понятиям также абхазцев, всякий прибегнувший под защиту храма делается неприкосновенным»; в 1867 г. дважды было сделано нападение на церковь в с. Аацы и «покушаются сделать то же самое в церквях селений Лыхны и Илори»⁸⁶.

90-летний старик (в 1914 г.), дурипшский крестьянин Антон Гуатас-ипа об алчности священников говорил следующее: «Пользуясь темнотой нашей, стали они изощряться, как бы извлечь от нас доход, казенного жалованья им было мало. Некоторые из них попридумали, например, что будто если на грудь покойника не будет положено 3 руб. для священника, то и отпевать усопшего нельзя...»⁸⁷.

Показательно было то, что верными помощниками миссионеров являлись те же абхазские князья и дворяне. Епископ Имеретии и временно управляющий Абхазской епархией Гавриил в «Обозрении абхазских и самурзаканских приходов за 1869 г.» по поводу своей проповеди в с. Ешера писал: «Убеждал простой народ последовать примеру своих помещиков, говоря, что верно они лучше их понимают это дело». В с. Мазихва кн. Александр Инал-ипа перед епископом произнес речь, в которой хвалил последнего и «благодарил за наставление»⁸⁸. Тот же епископ в обозрении

⁸⁵ Отчет Общества восстановления православного христианства за 1865. Тифлис, 1866, стр. 4.

⁸⁶ ССКГ, IV, стр. 40—41.

⁸⁷ Журн. «Сотрудн. Закавказской миссии». Сухум, 1914 г., № 1, стр. 13—16.

⁸⁸ ЦГИАГ, ф. 545, 1869 г., оп. 3, д. 314, л.л. 198—251.

церквей края за 1870 г. с благодарностью отмечал, что успехами, например, в селах Гуп и Члоу он был обязан, главным образом, князьям Мсоусту Маршания и Салыбею Анчабадзе⁸⁹.

За помощь «миссионерскому делу» княгиня К. Шервашидзе получила крест «Общества восстановления христианства». В 1871 г. 17 князей и дворян Абхазии «за особые услуги», оказанные ими названному Обществу, были награждены знаками, установленными для его членов 4-го разряда, без внесения членского взноса⁹⁰. Среди них был очемчирский дворянин Ислам Баркалая, построивший церковь в с. Члоу; строительство обошлось ему свыше 900 руб.⁹¹

Надо сказать, что антирусские элементы, в частности, турецкие агенты, стремившиеся воспользоваться каждой ошибкой русских властей вообще, старались использовать указанное выше неблагоприятное поведение отдельных церковников.

2

К характеристике положения в Абхазии непосредственно накануне восстания 1866 г. надо еще прибавить факты неурожая и эпидемических заболеваний. 1864 год ознаменовался неурожаем кукурузы — главной пищи населения края, вследствие чего, например, в 1865 г. до нового урожая, т. е. до осени, чувствовался острый недостаток в хлебе. Вместе с тем, разразилась болезнь винограда, почти уничтожившая весь урожай⁹². Кроме того, вспыхнула эпидемия оспы.

* * *

В определении положения членов владетельского дома, по признанию Мирского, произошло «большое замедление», что вызывало недовольство со стороны князей Шервашидзе⁹³.

В июле 1866 г. состоялись торжественные похороны бывшего владельца Абхазии в Моквском храме, в фамильном склепе князей Шервашидзе (Чачба). Наместник Кавказа в письме Александру II от 21 августа 1866 г. писал, что у многих из «влиятельных лиц», недовольных «переменой правления в Абхазии», «похороны покойного владельца и бытность налицо многих членов его дома оживили воспоминания и сожаления о прошедшем»⁹⁴. Они послужили поводом «к крайнему раздражению вражды между членами Шервашидзевского дома»⁹⁵. Об этом обстоятельстве можно найти све-

⁸⁹ «Кавказ», 1870 г., №№ 133 и 139.

⁹⁰ Выписка из журнала Кавказского комитета от 5 октября 1871 г. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 16, д. 111, 1871 г., л. 4.

⁹¹ Отношение наместника Кавказа пред. Кавказского комитета от 25 июня 1871 г. ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 16, д. 111, 1871, л.л. 1—2.

⁹² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 76, л.л. 180—198.

⁹³ Там же, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 159 об.—160.

⁹⁴ ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., л.л. 34—37.

⁹⁵ Рап. кутаисск. ген-губерн. главнокомандующему Кавк. арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

дения и в докладе кутаисского генерал-губернатора наместнику Кавказа от 10 октября 1866 г.⁹⁶

Но при этом и наместник, и генерал-губернатор подчеркивали второстепенный характер указанного факта среди непосредственных причин восстания: в первом случае он называется побочной причиной, во втором — способствовавшей. В этой связи небезынтересно привести сообщение наместника Кавказа (март 1864 г.) о том, что М. Шервашидзе покровительствовал князьям и дворянам, чинившим хищничества, грабежи и убийства, благодаря чему «народ страдает, но не может ничего сделать вопреки власти, подержанной русской (царской.— Г. Д.) силой, от этого-то она ненавидит и своего владельца» и его покровителей⁹⁷.

3

В такой общей обстановке в июле 1866 г. в Абхазию прибыла новая комиссия в составе: майора кн. Сулхана Баратова (председатель), капитан-лейтенанта Корганова и титулярного советника Черепова. В задачу этой комиссии входил сбор сведений «о порядках землевладения», об отношениях между лицами разных сословий в каждом отдельном селении и затем систематическая обработка собранных ею данных, на основании чего можно было бы приступить к «разрешению той запутанности, которая поныне заметна в этого рода делах и которой никакие другие меры не в состоянии устранить». При этом командированным лицам было вменено в обязанность объяснить крестьянам, что правительство приступает только к разрешению вопроса об освобождении от личной зависимости, но не освобождает их и что они по-прежнему должны пока отбывать владельцам обычные повинности «и за нарушение своих обязанностей к владельцам будут подвергаемы еще большим против прежнего взысканиям»⁹⁸, комиссии предлагалось «объявлять подведомственным крепостным, чтобы они не надеялись при освобождении на пособие правительства для выкупа своих повинностей»⁹⁹.

В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция» писал: «...Пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения... «Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники... «Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой»¹⁰⁰.

Именно потому, что эту реформу проводили крепостники-помещики, «пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим гра-

⁹⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 246, л.л. 34—48.

⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 416, д. XXVI, л.л. 29—34.

⁹⁸ Там же, оп. 3, 1866 г., д. 1013.

⁹⁹ Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94—95.

бежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними!»¹⁰¹.

При том большом разнообразии и сложности, порой запутанности вопроса о крестьянских категориях, степени и формах их зависимости от владельцев, определявшимися в сущности лишь одними нормами обычного права, а не письменными кодексами, комиссии Сулхана Баратова, как и предыдущей комиссии ген. Понсэ, разумеется, было нелегко справиться с указанной задачей. А абхазские феодалы еще больше осложняли вопрос, стремясь расширить свои права и, следовательно, претензии к правительству при проведении реформы.

Крестьяне, естественно, оказывали сопротивление подобному стремлению своих господ. Борьба эта, проходившая через всю историю подготовки и проведения крестьянской реформы в Абхазии, являлась неразрывной частью той общей борьбы, которая вызвалась крепостническим характером проектируемой реформы. С тем и другим было связано и восстание абхазского крестьянства в 1866 г.

Наместник Кавказа в своем письме Александру II в июле 1863 г. писал: «Весьма часто крестьяне отказываются исполнять те повинности, которые издавна исполняли по обычаю их отцы и предки... Можно предполагать, что крестьяне от нетерпения получить свободу позволяют себе теперь подобные домогательства, к тому же мой приезд вложил в их умы надежду, что немедленно будут освобождены. В то же время бывают и такие нередкие случаи, где помещики, предвидя приближение срока разрешения крестьянского вопроса, хотят воспользоваться последним временем, чтобы присвоить себе от крестьян как можно более и, так сказать, выжать из них последний сок»¹⁰².

Крестьянство Абхазии достаточно хорошо представляло сущность реформы. Оно не могло не знать, что в тех частях Грузии, где реформа уже была проведена, значительная часть крестьян осталась без земли. В самом деле, если до реформы крестьянство в Восточной Грузии владело землей в количестве 84.665 десят., то после реформы в его распоряжении осталось всего лишь 55.679 десят., т. е. у него отрезали 28.986 десят., что составляло около двух пятых всего крестьянского надела. Впоследствии наместник Кавказа кн. Воронцов-Дашков в своей записке на имя царя вынужден был признать, что «отмена крепостного права в пределах Закавказья, а особенно в Грузии, была проведена на условиях, особенно льготных для помещиков и невыгодных для крестьян, причем правительство... увеличило земельные повинности крестьян в пользу помещиков выше существующей в крепостное время нормы»¹⁰³.

В «Краткой записке о сословно-поземельных отношениях в

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 94—95.

¹⁰² ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 607, л. л. 26 об.— 27.

¹⁰³ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-дьюдьянта графа Воронцова-Дашкова (СПБ), 1807, стр. 88.

Абхазии» недвусмысленно подчеркивалось, что в последнее время среди крестьян зарождались опасения «относительно крайне неблагоприятной и стеснительной для них поземельной реформы...»¹⁰⁴ На лыхнинском сходе 26 июля 1866 г. крестьянский оратор О. Шамба ясно заявил: «Как мы слышали, разрешение крестьянского вопроса идет постепенно, сначала в (Восточной) Грузии, потом в Имеретии и Грузии»¹⁰⁵.

А. В. Пахомов в одном из своих писем И. К. Багратион-Мухранскому в 1868 г., между прочим, указывал, что представители местной феодальной знати дают Сухумской сословно-поземельной комиссии ложные показания, «врут они немилосердно». Но «их выдают их же собственные крестьяне, которые очень хорошо понимают, что они нисколько не выиграют, если их теперешние господа будут богаче землею»¹⁰⁶.

Крестьяне вполне понимали, что царское правительство, проводя реформу, и в Абхазии будет придерживаться своего принципа: «освобождая» крестьян, отрежет от них лучшие земли, заставит уплачивать помещикам огромный выкуп и, тем самым, вынудит крестьян снова идти в кабалу к помещику в качестве арендатора или батрака.

Наместник Кавказа по поводу проведения крестьянской реформы в Абхазии писал: «...Необходимо совершить прекращение личной зависимости при полном, по возможности, возмещении тех потерь, которые понесут владельцы с освобождением их зависимых»¹⁰⁷.

Вместе с тем, проведение земельной реформы в Абхазии рассматривалось как один из элементов прочного приобщения Абхазии к российской государственности. Ярким выразителем точки зрения, что разрешение земельного вопроса облегчит подчинение края российскому управлению, был полк. Коньяр. Он хотя и подчеркивал, что необходимо установить размер вознаграждения «высших сословий за теряемые ими преимущества», но с презрением относился к местному населению и в силу этого считал унижительным приравнение к русскому дворянству абхазских помещиков, в поддержке которых царское правительство уже не нуждалось. Вследствие этого, а также в колонизационных целях Коньяр начал отрицать право на землю не только у крестьян, но и у князей и дворян. «Никто в Абхазии,— писал он,— не может быть признан землевладельцем, вся земля составляет собственность государства, которое вправе распорядиться ею полновластно по своему усмотрению и согласно с видами своими». При этом Коньяр вполне сознавал, что «если бы мы вздумали разрешить поземельный вопрос на этих основаниях, то, без сомнения, возбудили бы общий ропот и подвергли бы себя обвинению в несправедли-

¹⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 51 об.

¹⁰⁵ Показання Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 364.

¹⁰⁷ Цит. по статье А. В. Фадеева «Крестьянская «реформа» в Абхазии». «Известия АН СССР», 1935 г., № 7, стр. 639.

ности, в своекорыстных и угнетательных намерениях». Вместе с тем, Коньяр предлагал обложить податью поголовно все население одновременно с проведением реформы¹⁰⁸. Эта точка зрения, направленная к известному ослаблению значения и влияния высшего сословия, между прочим, была несколько противоположна намерениям предшественника Коньяра — ген. Шатилова, стремившегося с помощью абхазских феодалов «создать спокойствие в крае».

Святополк-Мирский также не разделял полностью взгляда полк. Коньяра «на право поземельной собственности в Абхазии», считая его крайним¹⁰⁹, и указывал, что первоочередной задачей является только собирание сведений¹¹⁰.

Уже после подавления восстания наместник Кавказа, старавшийся ответственность за события переложить на местных администраторов и изобразить их действительно преступную деятельность, как главную причину восстания, признавал обращение с князьями и дворянами Абхазии неправильным, подчеркивая, что «по делу крестьянской реформы» местные чиновники «позволяли изыскивать заранее неуместные толкования по своему личному взгляду на этот вопрос», тогда как их задача должна была ограничиться только собиранием предварительных сведений. Генерал Гейман также отмечал, что царские власти «хотели сразу сломить, начали притеснять князей и дворян»¹¹¹.

Однако точка зрения полк. Коньяра, которую С. Эсадзе называл «новым направлением»¹¹², была принята. Это обстоятельство по сути дела и вызвало отставку ген. Шатилова, система действий которого не была одобрена¹¹³, хотя впоследствии именно Коньяр был объявлен одним из виновников возмущения. Это делалось для собственной перестраховки, чтобы свалить на убитого полковника всю ответственность за события в Абхазии, столь серьезно встревожившие царское правительство. Таким образом, было решено провести реформу не только за счет дальнейшего закабаления крестьянства, но и за счет уменьшения политического влияния абхазских феодалов.

Это было вызвано и политическими, и фискальными интересами, стремлением к сохранению в руках государства максимума земель в качестве определенного колонизационного фонда. После введения в Абхазии русского управления правительство уже не столь нуждалось в поддержке местной знати. В «Записке» по 3 отделению Кавказского горского управления по вопросу об определении личных и поземельных прав населения Абхазии, относящейся к 1867 г., мы читаем по этому поводу: «Некоторые абхаз-

¹⁰⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л.л. 15—23.

¹⁰⁹ Там же, л.л. 9—14.

¹¹⁰ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

¹¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

¹¹² С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 267.

¹¹³ Святополк-Мирский признавал, что «взгляд его (Шатилова.— Г. Д.) не был согласен с принятой системой, и он получил другое назначение». (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784. л. 162 об.).

ские роды заявляют претензии на права дворянские, на исключительное перед остальным населением положение. Подобные голословные заявления лет за 20 или 30, может быть, и имели бы силу, и в различных административных видах за ними, быть может, укрепились претендуемые права; в настоящее время нам предстоит другая задача, мы свободны от этих административных взглядов..., нет надобности заискивать расположением лиц, причисляющих себя к высшему сословию и тем самым заявляющих как бы о влиянии своем на народ: владычество русских достаточно утвердилось, чтобы обойтись без этих мер...»¹¹⁴

«Новый курс», которым руководствовались члены комиссии майора Баратова в своей практической деятельности, еще сильнее активизировал дворянскую оппозицию, недовольную «вследствие потери своих интересов, утраченных вместе с удалением владельца»¹¹⁵. Крестьянская реформа ставила дворян перед неблагоприятной для них перспективой потери значительной части земель и доходов. Кроме того, была охвачена тревогой и та часть феодалов, которая находилась в стороне от этой оппозиционной группы. Святополк-Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. совершенно ясно делил феодальную оппозицию на две части: «Одни,— писал он,— более преданные в политическом отношении, желая соблюсти свои выгоды, хотели затруднить и замедлить освобождение крестьян и подвластных; другие, желающие по вражде к нам или фанатизму переселиться в Турцию, давно искали средства увлечь туда за собою своих подвластных и полагали достигнуть этого производством в народе беспорядков»¹¹⁶.

Именно благодаря политической и классовой близорукости царских администраторов некоторые князья и дворяне приняли участие в восстании. Правда, как известно, в действительности реформа и в Абхазии была проведена в интересах помещиков, последние получили крупные надельные участки¹¹⁷ и 400 тыс. рублей от казны в виде единовременного пособия. Но в 1866 г. они имели некоторые основания опасаться реформы. Наместник Кавказа в письме Александру II от 5 августа 1866 г. недвусмысленно говорил о неудовольствии тех лиц, «которые опасаются отмены холопства и подвластных (крестьянский вопрос)»¹¹⁸. Так, гагрские князья и дворяне были охвачены тревогой, что «у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распоряжение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию»¹¹⁹.

Святополк-Мирский подчеркивал тот факт, что участие представителей высшего сословия в восстании в той степени, в какой

¹¹⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л.л. 41—90.

¹¹⁵ Письмо наместника Кавказа военному министру от 10 августа 1866 г., ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., д. 54, л.л. 28—30.

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

¹¹⁷ Например, князья Шервашидзе в разное время получили: сыновья последнего владельца Георгий и Михаил — 1.700 десят., Георгий Дмитриевич — 6.000 десят., Самсон и Прокопий — 4.125 десят. и т. д.

¹¹⁸ ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., л.л. 29—33.

¹¹⁹ Рапорт воин. нач-ка укр. Гагр. кутаис. ген.-губерн. от 4 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 86 об.

роль дворянства и совершенно искажали роль крестьян, характер выступления последних, рассматривая это выступление как роковое заблуждение, в которое крестьянство будто было введено дворянской оппозицией, так как движение крестьян было направлено против правительства, якобы «заботившегося» об его освобождении¹²⁰. На самом же деле возмущение крестьянства было закономерным ответом на антикрестьянскую и антинародную политику царизма и местных помещиков. Наиболее сознательные крестьяне понимали истинный смысл «критики» реформы со стороны дворянской оппозиции. А. Н. Дьячков-Тарасов писал: «Между некоторыми анхаю нашлись умные люди, критически относившиеся к слухам о русских реформах в Абхазии и мало доверявшие рассказам абхазских дворян»¹²¹.

Вместе с тем, сами феодалы не могли не учитывать решающую причину волнения крестьянской массы — грабительские условия реформы. Коньяр уже в рапорте от 23 июля 1866 г. на имя Мирского указывал, что когда «влиятельные» лица различных сословий, владевшие крепостными, предположили, что освобождение крестьян не может произойти за счет вознаграждения от казны, они начали убеждать крестьян: налагая выкуп на них самих, правительство не только не улучшает их положение, но даже отягощает, так как независимо от выкупа они, взамен настоящих повинностей, будут платить государственную повинность¹²².

Интересно также отметить, что князя Шервашидзе впоследствии, в «Объяснительной записке по делу о наследстве князей Шервашидзе — Абхазских», писали: «В действительности же, как позднее оказалось, поводом к возникновению беспорядков в 1866 году послужило неумело и бестактно вводимый в то время манифест об освобождении крестьян в Абхазии...; при этом грубое и распущенное отношение к населению начальствующих мелких чинов (участкового начальника, канцелярских писцов, урядников и пр.) вызвали народное волнение»¹²³.

Крестьян особенно волновали сведения о выкупе своих земель у помещиков, тех земель, которые были расчищены самими крестьянами и издавна считались их собственностью. «По случаю «освобождения», — писал В. И. Ленин, — крестьян заставляли «выкупать» их собственные земли...»¹²⁴. Впоследствии, в 1867 г., когда вновь было приступлено к подготовке крестьянской реформы в Абхазии, в Сухумскую сословно-поземельную комиссию, учрежден-

¹²⁰ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160 об.; С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 269.

¹²¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 186.

¹²² ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 116.

¹²³ Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владельца Абхазии, стр. 92.

¹²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

ную в том же году для этой цели, «стали поступать претензии зависимых людей, заявлявших свои права и на земли, занятые помещиками; «они, земледельцы, являются исконными поселенцами, а помещики лишь силой захватили власть как над землями, так и над людьми»¹²⁵.

В архивах сохранились документы, содержащие многочисленные факты из истории борьбы между крестьянами и феодалами накануне реформы. Крестьяне категорически выступали против всякого намерения заставить их откупиться. Так, когда в 1867 г. начальник Окумского округа майор Щелкачев в с. Бедия объявил, что все крестьяне должны выкупиться от зависимости, анхаю заявили, что им «нет надобности выкупаться, потому что земля и без того им принадлежит»¹²⁶.

Недовольство крестьян еще больше усилилось, когда они узнали, что в инструкции комиссии Баратова не проводилось никакой разницы в положении анхаю и других категорий крестьян.

Разочарование крестьян, за которым последовало открытое выступление, логически вытекавшие из «крепостнического способа» проведения реформы, были одними из звеньев данного явления в общероссийском масштабе. Здесь, как и повсюду, вполне были применимы слова Александра II, сказанные еще летом 1858 г. в ответ министру внутренних дел С. С. Ланскому на поданную им записку по поводу проекта назначения временных генерал-губернаторов: «Кто может поручиться, что когда новое положение будет приводиться в исполнение и народ увидит, что ожидания его, т. е. что свобода по его разумению не сбылась, не настанет и для него минута разочарования?»¹²⁷.

Некоторые из представителей царской военной администрации на Кавказе не только связывали восстание 1866 г. с фактом проведения крестьянской реформы и характером этой реформы, но и рассматривали его как звено в общей цепи борьбы крестьянства против грабительской сущности реформы, развернувшейся в тех областях края, где реформа не была еще проведена и шла подготовка к ее осуществлению, и, вместе с тем, указывали на значение восстания 1866 г. в Абхазии в деле усиления этой общей борьбы.

В одном документе, являющемся, по-видимому, приложением к докладу и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами есаула Ротова от 22 июля 1867 г., мы читаем: «И помещикам и крестьянам стало ясно, что крестьянская реформа, охватившая их (горцев Кубанской области.— Г. Д.) со всех сторон, неизбежно коснется и их. Последствия такого сознания не замедлили обнаружиться: крестьяне, рассчитывая на свое близкое освобождение, стали оказывать неповиновение владельцам и не желали исполнять свои прежние повинности... Самые тревожные слухи для помещиков и крестьян приносились то из Кабарды,

¹²⁵ С. Авалиани. Указ. соч., т. II, стр. 74.

¹²⁶ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. л. 117—120.

¹²⁷ Цит. по сб. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», ч. I и II, изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 3.

крестьяне предрешали вопрос в свою пользу, помещики в свою. Это напряженное состояние дошло до крайних пределов в июле прошлого года (1866 г.— Г. Д.), когда в Кабарде начались работы по собиранию сведений о зависимых сословиях, с гласною целию освобождения крестьян, а в Сухумском отделе разразилась катастрофа возмущением некоторой части населения Абхазии. В это тревожное время все отношение начальства было направлено лишь к удержанию крестьян в прежних повиновениях, а владельцев от резких заявлений против крестьянской реформы»¹²⁸. Есаул Ротов признавал, что и нельзя было ожидать от массы крестьян благодарности за реформу, «которая ставит их в самое тяжелое положение...»¹²⁹

В обстановке мощного восстания в Абхазии и сочувственного отношения к нему со стороны крестьянства соседних областей царская администрация вынуждена была даже приостановить работу по подготовке проведения грабительской реформы в ряде районов Кавказского края и перейти к методу «психологической подготовки» крестьян к этой реформе. Так, и. д. помощника начальника Кубанской области подполк. Дукмасов в секретном письме начальнику Зеленчукского округа подполк. Калиновичу от 28 июня 1866 г. сообщил о вспыхнувшем в Абхазии восстании «весьма серьезного свойства» и давал указания по предотвращению распространения этого восстания в смежных с Абхазией районах, предписывая: «Сообщенное вам, секретно, распоряжение о собирании сведений по крестьянскому вопросу не приводите в исполнение¹³⁰, ограничившись составлением списков, впредь до особого распоряжения. Подтвердите им, что освобождение крестьян непременно состоится, но не теперь,— владельцам нужно время, чтобы устроиться. Крестьянам внушите, что об них не забыли, но что правительство, заботясь об них, не может обидеть владельцев. Принимайте самые энергические меры к удержанию крестьян от своелюбия...»¹³¹.

Таким образом, крестьянство Абхазии выступало не против реформы, а против крепостнического характера данной реформы, против выкупа, обезземеливания, против господства помещичьего землевладения, а также против самодержавного деспотизма. Вот коренные причины, определившие и время возникновения, и характер, и масштабы восстания 1866 г.

¹²⁸ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 593, л. л. 6—8.

¹²⁹ Там же, л. 2.

¹³⁰ В феврале 1866 г. начальник Кавказского горского управления разослал начальникам Терской и Кубанской областей предписание «о сборе необходимых сведений о зависимых сословиях в Терской и Кубанской областях». При этом прилагалась программа сбора сведений. Начальники округов приступили к сбору сведений по этой программе.

¹³¹ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л. л. 5—5 об.

ГЛАВА II

ХОД, ХАРАКТЕР И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ

Члены комиссии майора Баратова, приехавшие в Сухум 10 июля 1866 г., немедленно приступили к работе, направившись в разные районы Абхазии. Баратов отправился по селам Сухумского округа и Абжуйской Абхазии, Корганов — в Цебельду, Черепову был поручен сбор сведений по Бзыбскому округу, с которым он был знаком еще по своей работе в составе комиссии ген. Понсэ. В помощь Черепову были назначены и. д. начальника Бзыбского округа Измайлов и «народные судьи» дворянин Титу Маргания (Маан) и анхаю Камхаз Хагба¹.

Деятельность свою в Абхазии Черепов² начал 15 июля³ в с. Пицунда, где к тому времени, по распоряжению Измайлова, были созданы жители названного села. Черепов произнес речь. Он повторил наставление полк. Коньяра о том, что прислан высшим начальством для того, чтобы объявить о намерении правительства произвести «освобождение» зависимого сословия, но для этого предварительно необходимо собрать сведения о размере повинностей зависимых сословий помещикам для определения меры выкупа крестьян от владельцев. «Выкуп же должен упасть не на счет казны, а на счет выкупаемых»⁴. Далее Черепов «что-то темное и непонятно сказал насчет ахашала, так что было заметно всем, что он скрывает что-то и не высказывает вполне истину» и т. д.⁵.

¹ В следственном деле фамилия дана в сокращенном и несколько искаженном виде — Хак, вместо Хаг (Хагба).

² А. П. Черепов являлся одним из столоначальников в Департаменте государственных имуществ главного управления наместника Кавказа.

³ Рапорт Коньяра кутаис. ген.-губернатору от 23 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 218.

⁴ С. Эсадзе и некоторые другие авторы ошибочно пишут 17 июля, а в документе «Из следственного дела» указывается 14 июля.

⁵ В инструкции Кавказского горского управления, данной комиссии Баратова, говорилось: «Вам (членам названной комиссии.— Г. Д.) следует объяснить, что выкуп личной зависимости агырва, а также выкуп повинностей анхае никаким образом не будет принят на счет казны, а будет предоставлен собственным их средствам, на основании указанных правительством правил». (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013 л. 1 об.)

⁵ Из следствен. дела. ЦГИАГ, ф. 545, д. 2784, л.л. 230—231.

После этого состоялись выборы по одному депутату от каждого села. Черепов выслушал их. Когда же дело дошло до помещельного права, он начал обвинять крестьян в ложности сообщаемых ими сведений. Черепов заявил, что он сам хорошо знает отношения между подвластными и владельцами, обычаи, нравы и семейный быт абхазского народа и «даже все подноготное от первой до последней туземной женщины»⁶. Вместе с тем, Черепов начал отвергать права всех владельцев на землю, утверждая, что они не помещики, а только ахылапшю⁷; грубо выражался по адресу князей Инал-ипа⁸.

Этот момент подчеркивал и Г. Ткецишвили. «В этом разговоре,— писал он,— чиновник Черепов употреблял, кроме общих оскорбительных выражений, и частные для князей Иналиповых. Так, например, он говорил, что Иналиповы вовсе не князья, а потомки ахылапшю, народный старшина, который был выбран их предками старшиною, а теперь присваивают над ними помещичью власть и княжеское достоинство; что слово Инал значит кузнец и предки Иналиповых были не что иное как простые кузнецы»⁹. При этом Черепов завел спор даже с членами комиссии.

Князья Инал-ипа демонстративно ушли домой, но просили, чтобы показания были сняты с их подвластных крестьян. Измайлов вынужден был убеждать Черепова «не оскорблять князей, собирать сведения миролюбивым путем, но г. Черепов настойчиво, не изменяя своих грубых манер, требовал от окружного начальника, чтобы он принял принудительные меры и заставил население дать требуемые сведения». Однако Измайлов на это не решился и один уехал в с. Лыхны, в окружное управление. Крестьяне, узнав условия предполагаемого «освобождения» и рассматривая такое «освобождение» за выкуп, как «величайшее для себя бедствие»¹⁰, также отказались давать сведения и, заявив об этом Черепову, разошлись по домам¹¹. Рассерженный Черепов уехал к начальнику Пицундского укрепления кап. Воронову, сказав, что он у последнего соберет нужные ему сведения.

В следственном деле говорится, что «это несогласие и раздор, поселив недоверие и неуважение (к) комиссии, послужили как бы причиной или поводом неисполнения народом дальнейших ее требований»¹². Мирский даже полагал, что, несмотря «на скопление стольких элементов неудовольствия и волнения», восстание в Абхазии не вспыхнуло бы, если бы не случайность назначения для собиранья сведений в Бзыбской Абхазии чиновника Черепова, «нена-

⁶ Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/948, аз. ч. 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

⁷ Ахылапшю (ахылапшю) — в данном случае означает «покровитель».

⁸ Из следствен. дела, л. 231.

⁹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

¹⁰ Г. В. Хачапуридзе. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. Сб. Ф. Е. Махарадзе и Г. В. Хачапуридзе «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии». Жур.— газ. объединение, (М), 1932, стр. 70.

¹¹ Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

¹² Из следственного дела, л. 231—231 об.

вистного народу по прежним действиям, в бытность членом комиссии генерала Понсэ... В других частях отдела собрание сведений не встретило сопротивления, только в Бзыбском округе все фатально соединилось для ужасной катастрофы»¹³.

Майор Баратов в рапорте Кавказскому горскому управлению от 29 июля 1866 г. сообщал, что 17 июля он прибыл в с. Ачапара, а затем последовательно переезжал в селения Тхина, Члоу, Джгерда и 25 числа прибыл в Адзюбжа, собрав сведения у более $\frac{1}{3}$ числа жителей округа. Дача сведений со стороны жителей шла «без малейшего сопротивления»¹⁴. Нечего, конечно, доказывать что кутаисский генерал-губернатор Мирский преувеличивал роль Черепова в возникновении восстания. Но не приходится отрицать и значения этого факта.

Между тем, известие о том, что пицундские крестьяне отказались дать показания, и слухи о причинах этого отказа «распространялись по всему Бзыбскому округу»¹⁵.

18 июля в с. Калдахвара собрались жители Мчишьнырцв¹⁶ — территории между р. Бзыбь и р. Мшичь¹⁷. Но крестьяне «единогласно и положительно» отказались отвечать на предложенные комиссией вопросы, утверждая, что они не могут этого сделать отдельно от других селений Бзыбской Абхазии, так как «имеют истари данный обет и присягу ни на какие важные вопросы не давать ответов одной общине отдельно от других». Все усилили Черепова и князей Инал-ипа склонить крестьян на дачу ответов не увенчались успехом¹⁸.

Измайлов в тот же день, 18 июля, по поводу указанного события доносил полк. Коньяру следующее: жители Мчишьнырцв хотя «собрались в м. Калдахвара, но положительно отказались дать какие-либо показания на месте, прося позволить им выполнить все от них требуемое в Лыхны при окружном управлении, объясняя: при бывшем владетеле все анхаве присягою условились во всех важных делах собираться в Лыхны. При неоднократных убеждениях моих жители Мчиш Нырц оставались при своем желании, несмотря даже на то, что я предупреждал их — ежели они не дадут показаний на месте, то за такое слушание, быть может, правительство освободит их агыруа и ахашал без всякого вознаграждения. О вышеизложенном доношу вашему высокоблагородию (и) прошу снабдить предписанием, какие я должен при-

¹³ Рапорт кутаис. ген.-губернат. главнокомандующему Кавк. арм. от 13 октября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 16.

¹⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л. 12.

¹⁵ Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

¹⁶ Мчишьнырцв — буквально: по ту сторону р. Мчишь (Мчышь); эта речка впоследствии русскими была названа еще «Черной речкой».

¹⁷ На территории Мчишьнырцв были расположены следующие селения: Калдахвара, Блабурхва, Бармышь, Апцхва, Мгудзырхва, Маанихва, Шлара, Папца и Чаабалурхва.

¹⁸ Рапорт Измайлова Коньяру от 18 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 5.

нять меры, чтобы заставить жителей дать требуемые показания»¹⁹.

19 июля отказались дать сведения также крестьяне селений Апцхва, Мгудзырхва и Чаабалурхва, куда прибыла комиссия²⁰.

Уже после схода жителей Мчишьнырцв Измайлов пришел к заключению, что «подобное упорство» крестьян он встретит «в большей части населения Бзыбского округа». В связи с этим начальник округа 19 июля написал очередной рапорт на имя полк. Коньяра, документ очень важный с точки зрения выяснения главной непосредственной причины восстания. «Ежели верить дошедшим до меня слухам,— писал Измайлов,— причина (сопротивления крестьян.— Г. Д.) следующая: так как все зависимое сословие, согласно инструкции, предупреждается о том, что выкуп будет произведен на их счет, то они признали за лучшее не соглашаться на те требования, с которыми к ним обратятся, и объясняли себе так: «сначала заставят нас откупиться от самих владельцев, а потом обложат податью казны и тогда не будет уже возможности освободиться». Измайлов еще раз подчеркивал, что «сопротивление выказано и будет выказываться» со стороны анхаю и агыруа.

Что же касается князей и дворян, то Измайлов лишь допускал, что, «наверное, можно думать, что тавады и аамыста участники этого дела»²¹. Коньяр же, как мы видели в рапорте его на имя кутаисского генерал-губернатора от 23 июля 1866 г., указывал, что вообще владельцы крепостных в крайнем случае рассчитывали, что их крестьяне будут освобождены не иначе, как с вознаграждением помещиков от казны.

То, что Измайлов по слухам знал и предполагал о причинах недовольства крестьян, в тот же день, 19 июля, он воочию услышал на сходе жителей Апцхва, Мгудзырхва и Чаабалурхва. Здесь один из крестьян прямо заявил: «Не намерены получать свободу выкупом на свой собственный счет и согласны считать себя государственными крестьянами, если государство на их выкуп употребит свое добро»²². Полк. Коньяр в рапорте от 23 июля также писал, что в некоторых (следовательно, в нескольких) селениях было заявлено, что у зависимых сословий нет желания выкупать самих себя, и что если правительство хочет освободить их, то оно само обязано принять на себя и выкуп.

Еще более ясно прозвучали мотивы выступления крестьян в устах их выборного О. Шамба, который в своей речи 26 июля заявил: «Мы не понимаем такого освобождения крестьян, как вы нам объявляете. У нас нет собственных средств выкупиться от помещиков, как вы нам предлагаете... Если правительству угодно освободить крестьян от помещиков, то мы надеемся, что государь будет к нам милостив, обратит внимание на нашу бедность, выку-

¹⁹ Там же.

²⁰ То же от 20 июля. Там же, л. 6; Из следствен. дела, л. 232.

²¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784. л. 7.

²² Из следственного дела, л. 232.

пит нас крестьян, а наших помещиков не оставит без вознаграждения от себя, а не из нашей собственности»²³.

В противном случае крестьяне просили отсрочить или даже и вовсе отложить проведение реформы. Это, разумеется, не означало выступление крестьянской массы против реформы в принципе, тем более в угоду помещикам. Здесь имело место своеобразное проявление борьбы против крепостнического характера подготавливавшейся реформы. Вообще же, как уже отмечалось, отношение крестьянства к реформе было положительным. Комиссия, образованная для рассмотрения проектов инструкций по поземельному устройству населения Абхазии, на своем заседании 10 марта 1883 г. констатировала, что известие о реформе вдохновило население, усилилась его заинтересованность в хозяйственной деятельности: «стремление к новым расчисткам (земель от леса.— Г. Д.) и перенесению усадебных мест» ближе к полевым угодьям «обнаружилось особенно в это время»²⁴. С 1866 г., «предвидя скорое проведение... реформы в крае, каждый из жителей... старался захватить как можно более земли»²⁵.

Полк. Коньяр в цитированном рапорте от 23 июля 1866 г. подчеркивал, что «влиятельные» лица разных сословий, владеющие крепостными людьми, увидев ошибочность своего расчета в отношении освобождения крестьян с вознаграждением помещиков от казны, начали убеждать крестьян, что, «налагая выкуп на них самих, правительство не только не улучшает их положение, но даже отягощает его, так как независимо от выкупа они, взамен настоящих повинностей, будут платить государственную подать»²⁶. Князь Мирский также писал о том, что представители высшего сословия выставляли перед крестьянством «предпринимаемую правительственную меру, как в высшей степени стеснительную и несправедливую»²⁷.

Как известно, впоследствии крестьянская реформа в Абхазии проводилась в таком духе, что выкупались не земля, а лишь повинности. В 1866 же году вопрос ставился о том и другом, и эта постановка вопроса сразу вызвала недовольство крестьян, которые к тому же требовали произвести выкупную операцию за счет государства.

При этом крестьяне наивно не верили, что император и его наместник предполагали «освободить» их так, как это предлагали полк. Коньяр и члены комиссии. «Откровенно должны сказать вам,— заявлял О. Шамба,— что мы не верим, что государь император и великий князь наместник кавказский соизволили освободить крестьян в Абхазии таким образом, как вы нам предлагаете. Мы подозреваем, что вы сами повели так это дело, чтобы заслу-

²³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

²⁴ ЦГИАГ, ф. 231, 1882 г., оп. 2, д. 49, л. 105.

²⁵ Рапорт пред. Сухумской сословно-поземельной комиссии Введенского от 30 декабря 1882 г. начальнику Кавказского военно-народного управления. Там же, л.л. 62—62 об.

²⁶ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 116.

²⁷ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

жить внимание высшего начальства»²⁸. Поэтому крестьяне пытались произвести давление на местную администрацию, чтобы заставить ее «стать» на правительственный путь разрешения этого вопроса.

Более того, крестьяне, «желая добиться истины, чтобы знать, как следует поступать» на своих собраниях, решили избрать депутатов и командировать их в Тифлис, «чтобы из уст великого князя наместника узнать эту истину, и, в свою очередь, объяснить древние права обитателей Абхазии»²⁹. Однако Коньяр и Черепов сочли поездку в Тифлис недоверием к себе, и депутации во главе с ешерским крестьянином О. Шамба было отказано в разрешении выехать по назначению. Полк. Коньяр обещал сам приехать на сход населения Бзыбской Абхазии и выслушать его требования для передачи их наместнику. Между прочим, Георгий Шервашидзе впоследствии писал по этому поводу: «На наш взгляд, этот последний отказ со стороны полковника Коньяра был фатальной ошибкой»³⁰.

Тем временем дворянская оппозиция, мечтавшая извлечь из назревавшего движения свои личные выгоды, начала активно действовать. Протурецко настроенные абхазские феодалы пытались даже провоцировать новые осложнения между Россией и Турцией. Некоторые из них были связаны и с англофранцузской агентурой. Так, Хасан Маргания (Маан), сын которого принимал участие в восстании, в Трапезунде и в Батуме вел какие-то переговоры не только с турецкими пашами, но и с французским консулом в Трапезунде.

Об этом сообщал русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин, внимательно следивший за деятельностью Х. Маргания³¹, хотя и не ручался за точность этих сведений, оговариваясь: «по слухам», «полагают», «будто бы», «как сообщают» и т. д. Мошнин замечал: «Все эти слухи заслуживают некоторого вероятия, особенно если мы припомним отправку к нашим пределам французских инженеров, чтобы привести наскоро в порядок укрепления Карса и Баязида». Приведем и следующие слова консула: «Хасан Морган (Маргания.— Г. Д.) сейчас прислал ко мне узнать о подробностях и причинах восстания»³². При этом оказывается, что Хасан Маргания беспокоился по поводу выселения его зависимых крестьян, «без которых он не может здесь жить и которых будто наше правительство не выпускает»; он вообще «рассчи-

²⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

²⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 186.

³⁰ Г. Шервашидзе. Так пишется история. Газ. «Закавказье». 6 июня 1910 г., № 126.

³¹ Донесение Мошниина в императорскую миссию от 1 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 50—51; Письмо Мошниина Старосельскому от 3 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 92—93.

³² Донесение Мошниина в императорскую миссию от 1 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 50—51.

тывал», что восстание примет благожелательный для него характер и размер³³.

Агитация протурецких элементов среди абхазских крестьян не только не имела успеха, но была встречена ими враждебно. Крестьян не могла, конечно, воодушевить перспектива подпасть под ярмо султанской Турции.

Между тем события в Бзыбской Абхазии развивались своим чередом. После неудачи, постигшей Черепова, Измайлов решил собрать жителей с. Дурипш. Он рассуждал так: «Если в этом селении, где насчитывается до 400 дворов, будут даны удовлетворительные ответы, то везде пойдет хорошо, тогда раскроется вся истина — почему произошло между народом такое недоразумение»³⁴. При этом Измайлов указывал, что и с. Дурипш было «сговорено воедино с остальными», но все успокоилось благодаря действиям тамошнего дворянина Соломона Лакрба³⁵. По словам Г. Ткецишвили, Измайлов и Черепов полагали поправить дело перенесением своего местопребывания в другое селение, и поэтому приступили к собираню сведений в с. Дурипш.

Встревоженный событиями, полк. Коньяр в сопровождении переводчика Г. Ткецишвили 21 июля отправился в Бзыбскую Абхазию. В с. Лыхны ему было сообщено, что во всем округе заметно сильное волнение, за исключением с. Дурипш. Коньяр тотчас же направился в это последнее селение, где был созван сход (около 300 чел.). Коньяр произнес речь, в которой также пытался изложить основы готовившейся реформы³⁶. «Выкуп,— говорил он,— должен быть из собственности зависимых сословий, переоцененной из натуральных повинностей на деньги, но когда этот выкуп следует с соизволения государя императора, это ему неизвестно, однако как бы велика или мала ни была выкупная сумма, она будет с рассрочкою, так что правительство не допустит народ разориться»³⁷. (Подчеркнуто мною.— Г. Д.). Затем он потребовал, чтобы крестьяне дали чиновнику Черепову все требуемые сведения.

«К крайнему сожалению,— писал Коньяр,— заверения старшин оказались неосновательными»: собравшиеся по указанным выше соображениям заявили, что считают для себя преждевременным ставить предлагаемый вопрос³⁸, указывая при этом на Самурзаканское пристава и Мегрелию, где крестьянская реформа не была еще осуществлена. «Но если бы даже эти области были уже

³³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 92, 93; Сообщение Мошина Старосельскому от 24 августа 1866. Там же, л. 94.

Между прочим, впоследствии, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Х. Маргания играл активную роль на стороне Турции и был назначен «правителем» Сухума. (АКАК, т. XI, ч. I, стр. 49).

³⁴ Из следственного дела, л. 232.

³⁵ Рапорт Измайлова Коньяру от 20 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 8—8 об.

³⁶ Рапорт Коньяра от 23 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., д. 54, л. 218.

³⁷ Показание Г. Ткецишвили. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

³⁸ Рапорт Коньяра от 23 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 218.

заняты этим вопросом и уже освобождены в них крепостные,— говорилось далее,— то и тогда бы следовало дать некоторое время Абхазии; однако если и этого не хотело сделать начальство, то по крайней мере надобно было начать соби́рание сведений с какого-нибудь конца Абхазии, а не с середины»³⁹.

Коньяр еще раз приказал крестьянам безоговорочно представить Черепову требуемые сведения и предупредил, что «если они добровольно не дадут, то он заставит их сделать это силою оружия». При этом полковник потребовал, чтобы крепостные крестьяне — ахашвала — отделились от массы, и чтобы переписали их. Однако, жаловался Коньяр в своем рапорте на имя кутаисского генерал-губернатора от 23 июля 1866 г., «ни увещания, ни угрозы не могли заставить общину отступить» от ее требований. Более того, крестьяне, оказывая явное неповиновение, обнажили оружие, когда Коньяр потребовал выдачи одного из главных инициаторов неповиновения, который, между прочим, схватил первого попавшегося ахашвала, пытавшегося отойти и стать отдельно по указанию полковника. Но крестьяне были удержаны «дворянами и членами суда, которые заслонили собой Коньяра и разогнали народ»⁴⁰.

Коньяр поспешно удалился. В упомянутом рапорте он следующим образом объяснял этот свой поступок: «Не имея в распоряжении своей никакой вооруженной силы, кроме конвоировавших меня 12 казаков и 10-ти милиционеров, я не решился принять тут же какие-либо понудительные меры против вооруженного сборища из 300 человек, в которых я заметил явную готовность, в случае надобности, оказать сопротивление, тем более, что опасался, чрез подание однажды повода к открытой борьбе весь край может быть вовлечен в вооруженное восстание, которого мне необходимо было избежать по одному тому же, что для отпора у меня имелось в виду не более двух рот, в составе 225 человек, находящихся далеко от места действия».

По той же причине Коньяр вынужден был отказаться и от своего намерения произвести аресты в с. Дурипш в ночь с 21 на 22 июля, где населением были «приняты меры для вооруженного сопротивления». Коньяр отказался также от мысли вызвать к себе представителей селений, с целью переговорить с ними и «стараться вразумить их, а через них и все население», потому что, писал он, «с разных сторон получили достоверные сведения, что утром 22-го числа в трех пунктах округа были сборища, на которых жители приняли взаимную присягу — по требованиям начальника являться не иначе, как всем населением разом».

Считая бесполезным вести какие-либо переговоры с населением о выполнении ими требований властей, считая также рискованным прибегать к силе, Коньяр решил незамедлительно обратиться к кутаисскому генерал-губернатору с ходатайством о возможно скорой присылке в Абхазию двух батальонов и двух орудий,

³⁹ Показание Г. Ткецишвили ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

⁴⁰ Из следственного дела, л. 233.

после чего можно было бы «приступить к водворению порядка», не опасаясь неуспеха ⁴¹.

23 июля жители нескольких селений Бзыбской Абхазии, как сообщал Измайлов, «сделали народную тревогу», начавшуюся со стороны с. Дурипш. В местечке Ажымчигра (с. Лыхны) собрались жители селений Дурипш, Бгарданы, Хуап. Измайлов послал дворянина Титу Маргания узнать о цели схода. В объяснениях последнего Измайлову о причинах и требованиях схода мы имеем, несомненно, проявление стремления дворян выдвинуть частично свою программу. В данном случае это излагалось дворянином Титу Маргания и диктовалось дурипшскими дворянами Смелом Лакрба и Соулахом Маргания. Титу сообщил Измайлову, что жители выражают неудовольствие по поводу: во-первых, удаления владельца Абхазии помимо их желания; во-вторых, нежелания спросить их мнения о допущении оставить детей бывшего владельца в крае на помещичьих правах; в-третьих, стремления правительства освободить всех от зависимости. Наконец, требовали освобождения арестованных за разные проступки из лыхнинской тюрьмы. Сообщая о вышеизложенном полковнику Коньяру в рапорте от 23 июля 1866 г., Измайлов спрашивал, какие он должен принять меры, «если вся возмущающаяся толпа решится напасть на гауптвахту, чтобы освободить арестованных, т. е. следует ли сопротивляться, несмотря на ничтожную сравнительно с жителями округа силу (50 казаков), за исключением больных и командированных, или же, во избежание потери, как только толпа (начнет) требовать освобождения арестантов и бросится на гауптвахту, часовым отступить без всякого сопротивления» ⁴².

23-го же июля в Сухум выехал и Черепов и доложил Коньяру о том, что ему не дают никаких сведений. В тот же день правителя канцелярии начальника Сухумского военного отдела майора К. Красницкого отправили к кутаисскому генерал-губернатору с рапортом об отказе крестьян Бзыбского округа давать показания чиновнику Черепову. Коньяр, указывая на слабость сухумского гарнизона, просил прислать войска, о чем говорилось выше ⁴³.

Это донесение Коньяра было получено кн. Мирским 25 июля на пути из Зекерского ущелья, куда он сопровождал наместника Кавказа. Наместник определенно недооценил события в Абхазии, «так как,— рассуждал он,— никаких тревожных слухов до сих пор из Абхазии получаемо не было, и так как в конце лета, как известно, там свирепствуют лихорадки, то до осени войск отправлять туда нежелательно». Решено было послать начальника Горского управления полк. Старосельского «для разъяснения недоразумения на месте и принятия административных мер»; последний был вызван в Боржом, где 27 числа состоялось совещание с ним о предстоящей его командировке ⁴⁴. Вместе с тем, кутаисским генерал-

⁴¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 114—115.

⁴² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 120.

⁴³ Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 88.

⁴⁴ Письмо наместника Кавказа Александру II от 5 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 29—33.

губернатором с разрешения наместника было предписано Коньяру не настаивать на требованиях от жителей Бзыбской Абхазии показаний по вопросу об «освобождении» крестьян до прибытия в Абхазию «достаточной силы для прекращения великого непослушания»⁴⁵.

Между тем, по признанию самого Святополк-Мирского, события в Абхазии «устремилась быстро к страшной катастрофе»⁴⁶. По всем селам шла подготовка к созыву всеобщего схода 25 июля, чтобы «окончательно решить, что надо делать»⁴⁷. К указанному времени ожидали возвращения своих депутатов. Но последние, как было сказано, не получили разрешения со стороны начальства поехать в Тифлис. Это неожиданное возвращение представителей еще больше усилило волнение крестьян⁴⁸.

Такая тревожная обстановка сложилась в этот момент не только в одной Бзыбской Абхазии. Достаточно указать на тот факт, что в Цебельде капитан Шавров вынужден был приостановить собирание сведений по крестьянскому вопросу и приехать в Сухум, чтобы просить полк. Коньяра «дозволить не объявить жителям о способе выкупа их из зависимости»⁴⁹.

25 июля полк. Коньяр получил от кап. Измайлова очередное известие о массовом сборе населения Бзыбской Абхазии «с оружием в руках для заявления своих претензий и жалоб» на царское правительство⁵⁰.

По рапорту Измайлова, а также донесению и личному докладу Черепова о положении в Бзыбской Абхазии полк. Коньяр решил 25 июля отправиться в Лыхны. Он вызвал к себе в кабинет переводчика Г. Ткецишвили и приказал быть готовым к выезду, так как «поедет в Бзыбский округ для наказания жителей»⁵¹. Оценивая серьезность положения, Коньяр решил, во-первых, взять с собой князей Георгия и Александра Шервашидзе (сына и брата бывшего владельца) и, во-вторых, явиться на место без значительных войск. Он надеялся использовать свое личное «влияние» и присутствие абхазских князей, чтобы не только остановить начавшееся движение, но и заставить население «немедленно исполнить приказание начальства»⁵².

Отказ Коньяра от значительной охраны был рассчитан на то, чтобы «не произвести напрасную тревогу», «опасаясь придать происшествиям слишком большое значение». Между прочим, Мирский подчеркивал, что это обстоятельство не только не оправдало себя, а, напротив, способствовало восстанию, «увеличило его размеры и значение»⁵³.

⁴⁵ Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л. 88.

⁴⁶ Там же, л.л. 88—89.

⁴⁷ Из следственного дела, л. 233 об.

⁴⁸ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 185.

⁴⁹ ЦГИА, ф. 649, оп. д. 409, л.л. 37—44.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 28—30.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

⁵² Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л. 89 об.

⁵³ Там же.

Но Коньяр опасался и другого. Находившиеся в это время в Сухуме воинские части были незначительны, так как войска вели дорожные работы вне Абхазии. Следовательно, при таком настроении населения, не имея под рукой достаточных военных средств для того, чтобы «силою заставить упорствующих выполнить требования правительства», полк. Коньяр не рисковал вывести последние силы из Сухума. Поэтому он и просил кутаисского генерал-губернатора о присылке в его распоряжение 2-х батальонов, «надеясь, что присутствие их немедленно поставит население в надлежащие отношения к власти»⁵⁴.

Коньяр вместе с названными выше лицами на военной шхуне «Соук-су» 25 июля прибыл в м. Гудауты. Здесь его встретил кап. Измайлов с отрядом казаков. Измайлов доложил Коньяру о событиях в округе.

Узнав, что крестьяне собираются в с. Акваскямца, Коньяр послал Титу Маргания объявить им, чтобы они сказали, где желают объясниться, а сам отправился в с. Лыхны. Скоро к нему вернулся Титу и сообщил, что население просит отложить собрание до следующего дня. Коньяр согласился.

Между тем, переводчик Г. Ткецишвили слышал от одного человека, что толпа намерена напасть на полк. Коньяра и других этой же ночью. Но Коньяр не поверил этому сообщению.

26 июля Коньяр послал корнета кн. Толупара Анчабадзе (Ачба) с требованием, чтобы собравшиеся прибыли в с. Лыхны. Анчабадзе встретил группы крестьян, уже направлявшихся в с. Лыхны. По его словам, люди вообще были чем-то очень недовольны; каждый из них имел при себе мешочек с провизией на несколько дней и, наконец, некоторые из группы анухвцев, псырцхинцев и ешерцев (в числе которых был и молодой кн. Заурбек Дзапш-ипа) говорили: «Полковник все-таки не исполнит наших требований, между тем на объяснение с ним потребуется много времени; не лучше ли, когда подойдем к дому владельца, прямо напасть на него?» Корнет Анчабадзе обо всем этом немедленно доложил полк. Коньяру. Но тот и этому не придавал никакого значения, заявив: «Все это вздор; вы, кажется, испугались»⁵⁵.

Собравшиеся жители Бзыбской Абхазии расположились на окраине обширной Лыхнинской площади (Лыхнашта) в местности Ажарыца (Ажарыца). По сведениям Г. Ткецишвили, численность людей превышала 5 тыс., а по другим данным собралось более 7 тыс. человек⁵⁶. Крестьяне составляли основную массу. Люди стояли по сословиям. Почти все были вооружены.

Полковник Коньяр в сопровождении Измайлова и его адъютанта, казачьего офицера Артюхова, переводчиков Георгия Ткецишвили, Соломона Лакрба, Давида Ермолова и Толупара Анчабадзе, князей Георгия и Александра Шервашидзе, окружных судей подпоручика Титу Маргания, Шамафа Маги, Ивана Годжгиар-

⁵⁴ «Кавказ», 1 сентября 1866 г., № 68. «Восстание в Абхазии».

⁵⁵ Из следствен. дела, л.л. 234, 242

⁵⁶ Из следствен. дела, «Кавказ», 1 сентября 1866 г., № 68.

ипа и Камхаза Харба⁵⁷ явился часа в 3 дня⁵⁸ (на место, где в настоящее время находится здание средней школы). Полковника встретили сдержанно. Навстречу к нему вышли выборные (депутаты) в количестве 8 человек⁵⁹, которые должны были говорить от имени народа и передать Коньяру желание последнего. Все они были, как сообщает следственное дело, из «вольных жителей (анхаю.— Г. Д.) и крестьян» (ахою.— Г. Д.), и по словам Г. Ткецишвили, из «простого народа, т. е. подвластных». Одним из этих выборных был знаменитый оратор, ешерский крестьянин Осман Шамба, произнесший «с согласия прочих» речь, не раз цитированную нами выше. Переводчики передавали ее по частям. Г. Ткецишвили, потом и Т. Анчабадзе совершенно охрипли и не могли больше говорить; их сменил Г. Шервашидзе. Оратор же все гремел, поминутно обращаясь к сходу с вопросом: «Так ли я передал ваши мысли. Народ постоянно выражал криками одобрение и согласие»⁶⁰.

Изложив приведенное выше, Шамба просил еще раз разрешения послать депутацию к наместнику Кавказа, или, в крайнем случае, к кутаисскому генерал-губернатору.

Выступивший затем полк. Коньяр отверг одну за другой все просьбы населения, изложенные в речи О. Шамба. На заявление Коньяра, что крестьяне не будут зависеть от помещиков, дворянин Титу Маргания заметил: «Они наши рабы были и будут». Крестьянин Хучина Гагулия (Дзыбу-игба) крикнул: «Врешь. Мы землей не зависим»⁶¹. Так в ходе восстания с самого начала обнаружилось различие между истинными намерениями дворянской оппозиции и требованиями крестьянства.

Возмущение собравшихся достигло крайнего предела, когда полк. Коньяр категорически сказал: «Что же касается до ваших жалоб о строгости наказания, которым мы вас подвергаем за ваши поступки, то эти наказания будут еще больше усилены. «Вы достойны более строгих наказаний..., я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех... и если бы все абхазцы оказались... достойными наказания, то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешение выселить всех их...» Затем Коньяр потребовал немедленно исполнить приказание начальства и дать необходимые сведения чиновнику Черепову, приступив к этому делу в его же присутствии. «Если вы добровольно не исполните этого,— угрожал полковник,— я заставлю исполнить его силою. Вам будет плохо, но тогда не пеняйте на меня»⁶².

Когда полк. Коньяр кончил говорить, О. Шамба обратился к нему со следующими словами: «Нет, полковник, мы не можем исполнить вашего требования, довольно. Сердце наше переполни-

⁵⁷ Черепов и Суринович оставались во владетельском дворце.

⁵⁸ По сообщению Г. Ткецишвили, в 1 час дня, по данным же командира 3 дивизиона Кубанского казачьего войска старш. Карженского, в 2 часа дня.

⁵⁹ По показанию одних, их было 6 человек.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

⁶¹ А. Фадеев. Крестьянское восстание 1866 г. в Абхазии, стр. 123.

⁶² ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

лось терпением, мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое». При этом он произнес по-русски: «Нет, полковник, нет, полковник». Потом Шамба обратился к сходу: «Так ли? Ведь вы не соглашаетесь на требования полковника?» В ответ раздался громкий крик всего народа: «Так, мы не соглашаемся»⁶³.

Коньяр заявил, что среди населения находятся заговорщики, которые возбуждают его, и что их для спокойствия необходимо выселить из края. В ответ на это крестьяне Маф Амс-ипа и Шпагу Дзган-ипа⁶⁴ дали выстрелом сигнал к нападению на царских администраторов. По сообщению старика Кансоу Таркил, выстрелил также ажымчигрский крестьянин Кайнагу Мачич-ипа (Кобахия). Сделал выстрел и молодой князь Заурбек Дзапш-ипа. По свидетельству очевидцев, крестьяне Гыдж Отырба и Шпагу Дзган-ипа «сделали в народе тревогу, стали его волновать и стрелять»⁶⁵. Другими, кто начал призывать к выступлению, согласно тому же следственному делу, были крестьяне Ханашв Калги, Какучал-ипа, Лаз Асадзба, Зафас Чанба, Гуд Дбар, Кубзач Цахтыр-ипа.

Люди выхватили ружья из чехлов и бросились на полк. Коньяра и его свиту. «Произошло страшное смятение». Испугавшиеся князья и дворяне приняли все меры, чтобы приостановить выступление крестьян. Об этом факте говорится в следственном деле и в показании Г. Ткецишвили, а также в рапорте Мирского от 13 сентября 1866 г. «Князья и дворяне, — свидетельствовал Ткецишвили, — стоявшие впереди толпы близ Коньяра, стали между ними и народом и начали кричать народу, как будто желая спасти нас: «Что вы делаете, не губите себя», а нам говорили: «Бегите, спасайтесь, видите, как народ озлоблен на вас». В следственном деле говорится: «Народ, несмотря на действия некоторых князей, дворян и старшин, которые убеждали его не делать беспорядков и разгоняли плетями и палками, бросился за Коньяром». В рапорте Мирского говорится: «Полковник Коньяр с вышеупомянутыми лицами и под защитой некоторых лиц высшего сословия отступил в дом бывшего владельца».

Коньяр и сопровождавшие его лица направились во дворец, где «для большей безопасности» закрылись в спальне. Повстанцы успели уже дать несколько выстрелов, прежде чем Коньяр скрылся в доме Шервашидзе⁶⁶. Святополк-Мирский в письме к наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. подчеркивал: «Простой народ выхватил ружья и начал стрелять»⁶⁷. В это время кто-то из толпы потребовал освободить всех арестованных. Коньяр приказал Измайлову выдать ключ от тюрьмы (гауптвахты). Вместе с тем, он дал приказ, чтобы вообще сняли охрану и не стреляли в толпу. Казаки, охранявшие тюрьму, оставили пост и кинулись к полку. Коньяру.

Тем временем повстанцы разделились на две части. Большая

⁶³ Там же.

⁶⁴ В документе исверно, — Шбук Дзаган-ипа.

⁶⁵ Из следствен. дела, л. 243 об.

⁶⁶ Из следствен. дела, л. 242 об. — 243 об.

⁶⁷ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

часть их бросилась против сотни казаков⁶⁸, располагавшейся не-вдалеке от владетельского дома, и завязала с ней бой. Другая группа начала осаждать дворец.

Коньяр и прочие офицеры переоделись в черкески, которые сняли с себя находившиеся в комнате абхазские князья и дворяне. Затем полковник написал записку в Сухум, чтобы предупредить нападение. Характерно, что эта записка была послана через крестьянина Мусы Агрба. Ему, как крестьянину, легче было выполнить это поручение.

Вместе с тем, Коньяр решил сделать ложное сообщение о том, что будто кн. Г. Шервашидзе убит. С этой целью дворяне Шаф Маги и Камлат Маргания, а также ашнакума Муса Габлия вышли на балкон, плача и ударяя себя по лицу. Они уговаривали разгряченную массу разойтись по домам. Но этот маневр не удался. Некоторые ответили, что это небольшая беда, ведь убит же отец его. Однако толпа отхлынула назад и на некоторое время стрельба прекратилась, но скоро снова возобновилась⁶⁹. Ткецишвили свидетельствовал, что кн. Г. Шервашидзе подошел к окну и крикнул: «Что вы делаете, сумасшедшие, зачем убиваете нас»⁷⁰.

Не помогла и попытка Александра Шервашидзе уговорить крестьян. Один свидетель события рассказывал следственной комиссии, что его посылал кн. Александр уговорить крестьян, но последние его прогнали⁷¹.

О дальнейшем ходе событий существуют различные версии. По сообщению одного очевидца, кн. Г. Шервашидзе вышел из комнаты, сказав, что он пойдет успокаивать толпу; вслед за ним вышли кн. Александр и все другие князья и дворяне⁷². По показанию же Ткецишвили, толпа ворвалась в дом и, заняв две первые комнаты, начала вламываться в спальню, требуя выдачи князей Георгия и Александра и Титу Маргания, которые и были отпущены полк. Коньяром⁷³. Но следственная комиссия считала всего вероятнее, что в это время находившиеся в комнате потеряли полное присутствие духа, каждый заботился, как мог, о своем спасении, и Георгий, если и вышел без приказа Коньяра, то потому, что полковник прежде предлагал ему выйти, но его удерживали переводчики⁷⁴.

Между тем, большая часть повстанцев продолжала бой с казачьей сотней. Казаки сперва защищались на открытом месте, но потом, видя, что повстанцы превышают их численностью в несколько десятков раз, заперлись в конюшне и начали стрелять оттуда. Однако скоро повстанцы подожгли помещение, и когда пламя обняло его, казаки начали выбегать оттуда. Некоторым из них

⁶⁸ В с. Лыхны стояла 5-я сотня 3-го дивизиона Кубанского казачьего войска под командой сотника Москаленко.

⁶⁹ Из следствен. дела, л. 238.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

⁷¹ Из следствен. дела, л. 239.

⁷² Там же.

⁷³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 32—47.

⁷⁴ Из следствен. дела, л. 239.

удалось пробиться сквозь густую толпу повстанцев и укрыться в недалеко стоявшем полуразрушенном каменном доме. Оттуда казаки вечером перебрались в древнюю Лыхнинскую церковь, где засели на хорах. Во время схватки повстанцы потеряли, согласно следственному делу, около 20 человек⁷⁵. Среди них был и Алхас Маргания.

Повстанцы долго преследовали оставшихся в живых казаков, но убедившись в трудности успеха, двинулись на помощь к группе, осаждавшей дворец. Крестьянин Какучал-ипа, крикнув: «Кто молодец⁷⁶ — пойдемте», повел всех и впереди толпы поднялся на балкон. Впереди толпы, бросившейся в дом, был и крестьянин Зафас Чанба. Из дворян вместе с названными лицами шли Шмаф и Эльмурза Маргания, движимые чувством мести за убитого их брата Алхаса, «несмотря на энергичные убеждения и препятствия» со стороны их отца; был и Кизилбек Маргания. Тквач Эмухвари воскликнул: «Кто не женщина — за мной», и начал ломать дверь дворца. Скоро повстанцы ворвались в первую комнату; зная и вторую комнату, они подошли к спальне, требуя, чтобы Коньяр открыл дверь и чтобы все вышли во двор, угрожая в противном случае спалить дом⁷⁷.

Так как никто не тронулся с места, то повстанцы начали ломать дверь, но она оказалась настолько крепкой, что удалось выломать только одну ореховую квадратную доску, вставленную посередине. Через образовавшееся в двери отверстие начали стрелять в комнату. «Утомленные криками и волнением», подпоручик Суринович, Черепов и другие вышли через это отверстие и были тут же убиты. Вскоре были убиты Коньяр, Измайлов и офицер Артюхов, к которым в комнату, выломав двери, ворвалась толпа повстанцев⁷⁸.

⁷⁵ В рапорте Управления 6 корпуса жандармов паместнику Кавказа от 5 августа 1866 г. (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л. 2) указывается 80 чел., но цифра эта крайне преувеличена; к истине ближе данные следственного дела.

⁷⁶ Очевидно, «кто мужчина» (или «кто герой») — обычное восклицание у абхазцев.

⁷⁷ Из следствен. дела; Показание Г. Ткецишвили.

⁷⁸ В следственном деле и в показании Г. Ткецишвили сообщаются следующие подробности об этом событии. Суринович, по выходе из комнаты, бросился на шею дворянина Эльмурзы Маргания с просьбой спасти его. Тот под своей защитой повел было Суриновича из дому, но в это время Кизилбек Маргания оторвал его от Эльмурзы и вырвал у него шашку, а крестьянин Тапагу Чибзук-ипа выстрелил в Суриновича и убил его. Черепова же били шашками и кинжалами на балконе и на лестнице; первый удар нанесли ему шашкой крестьянин Зафас Чанба и Шмаф Маргания; сойдя вниз, израненный Черепов был настигнут крестьянином Какучал-ипа, от удара кинжала которого чиновник и упал мертвым. Тем временем были выломаны двери и в комнату, где находились Коньяр, Измайлов, Артюхов и Ермолов. Первым был убит Измайлов крестьянином Хакуцвом Ханашв-ипа, потом Артюхов. Коньяр же спрятался в камине. Д. Ермолов закрыл его собой и стал просить стоявших рядом Тыча Маргания и двух его братьев спасти полковника, обещав за это большую награду. Братья Маргания действительно заслонили Коньяра. Но в это время на пороге показался Кизилбек Маргания, имевший какую-то обиду на Ермолова, выстрелил в него, пуля, пройдя между ног последнего, ранила одного из братьев Маргания — Якуба. Ермолов и раненый были выведены из комнаты. Место Ермолова занял лыхнинский дворянин Шахан Маргания, так-

Кроме указанных лиц, были еще убиты из первой сотни седьмого Кубанского конного казачьего полка 1 сотник, 2 урядника и 52 приказных и казаков⁷⁹.

Спаслись же из названной сотни 34 человека, которые скрывались несколько дней в церкви; оттуда их вывела жена кн. Александра Шервашидзе, которая до этого посылала им провизию, привела их в Гудауты и на судне, нанятом ею же, отправила в Сухум⁸⁰. Впоследствии наместник Кавказа в своем отношении военному министру от 19 октября 1869 г., воздавая должное жене кн. Александра Шервашидзе за такой поступок, подчеркивал, что члены семьи последнего не только не принимали участия в восстании 1866 г., «но жена его даже ознаменовала себя... спасением от мятежников, в опасности для себя самой, более 30 человек наших казаков, тайно укрывавшихся в церкви в сел. Лыхны»⁸¹.

26-же июля повстанцы устроили нападение и на Гудаутскую карантинно-таможенную заставу, притом так внезапно, что надзиратель заставы, губернский секретарь Корзун, едва мог уйти на баркасе с несколькими лицами и спастись под прикрытием артиллерийского огня шхуны «Соуксу», стоявшей на рейде. Каменное здание заставы было сожжено, а ее имущество погибло⁸². Указанное военное судно в 8 часов вечера того же дня прибыло в Сухум, после чего здесь и стало известно о событиях в Бзыбской Абхазии и о предстоящем нападении на гор. Сухум⁸³.

После лыхнинского выступления кн. Александр Шервашидзе отправился в свое имение в с. Аацы, а Георгий — в с. Дурипш, в дом дворянина Джигва Лакрба. Отсюда кн. Георгий через Г. Ткецишвили послал письмо кутаисскому генерал-губернатору. В доме Д. Лакрба, как указывается в следственном деле, собрались князья и дворяне, желавшие сделать сына бывшего владельца своим руководителем. Тут же изготовили «княжеское знамя» и начали призывать население стать под ним⁸⁴.

Уже вечером 26 июля было объявлено по селениям о походе на Сухум. Мнение о том, что приказ об этом исходил от кн. Геор-

же пытавшийся спасти полковника: он предлагал за жизнь Коньяра одному из подошедших к нему повстанцев корову, буйволицу и кинжал. Но тот, опасаясь быть обманутым, стал требовать кинжал тут же немедленно, а когда и Маргания, опасаясь, как бы этим же кинжалом не был умерщвлен Коньяр, не отдал его, тот бросился на Маргания и начал силой вырывать кинжал. Во время этой схватки крестьянин Ханашв Калги из ружья произвел выстрел в Коньяра. Его примеру последовал Таго Мканба. Коньяр, раненный в ногу, выпал из камина на пол, после чего Тыч Маргания и Татал Ипал-ипа сделали в него еще два выстрела. Полк. Коньяр был убит.

⁷⁹ Рапорт командира 3 дивизиона Кубанск. казачьего войска наместнику Кавказа от 2 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 21; Письмо наместника Александру II от 21 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 24—37.

⁸⁰ Из следствен. дела, л. 237.

⁸¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 268/908, аз. ч., 1866 г., д. 47, л.л. 1—5 об.

⁸² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л.л. 3—4; ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 3.

⁸³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 268/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, оп. 258/908, л. 22; Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 101.

⁸⁴ Из следствен. дела, л.л. 254—254 об.

гия Шервашидзе, неосновательно. Во всяком случае, в следственном деле мы читаем «Было ли это приказание отдано Георгием или действовала тут партия именем его,— следствием не открыто»⁸⁵. Другим объектом нападения было выбрано Пицундское укрепление, занятие которого имело большое значение для обеспечения тыла, чтобы в дальнейшем сосредоточить все силы на штурм Сухума.

26 июля часть повстанческих отрядов, состоявшая из жителей Аачи, Анухва, Псырцха, Яштхуа и Гума, двинулась к Сухуму. Однако движение повстанцев было задержано разлившейся рекой Гумиста в результате сильного дождя. Всадники переправились через бурную реку, пешие же ушли с нижнего течения реки и направились вверх, к с. Гума. Но туда они успели только 27 июля⁸⁶.

В Сухуме были приняты экстренные меры. Помощник начальника местных войск Кутаисского генерал-губернаторства полковник фон Кульман, получив сведения о событиях в Бзыбской Абхазии в 8 часов вечера 26 июля, тотчас же принял на себя командование всеми войсками, расположенными в Сухуме, и сообщил в Кутаис о событиях в Абхазии⁸⁷. В Сухуме в это время было всего 4 некомплектных роты кавказских линейных батальонов, причем часть солдат находилась вне города, на сенокосе, а налицо было всего 2 роты под командой поручика Самойленко и капитана Леуса. Начальник гарнизона подполк. Завадский немедленно послал нарочных вызвать солдат с покосов. После этого был отдан приказ: трем стрелковым и одной линейной ротам №№ 34, 35 и 36 батальонов занять позиции на главных входах в город. Стрелковая рота была расположена близ Ботанического сада, рота Леуса — на р. Беслетке, чтобы занять на левом ее берегу дорогу из селений Абжаква и Акапа. Для защиты моста через эту реку была поставлена команда. На церковной площади был создан резерв при трех орудиях и были заняты посты в Сухумской крепости.

Орудия, стоявшие на батареях крепости, а также на военной шхуне, были обращены на дорогу от р. Гумиста на высоты, прилегающие к Сухуму. Из Баалоуской поляны (Трапедия)⁸⁸ были эвакуированы лазареты и больные (до 500 чел.) и размещены частью на судах, частью в крепости и управлении портом. **Некоторые жители города перебрались со своими семьями и имуществом в крепость и на военные судна**⁸⁹. Почти все местное насе-

⁸⁵ Из следствен. дела, л. 254 об.

⁸⁶ Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

⁸⁷ Содержание рапорта полк. Кульмана было изложено в телеграмме кн. Мирского на имя наместника Кавказа от 28 июля 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 26.

⁸⁸ Название «Баалоуская поляна» происходит от фамилии Баалоу, которая, по-видимому, проживала в этой местности. Причем, вся возвышенность, на которой расположена поляна, именовалась «Хатхуа». Название же «Трапедия» было дано русскими в первой половине XIX в., в связи с постройкой там армейских казарм.

⁸⁹ Рапорт Кульмана Мирскому от 31 июля 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 268/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 22—23; А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр 188—189.

ление города Сухума было удалено⁹⁰. Управляющий Сухумской карантинно-таможенной конторы распорядился: казенный сундук с деньгами и штемпелями, а также денежные документы передать для хранения на военный транспорт, стоявший на рейде; все прочее казенное имущество перевести в крепость, куда перешел и сам он с чиновниками⁹¹.

Вместе с тем, полк. Кульман приказал начальнику Сухумской морской станции капитану 1-го ранга Гавришеву послать транспорт «Воин» и шхуну «Редут-Кале» в Поти и Гагры для принятия находившихся там войск. Кроме того, Кульман предписал начальнику Потийской рабочей колонны прибыть немедленно в Сухум с подчиненными ему войсками, а командиру Кавказского линейного № 33 батальона — выслать из Гагр стрелковую роту и 400 молодых солдат маршевого батальона; пицундскому же воинскому начальнику было предложено принять возможные меры предосторожности на случай нападения на укрепление⁹².

27 июля, в 3 часа дня, повстанцы в числе до двух тысяч человек конницы и пехоты (по официальной версии) с боем заняв Баалоускую поляну, где были расположены войсковые казармы и лазарет, спустились в Ботанический сад, а затем, под прикрытием домов, начали двигаться к морю⁹³. Повстанцы старались охватить город с трех сторон и оттеснить стрелков. Они ставили задачу завладеть крепостью, для чего заготовили лестницы⁹⁴. Наступательные действия крестьян стрелки отражали более 10 раз штыками. В конце концов повстанцы не выдержали и отступили к центру города. Пламя пожара охватило много строений. Расположенные на Баалоуской поляне лазарет Кавказского линейного № 35 батальона, казармы № 37 батальона и др. постройки также загорелись⁹⁵. Многие из них загорелись от разорвавшихся бомб, которыми осыпала повстанцев крепостная артиллерия.

На роту Леуса также бросилась большая масса повстанцев по дороге из с. Акапы. Но, расположив удобно солдат в канавах, за пригорками и заборами огородов, Леус организовал такую оборону, что повстанцы вынуждены были отойти обратно. Собрав свои силы, они снова бросились вперед с целью прорваться в город, но снова были отбиты. Не удался и третий натиск. Безуспешно кончилась также попытка повстанцев поодиночке обойти позицию роты⁹⁶. Их все время подвергали артиллерийскому обстрелу со стороны моря и крепости.

⁹⁰ Рапорт Святополк-Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

⁹¹ Отнош. инспектора Кутаис. карантинно-таможен. окр. Филадельфина бар. Николая от 18 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л. 3.

⁹² Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г. Копия этого рапорта наместником Кавказа была послана воен. министру Милютину для доклада императору; ныне она хранится в ЦГВИА, ф. 400, оп. 268/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 22—27.

⁹³ Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л.л. 23—23 об.

⁹⁴ Т. Т. Стефанов. Михайловский крепостной пехотный батальон. Батум, 1906, стр. 321.

⁹⁵ Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 23 об.

⁹⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 189.

Наконец, двигавшиеся к крепости повстанцы также были отеснены — их обстреливали из ружей, а также из горных орудий, которые возили по улицам на руках⁹⁷. Перестрелка продолжалась в течение всего дня и ночи.

Таким образом, занять город в целом и в первую очередь крепость повстанцам не удалось. Они стали лагерем на Баалуской поляне; делились по селам, на «огни». Кроме того, повстанцами был избран Совет из четырех человек: крестьян Камгаза Хагба, Зафаса Гумба и Лаза Ладария и дворянина Шмафа Маги⁹⁸.

Другой отряд повстанцев, состоявший из 1 тыс. человек, 26 июля перерезал пути от Пицундской крепости, заняв все дороги вокруг нее. Но вечером 27 июля повстанцы разошлись, также не достигнув своей цели. Действительная причина этого факта остается невыясненной. Объяснение воинского начальника Пицундского укрепления капитана Воронова несогласием окрестных жителей «из уважения» к долговременному его знакомству с ними⁹⁹ является по меньшей мере неубедительным, особенно, если иметь в виду дальнейшие события в этом районе, о чем будет сказано ниже. Если же Воронов имел в виду некоторых помещиков, то он был прав. Так, блабурхвские феодалы Кубзач Цышв (Цышэ), Тагу и Едык Блаб с самого начала действовали вместе с царским гарнизоном указанного укрепления против повстанцев¹⁰⁰.

Одновременно с наступлением на Сухум начались волнения также в Цебельде и в Сухумском округе. Однако выступления здесь с самого начала встретили препятствия. Во-первых, некоторые князья этих районов сразу же выступили на стороне царизма. Так, дальский князь прапорщик Алмахсит¹⁰¹ (Михаил) Маршания со своим отрядом, совместно с полуротой солдат (50 чел.) Кавказского линейного № 35 батальона, начал оборонять от повстанцев Цебельдинское укрепление, засев в нем и оставив дом пристава и слободку, находившиеся вне укрепления, а также пытался отрезать путь восставшим к Сухуму.

Еще 26 июля Алмахсит находился в Сухуме, получив известие о восстании, он немедленно поскакал в Цебельду. Собрав отряд, 70 человек ввел в укрепление, а остальных поставил на позиции в окрестностях. Его примеру последовал цебельдинский князь Хирипс Маршания, отряд которого находился постоянно в сборе для обороны укрепления. Кроме того, Алмахсит Маршания снял и перевел в Цебельдинское укрепление сотню Кутапского конно-иррегулярного полка, находившуюся на постах на Военно-Сухумской дороге¹⁰². Заодно с Алмахситом действовал и его младший брат Адамур Маршания. Благодаря этим мерам повстанцы не

⁹⁷ Телеграмма Кульмана ген. Окложбио от 29 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 1085, 1866 г., д. 118, л. 7.

⁹⁸ Из следствен. дела, л. л. 255—256.

⁹⁹ Рапорт кап. Воронова в штаб Кавказ. воен. округа от 28 июля 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 14.

¹⁰⁰ Из следствен. дела, л. 262.

¹⁰¹ В документах неверно. — Алмасхит.

¹⁰² Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

смогли завладеть укреплением. Однако сообщение Цебельдинского укрепления с Сухумом было прекращено¹⁰³. Впоследствии спасенный кн. А. Маршания гарнизон ударил в тыл повстанцам.

Во-вторых, как доносил полк. Кульман, Сухумский окружной начальник майор И. Бутми де Кацман своими действиями удержал от присоединения к восставшим около двух третей населения данного округа и, собрав «милицию», главным образом из князей и дворян, первым бросился на повстанцев и задержал их¹⁰⁴. Наместник в письме императору от 21 августа 1866 г. отмечал, что в Цебельде «себя примерно вел князь Алмахсит Маршания из Дала, которого я весною окрестил в Тифлисе...» Святополк-Мирский также подчеркивал, что при нападении на Сухум 27 июля судьи и старшины Сухумского округа находились при Бутми де Кацмане и некоторые из них принимали участие в борьбе с повстанцами¹⁰⁵. Кроме того, Бутми де Кацман, систематически сообщая в Сухум сведения о намерениях повстанцев, способствовал Кульману в принятии «своевременно необходимых мер предосторожности»¹⁰⁶.

Тем не менее повстанцы на рассвете 28 июля заняли приставский дом и окружили укрепление в Цебельде. Вместе с тем часть повстанцев двинулась в сел. Герзеул, чтобы пресечь путь последним на случай их отступления к Сухуму¹⁰⁷. Начальник гарнизона¹⁰⁸ послал в лагерь повстанцев к Ширинбею Маршания человека с требованием гарантировать неприкосновенность приставского дома, на что тот ответил отказом. Причем, на просьбу Коншоква Маршания об этом же кн. Ширинбей подчеркнул, что в движении участвуют крестьянские массы и пусть «останавливают их сами» власти, которые будто бы до сих пор защищали их интересы в ущерб владельцам.

Арестованные за различные проступки и содержавшиеся в приставском доме были освобождены. Затем, несмотря на все противодействия кн. Коншоквы Маршания, повстанцы разгромили приставское управление, форштат и т. д. и начали ружейный обстрел укрепления. Из последнего отвечали ружейным и орудийным огнем¹⁰⁹. Приступы были ежедневны. В числе осажденных находился и протонерей Давид Мачавариани¹¹⁰.

Ширинбей Маршания три раза посылал Коншокву Маршания в Цебельдинское укрепление с предложениями его начальнику. Первый раз он сообщил, что если Алмахсит со своим отрядом

¹⁰³ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., стр. 324.

¹⁰⁴ Рапорт Кульмана от 31 июля 1866 г., л. л. 22 об.— 23.

¹⁰⁵ Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 102.

¹⁰⁶ Рапорт Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 23.

¹⁰⁷ Путь этот во все время событий был занят повстанцами.

¹⁰⁸ Цебельдинский пристав кап. Шавров 26 июля находился в Сухуме и не мог уже попасть в Цебельду; начальство над Цебельдинским укреплением принял флота капитан-лейт. Корганов, посланный туда для сбора сведений по крестьянскому вопросу.

¹⁰⁹ Из следствен. дела, л. л. 263—263 об.

¹¹⁰ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу, стр. 298.

выйдет из крепости и станет по одну сторону, то Ширинбей станет по другую. В противном же случае он не отвечает за действия повстанцев, которых не сможет удержать. На это начальник крепости ответил, что «преданных не выгоняет.» Второе и третье предложения имели один смысл: предлагалось начальнику укрепления вывести гарнизон, обещая конвоировать его до Сухума. Если же этого не будет сделано, подчеркивалось еще раз, Ширинбей не в силах удержать повстанцев от нападения на укрепление. При передаче этих предложений во второй раз Коншоква прибавил и от себя: в случае отказа, через два часа начнется штурм укрепления повстанцами. Начальник укрепления отверг предложения Ширинбея и чуть было не расстрелял Коншокву.

Между князьями, примкнувшими к восстанию, произошли новые разногласия. Кизилбек Маршания был недоволен тем, что указанные выше предложения были посланы от имени Ширинбея. Со своим отрядом он выделился из общей повстанческой массы. За ним Ширинбей посылал гонцов, но тот ответил, что он никогда не увидит его более. Повстанцы, подняв знамя и приготовившись к нападению, двинулись на штурм укрепления. Но артиллерийский огонь заставил их отступить назад. С наступлением же ночи цебельдинцы рассыпались по балкам, в которых скрывались до утра. На другой день, под влиянием каких-то обстоятельств, вероятно, агитации со стороны некоторых князей, повстанцы заявили, что прекращают осаду укрепления и даже выдали заложников. Но, тем не менее, дороги от Цебельды к Сухуму ими были заняты, а через некоторое время они двинулись к Сухуму.

Первые известия о событиях в Абхазии в Кутаисе были получены вечером 26 июля от полк. Кульмана. Святополк-Мирский в это время отсутствовал. Правитель военной канцелярии генерал-губернатора полк. Кутаисов, немедленно сообщая содержание донесения полк. Кульмана, указывал, что уже сделано распоряжение: послан транспорт для перевозки всех войск, находившихся на работах в Поти; в Сухум потребована из Гагр стрелковая рота и 400 солдат маршевого батальона. Далее он спрашивал, не будет ли приказано ему взять из Кутаиса две роты и отправиться с ними на компанейском пароходе, а также ускоренным маршем двинуть две или три роты из Зугдиди¹¹¹.

В Боржоме, в резиденции наместника Кавказа, первые известия о восстании в Абхазии были получены из Поти 27 июля, к моменту возвращения наместника с кн. Мирским из поездки по Кутаисской губернии. Для наместника это было большой неожиданностью. Он был очень встревожен. Еще не высохли чернила на его донесениях в адрес императора и военного министра, в которых он сообщал о «блестящих» делах, «мире и тишине» по всему краю, в частности, в Абхазии, и вдруг... «страшный бунт». В письме Александру II от 5 августа наместник писал: «Абхазское восстание меня гораздо более занимает и печалит... Ты себе можешь пред-

¹¹¹ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 3.

ставить, как эти известия нас поразили!!»¹¹² Военному министру Д. А. Милютину он также писал: «Вы себе можете представить, как я огорчен и озабочен... событиями в Абхазии»¹¹³.

Получив известие о событиях в Абхазии, наместник тотчас же командировал Мирского в Сухум «для принятия ближайших мер» к подавлению восстания и в то же время отдал приказ: направить в район восстания форсированным маршем полки 39 пехотной дивизии и 9 рот линейных батальонов, находившихся на дорожных работах в Зекарском ущелье; со стороны Кубанской области направить 2 сотни казаков Кубанского казачьего войска через Шиплипский перевал, а на всех прочих сообщениях, ведущих из Абхазии через Главный Кавказский перевал в эту область, выставить в виде кордона еще несколько сотен, чтобы не допустить повстанцев под защиту неприступной местности. От полков 19 пехотной дивизии 2 батальона и 4 горных орудия 19-й бригады были посланы «с возможной скоростью» в Новороссийск для дальнейшего отправления их морем в Сухум. Кроме того, был собран казачий отряд из 5-ти батальонов и 2-х сотен около ст. Сторожевой, назначение которого состояло в оказании содействия, в случае необходимости, войскам кутаисского генерал-губернатора, с которым он должен был войти в связь, а также в прикрытии границы Кубанской области в верховьях р. Бзыбь¹¹⁴.

Вместе с тем, 27 июля в Поти из Сухума прибыл экстренный пароход с предписанием от находившегося там помощника начальника войск в Кутаисской губернии: двум батальонам, работающим в порту, немедленно садиться на суда и со всеми боевыми принадлежностями и десятидневным провиантом отправиться в Сухум.

Между тем, абхазские крестьяне, получив подкрепление, на рассвете 28 июля «с большим ожесточением повторили нападение на Сухум»¹¹⁵. Они снова повели атаку на войска сухумского гарнизона, стараясь оттеснить их к морскому берегу. Но эта атака была отражена стрелками ружейным огнем и артиллерией — картечью. Некоторые дома войскам «приходилось брать штурмом; горцы гибли в них,— писал полк. Кульман,— но не сдавались, кроме, однако же, 3 человек, захваченных нами в одной из засад»¹¹⁶.

Повстанцы, зная, что гарнизон слаб, старались до прибытия подкрепления завладеть городом¹¹⁷. Находившиеся в крепости на четырех бастионах полевые орудия действовали бесперебойно как картечными, так и гранатными выстрелами, направленными в толпы повстанцев и в дома, в которых последние имели засады. Кроме того, корвет «Вепрь» и шхуна «Соук-су», крейсируя вдоль берега,

¹¹² Там же, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л. 29.

¹¹³ Рукописное отделение Государствен. библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютин, шифр: 1424/2, л. 188 об.

¹¹⁴ Донесение наместника Кавказа воен. министру Милютину от 9 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54.

¹¹⁵ «Кавказ» 4 (16) сентября 1866 г., № 69.

¹¹⁶ Рапорт полк. Кульмана кутаисскому генерал-губернатору от 31 июля 1866 г., л. 24 об.

¹¹⁷ Рапорт полк. Кульмана кутаисскому гсн.-губерн. от 31 июля 1866 г., л. 24 об.

обстреливали фланговые подступы к городу и повстанцев, находившихся в более отдаленных от крепости местах ¹¹⁸.

Тем временем повстанцы сожгли армейские казармы, дома на возвышенностях и много других строений и, засев в занятых домах, в том числе в доме Коньяра, постепенно продвигались к крепости.

Святополк-Мирский телеграфировал из Кутаиса наместнику последние известия из Сухума, полученные с парохода «Сестрица», прибывшего из Сухума в Поти, и сообщенные ему майором Чернявским. Половина Сухума сожжена, говорилось в этой депеше; повстанцы ждут еще подкрепления, войск очень мало, батальоны в 12 часов будут там; «из этого заключаю, что дело, очень серьезное». Вместе с тем, сообщал он далее, предписано: остальные полки 39 дивизии пустить в долину Риона до Кутаиса, чтобы по обстоятельствам отправить в Сухум. Кроме того, Мирский полагал нужным вызвать в Кутаис два дивизиона артиллерии из окрестностей Тифлиса и т. д. ¹¹⁹.

Командир винтового транспорта «Воин», капитан II ранга Ревуцкий, телеграфировал из Поти наместнику о том, что он получил от начальника Сухумской морской станции в 12 часов ночи на 28 июля предложение принять десант и отправиться в Сухум ¹²⁰. Действительно, «Воин» вошел в Сухумскую бухту в 3 часа дня 28 июля и высадил на берег весь № 37 батальон (5 рот) и 2 роты Кавказских линейных №№ 31 и 22 батальонов ¹²¹. Кавказский линейный № 37 батальон под командой подполк. Фульгина решил обойти повстанцев; колонна из 3-х рот во главе с самим Фульгиным двинулась в обход города налево, колонна из 2-х рот — направо.

Повстанцы всячески пытались приостановить движение войск, но их силы оказались недостаточными. Корреспондент газеты «Кавказ» запечатлел самоотверженный поступок одного повстанца, мужественно отбивавшегося от 10-ти солдат; «все направляемые в него пули не попадали». Взбешенный этим, поручик Гогиджанов сам с шашкой бегом бросился на повстанца. Последний быстро повернулся и столь же моментально направил ружье на атаковавшего его противника. Но... осечка. Безымянный герой упал с рассеченным черепом от шашки поручика. Крестьяне под сильным натиском войск вынуждены были оставить город ¹²². Наместник Кавказа в письме Мирскому от 3 августа 1866 г. писал: «Непостижима для меня настойчивость, с которою бунтовщики атаковали Сухум» ¹²³.

29 июля Георгий и Александр Шервашидзе прибыли в Бааловский лагерь. Князя и дворяне встретили Георгия официально-торжественно. Ему стали петь песню, в которой возвеличивали

¹¹⁸ «Кавказ» 4(16) сентября 1866 г., № 69.

¹¹⁹ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 24.

¹²⁰ Там же, д. 402, л. 1.

¹²¹ Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г.

¹²² «Кавказ», 4(16) сентября 1866 г., № 69.

¹²³ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 6.

и характеризовали его как владетельного князя, символически разведали «княжеское знамя». Таким образом, в ходе восстания наступил период, когда реакционное требование феодальной оппозиции о восстановлении владательства было провозглашено официально, как лозунг всего движения.

Но было бы неправильно думать, что крестьянские массы отныне боролись за эти реакционные идеалы князей и дворян. Напротив, как раз на этом этапе восстания произошло более глубокое размежевание между крестьянскими повстанцами и феодальной группой. Однако, конечно, было бы другой крайностью умалять значение патриархальности и классовой ограниченности крестьянской массы. Для многих крестьян знамя сына владетеля было знаменем борьбы против унетения и эксплуатации не только царскими властями, но и абхазскими феодалами, ибо владетель «господствовал» и над последними.

Следует также сказать, что сам Георгий Шервашидзе в эти дни недвусмысленно выражал мнение о ненужности и невозможности осуществления политического плана дворянской оппозиции. Известно, например, что когда Георгию пропели куплет: «Когда в тебе, князь Георгий, было четыре четверти, то русские убили твоего отца, теперь же, когда ты достиг пяти четвертей, тебе удалось отомстить русским за твоего отца», он вскочил с места и заявил: «Отец мой никогда не был убит русскими, а вы... хотите сделать меня виновником всего этого», и рассерженный вышел из толпы ¹²⁴.

29-го же июля из разных селений Бзыбской Абхазии прибыло еще несколько крестьянских отрядов. В лагерь было привезено и «народное знамя», изготовленное из красного кумача с вышитой на нем шашкой. Это знамя находилось в руках жителей селения Гума и держал его крестьянин Джигра Аюдзба. Княжеское же знамя было вручено дворянину Беслангуру Мканба ¹²⁵. В штурме Сухума участвовали крестьяне 31 селения (Калдахвара, Блбурхва, Отхара, Хуап, Мгудзырхва, Звандрипш, Эмхы, Джирхва, Чигурхва, Дурипш, Ачандара, Лыхны, Куланурхва, Аацы, Анухва, Псырхца, Ешера, Гума, Яштхуа, Цебельда (Цабал) и др.).

29 июля на Совете был разработан план штурма Сухума. Операции предполагалось провести по всем правилам. Этому должен был способствовать тот факт, что в числе находившихся здесь князей и дворян были лица, имевшие военные офицерские чины. Наступление должно было начаться на рассвете 30 июля с трех сторон. Один отряд должен был двигаться по главной улице и завладеть городом. Второй отряд, в авангарде с гумцами,— нанести удар по крепости. Между прочим, среди гумских крестьян было много бежавших сюда от своих помещиков из разных селений Абхазии незадолго до этого ¹²⁶. Абжаквцы, цебельдинцы и дру-

¹²⁴ Из следственного дела, л. 256.

¹²⁵ Из следственного дела, л.л. 256—256 об.

¹²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 479.

После поражения восстания эти крестьяне, «боясь ответственности за участие в восстании 186 года, удалились на свои места».

гие готовились ударить со стороны р. Беслетки. Отряд, действовавший в Бзыбской Абхазии, должен был занять Пицундское укрепление¹²⁷. Вместе с тем, были приняты срочные меры для снабжения повстанческих отрядов продовольствием, для чего была установлена особая подать — «ажидз» и приступлено к ее сбору¹²⁸.

Кроме того, Георгий Шервашидзе послал Халыбея Маргания в Цебельду к кн. Алмахситу Маршания с предложением — немедленно оставить защиту укрепления. Александр Шервашидзе сам ездил к Ширинбею Маршания, чтобы договориться с ним насчет наступления на Сухум. Однако кн. Алмахсит не только не согласился с требованием из повстанческого лагеря, но советовал и кн. Георгию как можно быстрее явиться в Цебельдинское укрепление, начальник которого обещает принять его ласково и быть ходатаем за него перед кутаисским генерал-губернатором. В противном случае, «он, Алмахсит, лишается в нем своего любезного молочного брата». Ширинбей же принял активное участие в организации и отправке значительного отряда. Но абжаквский князь Беслан Чабалурхва загордил этому отряду путь к Сухуми. Беслан Чабалурхва и Эдги Эристо были вызваны в лагерь. Согласно следственному делу, их вынудили согласиться принять участие в наступлении на Сухум со стороны р. Беслетки, совместно с цебельдинцами и другими.

На рассвете 30 июля, часа в 4 или 5, второй отряд повстанцев, предназначенный для занятия города, как описывает корреспондент газеты «Кавказ», «довольно стройно, рядами, со значком (знаменем.— Г. Д.)..., с военною песнью вышел из ущелья и направился по улице подгорной слободки к саду»¹²⁹. Оттуда он стремительно бросился на войска, стараясь прорваться в город. Но повстанцы наткнулись на крупные силы. Царское командование уже успело сосредоточить в Сухуме до 8 тыс. штыков и сабель с артиллерией¹³⁰. Кроме того, в это время к Сухуму двигались подкрепления, например, из Поти 30 июля была отправлена стрелковая рота, прибывшая из Озургети¹³¹, 31 июля — 9 линейных рот¹³². Заметив, что две роты начали их обходить, повстанцы бросились в шашки. Но, не выдержав напора превосходящих сил противника, они, обстреливаемые с бастионов крепости, направилась в Ботанический сад, где и закрепились.

29 июля наместник Кавказа сделал первое сообщение Александру II о событиях в Абхазии. «С прискорбием доношу, в Абхазии бунт,— телеграфировал он,— полковник Кониар с начальником округа и сотнею казаков окружены значительною толпою в Соуксу (Лыхны.— Г. Д.), сведений об их участи не имею; половина Сухума сожжена, войска туда направлены из Поти, Кутаиса, Константиновского»¹³³. В то же время наместник сообщал воен-

¹²⁷ Из следствен. дела, л.л. 258—258 об.

¹²⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 247, л.л. 13—19.

¹²⁹ «Кавказ», 8 сентября 1866 г., № 70.

¹³⁰ Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г.

¹³¹ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 27.

¹³² Там же, л. 31.

¹³³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 2.

ному министру Д. А. Милютину, что восстание в Абхазии «принимает серьезные размеры», и обещал «энергическими распоряжениями... вскоре подавить»¹³⁴.

Правительство было крайне обеспокоено положением дел в Абхазии. Оно боялось распространения восстания не только по всей Абхазии, но и по всему Кавказскому краю. Шла самая интенсивная переписка между наместником Кавказа, с одной стороны, и Александром II и военным министром Д. А. Милютиным, с другой. Император, внимательно следивший за событиями в Абхазии, систематически отвечал на официальные отношения и частные письма с Кавказа по поводу восстания. В телеграмме на имя вел. кн. Михаила Николаевича от 22 августа 1866 г. Александр II писал: «Известия из Абхазии меня крайне огорчают. Надеюсь, что все меры будут приняты для водворения порядка»¹³⁵.

Во всех областях Кавказа местным властям были сделаны сообщения о событиях в Абхазии. В одном из них, посланном во Владикавказ начальнику области, говорилось: «В Абхазии возмущение. Коньяр и бзыбский окружной начальник Измайлов убиты, часть Сухума сожжена, настоящая причина неизвестна; последний предлог — крестьянский вопрос. Стягиваются 12 батальонов с артиллерию. Князь Мирский отправился в Сухум»¹³⁶.

Повсюду принимались экстренные меры, чтобы, во-первых, мобилизовать силы на подавление восстания, и, во-вторых, предотвратить распространение движения на другие области Кавказа. В этом отношении весьма показательны письмо и. д. помощника начальника Кубанской области по управлению горцами подполк. Дукмасова начальнику Зеленчукского округа подполк. Калиновичу от 28 июля 1866 г. Сообщив о начавшемся восстании в Абхазии и о том, что из Кубанской области перевозятся морем войска для подкрепления тех частей, которые уже находились там, Дукмасов предупреждал, что соседство Зеленчукского и Эльбрусского округов и других районов с Абхазией «делает их чрезвычайно важным в настоящих обстоятельствах», и поэтому просил немедленно сообщить ему «о том действии, которое произвело на горцев вверенного вам округа (сообщение) о беспорядках в Сухуме,— известие, последовавшее за кабардинскими событиями. На будущее же время следить, чтобы в народе не распространялись свободно слухи, могущие иметь дурное значение для спокойствия края. Такие слухи нужно уметь направить таким образом, чтобы они имели вид замысла людей злонамеренных... Еще раз предупреждаю вас,— писал Дукмасов далее,— что сухумские события весьма серьезного свойства, и нужно вам озаботиться приисканием людей вполне благонадежных, на которых необходимо возложить собирание сведений о состоянии умов не только в своем округе, но и в соседних, не исключая и Кабардинского, беспокойное состояние которого может иметь весьма дурное влияние на горцев Кубанской области».

¹³⁴ Там же, ф. 38, оп. 30/286, св. 879, 1885 г., д. 12 г., л. 135.

¹³⁵ ЦГИА, ф. Зимн. дворца, 1862 г., д. 2732/а, л. 233.

¹³⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 33.

Призывая к чрезвычайной осторожности и «такту», Дукмасов рекомендовал относиться «даже шутя и с сожалением к абхазцам и мингрельцам (они тоже, кажется, возмутились)». Словом, советовал Дукмасов, необходимо принимать такие меры, «как будто бы есть достоверное известие о существовании общего заговора единственно в том убеждении, что осмотрительность никогда не может быть излишнею, ежели только она не носит характера трусости; самонадеянность же при настоящих обстоятельствах в Сухумском отделе была бы преступлением»¹³⁷.

На одно из таких писем есаул Желтоноскин из Армавира 31 июля 1866 г. отвечал, что, «сознавая всю важность» восстания в Абхазии и то, что оно легко может отозваться среди населения, готового выступить самым решительным образом, он принимает все меры «следить за настроением умов туземцев и за теми слухами, которые будут распространяться между ними»¹³⁸.

Вместе с тем, были приняты меры по занятию перевалов, прежде всего, Марухского, по которому преимущественно осуществлялась связь между Абхазией и районами Северного Кавказа. Кроме того, ставилась задача захватить скот из Абхазии, пасшийся на северном склоне Кавказского хребта, и людей, находившихся при нем. В том году на пастбище, например, между Тебердой и Марухом находилось 9 цебельдинских кошей с 12.000 баранов; лошадей было около 100 голов. С этой целью, в связи с получением начальником Кубанской области от наместника Кавказа телеграммы 1 августа 1866 г. о восстании и в Цебельде, был составлен специальный отряд (у ст. Сторожевой) под командованием подполк. П. Дукмасова, а также собрана «милиция» в Зеленчукском и Эльбрусском округах, о действиях которых речь будет идти ниже¹³⁹.

Несмотря на все это, восстание в Абхазии нашло известный отклик в ряде других районов Кавказского края и сыграло определенную роль в дальнейшем усилении борьбы крестьянства здесь в рассматриваемый период. Выше цитировался документ, в котором ясно говорится, что напряженное положение, например, в Кубанской области, вызванное подготовкой к крестьянской реформе, «дошло до крайних пределов» в июле 1866 г. в связи с восстанием в Абхазии и началом работы по собиранию сведений о зависимых сословиях в Кабарде¹⁴⁰.

Утром 30 июля в Сухум прибыл кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский. В своем рапорте на имя наместника от 13 сентября 1866 г. Мирский писал следующее о положении в Абхазии в этот момент: «Бзыбский округ и часть Сухумского (около пяти тысяч дворов) были в полном восстании. В остальной части Сухумского военного отдела власть наша уже не существовала и волнение угрожало разлиться по всей Абхазии... Всякое сухо-

¹³⁷ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л. л. 2—4.

¹³⁸ Там же, л. 9 об.

¹³⁹ Там же, л. л. 15—15 об., 91.

¹⁴⁰ Там же, д. 593, л. 8.

путное сообщение по Военно-Сухумской дороге было прекращено. Капитан-лейтенант Корганов писал из Цебельды, что если вся Абхазия восстанет, то князь Михаил Маршани не будет в состоянии удержать дальцев, и укрепление будет взято. В это время в Сухуме находилось уже 16 рот...»

Вместе с тем, он сообщил, что сделал в пути распоряжения для скорейшего движения в Сухум войск, находившихся на работах в Кутаисской губернии, и сбора «милиции» в Мегрелии и Гурии. Кроме того, встретив шхуну в районе Гудава, конвоировавшую управление Абжуйского округа и сотню казаков, следовавших по берегу моря в Мегрелию, Мирский предложил им немедленно повернуть на Окум с приказанием и. д. начальника округа есаулу Миронову — собрать «милицию» в Самурзаканской и Абжуйской Абхазии, двинуться с ними по направлению к Сухуму и заготовить дрова на Военно-Сухумской дороге для войск. О своих задачах Мирский писал: обезопасить г. Сухум, подать помощь Цебельдинскому укреплению, восстановить сообщение с Цебельдой и по Военно-Сухумской дороге и «остановить распространение восстания»¹⁴¹.

Во второй половине дня 30 июля войска под общим командованием Мирского перешли в контрнаступление. Но так как, писал корреспондент газеты «Кавказ», «абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями, то их нелегко было оттуда выбить»¹⁴². Активная перестрелка продолжалась более 4 часов и прекратилась лишь к самому вечеру¹⁴³. Корвет и шхуна обстреливали город с северной и южной сторон¹⁴⁴. Повстанцы в конце концов отступили в свой лагерь.

Группа же, которая должна была занять крепость, запоздала и, заметив указанную неудачу, не приняла боя и поспешно ушла назад, даже оставив знамя на месте. В этом сыграл свою роль гумский кн. Мажара Анчабадзе, предательская роль которого обнаружилась очень скоро. Неожиданно открыто изменил и абжаквский кн. Беслан Чаабалурхва. Его немедленно вызвали в лагерь, но он не явился и велел передать, что отныне будет выступать на стороне правительственных войск. Вследствие этого было парализовано и действие отряда, занимавшего высоты со стороны Беслетки. Дезорганизованные крестьяне разошлись по домам. Правда, цебельдинские крестьяне и в этот день несколько раз врывались в город. Но это не могло спасти положение. Так сказывалось отсутствие единства и твердого руководства. Силы крестьян оказались слишком распыленными, а их действия несогласованными, чтобы вести борьбу с регулярными войсками. Измена феодалов довершила дело.

Восстание не было поддержано населением части Сухумского округа и Абжуйской Абхазией, хотя эти районы, по свидетельству Мирского, и находились «в большом волнении»¹⁴⁵.

¹⁴¹ ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., 1866 г., оп. 258/908, д. 54, л.л. 102 об.—104,

¹⁴² «Кавказ», 8 сентября 1866 г., № 70.

¹⁴³ Рапорт полк. Кульмана от 31 июля 1866 г., л. 25 об.

¹⁴⁴ Рапорт Мирского от 13 сентября 1866 г., л. 103.

¹⁴⁵ Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 1 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 20—23.

В следственном деле имеется указание на то, что представители феодальной оппозиции посылали в последнюю своих людей (Узбакья Маргания, Учана Дзапш-ипа, Соломона Званба и др.), чтобы подговорить «влиятельных лиц» «возмутить» население; но это было уже после неудачи под Сухумом, поэтому указанное предложение было отвергнуто. Возможно и то, что поскольку данным делом занимались князья и дворяне, которые в этот период уже открыто говорили о цели своей борьбы, эти призывы не имели успеха среди крестьян. Кроме того, безусловно, имел значение и тот факт, что абжуйский князь Григорий Шервашидзе не примкнул к восстанию, а затем принимал участие в его подавлении.

Что же касается крестьянских руководителей, то они не сумели наладить связь с крестьянством соседних районов и поднять его на борьбу. Тем не менее отдельные абжуйские крестьяне принимали участие в восстании, а один из них — Мсоуст Пилия был даже в числе активных деятелей и впоследствии оказался в составе трех, заключенных в Метехский замок. Кроме того, как свидетельствовал управляющий имением кн. Д. Г. Шервашидзе Егор Туркия, крестьяне Григория Шервашидзе участвовали в разгроме келасурского имения Д. Г. Шервашидзе ¹⁴⁶.

Власти настолько были не уверены в абжуйских крестьянах, что командующий войсками в Сухуме отдал распоряжение о снятии Очемчирской карантинно-таможенной заставы ¹⁴⁷, так как ей «небезопасно было оставаться в Очемчирах», и эвакуации ее в Сухум. Ее действительно перевезли в Сухум 30 июля на военном судне со всем имуществом, кроме мебели. Застава обратно была возвращена и открыла свои действия лишь 10 августа 1866 г. ¹⁴⁸.

Отряд, действовавший в Бзыбской Абхазии, имел такие результаты: 29 июля повстанцы снова расположились вокруг Пицундского укрепления и в 11 часов утра следующего дня начали штурмовать его, но сильный огонь гарнизона заставил их и на этот раз отступить и скрыться в лесу. В 3 часа того же дня крестьяне сожгли на берегу моря барказный двухэтажный каменный пост и т. д. 31 июля снова было устроено нападение на имущество воинской части, а 1 августа крестьяне разошлись, оставив небольшой отряд в лесу ¹⁴⁹.

Крестьяне, вместе с тем, разгромили владетельский дворец в с. Лыхны, — факт, очень интересный для характеристики движения. Очевидец события Антон Пилия ¹⁵⁰ утверждает, что разгром дворца крестьянами произошел именно вскоре после убийства Коньяра ¹⁵¹.

¹⁴⁶ ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, л.л. 1—3.

¹⁴⁷ ЦГАА, ф. 8, д. 37, л. 89.

¹⁴⁸ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 185, л.л. 3—4 об.

¹⁴⁹ Рапорт начальника укр. в Пицунде кап. Воронова в штаб Кавказ. воен. округа от 2 августа 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 20.

¹⁵⁰ А. Пилия живет недалеко от Лыхнинской площади; во время восстания 1866 г. ему было 16 лет (согласно метрическому свидетельству, 27 августа 1955 г. ему исполняется 105 лет).

¹⁵¹ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92, л. 11 об.

В Сухуме, за время штурма города, было разбито и сожжено много административных зданий, домов должностных лиц и богачей, в том числе дома полк. Коньяра, Измайлова и неромонаха Абхазской архиерейской кафедры Макария, армейские казармы и другие¹⁵². Кроме того, были сожжены кордонные посты, помимо пицундского, на реках Гумиста и Келасури¹⁵³, а также таможенные посты от Пицунды до Моквы, по морскому берегу и по Военно-Сухумской дороге¹⁵⁴.

Было разгромлено и имение крупнейшего абхазского помещика Д. Г. Шервашидзе в Келасури, — факт, чрезвычайно показательный с точки зрения характеристики антифеодального содержания восстания. Из ведомости о пострадавшем имуществе кн. Шервашидзе, составленной управляющим имением последнего Егором Туркия и поданной им 31 августа 1866 г. в специальную комиссию, видно, что было забрано и разбито больших винных кувшинов и разной гончарной посуды — 1.568 штук; снято с дома около 20 рам со стеклами, а в более 50 рамах стекла побиты; повреждено и выломано много дверей. Кроме того, сожжено дубовой драни 3 тыс. штук, потравлены покосы, поломана и сожжена ограда двора и т. д. При этом обращает на себя внимание следующее примечание Е. Туркия: «Вся означенная посуда, как мы осведомлены, забрана людьми (крестьянами. — Г. Д.) князя Григория Шервашидзе». Общая сумма убытков, понесенных кн. Шервашидзе, была оценена (Егором Туркия) в 1.225 руб. 50 коп. серебром¹⁵⁵.

После 30 июля повстанцы снова пытались организовать шурм Сухума, при этом возлагали большие надежды на цебельдинцев. Совет еще раз посылал Ал. Шервашидзе в Цебельду, к Ширинбею Маршания, для совещания о нападении на Сухум, и оттуда, действительно, опять поступило подкрепление¹⁵⁶.

Перед выступлением в лагерь прибежали два келасурских жителя, которые сообщили ультиматум кутаисского генерал-губернатора о немедленном прекращении всякого сопротивления. В наступившую ночь гумский князь Мажара Анчабадзе и другие феодалы начали уверять повстанцев, что войска скоро нападут на лагерь; они распускали и другие слухи провокационного характера с целью дезорганизации повстанцев. Надо сказать, что эта пропаганда «произвела на всех пунктах смятение», и повстанцы отступили дальше от Сухума, за р. Гумиста¹⁵⁷. Однако часть повстанцев, численностью в 900 человек, до 5 августа все еще находилась вокруг Сухума, по ночам подползая к пикетам противника и ведя перестрелку. После 5 августа и они разошлись¹⁵⁸.

¹⁵² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1867 г., д. 2801; Н. А. Дубровский. Путевые заметки 1869 г. Рук. отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютин, шифр: 1424/2, л. 7, об. — 8.

¹⁵³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 185, л. л. 3—4 об.

¹⁵⁴ Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1867 г., д. 2801.

¹⁵⁵ ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 24, л. л. 1—3.

¹⁵⁶ Следствен. дело, л. 260.

¹⁵⁷ Там же, л. л. 260—260 об.

¹⁵⁸ «Кавказ», 8 сентября 1866 г., № 70.

В сообщении, полученном наместником от кн. Мирского 1 августа, говорилось, что тяжелое время для Сухума миновало, наступление предполагается числа 3 августа¹⁵⁹. Однако Мирский в письме наместнику от 1-го же августа писал: «Трудно предвидеть, какой оборот примут дела и как долго придется здесь повозиться. Поэтому осмеливаюсь просить распоряжений вашего высочества о приготовлении еще двух батальонов в Константиновском, что они были готовы прибыть сюда тотчас по моему требованию»¹⁶⁰.

От Мирского требовали решительных действий. Но при всем своем старании Мирский не мог добиться этого. Мирского даже обвиняли в медлительности. Более того, писали царю о незнании им края и беспечности вообще по управлению¹⁶¹. Мирский, возражая своим противникам, писал наместнику Кавказа (30 августа 1866 г.), что задача «усмирения Абхазии» оказалась гораздо труднее, чем она представлялась на первый взгляд. Он отмечал, что местность здесь не благоприятствует наступательным действиям и удобна для обороны. Кроме того, он считал, что силы, направленные в Абхазию, до прибытия отряда ген. Геймана (27 августа) и еще двух батальонов из Новороссийска, были слишком недостаточны «для решительных военных действий с разных сторон»¹⁶².

За Мирского заступился сам наместник Кавказа, который в письме Александру II от 22 сентября 1866 г. отводил все обвинения против него, стремясь оправдать его в глазах императора. В письме Мирскому от 3 августа 1866 г. наместник писал: «Нисколько не виню вас за мнимую медлительность, напротив, вполне одобряю, что в ожидании прибытия войск вы не покинули города с слабым гарнизоном». Далее наместник сообщал, что отправка Елизаветпольского полка, против ожиданий, запаздала, но он должен быть в Сухуме 3 августа, а также батальон Крымского полка, на днях и Ставропольский батальон. «Когда все эти части соберутся,— писал вел. князь,— полагаю, что вы будете достаточно сильны для наступательных действий»¹⁶³.

¹⁵⁹ Телеграмма наместника Кавказа Александру II от 2 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 4.

¹⁶⁰ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 20—23.

¹⁶¹ Письмо наместника Кавказа Александру II от 22 сентября 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л. 39.

¹⁶² ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 60—69.

¹⁶³ Там же, д. 230, л. 5.

ГЛАВА III

ПОРАЖЕНИЕ ВОССТАНИЯ

2 августа Баалоуская поляна была занята войсками. Мирский писал чаместнику, что он для перехода в наступление ждет еще прибытия войск, направленных из Зекарского ущелья через Поты, и из Константиновска; особенно он был озабочен обеспечением сообщения по Военно-Сухумской дороге; положение Цебельды, являющейся ключом позиции, будет иметь важное значение: «часть оной в брожении»,— писал Мирский¹. 2 же августа колонна войск под командой полк. Мачавариани² переправилась через р. Ингур; к ней в с. Окум присоединилась казачья сотня, а также «милиция» (300 чел.), собранная абжуйскими и самурзаканскими феодалами³.

3 августа в Сухум прибыли из Новороссийска 3 роты⁴. К этому дню здесь уже был собран отряд из 6 стрелковых и 9 линейных рот Кавказских линейных батальонов с артиллерией и кавалерией, общим числом до 3 тыс. человек. Кроме того, сюда двигались полки 39 пехотной дивизии. Кавказский линейный № 35 батальон вошел в отряд в составе 3 рот (9 офицеров и 622 солдата)⁵. 4 августа в Сухум прибыла из Поты гурийская «милиция» под командой кн. Эристави⁶.

3 августа Мирский вызвал в Сухум старшин окрестных селений, жители которых принимали участие в штурме города. Им было объявлено, что за поднятие оружия последует строгое наказание посредством военных действий, если жители окажут малейшее сопротивление; административным и судебным путем, если

¹ Письмо вел. кн. Михаила Николаевича Александру II от 5 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 610, 1866 г., л.л. 29—33.

² Колонна состояла из: 8 сотен «милиции» мегрельских феодалов, 2 сотен Кутаисского конно-иррегулярного полка и 2 стрелковых рот Кавказских линейных № 30 и 31 батальонов.

³ Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л.л. 104—105.

⁴ Телеграмма Мирского наместнику Кавказа от 3 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 35.

⁵ Т. Т. Стефанов. Указ. соч., стр. 324.

⁶ Телегр. кн. Мирского наместнику Кавказа от 4 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 36.

они окажут «полное послушание». Старшины заявили, что население готово принять наказание. Тогда Мирский приказал, на первый раз, доставить немедленно в Сухум все захваченные вещи, не встречаться с войсками иначе, как без оружия, и исполнять все указания окружного начальника. Вещи начали поступать уже с 4 августа. Подобное же распоряжение было сделано и в Цебельде⁷, где скоро последовали такие же результаты.

Надо заметить, что Мирский придерживался одобренной местником тактики: действовать с моря, прорываясь колоннами к горам и вдоль них⁸. 6 августа в Цебельду была направлена колонна войск под начальством командира Кавказского линейного № 35 батальона полк. Котляревского⁹, возвратившаяся в Сухум 10 числа, оставив в укреплении 2 роты и снабдив гарнизон всем необходимым. Во время движения к Цебельдинскому укреплению эта колонна, дойдя 8 августа до Герзеула, в том месте, где дорога в Цебельду отделяется от Военно-Сухумской дороги, встретилась с колонной полк. Мачавариани, двигавшейся уже к Сухуму. В результате было восстановлено сообщение с Цебельдой и по Военно-Сухумской дороге¹⁰.

В Сухум из Поти были доставлены 8 августа батальон Кубанского и 5 рот Дербентского полков; вслед за ними — дивизион батарей имени вел. кн. Михаила Николаевича¹¹.

Тем временем на северном склоне Кавказского хребта части специального отряда достигли района расположения цебельдинских и дальских пастухов. Первое столкновение с ними произошло 8 августа на вершине горы Теберды, где на единственной тропе за села небольшая группа пастухов. Отряд под командой начальника Эльбрусского округа кап. Петрусевича, несмотря на двухкратную попытку пробиться вперед, вынужден был отступить. Пастухи отчаянно защищали свою позицию, чтобы дать стадам время уйти за горы. Но на р. Хасаут был захвачен табун в 59 лошадей, принадлежавший кн. Ширинбею Маршания¹². 9 августа кап. Петрусевич послал на Тебердинский перевал карачаевцев, которые имели несколько стычек с цебельдинцами (15 человек), оставшимися здесь после сражения 8 августа, чтобы следить за движением войск¹³. Наконец, 15 августа колонна войск, ведя поиски, в районе

⁷ Письмо Мирского местнику Кавказа от 6 августа и рапорт от 13 сентября 1866 г., л.л. 104—104 об.

⁸ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 239, л. 6; д. 409, л.л. 20—23.

⁹ В состав колонны входили: 2-й батальон Крымского полка, 1-й батальон Ставропольского полка, стрелковая рота Кавказского линейного № 32 батальона, линейная рота № 33 батальона, 3 роты № 35 батальона и взвод сухумской артиллерии.

¹⁰ Рапорт Мирского местнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л.л. 104 об.—105.

¹¹ Телеграммы майора Чернявского местнику Кавказа от 8 и 9 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 49—50.

¹² Рапорт нач. Эльбрусского округа кап. Петрусевича командующ. войсками Кубан. области от 10 августа 1866 г. ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л.л. 40—41.

¹³ Рапорт замещающ. начальника Эльбрус. округа и. д. начальника Кубан. обл. по управлен. горцами от 12 августа 1866 г. ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л. 41 об.

Домбай-Ульген настигла цебельдинцев и дальцев (25—30 человек), гнавших стада баранов и коз. Пастухи защищались до последней возможности; они взбирались на скалы и оттуда сталкивали громадные камни; войскам «некоторые места приходилось брать штурмом». Но в конце концов горсточка пастухов, имея в своих рядах убитых и раненых, вынуждена была отступить. Войска отбили 1.800 баранов¹⁴. Впоследствии выяснилось, что часть захваченного скота принадлежала дальцам (Алмахситу Маршания и др.), поэтому бараны, по ходатайству кн. Мирского, были возвращены их хозяевам, а конский табун был продан с аукционного торга¹⁵.

Дальнейшей задачей Мирский считал: окончательное подавление восстания в Бзыбской Абхазии, наказание «виновных и упрочение спокойствия края на будущее время». Для достижения этих целей Мирский выдвигал два способа: открыть немедленно военные действия против повстанцев по мере прибытия войск, или сосредоточить достаточные силы для принуждения населения, если возможно, без кровопролития исполнить все требования властей, в случае сопротивления — «наказать страшно ослушников».

Хотя Мирский и писал, что первый способ соответствовал более «естественному желанию скорейшего наказания» повстанцев и «казался на первый взгляд скорее ведущим к цели», но вынужден был признать, что по «внимательному обсуждению дел» этот способ оказывался «весьма рискованным и ненадежным». Он выдвигал следующие доводы: местность в Абхазии, в особенности осенью, представляет величайшие затруднения для военных действий. Единственная колесная дорога между Сухумом и р. Бзыбью пролегла лишь до Гудаут по морскому берегу, далее она шла по садам и лесам; затем существовали только тропинки, едва проходимые для конницы. Люди живут разбросанно, разбросаны и их небольшие посевы. При таких условиях, столь выгодных для населения, знающего местность и умеющего ею пользоваться, на верный успех военных действий можно рассчитывать только при больших силах, наступающих с разных сторон совместно с «милицией».

«Малейшая же неудача в настоящих обстоятельствах,— писал Мирский,— немного значительная потеря с нашей стороны, тотчас преувеличенная народной молвой, не только возвысила бы дух мятежников, но могла бы поощрить к восстанию всю Абхазию, и тогда трудно сказать, сколько бы понадобилось средств и времени для восстановления спокойствия в этом крае. Даже если бы сопротивление ограничилось пределами Бзыбского округа, открытие военных действий со стороны лишь морского побережья имело бы столь же невыгодные последствия. Жители Бзыбского округа (3.726 дворов) по мере наступления наших войск имели бы возможность удаляться постепенно в горные трущобы, простирающие-

¹⁴ Рапорт и. д. нач. Эльбрус. округа командующ. войсками Кубан. области от 19 августа 1866 г. ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л.л. 58—59.

¹⁵ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 517, л.л. 96, 127.

ся на огромном пространстве до верховьев Бзыби, Мзымты и далее. Преследовать их там было бы весьма трудной и долгой задачей».

Признавая все эти доводы, наместник одобрил второй способ, «в сущности обещающий более скорый и действенный успех, но требующий некоторой выдержки и терпения»,— как характеризовал его Мирский.

Мирский считал, что наилучшей мерой наказания массы восставших являлось поголовное обезоружение населения. При этом он замечал, что такая мера, «никогда еще не применявшаяся на Кавказе», представляла немало затруднений. Для ее исполнения было признано необходимым обеспечить, прежде всего, достаточную военную силу, которая бы убедила население в невозможности оказать сопротивление. Поэтому было решено приступить к обезоружению населения постепенно, разделив территорию между Бзыбью и Кодором на ряд участков, стараясь в одно время иметь дело лишь с каждым из них отдельно¹⁶.

В это время от правительства было получено известие о наделении кавказских военных властей широкими полномочиями для действий в Абхазии. Вот что писал по этому поводу наместник в письме Милютину от 10 августа 1866 г.: «Благодарю вас за испрошенное у его величества полномочие вводить в Абхазии все то, что признается безотложно необходимым. Ожидаю курьера, отправленного из Петербурга 4-го числа, с нетерпением 12-го или 13-го»¹⁷.

Утром 12 августа наместник на корвете «Львица» прибыл в Сухум. Несколькокими часами раньше высадился последний десант из Потн. Теперь налицо был весь отряд¹⁸. Съехав на берег, наместник объехал все войска, расположенные частью вокруг города на позициях, частью в казармах и на площадках внутри города. Частям, которые участвовали в отражении повстанцев, он объявил благодарность и от имени царя наградил многих лиц.

13 августа в Сухум прибыло судно «Тигр» под флагом генерал-адмирала, с которого высадились великий князь Константин Николаевич и царский наследник Николай Александрович. Они,

¹⁶ Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л.л. 106—106 об.

¹⁷ Рукописное отделение Государствен. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. Д. А. Милютин, шифр: 1424/2, л. 189.

¹⁸ В состав отряда входили: пехота — по батальону Крымского и Ставропольского полков; все полки 39 дивизии, за исключением пяти рот, оставленных при обозе в Имеретии; 35, 36 и 37 линейные батальоны в полном составе, стрелковые роты 30 и 31 батальонов, по три роты 32, 33 и 34 батальонов и четыре сотни гурийской пешей «милиции» и другие части феодального ополчения; кавалерия — одна сотня Кубанского казачьего № 7 полка и три сотни Кутаисского конно-иррегулярного полка; артиллерия — батарейный дивизион и горный взвод вел. князя Михаила Николаевича, батареи Кавказской гренадер. бригады, горный дивизион 19 бригады и горный взвод и пешие команды при орудиях на вооружение к тому времени упраздненной сухумской крепостной артиллерии. Кроме того, остатки другой сотни Кубанского № 7 казачьего полка пешими 45 чел. и 1 офицер, спасшиеся из бывших в Лыхнах с полк. Коньяром.

так же как и наместник, объехали войска на позициях. Затем царские «особы» были на нескольких судах, между прочим, на транспорте «Воин», который грузил пехоту и артиллерию для десанта; он поднял 80 лошадей и более 600 солдат¹⁹.

Десант готовился к высадке в м. Гудауты и в с. Псырцха. На следующий день, 14 августа, один отряд в 8 батальонов и дивизиона горных орудий под командой полк. Бибикова высадился у Гудаут. В с. Псырцха 16 августа высадился отряд помощника начальника 39 дивизии ген. Левашева в составе 5 батальонов гурьской пешей «дружины» и взвода горных орудий. 16 же августа в Гудауты прибыл кн. Мирский. Десантным войскам не было оказано почти никакого сопротивления. Мирский вызвал к следующему дню, 17 августа, старшин всех селений Бзыбского округа, за исключением селений Анухва, Псырцха и Ешера.

17 августа часть войск (Елизаветпольский полк, 2 батальона 19 дивизии при 4 горных орудиях) была двинута в с. Лыхны для торжественных похорон убитых 26 июля и «сожжения домов, где имело место происшествие»²⁰. «Вчера похоронил с почестями мертвых и сжег дома в Соуксу», — сообщал Мирский наместнику 18 августа 1866 г.²¹

К вечеру 17 августа войска возвратились в Гудауты. Прибыли в лагерь и старшины. Последним было объявлено то же, что и жителям Сухумского округа, «и дан выбор между полною покорностью и послушанием или беспощадной истребительной войной». Бзыбцы через своих представителей еще до этого заявили, что складывают оружие, «драться не будут и принимают всякое наказание»²². Теперь старшины повторили это. Мирский потребовал, чтобы к 19 августа было возвращено все захваченное имущество и выданы «зачинщики» восстания. Вещи были доставлены немедленно, но в отношении инициаторов и активных участников восстания старшины и «почетные жители» заявили, что они хотят и будут об этом стараться, но не могут обещать полного успеха. Мирский ожидал именно такого ответа, он просто добивался сознания в этом, чтобы объявить приказ о выдаче оружия. Факт отказа жителей выдать «главных виновников» Мирский объяснял их общественным устройством и образом жизни, «нравственным и материальным разъединением»²³.

Приказ о выдаче оружия был объявлен 20 августа; было заявлено, что кто утаит и не выдаст оружия, тот будет выслан

¹⁹ Письмо наместника Кавказа Александру II от 21 августа 1866 г. (ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 34—37); Письмо Мирского наместнику Кавказа от 30 августа 1866 г. (ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 60—69).

²⁰ Рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., л. 107; Телегр. Мирского наместнику Кавказа от 16 и 17 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 52—53.

²¹ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 54.

²² Письмо наместника Кавказа Александру II от 10 августа 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 29—33.

²³ Телегр. Мирского наместнику Кавказа от 8 августа 1866 г., ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 48.

из Абхазии. Учитывая, что население могло оказать сопротивление этой мере, Мирский решил перебросить на левый берег р. Бзыбь находившиеся между Адлером и Гаграми батальон Севастопольского полка и 3 сотни казаков, потребовать из Константиновского еще 2 батальона 19 пехотной дивизии. Решено было, вместе с тем, направить к границам Абхазии отряд помощника начальника Кубанской области по местным войскам ген. Геймана, перевалившего в это время через Санчарский перевал²⁴. Этот отряд, состоявший из 5 батальонов, 2 горных орудий и 2 сотен казаков, был сформирован в станице Сторожевой и следовал в течение 19 дней²⁵. Ему отводилась особая задача. Наместник Кавказа еще 5 августа 1866 г. писал Мирскому: «Если состояние Сухумского округа и Цebelды в особенности сомнительное, не сочтете ли полезным теперь же двинуть отряд г.-м. Геймана через перевал? Полагаю, это движение весьма будет содействовать быстрому восстановлению порядка»²⁶.

21 августа в с. Лыхны и в некоторых других селениях было приступлено к выдаче оружия. Дав «должные наставления» полк. Бибикову, оставшемуся за старшего здесь, Мирский 22 августа отправился в с. Псырцха, в колонну ген. Левашева, и приказал последнему объявить жителям селений Анухва, Псырцха и Ешера приказ о выдаче захваченного имущества и активных участников восстания. Здесь повторилось то же самое, что и в других местах. Тогда было приступлено к обезоружению населения²⁷.

23 августа кн. Мирский в своей очередной телеграмме на имя наместника сообщал: «Бзыбцы начали выдавать оружие, но вяло. Придется, вероятно, употребить военную силу. Дал срок до 26. Считаю необходимым обезоружить постепенно всю Абхазию»²⁸.

23 же числа в Сухуме высадились 2 батальона из Константиновского, 24 — Севастопольский батальон и казаки прибыли в местности Бамбора, а к 26 ожидалось прибытие отряда Геймана в Гума. Срок для выдачи оружия жителями Анухва, Псырцха и Ешера поэтому был назначен на 26 августа, в 9 час. утра. В случае неисполнения этого приказа, Мирский грозил «показать пример над этими деревнями и страшно их наказать».

26 августа был отдан приказ об одновременном движении трех колонн: одной — от Гудаут в с. Анухва под командой полк. Разумихина²⁹, другой — от позиции Левашева под его же командой в с. Псырцха³⁰; третьей — от р. Гумиста на с. Ешера под

²⁴ Письмо Мирского от 30 августа (ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 60—69) и рапорт от 13 сентября 1866 г. (л. 107 об.) наместнику Кавказа.

²⁵ Письмо наместника Кавказа от 22 сентября 1866 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 39—40.

²⁶ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 4.

²⁷ Там же, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 60—69.

²⁸ Там же, л. 55.

²⁹ Елисаветпольский полк, батальон Ставропольского, батальон Крымского и дивизион горной артиллерии 19 арт. бригады.

³⁰ 2 батальона Бакинского и 2 батальона Кубанского полков, гурийская «милиция», горный взвод гренадерской арт. бригады и 2 стрелковые роты №№ 30 и 31 батальонов.

командой полк. Мачавариани³¹. Все эти колонны должны были, охватывая названные селения, войти между собой в связь. Таким образом Мирский надеялся захватить не только пустые дома, но и жителей, или часть из них, тем более, что появление отряда ген. Геймана затрудняло им отступление в горы.

Ген. Левашеву, находящемуся на центральной позиции в пункте, назначенном для сдачи оружия, было приказано остановить движение колонн, если население исполнит требование о сдаче оружия.

26 августа жители Анухва, Псырцха и Ешера начали сдавать свое оружие, вследствие чего Левашев приостановил движение войск. Впоследствии были посланы в эти селения небольшие колонны, где их встречали только безоружные жители.

Полковник Бибииков со своей стороны сделал с колонной движение к остальным селениям Бзыбского округа до р. Бзыбь. Везде жители, не дожидаясь прибытия войск, сносили оружие в Гудауты и Пицунду. Однако были люди, которые отказывались сдавать оружие и бежали в лес. Мирский в телеграмме наместнику писал: «Большая часть Бзыбского округа выдала оружие. Немногие ослушники преследуются небольшими командами войск»³².

Обезоружение Бзыбского округа было закончено 31 августа. Осталось оружие только у пастухов, находившихся со стадами на отдаленных горных пастбищах. Мирский торжествуя телеграфировал наместнику о том, что обезоружение Бзыбского округа завершено³³. Однако, несомненно, много еще оружия было скрыто населением.

В последней телеграмме Мирский сообщал, что 2 сентября он приступает к обезоружению Сухумского округа до Кодора; в Цебельде будут обезоружены селения, прилегающие к Сухумскому округу³⁴.

Наместник внимательно следил и направлял указанную операцию, категорически требуя строгой решительности и своевременности. В письме Мирскому от 24 августа 1866 г. вел. князь писал, что он искренно радуется по поводу сдачи оружия бзыбцами, выражая надежду, что генерал-губернатор заставит их быстрее исполнять требования начальства. Наместник считал необходимым их «хорошенько пострадать» и вообще с ними «покончить раз и навсегда». При этом наместник выражал недовольство Мирскому и требовал объяснения, почему тот в ожидании прибытия новых войск медлит и стремится занять выгодные позиции, прежде чем приступить к карательным мерам; он находил совершенно достаточным двух десантных отрядов, которыми располагал Мирский и которые уже заняли предполагаемые местности.

Наместник предписывал разоружение, как меру наказания,

³¹ Батальон Крымского, батальон Ставропольского, сводно-стрелковый батальон, 3 сотни конно-иррегулярного полка, 12 сотен конной и 1 сотня пешей «милиции».

³² ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 70.

³³ Там же, л. 71.

³⁴ Там же, л. 71.

провести и в других «виновных деревнях» Абхазии. Но для Бзыбского округа выражение наместника «покончить раз и навсегда» предполагало еще: «по отобрании у них (бзыбцев.— Г. Д.) всего оружия применить к ним... сожжение аула и поголовное его выселение в Россию». «Не найдете ли возможным и полезным,— спрашивал наместник,— хотя несколько или даже одну деревню в Соуксу (с. Лыхны.— Г. Д.) или окрестных немедленно сжечь и отправить в Ростов?» «Убежден,— мотивировал он это свое предложение,— что подобные меры сильнейшим образом подействуют на все абхазское население и заставят их... исполнять наши требования». Наместник на этом не останавливался и считал «полезным» и всех остальных бзыбцев также выселить немедленно в Ставропольскую губернию, что нетрудно будет исполнить с приходом отряда ген. Геймана. Наконец, наместник оговаривался, что все это он пишет как свои мысли, которые еще не предписывает к исполнению, а предлагает на обсуждение. «Что найдете возможным, исполняйте немедленно, на что не решитесь, спишитесь со мною откровенно»,— замечал вел. князь³⁵.

В письме от 30 августа 1866 г. Мирскому наместник выражал свое полное удовлетворение по поводу разоружения Бзыбского округа, кроме «небольшого числа ослушников», и надежду, что эти последние «скоро будут переловлены мелкими командами»³⁶.

Надо сказать, что на решение бзыбцев сдать оружие без сопротивления определенно повлиял новый начальник округа кн. Чавчавадзе. В письме жителей сел этого округа начальнику Сухумского отдела (в конце 1868 г.) рассказывалось, что выборные от населения лица хотя и согласились на сдачу оружия, но много было еще сомневавшихся, которые говорили, что «несчастное для нас время приблизилось..., если только мы положим оружие, то мы с семействами будем арестованы и будем находиться в самом несчастном положении; к тому же говорили, что начальник (Мирский.— Г. Д.) обещает за это дело предать нас огню», поэтому они и высказали: «иметь при себе оружие». Некоторые с семействами даже собрались на берегу моря. Но в это «самое жаркое время» окружным начальником был назначен Чавчавадзе, который постоянными своими советами уговорил колебавшихся людей снять оружие и сдать³⁷. Наиболее «упорствовавшими» были жители сел Анухва, Псырцха и Ешера, приступившие к выдаче оружия только 25 августа³⁸.

Из Бзыбского округа войска, за исключением трех батальонов 19 дивизии, были переброшены в Сухумский округ по направлению к Цебельде, 2 сентября одна колонна была передвинута с Гумисты к Маджарскому посту. Бакинский, Кубанский, Дербентский и Елизаветпольский полки 3 и 4 сентября перешли на позицию

³⁵ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л.л. 9—10.

³⁶ Там же ф. 678, оп. 1, д. 612, л. 12.

³⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1866 г., д. 324, л.л. 5—10.

³⁸ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 56—58.

у Келасури. Старшинам Сухумского округа также был объявлен приказ о выдаче всего огнестрельного оружия, находящегося у населения. Этот приказ был исполнен к вечеру 5 сентября почти без всякого сопротивления.

Вслед за этим было приступлено к обезоружению той части населения Цебельды, которая принимала участие в восстании, а именно жителей сел Абгалахара, Амхел и Герзеул, всего около 400 дворов. Еще 3 сентября жители Цебельды и Дала, не участвовавшие в восстании, просили Мирского не двигать войска в этот район и предоставить им склонить тех, которые предназначены к обезоружению, исполнить приказ. Согласившись с этим, кн. Мирский остановил войска на позициях у Маджарского поста и Келасури. Отряд ген. Геймана во все это время, с 27 августа, оставался на гумистинской позиции, «весьма выгодной в военном отношении». С этого пункта он угрожал населению Бзыбского и Сухумского округов и Цебельды. Мирский отмечал, что появление этого отряда «более всего содействовало успешному окончанию дел в Абхазии».

7 сентября Мирский телеграфировал наместнику из Сухума, что обезоружение пятисот дворов цебельдинцев кончается без препятствий; отпущена 39 дивизия; отряд ген. Геймана и войска Кубанской области, кроме двух батальонов и двух орудий, также отпускаются; болезненность и холерные случаи увеличились³⁹.

7 сентября цебельдинский пристав капитан Шавров прибыл в Сухум с донесением, что села Абгалахара, Амхел и Герзеул также выдали оружие.

Наместник Кавказа в тот же день из Кутаиса телеграфировал ген. Карцову, что обезоружение Сухумского округа уже исполнено; ожидается то же самое в Цебельде через посредство Алмахсита Маршания; отряд надо пододвинуть к Келасури «на всякий случай»⁴⁰.

Согласно общей ведомости о количестве конфискованного огнестрельного оружия, было отобрано всего: 5.667 ружей, 670 пистолетов; из них в окружных управлениях было оставлено: 492 ружья и 3 пистолета. Конфискация оружия была произведена по 63 селам⁴¹.

Восстание крестьян было подавлено с помощью князей и дворян. Многие из них принимали активное участие в карательных действиях царских войск против крестьянского населения. В составе этих войск находились феодальные ополчения, так наз. «милиция» из Абжуйского и Сухумского округов, Сасурзаканского и Цебельдинского приставств. Наместник Кавказа в письме императору от 21 августа особо отмечал, что абжуйский князь Григорий Шервашидзе явился с двумя сотнями «милиции». Писал также о заслугах дальского князя Алмахсита Маршания. Последний «изъявил готовность со своей милицией явиться к кн. Мирскому

³⁹ Там же, л. 72.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 91.

⁴¹ Там же, л.л. 296—299, 302—314.

и деятельно содействовать войскам в поимке виновников»⁴². В Цебельде была собрана «милиция» Хирипсом Маршания. Причем, семейства членов «милиции» также были освобождены от сдачи оружия. Многие из феодалов были награждены орденами и медалями, чинами и деньгами за их активное участие в подавлении восстания. Так, штабс-ротмистр кн. Бахва Эмухвари получил орден Станислава 3 ст. с мечами и бантом⁴³, кн. Толупар Анчабадзе был произведен в прапорщики⁴⁴. Акапский князь юнкер Чапияк Маршания доставил письмо Святополк-Мирского Г. М. Шервашидзе и привел в Сухум 4 старшин для переговоров; затем был назначен к ген. Левашеву в с. Псырцха и «исполнял в точности и с усердием все его поручения, за что награжден медалью»,— как констатировал сам Ч. Маршания⁴⁵. Дворянам Таго Маргания, Махмуду Лакрба, Зафасу Багба, Бзо Папба и др. были выданы денежные подарки «за содействие, оказанное ими при поимке абреков»⁴⁶. В архивных документах встречаются имена и других абхазских феодалов, которые отличились в «походе» и «делах» 1866 г., как, например, дворянин Соломон Лакрба⁴⁷. Всячески способствовали и многие старшины. Они также выдавали активных участников восстания, помогали в их розыске и аресте.

Вслед за окончанием обезоружения на указанной территории жителям остальных районов Абхазии до Ингура также было категорически запрещено носить огнестрельное оружие, исключая тех случаев, когда это дозволялось местным начальством. Управляющему Мегрелией было предложено воспретить появляться оттуда с оружием в пределы Абхазии, в противном случае виновников подвергать аресту⁴⁸. Надо заметить, что кн. Мирский считал необходимым постепенно обезоружить вообще всю Абхазию. Но это мнение не было одобрено наместником, считавшим несправедливым такое наказание по отношению к тем, которые не принимали участия в восстании. Однако дело было не в «справедливости». Немного ниже вел. князь признавался: «Опасаясь, что они найдут это вопиюще несправедливостью и окажут сопротивление»⁴⁹. (Подчеркнуто мною.— Г. Д.).

Наместник писал Александру II, что в Абхазии «все кончено». Он дал себе полную волю для безмерного самохвальства. «Достигнутый результат,— говорил наместник,— еще небывалый на Кавказе: два округа — Бзыбский и Сухумский по р. Кодор и более 400 дворов в Цебельде безпрекословно сложили все огнестрельное оружие... Все это исполнено без выстрела и кровопролития, и войска служили только угрозой»⁵⁰. В телеграмме от 30 августа 1866 г.

⁴² Там же, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л. л. 34—37.

⁴³ ГАКК. Приказы по Кавказ. воен. окр. за 1866 г., инв. 1630.

⁴⁴ Там же, инв. 1629.

⁴⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1965 г., д. 180, л. 289.

⁴⁶ Там же, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 221.

⁴⁷ ЦГИАГ, ф. 955, д. 8, л. 18.

⁴⁸ Предписание Мирского и. д. нач-ка Сухумского отдела от 9 сентября 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 129.

⁴⁹ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. 9 об.

⁵⁰ Там же, ф. 578, оп. 1, 1866 г., д. 610, л. л. 39—40.

Александр II отвечал: «Радуюсь лучшими известиями из Абхазии»⁵¹.

С первого сентября, вслед за обезоружением Бзыбского округа, как уже отмечалось, было приступлено к роспуску войск из так называемого «Абхазского отряда», насколько это позволяли морские и сухопутные перевозочные средства. План порядка эвакуации войск был одобрен наместником, что видно из его писем Мирскому от 30 августа 1866 г.⁵² и Александру II от 22 сентября 1866 г. Сперва была отпущена «милиция», затем — 37 линейный батальон и 30, 31, 32 роты. Части 39-ой пехотной дивизии выступили из Келасури в Мегрелию двумя эшелонами 6 и 7 сентября. Генералу Гейману, за отсутствием кн. Мирского, было поручено как можно поспешно отправить в Кубанскую область, частью морем и частью сухим путем, войска его отряда, а также 39 пехотную дивизию (начальник ген. Тархан-Моуравов).

Временно в Абхазии были оставлены, кроме местных гарнизонов (4 линейных батальона), два батальона 19 пехотной дивизии, взвод горных орудий, две сотни казаков. О назначении этих войск Мирский писал, что они «будут там полезны до окончания суда над главными виновниками и поимки беглецов». По подсчетам ген. Геймана, движение войск стоило казне 500 тыс. рублей⁵³.

Рассматривая действия войск в Абхазии как серьезную военную операцию и придавая исключительно важное значение подавлению восстания, царское правительство щедро наградило многих чинов регулярных и иррегулярных войск теми или иными знаками отличия, повышением в чинах и денежными наградами⁵⁴. Приказом наместника по Кавказскому военному округу от 13 августа 1866 г. «за особое отличие, оказанное... при обороне гор. Сухума 27, 28, 29 и 30 июля, а также и в других делах и перестрелках, бывших во время абхазского возмущения», было награждено 24 человека⁵⁵.

Кроме того, наместник в приказе по Кавказской армии от 17 сентября 1866 г. объявил благодарность 7 лицам из высшего командного состава, а также войскам Сухумского гарнизона и другим частям и всем чинам Черноморской флотилии, участвовавшим в подавлении восстания. Кутаисский генерал-губернатор кн. Мирский заслужил также «царскую милость». «Прежде всего, — писал наместник Кавказа Мирскому по этому поводу (14 ноября 1856 г.), — поздравляю вас, любезный Дмитрий Иванович, с царской ми-

⁵¹ Там же, ф. Зимн. дворца, 1862 г., д. 2732/А, л. 236.

⁵² Там же, ф. 678, оп. 1, д. 612, л. 12.

⁵³ Письмо ген. Геймана гр. Евдокимову от 20 октября 1866 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.

⁵⁴ См. рапорт Мирского наместнику Кавказа от 13 сентября 1866 г., д.л. 111—112; «Кубанские ведомости», 15 октября, 1866 г., л. 41; «Кавказ», 1866 г. № 68.

⁵⁵ ГАКК. Приказы по Кавказ. воен. округу за 1866 г., инв. № 1624; в книге Т. Т. Стефанова «Михайловский крепостной пехотный батальон», в прилож. XXXII, дается список лиц (7 чел.) из Михайловского батальона, награжденных за участие в подавлении восстания 1866 г. в Абхазии.

лостью. Я счастлив, что государь император уважил мое ходатайство, наградив вас достойно вашим заслугам, особенно в отношении блистательной развязки абхазского возмущения»⁵⁶.

Приказом кутаисского генерал-губернатора от 9 августа 1866 г., с целью выявления как казенного, так и частного имущества, захваченного и погибшего во время штурма Сухума, были учреждены две комиссии. Первая комиссия — под председательством сухумского коменданта подполк. Павлова для «приведения в известность утрат казенных»; членами ее были назначены кап. Купрюхин (линейный батальон № 35), кап. Сосновский и инженер штабс-кап. Степанов (линейный батальон № 37). На вторую комиссию было возложено определить потери частных лиц, а также принимать имущество для передачи их владельцам⁵⁷. Ее возглавлял командир линейного № 34 батальона подполк. Завадский; членами являлись управляющий таможенной конторой Быков, чиновник Извеков и архитектор Войков⁵⁸.

В Сухуме по приказу наместника Кавказа были учреждены две следственных комиссии. Одна из них — «для раскрытия» участников восстания и определения степени их виновности, после чего «главнейшие зачинщики» должны были быть преданы полевому суду и повешены. В состав этой комиссии, действовавшей с 31 августа по 19 октября 1866 г., входили: капитан-лейтенант Корганов (председатель), капитан Кавказского линейного батальона Капашевич, штабс-капитан № 34 батальона Копиболоцкий и аудитор того же батальона коллежский секретарь Трескинский (делопроизводитель). Для «усиления действий комиссии» приказом и. д. начальника Сухумского отдела ген.-м. Толстого от 22 сентября были включены в качестве членов комиссии поручики № 34 батальона Латт и № 36 батальона Гейдушен.

Вторая («особая») комиссия, работавшая с 5 августа по 11 октября 1866 г., имела своей задачей произвести административное расследование причин восстания, а также выяснение поведения и действий семейства кн. Шервашидзе⁵⁹. Наместник Кав-

⁵⁶ Приказы по Кавказ. воен. округу за 1866 г. ГАКК, инв. № 1630.

⁵⁷ Согласно ведомостям потерь военных лиц, а также гражданских чиновников и пр., было заявлено убытков на 95 603 руб. 25 коп.; определено вознаграждение на 61 487 руб. 87 коп. Жена полк. Коньяра получила в виде единовременного вознаграждения 2 774 руб.

Согласно «списку лицам, пострадавшим от потерь, понесенных во время абхазского возмущения в 1866 году в домах, в которых были абхазцы», показано потерь — 149 393 р. 62 к.; определено комиссией — 102 049 р. 68 коп.; выдано пособия — 100 руб. (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1867 г., д. 2801, л.л. 47—92 об.).

Управляющий именем кн. Г. Д. Шервашидзе представил комиссии ведомость на сумму 1 225 руб. 50 коп. серебром (ЦГИАЛ, ф. 1110, оп. 1, 1866 г., д. 24, л.л. 2 об.—3).

⁵⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1867 г., д. 2801, л. 21.

⁵⁹ См. письмо наместника Кавказа Александру II от 22 сентября 1866 г., а также: рапорт и. д. нач. Сухум. отдела ген. Толстого Мирскому от 24 сентября 1866 г.; отношен. нач. Кавказ. гор. управления нач.-ку штаба Кавказ. вое. округа от 17 декабря 1866 г. тоже интенданту Кавказ. воен. округа от 24 марта, 1867 г. (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 274, 316 об., 323).

каза в своем письме Александру II от 22 сентября 1866 г. заявлял, что труд этой комиссии считает «весьма важным: она должна выяснить поводы неудовольствий абхазцев и указать ошибки, сделанные как местною властью, так и центральной, и тем послужить для нас уроком для будущих действий».

В состав второй комиссии входили помощник начальника Кавказского горского управления полк. Павлов (председатель) и правитель военной канцелярии кутаисского генерал-губернатора полк. гр. Кутаисов. Вел. князь писал Мирскому (24 августа 1866 г.): «Знаю, что Кутаисов занят теперь очень, но делать нечего, считаю обязанность, возложенную на комиссию, столь важною, что причины неудобства должны исчезнуть»⁶⁰.

Непосредственные распоряжения «для окончательного и прочного установления порядка» в Абхазии Мирский возложил на вновь назначенного начальника Сухумского отдела ген. Толстого, который, вместе с тем, был включен в комиссию Павлова.

Мирский в своем рапорте наместнику от 15 сентября 1866 г. сообщал, что «из главных виновных, указываемых общественной молвой, к 9 сентября 8 человек находились в бегах. Приняты всевозможные меры к их поимке. Остальные или уже арестованы, или подвергаются беспрепятственно аресту, постепенно, по мере обнаружения их виновности».

Следственная комиссия опросила большое количество людей. Как уже говорилось, в списке лиц, проходивших в следственном деле в качестве зачинщиков восстания, большинство составляли крестьяне, многие из которых были признаны главными инициаторами. Князья и дворяне намеренно выдавали участников восстания из крестьян.

В августе 1866 г. активные участники восстания, признанные «важными преступниками», крестьяне Науруз Шакрыл и Мсоуст Пилия и князь Учан Дзапш-ипа были отправлены в Тифлис, в Метехский замок, куда они были доставлены из Кутаиса 23 августа. И. д. тифлисского коменданта в своем отношении начальнику Кавказского горского управления от 26 августа 1866 г. сообщал, что названные лица помещены в Метехский замок, каждый в отдельной камере, для содержания под арестом, «сделано распоряжение иметь за ними строгий и внимательный надзор и не допускать им между собою и ни с кем посторонним переговаривать и переписываться»⁶¹.

Вместе с этими лицами в Тифлис был отправлен и кн. Александр Шервашидзе, высылка которого из Абхазии также было признано необходимым⁶². Характерно, что в официальной переписке говорилось по этому поводу: «Сейчас отправляются к вам (полк. Старосельскому.— Г. Д.) с особым офицером важные преступники и Александр Шервашидзе»⁶³. Характерно было и то, что Ал. Шервашидзе, до 17 октября 1866 г. находившийся под надзором

⁶⁰ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л. л. 9 об.— 10.

⁶¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 53.

⁶² Там же, л. 89.

⁶³ Там же, л. л. 43 и 47.

полиции, а затем под арестом в Метехском замке, содержался в особой комнате и имел хорошее суточное содержание; семье же его было назначено 250 руб. в месяц⁶⁴.

Полевому суду было предано 15 человек⁶⁵. В начале декабря 1866 г. в Сухуме, на берегу моря, за крепостью, на глазах тысяч людей⁶⁶, были повешены крестьяне Ханашв Қалги (Ханашэ Қалбы) и Какучал-ипа и дворянин Қазилбек Маргания, которые, как говорилось в приказе по Кавказскому военному округу от 5 апреля 1867 г., «по произведенному по полевым уголовным законам военному суду над жителями, виновными в возмущении и убийствах, совершенных абхазцами 26-го июля 1866 г., более других оказались виновными»⁶⁷.

Из Абхазии было выселено 30 человек участников восстания⁶⁸. Из одного документа, датированного 24 октября 1866 г., узнаем, что в Новороссийск было отправлено под стражей 12 душ, но ввиду отсутствия там соответствующего помещения и денег на их содержание, они были переведены в Ставрополь⁶⁹. Среди них были крестьянин из с. Аацы Б. Отырба, Куджба, Ширинбей Маршания. В телеграмме полк. Старосельского в Екатеринодар полк. Пиленко от 26 октября 1866 г. говорится: «Содержать там (в Ставрополе.— Г. Д.): мужчин на гауптвахте арестованными, женщин, детей, прислугу под надзором. Содержание по положению»⁷⁰. Многие из высланных, преимущественно крестьян, были отправлены в Сибирь. Таким образом, репрессивные меры против участников восстания были проведены с классовых позиций.

* * *

Чем объяснить тот факт, что восстание, которое так сильно встревожило царское правительство, прекратилось почти внезапно? Почему крестьяне, которые так храбро дрались с регулярными войсками, прекратили вооруженное сопротивление фактически после неудачного штурма Сухума? Наконец, чем было обусловлено то явление, что разоружение населения произошло без каких-либо серьезных столкновений, а расстрел и выселение нескольких лиц из активных участников восстания также не вызвали почти никаких протестов? Правильные ответы на эти вопросы могут иметь важное значение для выяснения причин поражения и характера восстания 1866 г.

Сопrotивление повстанцев царским войскам было вполне возможно в августе 1866 г., при тех условиях, в которых находились восставшие. Их было значительное число, и они обладали доста-

⁶⁴ Там же, л.л. 48—50, 204, 229.

⁶⁵ ЦГИА, ф. 649, оп. 1., д. 409, л. 80.

⁶⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 190.

⁶⁷ «Кавказ», 30 апреля 1867 г., № 188.

⁶⁸ Письмо наместника Кавказа Александру II от 9 января 1867 г. ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 611, л. 2 об.

⁶⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 207.

⁷⁰ Там же, л. 208.

точным количеством оружия. Как мы видели, население выдало властям более 6300 ружей и пистолетов. Надо полагать, что у него оставалось еще большое количество оружия, скрытого им. Повстанческие массы, при желании, могли хорошо использовать и то преимущество в стратегическом отношении, которое представлял им край: леса, горы, ущелья и пр. Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. подчеркивал, что в Абхазии такая местность, что, несмотря ни на какую численность войск, при военных действиях нельзя рассчитывать на верный и постоянный успех. «Опыт доказал мне, что такое для наших войск лес при отчаянном неприятеле. Во всяком случае, неизбежна большая потеря»⁷¹.

Учитывая именно все это, царские генералы мало надеялись на скорую ликвидацию восстания. Мирского обвиняли в нерешительности и в незнании края. На самом же деле поведение Мирского было обусловлено как раз неплохим знанием Абхазии. Он медлил, чтобы создать огромное военное преимущество. И он действительно создал большой вооруженный кулак. Войска и вооружение, сосредоточенные в то время в Абхазии, как мы видели, достигали внушительных размеров. Край очутился в кольце, все горные входы и выходы были закрыты, берег охранялся военными судами.

Таким образом, крестьяне боролись храбро, их было достаточно много, они были вооружены, природные условия благоприятствовали им для продолжения борьбы. Но у них не было твердого руководства и необходимой организованности. Состав повстанческой массы был неоднородным. Классовые стремления отдельных участников движения чем дальше, тем больше расходились.

Ни Георгий Шервашидзе, ни дядю его Александра Шервашидзе нельзя считать руководителями восстания 1866 г. Георгий Шервашидзе впоследствии по своим социально-политическим взглядам примыкал к либерально-дворянской интеллигенции, возглавлявшейся в Грузии писателем И. Чавчавадзе. Ни в 1866 г., ни впоследствии Г. Шервашидзе не был сторонником вооруженного выступления против царского самодержавия⁷². В этом отношении характерен разговор между Георгием и Александром Шервашидзе 26 июля 1866 г., после убийства Коңьяра. В местности Ажарыца Александр подошел к задумчиво стоявшему Георгию и, оправдывая себя, сказал: «Может быть, ты думаешь, что я виновник этого дела; уверяю тебя, что никакого заговора не было»⁷³. Мирский в письме наместнику Кавказа от 6 августа 1866 г. писал: «Может, он (Георгий.— Г. Д.) иногда говорит неосторожно и недовольно твердо отказался, когда ему твердили о восстановлении

⁷¹ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

⁷² См. С. Джанашиа „გეორგი შერვაშიძე. ნარკვევი აფხაზეთისა და სამეგრელოს კულტურული ისტორიიდან“. „მასალები საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის“, вып. III, Тбилиси, 1939 г.

⁷³ Записка нач. Кавказ. горск. управл. от 16 января 1867 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 247, л.л. 6—10.

владельческих прав, но сам он ничего дурного не делал и не помышлял»⁷⁴.

Наместник Кавказа в письме Александру II от 21 августа 1866 г. сообщал: «Поведение моего адъютанта кн. Георгия Шервашидзе почти выяснилось: кн. Мирский совершенно убежден в его виновности и незнании о готовившемся возмущении. Еще в начале лета, когда мой Трубецкой был в Абхазии, Георгий говорил ему, что желал бы поскорее уехать, ибо, видя столько около себя интриг, опасался, чтобы его как-нибудь не очернили и не опутали»⁷⁵. Наместник Кавказа считал совершенно доказанным, что Георгий Шервашидзе во время восстания случайно оказался в Сухуме⁷⁶ и «также случайно, единственно вследствие требования полк. Коньяра, попал в с. Лыхны»⁷⁷. Об этом же писал Мирский в письме наместнику от 6 августа 1866 г. Более подробно разъясняя это обстоятельство, наместник говорил, что когда полк. Коньяр в последний раз отправлялся в Лыхны, то он пожелал взять с собой князей Георгия и Александра Шервашидзе, надеясь их «присутствием успешнее воздействовать» на население. «Но Георгий не хотел ехать, и потребовал даже предписания от Коньяра, и только убеждения покойного заставили его отправиться. Наконец, будучи в плену, он постоянно писал и умолял, чтобы его выручили»⁷⁸.

Далее наместник подчеркивал, что во время восстания Георгию было всего только 19 лет⁷⁹, что «критиковать весьма легко, но, поставив себя в то крайне критическое и опасное положение, в котором находились все бывшие с Коньяром, трудно решить, как сам бы поступил в этом случае!».

В третьем пункте заключений, в своем отношении Д. А. Милютину, наместник писал, что во время последовавших событий (с 25 июля по 5 августа) Георгий оказался «пассивным орудием» в руках представителей феодальной оппозиции («державших его под постоянным надзором и водивших его с собою везде, где был им нужен»). Но при том «ни разу даже не попытался образумить» восставших. «Есть основание верить тому,— продолжал наместник,— что кн. Георгий думал неоднократно покинуть мятежников

⁷⁴ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 37—44.

⁷⁵ Там же, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, л.л. 34—37.

⁷⁶ Г. Шервашидзе, состоявший адъютантом при наместнике Кавказа, последним был опущен в Абхазию в июне 1866 г. на некоторое время в связи с похоронами его отца, Михаила Шервашидзе.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 171—178.

⁷⁸ Святополк-Мирский в телеграмме на имя наместника Кавказа от 30 июля 1866 г. сообщал, что получил письмо от Георгия Шервашидзе: «говорит, что в плену, и просит спасти, кажется, искренно». (ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л. 28). В следственном деле также указывается, что Георгий это письмо написал после выступления в Лыхны, в доме дворянина Джигва Лакрба (с. Дурипш), и послал его кн. Мирскому через переводчика Г. Ткецишвили (л. 254 об.). Об этом свидетельствует и Г. Ткецишвили в своем «Показании»: «Князь Георгий Шервашидзе, узнав, что мы спасены, прислал мне секретно бумагу и просил скорее отправиться в Сухум и доставить ее кутаисскому генерал-губернатору князю Святополк-Мирскому... Бумагу от князя Георгия Шервашидзе генерал-адъютанту князю Святополк-Мирскому я передал полковнику фон Кульману в Сухуме» (л. 47).

⁷⁹ Г. М. Шервашидзе родился в 1846 г., умер в 1918 г.

и выйти в Сухум⁸⁰, но не рискнул, однако, и в этом случае, несмотря на близость расстояния, ни одной попыткой почти до совершенного прекращения волнения. Нет никакого сомнения, что поведение кн. Георгия в глазах населения приняло тот вид, который пожелали придать ему лица, руководившие этим делом, и что в народном сознании он являлся в настоящем случае вполне сочувствующим возмущению, в видах мести за удаление отца его. Обстоятельство это, придающее особенное значение виновности князя Георгия в смысле политического влияния и последствий присутствия его в рядах мятежников, не должно, однако, по мнению моему, служить причиной к увеличению обвинения по одному тому, что при полном упадке нравственных сил и при врожденной ему неспособности противиться влиянию окружающих его лиц, какого бы рода влияние это ни было, его нельзя признавать в полной мере ответственным за свои действия.

Наместник, а также кн. Мирский, пребывание в лагере повстанцев Георгия Шервашидзе, кстати, о чем писал и сам Г. Шервашидзе, рассматривали как вынужденное, как плен, а явку его к властям, что последовало сейчас же после поражения восстания, как освобождение из этого плена⁸¹. О последнем факте мы имеем следующее свидетельство полковника Давыдова: кн. Мирский, желая «спасти Георгия Шервашидзе, попавшего, повидимому, против своего желания» в восстание, послал к последнему «доверенное лицо»; ночью он явился в Сухум, в крепость⁸². Наконец, в упомянутом выше письме Александру II наместник сообщал: «Теперь Георгий умолял дать ему случай кровью смыть лежащее на нем пятно, на что я охотно согласился; он назначен в отряд г.-м. Левашева, который высадили у р. Псырт» (Псырцха — Г. Д.)⁸³. Однако ничего неизвестно о деятельности Георгия в составе названного отряда.

Насколько была незначительна степень вины кн. Георгия Шервашидзе перед правительством, показывает еще тот факт, что по отношению к нему наместник Кавказа считал возможным ограничиться переводом его на службу в войска Оренбургского военного округа, предоставив ему, если пожелает, выйти в отставку, но, во всяком случае, без права возвращения на Кавказ⁸⁴. Таким образом, наместник предлагал не исключать кн. Георгия из армии

⁸⁰ В следственном деле сообщается такой факт. На рассвете 30 июля 1866 г., перед началом последнего наступления повстанцев на Сухум, кн. Георгий Шервашидзе заявил: «Меня поставили в такое положение, что я не могу явиться к русским (царским властям.— Г. Д.), которые меня вскормили и воспитали, предпочитаю себе смерть» (л. 258 об.).

⁸¹ См., напр., письмо вел. кн. Михаила Николаевича воен. министру Д. А. Милютину от 19 августа 1866 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 28—30.

⁸² А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 190.

⁸³ Речь идет о высадке десантного отряда ген. Левашева у Псырцха уже после прекращения восстания, 16 августа 1866 г.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 171—178. Это мнение вел. князя Михаила Николаевича было утверждено Александром II в апреле 1867 г. (ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 217 об.).

и даже не понижать в чине, а лишь перевести его в указанное место в том же чине⁸⁵. Так писал человек, который не любил и преследовал впоследствии Г. Шервашидзе⁸⁶, об ограниченности роли последнего в восстании 1866 г.

Ни в упомянутых, ни в других официальных документах нет никаких указаний насчет каких-либо попыток со стороны Г. Шервашидзе установить связи с Турцией или стремления его бежать туда. Если в этом роде выяснилось бы хоть что-нибудь, то, разумеется, правительство этого не простило бы кн. Георгию. Правда, некоторые лица сообщали следственной комиссии «факты», компрометировавшие Г. Шервашидзе в этом отношении⁸⁷. Но дело, очевидно, в том, что авторами этих «показаний» являлись некоторые представители протурецких элементов дворянской оппозиции⁸⁸, и делалось ими это, понятно, с той целью, чтобы облегчить свою участь за счет Георгия Шервашидзе.

Молодой Георгий Шервашидзе помимо его воли был провозглашен «владельцем» и «главой восстания». Нельзя не признать справедливым по отношению к кн. Георгию следующее место «Объяснительной записки» князей Шервашидзе: «...Ежели князя Шервашидзе, офицеры русской службы, обвинялись в подстрекательстве к восстанию, или участия в нем, то они без всякого колебания должны были быть преданы военному суду, который приговорил бы их, по всей вероятности, к расстрелу, или при особом снисхождении, — к разжалованию в рядовые»⁸⁹.

Что же касается кн. Александра Шервашидзе, то в его поведении вообще нет почти ничего неясного. Это был яркий представитель реакционной феодальной верхушки, мечтавший о восстановлении былых порядков в Абхазии и действовавший активно в этом направлении. Он, несомненно, был причастен к дворянскому заговору, возникшему еще до восстания, и являлся одним из проводников линии феодальной оппозиции в самом восстании. Кн. Александр проявил активность в том и в другом случае, хотя он, подобно Георгию, 26 июля случайно оказался в сел. Лыхны. В частности, стремясь использовать начавшееся движение исключительно в интересах своего класса, он старался увлечь повстанцев на этот путь, сбивая их с противоположного — антифеодального. Кроме того, как чувствуется на основании некоторых доку-

⁸⁵ Утверждение Александра II об отчислении кн. Г. Шервашидзе от должности адъютанта наместника Кавказа «с оставлением по армейской пехоте тем же чином» последовало в первой половине сентября 1866 г. (ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 52—53).

⁸⁶ Акад. С. Н. Джанашиа писал: «Михаил Николаевич в лице Георгия Шервашидзе видел природного врага. К этому присоединились антипатии личного характера в семье великого князя по отношению к Шервашидзе» («Сб. Руставели. К 750-летию «Вепхисткаосани», стр. 200).

⁸⁷ См. «Из следствен. дела».

⁸⁸ Князь Гыд Инал-ипа, князь Маршания, дворяне Маргания, дворянин Джигва Лакрба и др.

⁸⁹ Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владельца Абхазии, стр. 91—92.

ментов, кн. Александр, по-видимому, был не прочь прибегнуть для этой цели к помощи султанской Турции. Между прочим, его поведение в период оккупации побережья Абхазии турками во время Крымской войны, когда он никуда не уезжал из края, было подозрительным, если не больше этого ⁹⁰.

В записке, составленной следственной комиссией, по поводу обвинений, предъявленных кн. Александру Шервашидзе, говорится: «Обвинения эти принимают характер большой определенности и достоверности» ⁹¹. Наместник Кавказа, сопоставляя роль Георгия с ролью Александра в восстании 1866 г., писал, что последний всегда был известен как человек слабого характера и ограниченного ума; «я нахожу, что по летам и по характеру поведения своего во время восстания он гораздо менее может иметь права на какое-либо извинение. Исследование всех действий его убеждает, что действия эти, если и не были сознательно соображены и взвешены с могущими произойти от них последствиями, то все-таки были произвольными и не являлись исключительным результатом чужого влияния» ⁹². Александр Шервашидзе, имевший чин подполковника и числившийся по армейской пехоте, был исключен из службы ⁹³. Следовательно, политические убеждения Ал. Шервашидзе настолько не вызывали опасения, что правительство не сочло нужным применить к нему более строгих мер.

Не могли быть действительными руководителями движения и два брата Маргания и другие феодалы, которые принимали участие в восстании и впоследствии за это были подвергнуты правительством различным репрессивным мерам. Представители дворянства, бывшие по той или иной причине недовольными новым управлением, ждали, когда назреет открытое выступление крестьянской массы против царской администрации, чтобы воспользовавшись этим движением, приступить к осуществлению своих планов. В крайнем случае, они надеялись, что русская администрация будет вынуждена сама расширить их права.

Часть местных феодалов определенно надеялась на поддержку внешних сил. Однако расчеты на эту поддержку не оправдались. Общеполитическая ситуация была такой, что правящие круги Турции, Англии и Франции не могли открыто вмешиваться в события, происходившие в Абхазии. Кроме того, отношение крестьянских масс к такого рода вмешательству было отрицательным.

Многие же помещики в движение были втянуты совершенно случайно, а некоторые — по принуждению. Эти лица при первой возможности, в особенности после неудачи штурма Сухума,

⁹⁰ Багратион-Мухарский, которому было поручено расследовать поведение в те годы Ал. Шервашидзе в Абхазии, доносил ген. Реаду, что Ал. Шервашидзе, облеченный в звание паши, приняв управление Абхазией, действует как «человек, движимый собственным убеждением». (ЦГВИА, ф. 482, д. 110, л. 155 об.).

⁹¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 247, л. 6—10.

⁹² Отнош. главнокомандующего Кавказской армией военному министру от 23/28 февраля 1867 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 171—178.

⁹³ Там же.

открыто изменили и приняли, наравне с другими феодалами, участие в подавлении восстания регулярными войсками, а до этого кое-кто из них вел подрывную работу. Оставшихся же до конца верными движению попутчиков из дворян было мало. Причем, часть из них продолжала сопротивляться только потому, что не рассчитывала на примирение с правительством. Феодалские группировки, участвовавшие в движении, не только не могли выделить авторитетного руководителя, который бы мог возглавить восстание в целом, но вообще не могли объединить массы, выступая за чуждые последним интересы. Как только феодалы открыто перед крестьянами объявили о своих подлинных целях, восстание пошло на убыль.

Однако крестьяне также не смогли выдвинуть из своей среды твердых, признанных руководителей, последовательно руководивших их борьбой.

Нам известны имена отдельных крестьян, игравших активную роль в восстании 1866 г. Из всех 21 человека, проходивших в следственном деле как «виновники лыхнинского события», 12 являлись крестьянами, часть из которых были признаны главными инициаторами восстания. Именно крестьяне Гыдж, Отырба, Шбук Дзганипа, Ханашв Калги, Какучал-ипа и др. одними из первых начали «волновать массу и стрелять». Последние двое были среди трех расстрелянных в Сухуме за подавлением восстания, как «более других виновные». К сожалению, имена крестьян героев штурма Сухума наши документы не сохранили. Следственное дело почему-то ограничивается лишь участниками лыхнинских событий, хотя оно и охватывает весь период борьбы, в том числе и штурм Сухума. Наши устные источники (воспоминания и фольклор), подчеркивая провокационную деятельность дворянства, в качестве инициаторов и героев событий выдвигают представителей крестьянства; популярны имена, например, Кайнагу и Петра Мачич-ипа (Кобахия), Гыджа Отырба и Коблуха Аджба. В следственном деле и в других документах особенно отличившимися характеризуются, кроме названных выше, крестьяне Лаз Асадзба, Зафас Чанба, Гуд Дбар, Науруз Шакрыл, Мсоуст Пилия и др. Многие из них были арестованы и сосланы, а Шакрыл и Пилия были в числе трех, заключенных в Метехском замке в Тифлисе. Вообще среди репрессированных после подавления восстания крестьяне составляли абсолютное большинство.

В тех органах, которые возникали в ходе восстания, крестьяне преобладали. Так, в Совете четырех, избранном, повидимому, в период штурма Сухума с определенными функциями, трое были крестьяне-анхаю. Все 6 или 8 депутатов во главе с О. Шамба, выбранные населением для ведения переговоров с полк. Коньяром в с. Лыхны, являлись крестьянами. Выдвигая собственных руководителей из своей среды, крестьяне, однако, не сумели дать тогда общепризнанных руководителей, способных по-настоящему возглавить движение. Безусловно, весьма деятельным и авторитетным был Осман Шамба, но дальше 26 июля, т. е. после собы-

тия в с. Лыхны, мы его почти не встречаем⁹⁴. Тогда же обрывается и роль Х. Калги, Г. Отырба, Какучал-ипа и др. До конца же действуют К. Хагба и З. Гунба, но они, как видно, не отличались особой решительностью. По-видимому, большую роль играли в ходе восстания Пилия и Шакрыл, однако мы знаем только то, что они были заключены в Метехский замок, как «опасные преступники».

Говоря об участниках восстания, необходимо также еще раз подчеркнуть, что основную массу и решающую силу на всех этапах движения составляло крестьянство в целом. К сожалению, у нас нет точных данных об общем количестве участников восстания. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин сообщал, что число повстанцев считают до 15 тыс. человек⁹⁵. Эта цифра почти согласуется с сообщениями стариков современников: 15—20 тыс. человек.

Ясно, что такую массу могли составить лишь крестьяне, так как, по данным Сухумской сословно-поземельной комиссии на принадлежность к привилегированному сословию во время реформы претендовало по всей Абхазии всего лишь до 4 тыс. душ обоюго пола⁹⁶. В ведомости о количестве огнестрельного оружия, конфискованного после поражения восстания у населения, в количестве 6.337 штук, значатся, в основном, крестьянские фамилии⁹⁷. Мирский также подчеркивал, что именно крестьяне представляли основную повстанческую массу. Ставя вопрос о восстановлении разрушенных гарнизонных и таможенных постов, Мирский указывал, что эту работу следовало бы возложить на «взбунтовавшееся народонаселение, но оно находится в таком состоянии бедности, что это, вероятно, для него невозможно». Имелась в виду, конечно, крестьянская масса⁹⁸.

К следственному делу приложен список «предводителей партии», участвовавших в штурме Сухума (около 80 чел); среди них, судя по фамилиям, преобладали князья и дворяне. Этот факт легко может ввести в заблуждение, если не учесть того обстоятельства, что в данном случае слово «предводитель» вовсе не означало руководитель или командующий. Здесь речь шла вообще о владельце («покровителе») того или иного села или местности, который мог и не участвовать, а многие действительно не принимали никакого участия в штурме Сухума. Более того, в списке значатся и лица,

⁹⁴ За исключением одного случая, когда О. Шамба в 1869 г. выступает в качестве депутата, члена словесного суда Пицундского округа по делу звандрипшских анхаю Чкок. Между поколениями этой фамилии и дворянами Званба сначала XIX в. происходила борьба; последние стремились подчинить себе первых, а те решительно выступали против подобной попытки. Борьба закончилась, наконец, перед самой крестьянской реформой, в конце 1869 г., когда указанный суд определил: «Анхаве Согума, Маэлоу и Тыгва Чкоковых от всякого дальнейшего притязания со стороны дворян Званбаевых освободить навсегда и последним в домогательстве их отказать». (ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 182).

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л.л. 50—51.

⁹⁶ ССКГ, III, стр. 6.

⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л.л. 296—299, 302—314.

⁹⁸ Там же, л. 127 об.

выступавшие на стороне царских войск, участвовавших в подавлении восстания ⁹⁹.

Площадь непосредственного распространения восстания охватывала всю Бзыбскую Абхазию, Цебельду и часть Сухумского округа. Остальная часть Сухумского округа и Абжуйская Абхазия были «в большом волнении, но открыто не восстали ¹⁰⁰. Однако некоторые крестьяне из последней приняли активное участие в движении 1866 г. Согласно списку «предводителей партии» («огней»), приложенному к следственному делу, в штурме Сухума всего участвовали жители 31 селения.

⁹⁹ Из следственного дела, л. 79.

¹⁰⁰ Письмо Святополк-Мирского наместнику Кавказа от 1 августа 1866 г., ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 409, л.л. 20—23.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССТАНИЯ

1

Еще не закончилось разоружение населения, как царское правительство поспешно принялось за «административное устройство» Абхазии, за усиление административно-полицейского аппарата. Военный министр Д. А. Милютин в своем отношении управляющему делами Кавказского комитета 3 августа 1866 г. писал, что «настоящую необходимость немедленного введения окончательной организации» в Сухумском отделе Александр II считает «ввиду последних событий в Абхазии» т. е. восстания 1866 г.¹ Уже в одном из первых сообщений о восстании в Абхазии наместник Кавказа просил военного министра добиться утверждения царем проекта положения и штатов управления Сухумского отдела², и разрешения ввести их немедленно³. Член Сухумской сословно-земельной комиссии А. Н. Введенский писал, что на необходимость проведения некоторых административных преобразований «указало абхазское возмущение»⁴.

Постановление об этом, вынесенное Кавказским комитетом в соответствии с предложениями ген. Бартоломея, было утверждено императором 11 августа 1866 г.⁵ Абхазия (Сухумский отдел) была разделена на управление городом Сухумом и округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. Таким образом, были ликвидированы Цебельдинское и Самурзаканское приставские управления, а Бзыбский, Сухумский и Абжуйский округа были переименованы в Пицундский, Цебельдинский и Драндский округа. Упразднились также управление командующего войсками в Абхазии и его гражданская канцелярия по управлению г. Сухумом,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 30, л. л. 5—6.

² Комиссия для составления проекта положения и штатов управления Сухумского отдела была учреждена в 1864 г., после упразднения Абхазского владетельства, и закончила свою работу к апрелю 1866 г.

³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1856 г., св. 879, д. 12 г, л. 135.

⁴ (А. Введенский). Абхазцы (азега)... стр. 7.

⁵ Приказ военного министра по этому поводу вышел 24 августа 1866 г.

Сухумская городская ратуша и Сухумское комендантское управление.

По всем частям управления начальник Сухумского военного отдела (на эту должность был назначен ген. М. Толстой) подчинялся кутаисскому генерал-губернатору. Округа были вверены окружным начальникам. Во главе г. Сухума были поставлены городничий и городское полицейское управление. В качестве судебных органов были учреждены: в г. Сухуме — «Главный суд» (для всего края), в котором председатель назначался правительством; в округах — словесные суды, в них председательствовали начальники округов. В селениях были назначены старшины, ведавшие, ко всему прочему, сбором податей. Была учреждена земская стража, состоявшая из пяти урядников и подчиненных им стражников⁶.

Согласно предписанному наместником Кавказа указанию, население Абхазии было обложено подымной государственной податью. В приказе наместника по Кавказскому военному округу от 11 января 1868 г. сообщалось, что «объявленная ко взносу подать с жителей края собрана безнедоимочно за весь 1867 г.»⁷.

В 1867 г., вместо Толстого, начальником Сухумского отдела был назначен ген. Гейман. О качестве этого администратора можно судить по письму жителей сел Бзыбской Абхазии на имя наместника Кавказа в ноябре 1868 г.: «Просьбу нашу, которую приносили генералу Гейману, при сем представляем⁸ и всепокорнейше осмеливаемся доложить о бедственном нашем положении, что мы на генерала Геймана не имеем никакой надежды о благополучном нашем сожитии и водворении; к тому причины: что при первом его прибытии, когда весь Пицундский округ представился к нему в Сухуме, он не затрудняясь объявил нам следующие слова: «Хотя государь простил вам за преступления ваши, но я не прошу... Мы, услышавши от него слова эти, удивлялись и пришли в большой ужас...»⁹.

В 1868 г. последовала новая административная реформа. Постановление об этом было утверждено императором 27 мая 1868 г. Согласно этому постановлению, Абхазия была разделена на два округа: Пицундский и Очемчирский. Каждый из округов делился на два участка: Пицундский — на Гудаутский (от Гагр до р. Псырцха) и Гумистинский (от р. Псырцха до р. Кодора); Очемчирский — на Кодорский (от р. Кодора до р. Гализга) и Самурзаканский от р. Гализга до р. Ингура). Для надзора за устройством поселений в Цебельде было учреждено особое попечительство, а для сбора доходов с имений бывш. владельца Абхазии —

⁶ Положение об управлении Сухумским отделом. Временные правила об устройстве судебной части в Сухумском отделе ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1866 г., д. 30, л.л. 33—41. См. также приказы по Кавказскому воен. округу за 1866 г. ГАКК, инв. № 1629.

⁷ «Кавказ», 19(31) января 1868 г., № 8.

⁸ Речь идет о цитированном уже заявлении жителей селений Бзыбской Абхазии в том же 1868 г.

⁹ ЦГИАГ, ф. 80, д. 238, л.л. 3—4.

должность заведывающего оброчными статьями. В том же году были введены общинные и сельские управления. Все села Абхазии были разделены на 41 общину с общинными и сельскими старшинами и общинными судами.

2

Одновременно происходит переселение части абхазского населения в Турцию (махаджирство). Это было результатом, главным образом, провокационной деятельности султанских и других иностранных агентов, некоторых представителей царских властей и абхазских феодалов — изменников родины. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин сообщал в русское посольство в Турции (28 июля 1867 г.) о том, что некоторые абхазские феодалы «очень старались переселить» в Турцию «своих соотечественников, преимущественно рабов»¹⁰, а иностранные агенты всячески способствовали им. Царская администрация до поры до времени не препятствовала этой провокации.

Что же касается абхазских крестьян, то они в своей массе, как об этом уже частично говорилось, не хотели покидать родину, соглашаясь в крайнем случае ехать в Сибирь, но только не в султанскую Турцию¹¹. Источники нередко сообщают и о случаях, когда крестьяне скрывались, избегая переселения¹². Чтобы доказать свою лояльность, те крестьяне, которые считались мусульманами, массами принимали христианство. Наместник Кавказа в письме Александру II от 31 марта 1867 г. констатировал, что жители Бзыбской Абхазии «не желают идти в Турцию» и, имея в виду указанную часть населения, добавлял: «все принимают добровольно христианство»¹³.

В результате событий 1866 г., махаджирства и эпидемических болезней население Абхазии сократилось с 79.190 к январю 1866 г.¹⁴ до 64.933 душ в конце 1867 г.¹⁵

3

Восстание 1866 г. дало возможность крестьянам лучше разглядеть подлинное лицо князей и дворян, лучше осознать свои собственные интересы. Оно глубже раскрыло классовые противоречия между крестьянством и помещиками. Таким образом, восстание имело важное значение для роста классового самосознания крестьянства. Крестьянские выступления, имевшие место после восстания 1866 г., носили ярко выраженный антифеодальный характер. Все чаще встречаются факты отказа в выполнении крепостнических повинностей, бегства крестьян от своих помещиков и т. д.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 252.

¹¹ ЦГИАГ, ф. 80, д. 238, л.л. 5—10.

¹² См., напр., ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1867 г., д. 253, л. 172.

¹³ ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 611, л. 10.

¹⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 107, л.л. 48—49, 54.

¹⁵ ССКГ, вып. 1, отд. гор. лет., стр. 13.

Случаи отказа крестьян выполнять повинности стали особенно массовыми в имении кн. Г. Д. Шервашидзе. Управляющий этим имением Е. Туркия вынужден был прибегнуть к посредству сухумской полиции, требуя «взыскания денег с тех лиц, которые отказались платить ему»¹⁶. А. В. Пахомов 17 июня 1868 г. также просил управление Пицундского округа «о принуждении подвластных князя Георгия к исполнению лежащих повинностей в пользу помещика, как это делалось прежде, при жизни покойного гвардии полковника князя Дмитрия Шервашидзе...»¹⁷.

В заявлении от 11 сентября того же 1868 г. начальнику Пицундского округа А. В. Пахомов приводил следующие конкретные случаи. Жители: с. Багажишта — анхаю Сасрыква и Фат Харазия, Мурза Микая, Багыр Чкотия и Кваташь Джегелия; поселка Цамбейквара — анхаю Чагыр и Аджгя Тванба и с. Пшاپ — Хакуцв Шалаберия и два дыма Тванба (Сейлух-ипа) «отказываются платить ажидз». Далее он просил внушить указанным жителям, чтобы они «лучше выполняли свои обязанности относительно помещика». При этом А. В. Пахомов подчеркивал, что отказываясь отбывать повинность в пользу помещика, они сопротивляются приказанию начальства¹⁸. В ответ на заявление А. В. Пахомова начальник Пицундского округа майор Бутми де Кацман 11 октября 1868 г. сообщил, что Багыр Чкотия, Кваташь Джегелия и Мурза Микая давно ушли от кн. Г. Д. Шервашидзе. Что же касается остальных, то «мною им приказано отбывать все повинности, которые отбывали они при жизни покойного их помещика князя Дмитрия»¹⁹.

Сохранился весьма любопытный список крестьян, правда, неполный, по 10 селениям кн. Г. Д. Шервашидзе, составленный 8 декабря 1869 г. Интересно уже само название документа: «Список абхазцам поселенцам с отметкою, которые не выходили на работу и выходили». Против многих фамилий, к сожалению, нет никаких отметок, но из отмеченных в указанном году на работу вышли (преимущественно по 3 дня) только 40 анхаю; не вышли — 96. Интересно также заметить, что список крестьян по 6 селениям (Багажишта, Багбаран, Гульрипш, Дранда, Келасури и Пшاپ) состоит лишь из одних не вышедших на работу анхаю. Особенно характерен тот факт, что отказывались выходить на работу не только анхаю, но и ахоую. Таких, например, по с. Абжаква значатся 2 чел., а по с. Гума — 10, из коих против трех написано «не желает», против еще трех имеется отметка о их переселении в другие места (очевидно, бежали)²⁰.

А. Пахомов и Е. Туркия часто заводили тяжбы с крестьянами. В этом отношении показателен спор между ними и анхаю с. Мерхеул Гусейном и Халылом Браскил, отказывавшимися отбывать

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 378.

¹⁷ Там же, л. 307.

¹⁸ Там же, л. 331.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, (кн. 1), 1868 г., д. 29, л. 342.

²⁰ Там же, ф. 1110, оп. 1, 1869 г., д. 30, л.л. 1—5.

повинности в пользу Г. Д. Шервашидзе»²¹. Однако все старания и Пахомова, и Туркия, и властей были тщетными. Когда наследник Дмитрия Шервашидзе, кн. Георгий, после 14-летнего отсутствия, явился в имение своего отца, председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии сообщил ему, что из 695 дымов анхаю, на которых, как на подвластных, указывал его поверенный, только 56 были обязаны выкупом своих повинностей. «А остальные отвергли свою подвластность мне»,— жаловался сам кн. Г. Д. Шервашидзе. При этом он просил, чтобы размер пособия за повинностям этих 56 дымов был бы исчислен не только по тем повинностям, какие они отбывали в день объявления «Положения» о реформе, но и по тем, которые они прекратили отбывать до этого²².

Вместе с тем, А. В. Пахомов называл имена отдельных руководителей этой антифеодальной борьбы. Анхаю с. Пшاپ Алхаз Шалаберия, имеющий «очень большое влияние в народе», Чагыр Вардан (Фардан) в с. Абжаква, Куджба и Ахмат Мсыр-ипа в с. Бырцха «постоянно возбуждают народ к невыполнению обязанности его относительно помещика (Г. Д. Шервашидзе.— Г. Д.) и имеют даже вредное влияние и в правительственном отношении»²³.

Такое явление наблюдалось и в других местах Абхазии. Так, дворянин Мырзакул Акиртаа из с. Аацы в 1870 г. заявил жалобу, что 40 дымов анхаю Цугба прекратили отбывать ему повинности. Впоследствии указанные крестьяне вообще отрицали свою зависимость от Акиртаа и объявили себя дворянами²⁴. Так поступили в том же селении и 27 дымов анхаю Отырба по отношению к дворянам Багба, а анхаю Малия — по отношению к Акиртаа²⁵. В Абжуйской Абхазии в с. Квитаули вся фамилия анхаю Когония объявляла отношения между ней и кн. Шервашидзе, как отношения между «дворянами» и «удельными» князьями²⁶. В том же году крестьяне с. Члоу отказались служить кн. Анчабадзе (Ачба) и нести в его пользу какие бы то ни было повинности. Анчабадзе вынужден был обратиться за помощью к начальнику Сухумского отдела ген. Гейману, который «восстановил порядок военной силой»²⁷.

Наместник Кавказа в письме Святополк-Мирскому еще 24 августа 1866 г. писал: «Старосельскому поручено подробно переговорить с вами о дальнейшем ходе крестьянского дела в Абхазии. Ввиду случившихся прискорбных событий, считаю совершенно невозможным приостановить соби́рание сведений по этому вопро-

²¹ Там же, ф. 1087, 1871 г., д. 30, л.л. 44—45.

²² Там же, л.л. 56—57.

²³ ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

²⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1876 г., д. 1409, л.л. 3—18; д. 1408, л.л. 5—15.

²⁵ Там же, д. 1392, л.л. 2—11.

²⁶ Там же, д. 1389, л.л. 3—5.

²⁷ И. Г. Антелава. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии. «Сообщения АН Груз. ССР», т. X, № 4. Тбилиси, 1949, стр. 252.

су; бзыбцы после примерного их наказания, без сомнения, должны будут выполнить всякие наши требования; не знаю только, как пойдет дело в Цебельде и Абжибском (Абжуйском.— Г. Д.) округе; но надобно настоять и поставить на своем месте, не то опять выйдет поблажка»²⁸.

Наместник в своем отзыве тому же кутаисскому генерал-губернатору от 9 февраля 1867 г. предлагал объявить абхазскому населению, что оказанное этим населением сопротивление «не может, конечно, изменить принятого правительством решения, и что рабы и другие зависимые сословия в Сухумском отделе будут освобождены, как это и было прежде объявлено»²⁹.

И для царских чиновников было ясно, что, как говорил член Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. Шредер, «устройство Абхазии является важнейшей необходимостью»³⁰. Святополк-Мирский в предписании новому начальнику Сухумского отдела от 9 сентября 1866 г. внушал: «Предстоящее освобождение зависимых сословий составляет в настоящее время самую главную задачу в здешнем крае, собиране сведений и показания по этому вопросу послужило поводом или предлогом к восстанию. Во всех отношениях необходимо продолжать это дело». Далее Мирский просил представить ему как можно скорее соображения по этому предмету³¹. Майор Чавчавадзе самыми верными путями к достижению «успокоения населения» Абхазии также считал «разрешение вопросов поземельной собственности и сословных прав...»³²

Кроме того, как мы уже указывали, восстание 1866 г. сыграло определенную роль в дальнейшем усилении борьбы крестьянства, в особенности в тех районах Кавказского края, где крестьянская реформа не была еще проведена. Царское правительство вынуждено было, с одной стороны, еще больше спешить с проведением этой реформы и, во-вторых, действовать осторожнее.

Подготовка к реформе в Абхазии, прерванная событиями 1866 г., официально была возобновлена в 1867 г. Была учреждена Сухумская сословно-поземельная комиссия под председательством подполк. П. Краевича³³. Эта подготовка еще больше усугубила классовые противоречия между крестьянами и феодалами. Абхазское дворянство вначале было чрезвычайно встревожено вестью о крестьянской реформе, но впоследствии, когда оно убедилось в неизбежности проведения этой реформы и в Абхазии, активно втянулось в подготовительную работу для того, чтобы при проведении реформы максимально защитить свои сословные интересы. Сперва эта активность, как отмечалось, выражалась в том, что дворянство путем саботажа старалось продлить подготовительную работу и этим оттянуть осуществление реформы; но затем, когда

²⁸ ЦГИА, ф. 649, оп. 1, д. 230, л.л. 10—11.

²⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1013, л. 20.

³⁰ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л.л. 179—187.

³¹ Там же, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 134.

³² Рапорт кн. Чавчавадзе от 4 июня 1867 г., ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., оп. 1, (кн. 1), д. 180, л.л. 143—143 об.

³³ Сухумская сословно-поземельная комиссия была утверждена 16 мая 1867 г., и приступила к своей работе 3 июля того же года.

правительство потребовало ускорить представление проекта реформы, дворянство начало всячески обосновывать свои права и претензии. Это стремление абхазских феодалов нашло свое яркое отражение в докладной записке их депутатов от 23 марта 1870 г., представленной в Комитет по освобождению зависимых сословий среди горского населения Кавказа ³⁴.

Как писал С. Л. Авалиани, «против притязаний владельцев, конечно, восставали зависимые разряды населения» ³⁵. Мы уже приводили сообщение А. Н. Дьячкова-Тарасова о том, что крестьяне знали уже от своих тифлиских депутатов о тенденции помещиков «и были в оппозиции к дворянам», что они заявляли: «тавадам перестали верить» ³⁶. В архивах сохранились интересные документы, сообщающие многочисленные факты из истории борьбы между крестьянами и феодалами в Абхазии непосредственно накануне реформы.

Борьба эта развертывалась главным образом вокруг земельного вопроса. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский констатировал, что с 1866 г., предвидя скорое проведение реформы в крае, жители старались захватить как можно больше земли. Так «это движение» очень сильно развивалось в Самурзаканском участке. Например, в бывший охотничий Коджельский лес в 1868 г. «вторглись» жители Цхири, Чубурисхинджи, Гудава, Репи и Шешелети, а жители Набакеви и Баргеби начали рубить набакевский лес.

Сухумская сословно-поземельная комиссия, рассмотрев результаты обследования положения дел в указанных селах, в ноябре того же 1868 г. постановила: возвратить на прежние места жительство 7 семейств, поселившихся в 1866 г. на р. Сида «вопреки запрещения начальства»; 15 семейств, поселившихся в 1867 г. на р. Ткумушкур, и всех «произвольно поселившихся» в Коджельский лес жителей Гали, Цхири и Чубурисхинджи. Это постановление комиссии было приведено в исполнение начальником Сухумского отдела, но «в полной силе оно продолжалось не долго». «Произвольные захваты» еще больше усилились, а в конце 70-х г.г., по словам самих крестьян, они носили характер «сильного расселения» жителей ³⁷.

В Абжуйской Абхазии известно смелое выступление крестьянина с. Джгерда Кублуха Агумаа против крепостнического характера крестьянской реформы ³⁸.

Абхазские крестьяне по-прежнему не мирились и с колониальной политикой самодержавия. Из ведомости о числе местных жителей, содержащихся в 1868 г. под арестом «за разные преступления», видно, что за «дерзость против начальства и неповиновение» было арестовано 8 чел., из которых крестьян было 6 чел. ³⁹

³⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л.л. 38—45.

³⁵ С. Л. Авалиани. Указ. соч., т. II, стр. 74.

³⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 204.

³⁷ ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, л.л. 63—65.

³⁸ Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 94, л. 10.

³⁹ «Кавказский календарь на 1870 г.», стр. 420.

19 февраля 1871 г. в Абхазии было объявлено об отмене крепостного права⁴⁰. Эта реформа, как по всему Закавказью, была еще более грабительской, чем в России. А по поводу положения русского крестьянства после реформы В. И. Ленин писал: «Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России»⁴¹.

Грабеж по случаю так называемого освобождения, мошенническое сколачивание помещиками капитала из крестьянских выкупных, разбой и обман,— так характеризовал и К. Маркс грабительскую сущность крестьянской реформы 1861 года в России⁴².

За счет абхазского крестьянства был закреплен прочный союз между царизмом и основным контингентом местных феодалов, покончивших со своими сепаратистическими настроениями. Проводя реформу, царизм стремился повсюду обеспечить интересы дворянства. Реформа, проведенная на выгодных условиях для последнего, еще больше закабалила крестьян: они получили земли гораздо меньше, чем имели до «освобождения». В частности, крестьяне анхаю, являвшиеся наиболее свободными из всех зависимых крестьян Абхазии, поголовно должны были в качестве «временно-обязанных» доставлять помещику скот, кукурузу (около 16 пудов), вино (около 10 ведер), исполнять полевые работы и пр. Показательно, что накануне утверждения положения о крестьянской реформе в Абхазии представители абхазского дворянства умоляли, чтобы крестьяне «непременно тотчас же выкупились», так как, рассуждали они, оставшиеся в обязанных отношениях «весьма будут плохо отбывать прежние повинности», добавляя при этом, что если крестьянам предоставить выбор выкупа или обязательных отношений на «волю», то, «может быть, ахоую и многие выкупятся, но из анхаю, наверно, никто».

Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии полк. П. Краевич, сообщавший об этом факте, писал еще об одном весьма показательном откровенном заявлении помещиков. Представители последних, объясняя «основную причину всех их домогательств», высказали А. В. Пахомову, что какие бы и где бы правительство ни дало им земельные наделы, но «если только низшие сословия будут вполне обеспечены землею для своей потребности, то положение их, высшего сословия, будет все-таки и надолго еще весьма стеснительным, так как земли эти останутся и без рабочих и без арендаторов. Они же сами к работе не привыкли, а денежных средств для обработки земли чужими руками у них нет»⁴³.

Группа крестьян в своем заявлении от 7 ноября 1882 г. наместнику Кавказа по уполномочию 1.500 крестьянских дворов селений Гали, Чубурисхинджи и Гудава, Самурзаканского участка,

⁴⁰ «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе» было утверждено 8 ноября 1870 г.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65.

⁴² «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. XII, стр. 86, 98.

⁴³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 33—33 об.

писала, что Сухумская сословно-поземельная комиссия создала новое положение, а именно: «земли и угодья, в продолжение веков занимаемые крестьянами, отвела в собственность князьям, а крестьянам отвела, до которых не касались рука и труд человека. Мало того, что этим несправедливым действием лишила нас труда удобренных пахотей и лугов, но к вящему отягощению нашего положения... в границы участков, отведенных князьям, включила во многих местах: дома, виноградные сады, усадьбы и даже церкви и мельницы наши...»⁴⁴.

В жалобе от 4 октября 1882 г. указанные крестьяне также заявляли: «Мы поставлены от всего этого в такое положение, что не можем уже существовать, потому что усадьбы наши, сады, дома, пастбища и все, чем мы жили и существовали, все это отдано высшему сословию, даже дороги к водопою, доступ к морскому берегу и лучшие пахоты взяты от нас и отданы дворянам, которые начали уже обращаться с нами, как с своими крепостными людьми, требуя с нас платы за пастьбу скота и пользование лесом...»⁴⁵.

И все же реформа была шагом вперед в историческом развитии всей страны, так как она была по своему содержанию буржуазной реформой, хотя и проводилась в жизнь руками крепостников и крепостническими методами. «Это,— писал В. И. Ленин,— был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ни же был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырвался из-под власти крепостника, поскольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века»⁴⁶.

К. Маркс еще в статье «Освобождение крестьян в России» указывал, что реформа неизбежно послужит сигналом для массового восстания среди сельского населения России⁴⁷.

Действительно, грабительский характер реформы вызвал массовое крестьянское движение.

Выступления крестьян Абхазии смыкались с широким крестьянским движением, происходившим по всей Российской империи и расшатывавшим основы социально-политического строя царской России.

⁴⁴ Там же, ф. 231, оп. 2, д. 49, л. л. 16 об.— 17.

⁴⁵ Там же, л. 22.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95—96.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 545.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вследствие того, что не сохранилось никаких письменных документов, которые бы исходили непосредственно от самих повстанцев, ряд моментов восстания остается недостаточно освещенным. Мы лишены возможности твердо сказать, например, как именно формулировали свои требования крестьянские массы. Официальные же архивные материалы далеко недостаточно раскрывают моменты антифеодальной борьбы в движении 1866 г., поэтому описание этой стороны, к сожалению, не отличается полнотой.

Тем не менее, на основании того, что разбросано в тех же официальных документах, можно сделать вывод, какими причинами сами крестьяне объясняли свое участие в движении; главнейшими из них являлись, как мы видели, крепостнический характер подготавливавшейся реформы и грубый произвол представителей местной администрации. Нет сомнения, что в ходе восстания крестьяне острее выдвигали требования антифеодального характера.

Совершенно очевидно, что наиболее сознательная часть абхазского крестьянства во время восстания 1866 г. не верила своим князьям и дворянам, неоднократно предававшим в прошлом их интересы и являвшимся их классовыми врагами. Но основная масса крестьян в этом вопросе, как и во многих других, проявляла классовую ограниченность и политическую отсталость, черты, свойственные крестьянству вообще в прошлом. Для идеологии восставших крестьян характерны были царистские черты. Выступая против крепостнических условий предстоявшей реформы и колониального гнета, т. е. развивая борьбу прогрессивного, освободительного характера, они не проявили твердости и последовательности в отношении своих князей и дворян. Более того, крестьяне в значительной степени уступали руководство восстанием (особенно на втором этапе) представителям дворянской оппозиции, стремившимся направить движение на путь, враждебный интересам крестьян.

Этому способствовало, по крайней мере, три обстоятельства: Во-первых, часто от имени крестьянства выступали представители его зажиточной части.

Во-вторых, старинные обычаи, в силу которых тот или иной

феодал считался «покровителем» крестьян данной общины, еще сохраняли свою силу. В частности, имело место известное патриархальное отношение определенной части крестьянства к владетельской семье.

В-третьих, представители феодальной оппозиции всячески стремились играть на недовольстве крестьян царской администрацией. Вначале, когда движение носило более крестьянский характер, феодалы маскировали свое действительное стремление. Свои цели они открыто провозгласили лишь после лыхнинских событий, в особенности в дни штурма Сухума, т. е. на втором этапе борьбы. Тогда крестьянам стало ясно, чего добивались феодалы. Первая неудача под Сухумом окончательно сорвала маски с мнимых «союзников» крестьян. Началось массовое бегство этих «союзников» в лагерь экспедиционных войск, чтобы, активно участвуя в подавлении восстания, «реабилитировать» себя. Приведенные во второй главе настоящей работы слова Святополк-Мирского о том, что участие представителей высшего сословия в восстании 1866 г. в той степени, в какой оно имело место, произошло вопреки их действительному желанию: «успех превзошел их ожидания и намерения,»¹ — относятся как раз к характеристике рассматриваемой группы феодалов. Но и оставшимся в рядах восставших отдельным князьям и дворянам крестьяне, по-видимому, больше не доверяли, поскольку они воочию убедились, что те также добивались осуществления лишь своих собственных целей, совершенно чуждых массе трудящихся. В этом отношении чрезвычайно интересно сообщение А. Н. Дьячкова-Тарасова, который писал, что впоследствии, когда вновь было приступлено к подготовке крестьянской реформы, анхаю, ахою и ахашвала были «в оппозиции к дворянам» и заявили, что «они тавадам перестали верить»². Вот почему крестьяне без дальнейшей борьбы сложили свое оружие.

Может быть, не случайно, что факт разгрома помещичьего имения в Келасури произошел именно в этот период. Сложили оружие и те немногочисленные феодалы, которые, не рассчитывая на примирение с правительством, продолжали сопротивление. Но это была просто капитуляция, так как они были лишены поддержки масс; их руководители попали в руки царских войск или скрылись в Турцию³.

В восстании 1866 г. в Абхазии было вплетено реакционное, феодально-националистического характера выступление части абхазских феодалов, возлагавших надежды на помощь врагов России и исконных врагов края, стремившихся использовать восстание в своих интересах, в целях восстановления владетельской власти и всех старых привилегий князей и дворян.

Но выступление абхазского крестьянства в 1866 году было выражением протеста масс против насилия и эксплуатации и поэтому являлось прогрессивным, освободительным. Однако крестьяне не

¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1. (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 16 об.

² А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 204.

³ А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., стр. 190.

имели ясной программы действий, обнаружили слабое развитие классового сознания, недостаточное понимание ими своих классовых интересов. Они не развернули полностью собственные требования, были опутаны дофеодальными, патриархальными пережитками и т. д. Вследствие этих обстоятельств восстание не пошло вглубь и вширь. Оно оказалось локализованным, не распространившись даже на значительную часть Абхазии; силы крестьян оказались раздробленными и распыленными.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.

ВУА — Военно-ученый архив.

ЗКОСХ — Записки Кавказского общества сельского хозяйства.

ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского географического общества.

ВПСЗРИ — Второе полное собрание законов Российской империи.

СМОМПК — Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа.

ССК — Сборник сведений о Кавказе.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горах.

ТКОСХ — Труды Кавказского общества сельского хозяйства.

ЦГАА — Центральный Государственный архив Абхазской АССР.

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.

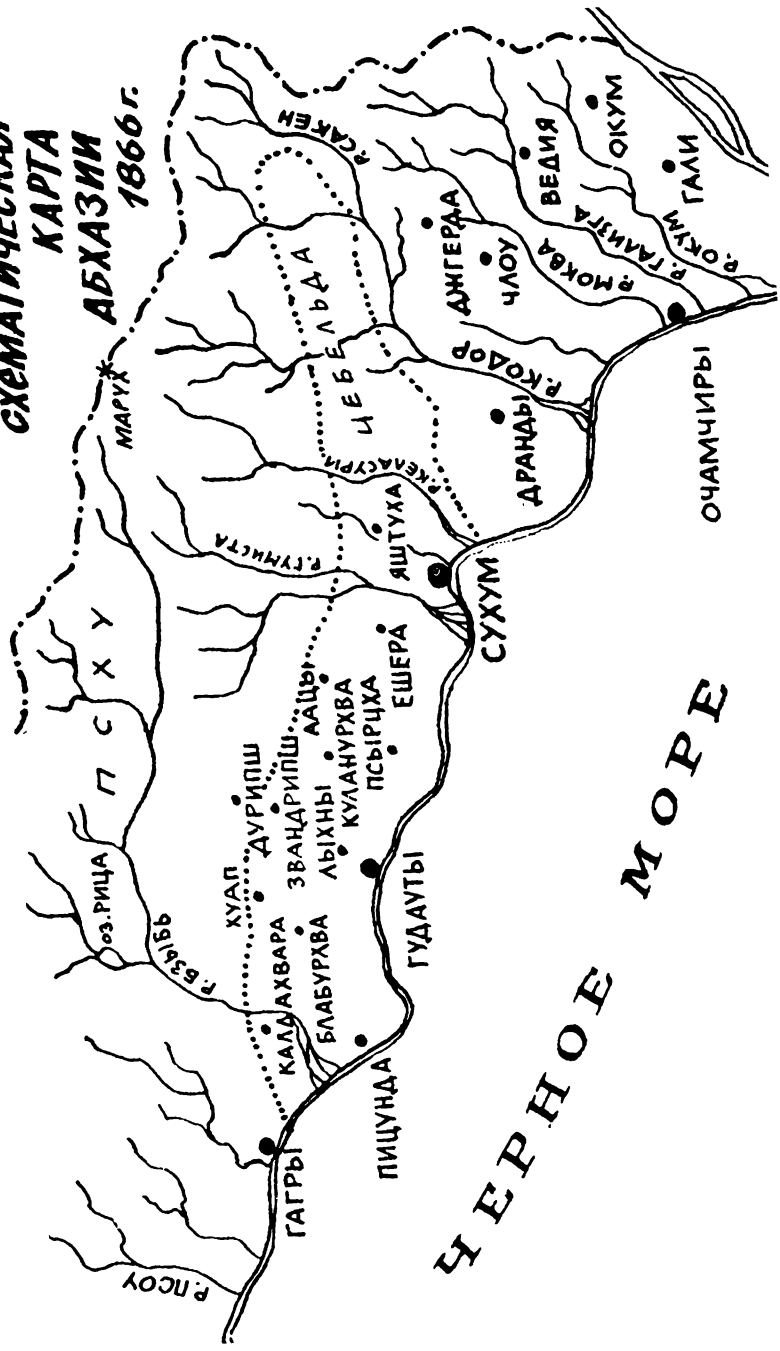
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив.

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив Ленинграда.

ЦГИАГ — Центральный Государственный исторический архив Грузинской ССР.

**СХЕМАТИЧЕСКАЯ
КАРТА
АБХАЗИИ
1866 г.**

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Следует сразу же оговорить, что название книги не совсем точное, в том смысле, что в ней речь идет не только о «чистых» декабристах, но и о деятельности целого круга лиц, так или иначе, иногда по единомыслию, иногда по службе, связанных с сосланными на Кавказ героями 14 декабря 1825 года.

Автор хотел написать свой труд со всей любовью и признательностью к деятелям, по характеристике В. И. Ленина, первого, дворянского этапа революционного движения в России¹. К их светлой памяти он с юношеских лет, с того уже столь далекого и незабываемого времени, когда он впервые осмысленно и с восторгом прочитал знаменитое стихотворение знаменитого декабриста «Струн вещей пламенные звуки...»

Удалось ли ему это — не он судья.

Что касается цели такой попытки и значения выдающегося советского писателя Константина Симонова, предпосланных работе автора «Декабристы в Абхазии» (Сухуми, 1970). И приводятся они здесь целиком:

«Кавказ играл совершенно особенную роль в истории русского общества и русской литературы.

Кавказ XIX века — это Пушкин и Грибоедов, это Лермонтов и Толстой, это декабристы — Одоевский и Бестужев-Марлинский, это значительная часть лиц, входящих в наше сознание в пушкинское окружение, это первые, часто романтические страницы русских литературных связей с Кавказом.

Кавказ, в особенности первой половины XIX века, — это место военной службы многих русских людей, тогда же, в годы этой своей службы на Кавказе, или впоследствии, прославивших себя в истории русской культуры.

Колонизаторская политика русского царизма по отношению к горцам Кавказа ставила сложные политические и нравственные проблемы перед теми передовыми деятелями русской культуры, которые, будучи по долгу военной службы винтиками русской императорской военной машины, в то же время имели свой собственный взгляд на вещи — и на горцев Кавказа, в покорении которых они так или иначе участвовали, и на будущие судьбы России, и на императорский режим, и на современное им русское общество.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

В особенно сложном положении оказались на Кавказе сосланные туда декабристы, разжалованные в солдаты и заново выслужившиеся из солдат в первые офицерские чины.

Небольшое по объему, но полное новых и интересных фактов и исторических наблюдений, исследование абхазского историка Георгия Дзидзария дает немало материала для размышлений и над судьбами Абхазии и всего восточного побережья Черного моря во второй четверти прошлого столетия, и над судьбами многих, чаще всего, не своей волей оказавшихся в то время в этих краях передовых людей России.

Декабристы в Абхазии — не только любопытная и пока еще недостаточно исследованная страница истории этого замечательного уголка нашей Родины, но и одна из сложных и трагических страниц истории русской культуры.

Двойственность положения ссыльных декабристов, их участие в военных действиях русских войск против исконных жителей края, с одной стороны, их первые дружественные связи с жителями края — с другой, их личное свободолобие и свободомыслие и их прикованность к своим военным обязанностям, их взгляды на все происходящее, носившее на себе печать многих неустрашимых противоречий, — обо всем этом думаешь, читая маленькую, но очень весомую по своему значению книжку профессора Дзидзария.

И как знать, не подтолкнет ли она кого-то из русских, абхазских или грузинских писателей к разработке этой же интереснейшей темы, но уже средствами художественными.

Я, во всяком случае, именно с такой мыслью закрывал эту книжку, которую мне от души хочется рекомендовать самому широкому кругу любознательных читателей».

Хотелось бы также привести выдержки из письма писателя к автору от 14 июня 1969 года по поводу той же книги. «Я прочел эту работу (в рукописи.— Г. Д.) с очень большим интересом. Для меня в ней очень много нового, заставляющего еще раз заново обдумывать эту интересную и сложную эпоху, эти драматические и в какой-то мере героические людские судьбы.

Меня очень привлекло в Вашей работе то, что Вы не обходите в ней острых углов, не боитесь тех сложностей, которые обусловлены двойственным положением декабристов на Кавказе — с одной стороны, противников николаевского режима, с другой — по долгу военной службы, его слуги в деле покорения Кавказа.

А впрочем, из таких противоречий вообще соткана история, и попытки их сгладить превращают соответствующие сочинения из кудрявых деревьев в гладко обструганные телеграфные столбы. А это, по-моему, не нужно»².

Для автора очень дорого и мнение замечательного поэта А. Т. Твардовского. В письме к народному поэту Абхазии Б. В. Шинкуба от 16 июля 1969 года он писал: «Работу Г. Дзидзария «Декабристы в Абхазии» прочел я и В. Я. Лашкин. Она, по нашему вполне согласному мнению, представляет несомненный ин-

² См.: Константин Симонов в Абхазии. Сухуми, 1981, с. 67—68.

терес не только в узких «краеведческих рамках», но и более широко историческом плане. Факты жизни и деятельности в Абхазии декабристов А. Бестужева, С. Кривцова, В. Норова, Н. Н. Раевского и других впервые собраны с такой полнотой и тщательностью»³.

Следовательно, вопрос о пребывании декабристов вообще на Кавказе не случайно привлекает внимание многих исследователей, как проблема, изучение которой дает большие возможности для глубокого раскрытия прогрессивной роли передовых людей России на древней земле свободолюбивых кавказских народов, подлинно дружественных отношений, устанавливавшихся между ними и последними в первых десятилетиях XIX столетия.

Таким образом, деятельность декабристов на Кавказе занимает важное место в русско-кавказских связях, «хотя в их переписке, в целом свободной от великодержавного шовинизма, колониализма и презрения к народам края, все же нередко проскальзывают монархические идеи»⁴.

В работе ставится цель осветить проблему в рамках Западного Кавказа, имея в виду главным образом образ его Черноморское побережье. В подобном аспекте она не была еще объектом специального изучения, если не учитывать в известной мере названную выше книжку автора и очерков Н. Ф. Веленгурина «Дорога к лукоморью» (Краснодар, 1976).

Для полноты и объективности освещения темы надо было прочесть все, или почти все, что писалось об интересующих нас декабристах, скрупулезно собрать содержащиеся в их произведениях, мемуарах и письмах факты, разыскать о них материалы, в том числе неизвестные прежде архивные документы.

Между тем с рассматриваемым регионом, ставшим фактически одним из мест политической ссылки, связаны весьма любопытные факты и события. Здесь находились и действовали, можно сказать, многие, говоря словами А. И. Герцена, «люди 14 декабря» и другие «провинившиеся» перед самодержавием лица. При этом речь идет не только о дворянских революционерах-офицерах, но и о солдатах-декабристах. Правда, об этих «нижних чинах», к сожалению, нет подробных сведений*. Вообще же в определенной степени остается еще в силе сделанное когда-то замечание профессора М. Н. Гернета о том, что «о пребывании декабристов на Кавказе нам известно очень мало»⁵. В определенной степени, потому что, как увидим в дальнейшем изложении, за последний период все же вышел ряд ценных работ, посвященных деятельности

³ ЦГАА, ф. 839, д. 62.

⁴ Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969, с. 8.

* Можно, однако, указать, например, на статью В. А. Романовского «Солдаты-декабристы на Кавказе», напечатанную в «Сборнике трудов» историко-филологического факультета Ставропольского пединститута (Ставрополь, 1958, вып. 13, с. 15—37).

⁵ Гернет М. А. История царской тюрьмы, т. 2, М., 1961, с. 195.

ссылных декабристов и их единомышленников в различных регионах Кавказа.

В рядах Отдельного Кавказского корпуса, например, в 1827 году насчитывалось не менее 2800 солдат-декабристов, в том числе служивших на территории Западного Кавказа. Значительность этой цифры станет ясной, если иметь в виду, что в то время войска Кавказской армии не превышали 20 000 солдат. Среди «нижних чинов» в интересующем нас крае было также немало «штрафных» и «ссылных» — участников крестьянских, солдатских и иных выступлений, а среди офицеров — лиц, направленных сюда за «политическую неблагонадежность» и не желавших примириться с реакционным режимом, который особенно усиленно насаждался в стране и в армии после Отечественной войны 1812 года⁶.

Это было время, когда даже воспитанники гражданских учебных заведений, замеченные в «вольномудстве», отдавались для «исправления» в солдаты. И это, как известно, называлось «выбить дурь из головы»⁷.

После жестокого подавления восстания декабристов, по словам самого Николая I, как «внушительный пример»⁸, в жизни России наступила еще более мрачная пора. Венценосный палач, смертельно напуганный «декабрьским мятежом», всемерно стремился превратить огромную страну в казарму для русского народа, а для «инородцев» — в настоящую тюрьму. Малейшее проявление свободомыслия беспощадно преследовалось и подавлялось. Таким образом, Николай I был зловещим олицетворением самодержавия.

Надо сказать, что Отдельный Кавказский корпус (до 1819 года — Отдельный Грузинский корпус), в различные части которого направлялись все эти «неблагонадежные» лица, занимал особое положение среди других соединений царской армии, будучи в меньшей степени зараженным губительным влиянием аракчеевского режима. Объяснялось это в значительной степени особенностями организации и комплектования его полков.

После 1815 года на Кавказ было переведено немало участников Отечественной войны и европейских походов⁹. А количество, с точки зрения официальной России «неблагонадежных», которыми пополнялся корпус, стало настолько внушительным, что, например, все части Черноморской береговой линии состояли именно «из разжалованных или по крайней мере не по своей воле при-

⁶ Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе.— «Вопросы истории», 1951, № 1, с. 100.

⁷ [Вейденбаум Е. Г.] Кавказские этюды. Тифлис, 1901, с. 269.

⁸ Эти слова были сказаны им (см.: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.—Л., 1926, с. 145.) уже в самый момент восстания, что свидетельствует о предрешенности участи декабристов. Как известно, следствие над последними производилось под непосредственным наблюдением императора, коронованого сыщика, и он сам распоряжался допросами и пытками главнейших обвиняемых.

⁹ Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, с. 216—227.

бывших на Кавказ»¹⁰. Были и такие, которые по тем или иным причинам сами стремились укрыться за Кавказским хребтом. Здесь нельзя не вспомнить знаменитые лермонтовские строки:

Прощай, немая Россия,
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Так среди кавказского офицерства возрастал процент изгнанников, которых объединяла ненависть к николаевской реакции. В числе последних было немало декабристов, особенно после их восстания. Вообще же, например, в 1826—1829 годах в рядах корпуса числилось свыше 65 «переведенных» и разжалованных офицеров-декабристов¹¹.

Установлено, что еще до 14 декабря 1825 года декабристы тайную работу вели и на Кавказе, в частности среди офицеров и солдат Кавказской армии. Не случайно, разумеется, одно из дел фонда декабристов Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (Москва) называется «О тайном обществе в Отдельном Кавказском корпусе»¹².

Таким образом, говоря словами армянского историка В. А. Парсамяна, «Кавказ не был и не мог быть в стороне от движения декабристов»¹³. Особого внимания заслуживает и тот факт, что ввиду постоянного недостатка в подготовленных и образованных офицерах в Кавказском корпусе иногда даже сильные декабристы выдвигались на ответственные посты (И. Г. Бурцов, И. И. Пущин, А. М. Миклашевский, В. Д. Сухоруков и др.)¹⁴. Это относится также к генералам В. Д. Вольховскому и Н. Н. Раевскому, причастным к декабризму.

Все это способствовало развитию в кавказских войсках прогрессивных традиций суворовской и кутузовской военной школы. Как и во всей русской армии, в Кавказском корпусе «имелась прослойка, выделявшая искренних патриотов и талантливых полководцев, которые честно служили Родине и, наперекор давлению сверху, улучшали действительно боевые качества армии, поднимая ее авторитет на полях сражений»¹⁵.

Декабристы, в частности, смогли оказать решающее влияние на ход войны с Ираном и Турцией. И сам главнокомандующий на Кавказе И. Ф. Паскевич своими военными успехами был обязан

¹⁰ Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 209.

¹¹ Всего же на Кавказ было сослано 578 декабристов (Агаян Ц. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978, с. 227).

¹² См.: ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 6.

¹³ Парсамян В. А. Декабристы в Армении. Ереван, 1975, с. 33.

¹⁴ Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе.— РС, 1903, № 6, с. 498—500; Фадеев А. В. Указ. соч., с. 227; Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе. М., 1973, с. 237.

¹⁵ Калинин М. И. О моральном облике нашего народа.— Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и военном долге. М., 1967, с. 662.

прежде всего декабристам. Кстати, последних по приказу Николая I оправляли на самые опасные участки. Но после военных событий они оказались ненужными царскому фавориту. Беззаветная храбрость и отличная боевая служба декабристов в частях отдельного Кавказского корпуса в период этих событий не избавили их даже от его секретного надзора.

Подозрительность Николая I доходила до того, что еще в начале 1826 года, направляя в качестве чрезвычайного посла в Иран князя А. С. Меншикова, поручил ему собрать по пути подробные сведения о духе войск и порядке службы в Кавказском корпусе. При этом, поскольку Меншиков, ехавший в Иран через Владикавказ и Тифлис, не мог посетить Западную Грузию, сопровождавшему его полковнику Ф. Ф. Бартоломею было поручено следовать до Тифлиса другим путем — через Севастополь, Поти, Редут-Кале (Кулеви) и Кутаис с тем, чтобы «секретно разузнать» о настроениях в частях, дислоцированных в этих пунктах.

Между прочим, в Редут-Кале Бартоломей встречался с молодым владетельным князем «возмутившейся» Абхазии Михаилом Шервашидзе (Чачба), который в это время вынужден был проживать здесь¹⁶.

Любопытно, в Редут-Кале с абхазским владетелем в том же году познакомился и выдающийся русский ученый, академик Э. И. Эйхвальд¹⁷.

И граф Паскевич, который не так давно заседал в Верховном уголовном суде над декабристами, на сосланных сюда из них «взглянул не сострадательно, а начальническим оком». Он, как известно, сменил «проконсула Кавказа» А. П. Ермолова, популярного в декабристских кругах человека. После того, как надо полагать, именно за связь с декабристами, в первую очередь, он в марте 1827 года и был отозван с Кавказа, а в ноябре того же года уволен в отставку¹⁸. По доносу Паскевича Николаем I «были даны предписания командирам полков строго смотреть за декабристами, употреблять их на действительную службу¹⁹, не позволять им иметь никаких сношений с офицерами и проч.»²⁰ «Граф Эриванский», кроме того, был инициатором создания секретной полиции на Кавказе, одной из главных задач которой было наблюдение за ссыльными декабристами²¹.

При всем этом, однако, не следует забывать классовую сущ-

¹⁶ Посольство князя Меншикова в Персии в 1826 году (Из дневника генерал-лейтенанта Ф. Ф. Бартоломея).— РС, 1904, т. 118, № 4, с. 66—69.

¹⁷ См.: Библиотека для чтения, 1938, т. 26, ч. 2, № 2, с. 196.

¹⁸ БСЭ, т. 9, с. 96.

¹⁹ Докладывая Дибичу о поведении вверенных ему ссыльных декабристов, Паскевич в порыве откровенности писал 15 июля 1828 года: «Вообще разжалованных употреблял я во всех сражениях в первых рядах или в стрелках, и всегда там, где представлялось наиболее опасности... Все они вели себя отлично храбро...» (Цит. по: Цверева Г. Декабристы в Ахалцихе.— Новый путь (г. Бокситогорск), 31 октября 1978 г.

²⁰ Александр Александрович Бестужев (Марлинский) (Из воспоминаний Я. И. Костенецкого).— РС, 1900, т. 104, № 10—12, с. 450.

²¹ АКАК, т. VII, с. 343—345.

ность Кавказской армии, которая была призвана защищать и осуществлять политику царизма, тем более, что со временем и в ее частях резко меняется обстановка и режим. Царское правительство стремилось армию держать «подальше от народа», и она не могла быть «патриотичной в нашем смысле этого слова»²².

Если в первые десятилетия XIX века Кавказ в целом слыл «южной» или «теплой» Сибирью, как окрестил его Александр I, то отдельные районы интересующего нас края считались чуть ли не самыми «суровыми» и «опасными» местами этой территории. По этому поводу Василий Андреев, служивший в 1816—1836 годах в войсках Кавказского корпуса, писал: «Как в Сибири есть еще другая Сибирь, вроде Якутска или Охотска, так и на Кавказе есть еще Кавказ, представляющий местности тогдашнего Дербента, Таркова или Сухума»²³. Не случайно в 1840 году царское правительство объявило, что всякому офицеру, служащему или отставнику, при переводе или назначении в черноморские линейные батальоны будет выдаваться годовое жалованье и прогоны на любое расстояние, а женатым — то и другое вдвойне»²⁴.

В ту пору здесь почти каждый царский гарнизон находился фактически в осадном положении, конец Кавказской войны был еще далеко. Генерал Н. Н. Раевский свидетельствовал: «Большая часть укреплений на Восточном берегу (Черного моря) находится в беспрестанной блокаде от горцев и не имеет другого сообщения как морем»²⁵.

Кроме того, на северян пагубно влиял непривычный сырой климат этих мест, пораждавший злокачественную тропическую малярию. Гарнизонные солдаты, в большинстве уроженцы центральных губерний России, не обладая иммунитетом, массами погибали от этой болезни, а также плохих условий жизни*. Доктор медицины Н. Торопов писал: «О том, какая страшная была смертность в наших укреплениях бывшей Черноморской береговой линии, можно судить уже по тому, что там считали делом весьма обыкновенным, когда в год вымирало более десятой части всего гарнизона. Но были и такие укрепления, где в течение 3—4 лет целый состав гарнизона переменялся, т. е. вымирал»²⁶. Генерал Г. И. Филипсон, служивший в 30—40 годах на Черноморском побережье, свидетельствовал: «Среди этой роскошной природы (Абхазии.— Г. Д.) царствует знаменитая абхазская лихорадка, которая уносила во сто раз более жертв, чем все военные действия

²² Калинин М. И. Указ. соч., с. 662.

²³ Андреев В. Воспоминания из кавказской старины.— КС, 1876, т. I, с. 90.

²⁴ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236—237.

²⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1840, св. 40, д. 104, л. 9.

* Между прочим, тяжелым очагом тропической малярии в XIX веке была и Греция. Предполагают, что, например, великий Байрон умер здесь в 1810 году именно вследствие того, что заболел одной из форм тропической малярии с характерным для человека приезжего злокачественным течением (Попова В. Ошибка в диагнозе? — Неделя, 1980, № 51, с. 11).

²⁶ Торопов Н. Опыт медицинской географии Кавказа. СПб., 1864, с. 165—166.

и другие болезни»²⁷. В другом месте мы читаем: «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум мы ежегодно посылали 16% штатного числа нижних чинов на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет»²⁸.

Посетивший Бамборское укрепление — «это место ссылки» — в 1833 году швейцарский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ подчеркивал, что «солдат умирает здесь не столько из-за климата и болезни, им вызываемых, сколько из-за отсутствия возможности бороться с ними. Как не гибнуть ему от болезней и заражения, если он теснится в землянке, битком набитой людьми и пропитанной отравленным воздухом»²⁹. Английский журналист Эдмунд Спенсер, побывавший в этом пункте в 1836 году, писал, что он застал стоявший здесь гарнизон, да и другие гарнизоны на побережье, «жестоко страдающими от лихорадки и, конечно, ужасная смертность, господствующая в армиях Кавказа, является объектом будущего размышления... Жалкие сараи... в соединении с другими пагубными условиями создают возможность того, что солдат найдет при приеме в госпиталь скорее паспорт на небо...». Далее он отмечал, что «большая часть этих гарнизонов состоит из непослушных поданных... Ордер на исправление в армии Кавказа рассматривается военными властями в России как равносильный гражданской ссылке... Русские гарнизоны ежедневно уменьшались от заразы и меча»³⁰. «Сотни деревянных крестов теснились» около укреплений, огороженных четырьмя валами, «и придавали самим укреплениям вид раскрытых могил»³¹. «Число больных в батальонных лазаретах бывает втрое и вчетверо больше штатного», — писал и лекарь Бамборского военного госпиталя П. К. Баженов³².

Новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов после обозрения им восточного берега Черного моря летом 1836 года вынужден был, в частности, обратить внимание императора на то, что для солдата «на ружейный выстрел от бруствера земля уже чуждая, и безопасности уже нет»; они должны или целые годы оставаться непрестанно в жилищах своих, в знойном климате и тесном воздухе, или за малейшею потребностью выходить не иначе как в строю, с ружьем на плече и осторожностью в уме». «Такое положение, — продолжал он, — еще при скудном иногда удовольствии, не может не быть чрезвычайно вредно; болезни

²⁷ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 193.

²⁸ Там же, с. 250, 257.

²⁹ Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 115.

³⁰ 1838, с. 325—327.

³¹ Потто В. А. А. Марлинский (Бестужев). — Газ. «Кавказ», № 345, 31 декабря 1897 г.

³² Баженов. Медико-топографический взгляд на места, русскими войсками занятые в Абхазии. — «Военно-медицинский журнал», 1838, ч. XXXI, № 1, с. 24.

должны рождаться, и от самих больных больные умножаются»³³.

Согласно данным начальника Черноморской береговой линии генерала Н. Н. Раевского, например, в марте 1839 года в Геленджикском гарнизоне из 590 наличного состава было больных «вообще» 80, «больных кроме цинготных» — 56, «больных цинготных» — 24, «умирающих» — 14; в Новороссийском гарнизоне соответственно — 242, 26, 10, 16 и 12; в форте Александровском (Сочи) — 415 (солдаты), 94, 79, 15 и 6; в укреплении Св. Духа (Адлера) — 521 (солдаты), 24, 14, 10 и 10³⁴. О последнем следует еще сказать, что весь его гарнизон, состоявший из 922 чел., вымер в течение пяти лет³⁵. В 1845 году на всей Черноморской береговой линии было убито всего 18 чел., а умерло от болезней 2427 чел.³⁶

Обстановка службы на Кавказе для декабристов становится особенно тяжелой. Прежде всего они оказались под строгим политическим наблюдением. В секретной записке директора канцелярии Военного министерства от 21 июня 1837 года говорилось об определении декабристов рядовыми в Отдельный Кавказский корпус, «назначив их в разные батальоны под строгий присмотр и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений»³⁷. Согласно предписанию Инспекторского департамента Главного штаба, данному на основании личного распоряжения Николая I, командиру корпуса вменялось в обязанность ежемесячно доводить до сведения императора «на счет службы и поведения декабристов»³⁸. Переписку декабристы могли вести не иначе, как через полевой штаб, где каждая написанная ими строка подвергалась самой строгой цензуре. Их обычно направляли в наиболее опасные места Кавказского фронта. Малейшее попустительство или проявление либерализма по отношению к декабристам грозило крутой расправой.

К этому надо еще добавить, что в связи с политическим процессом над группой декабристов в Кутаисе в 1831 году командиру 44-го Егерского полка (штаб-квартира и части которого в основном были дислоцированы на территории Абхазского княжества) полковнику А. Г. Пацовскому Николаем I было строго предписано, «дабы он усугубил секретный надзор за всеми присланными в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»³⁹.

После жестокого подавления царским правительством в 1831 году Польского восстания и народных волнений, известных под названием «холерных бунтов», в стране началась новая волна реакции, и притеснения, чинимые над декабристами на Кавказе, еще более усилились.

³³ «Воронцовский «Перипл» Черного моря». (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г., — Г. Д.). — РА, 1894, 6, с. 232.

³⁴ Архив Раевских, т. III, СПб., 1910, с. 54, 62, 93, 96.

³⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., т. XXXVIIIа, 76. СПб., 1903, с. 647.

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6595, л. 80.

³⁷ Цит. по: Гернет М. Н. Указ. соч., т. 2, с. 195.

³⁸ ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. I, д. 77, л. 13 об.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1831 г., д. 90, л. 19.

В Отдельном Кавказском корпусе, в котором наметилось изменение общего режима, начало распространяться тлетворное влияние реакционной военной системы, господствовавшей в николаевской армии. И здесь муштра и палочная дисциплина стали основой воспитания и обучения войск. Новый режим заметно изменил все условия службы и быта в частях корпуса ⁴⁰.

И, наконец, по заведенному порядку служившим на Кавказе декабристам до производства в офицеры не давали отпуска во внутренние губернии России ⁴¹.

Тем не менее, несмотря на то, что декабристы ссылались сюда в расчете на то, что они скорей всего не вернутся, тех, кто томился долгие годы в рудниках настоящей Сибири, Кавказ манил и красотой своей природы, и возможностью ценой боевых отличий приобрести право возвращения на родину. Не следует также забывать того, что они были все-таки представителями дворянского сословия, и это не могло не облегчать условий их солдатской службы. При этом, однако, декабристы, вынужденные участвовать в боевых действиях против горцев ⁴², не только не испытывали к ним неприязни, не считали их своими врагами, но и глубоко сочувствовали им. «Побежденными друзьями нашими» называл кавказцев А. В. Веденяпин. Русские вольнодумцы осуждали военно-феодалный колониальный режим, устанавливавшийся здесь царизмом, хотя в силу своей классовой ограниченности и не являлись сторонниками предоставления кавказским народам права на национальное самоопределение ⁴³. Они хотели видеть народы Кавказа в благополучии, в мире и дружбе с русским народом. Уезжая на родину, декабрист А. Е. Розен писал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей» ⁴⁴.

В условиях наивысшего разгула николаевской реакции такие высказывания звучали как проповедь подлинного гуманизма. Уважая национальные традиции кавказских народов, декабристы проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, самобытной древней культуре, языку, общественному и семейному быту, экономическому положению ⁴⁵.

Сочувственно относились к народам Кавказа и многие солдаты, часть которых открыто переходила на сторону борющихся горцев. Бывший офицер Генерального штаба В. И. Мочульский ⁴⁶ писал, что такое явление было обусловлено тем, что «изнуренные от

⁴⁰ Фадеев А. Декабристы на Дону и на Кавказе. Ростов-на-Дону, 1950, с. 63—64.

⁴¹ Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, с. 269.

⁴² Надо помнить и то, что прежде всего все они были военнослужащими. Следовательно, участие в происходивших тогда на Кавказе военных действиях было для них прежде всего служебной обязанностью, либо они в этом случае подчинялись тому, что считали своим воинским долгом.

⁴³ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967, с. 448; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 156.

⁴⁴ Розен А. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 262.

⁴⁵ Фадеев А. Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе, с. 102.

⁴⁶ О нём: КЭС, I. М., 1958, с. 177—178.

беспрерывных и самих утомительных походов нижние чины не имели ни необходимого отдыха, ни удобностей для жизни, постоянно предоставлены нападениям горцев и весьма тягостной домашней службе». Они, уходя в горы, «постоянно находят приют у... неприятелей. Им дают... пищу, одежду и помещение... Их принимают с радостью... По прибытии ими некоторого времени в горах, горцы дают им жен и земли... Они вступают во все права коренных жителей...»⁴⁷ Автор книги «Тенгинский полк на Кавказе. 1819—1846» В. Д. Ракович писал: «Дезертирство вообще было большое место во всех армиях с рекрутской системой и долговременной службой; в кавказских же войсках, служивших издавна ссыльным местом, оно было еще чувствительнее*. В одном нашем полку в 1831 году числилось в бегах 131 человек; на комплектование же поступило из российских полков 99 штрафных солдат»⁴⁸. В июне 1835 года русский офицер Торнау в одном абхазском ауле на Кубани видел «беглого казака» Брагунова с партией абадзехов⁴⁹. Известно также, что у Шамиля в Дарго в 40-х годах насчитывалось до 300 таких людей⁵⁰, а близ Ведено, по сообщению зятя Шамиля, было целое поселение бывших царских солдат⁵¹. Некоторые из них помогали горцам в военных действиях, в изготовлении пушек⁵². Переход русских солдат на сторону горцев был обусловлен также ненавистью к самодержавию, сознанием общности интересов с интересами местных крестьян.

Так было и в Абхазии. Французский путешественник и коммерсант П. Гибаль, сведения которого относятся еще к 1820 году, сообщает, что в Абхазии «очень много» русских пленных, численность которых, «по подсчетам турок и некоторых русских», достигает 3 тыс. человек. «Судя по многим данным,— замечает Гибаль,— эта цифра мало преувеличена». Он отмечал также, что «лишь только немногие были взяты в плен, а большинство из них — дезертиры»⁵³. Действительно, русские солдаты часто совер-

⁴⁷ Мочульский В. Война на Кавказе и Дагестане, ч. I, Политическая. 1844 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, л.л. 73—74.

* Между прочим некий «кавказский ветеран, служивший впоследствии в том же Тенгинском полку, вспоминал песню, распевавшуюся по русским деревням в пачале 50-х годов (см.: Черноморский вестник, Батум, 5 марта 1900 г. См. также: КС, 1879, т. III, с. 10):

Глянь в деревни, все ревут:
Ваньку в некруты ведут.
Ай калина! ай малина!..
Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет.
Ай калина, ай малина!

⁴⁸ Ракович. Указ. соч. Тифлис, 1900, с. 107.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. 9 об.

⁵⁰ Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.—Л., 1939, с. 130.

⁵¹ Даниялов А. Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля.— Вопросы истории, 1966, № 10, с. 24.

⁵² История Дагестана, т. II. М., 1968, с. 105.

⁵³ Journal de mon voyage la mer Noire et la mer Caspienne Astrakhan et Taganrog etrepris la 21 mais 1820 et fini le 24 decembre de memeannée. — ЦГАДА СССР, ф. 1261, д. 2896, л. 138 об.

шали побег с береговых укреплений в горные районы, которые оставались еще неподвластными царской военной администрации и фактически не признавали их ставленника — абхазского владетеля. Поэтому сюда, где веками жили «вольные» абхазские общества, массами стекались и местные крестьяне. Эти районы, отгороженные высокими хребтами и окруженные густыми лесами, под сенью традиционного гостеприимства их обитателей были надежным убежищем для бежавших с побережья абхазских крестьян и русских солдат.

Главноначальствующий на Кавказе генерал Г. В. Розен в мае 1837 года застал в Цебельде 129 «беглых» русских солдат и матросов, среди которых были жившие здесь по 15—25 и даже 30 лет; большинство имели «семейства и оседлость и даже, по здешним понятиям, некоторый достаток»⁵⁴. Многие из этих солдат, указывал Розен, когда их вели в лагерь, «бежали с дороги», не желая явиться к царскому командованию⁵⁵. Преемник Розена генерал Е. А. Головин в своем рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 8 сентября 1838 года писал, что от солдатских семей, рассеянных по разным местам горной Цебельды, «никакой не может проистекать пользы для правительства», так как они живут одной жизнью с местным населением⁵⁶.

Когда генерал Н. Н. Раевский в 1840 году построил в Цебельде укрепление Мрамба, то около него возникло поселение под названием Богоявленское, жители которого — до 70 человек — состояли из беглых и пленных солдат. Некоторые из них были уже глубокими стариками, проживавшими в этих местах десятки лет, совершенно забывшими родной язык.

Кстати, генерал Раевский в своем «Обзрении Восточного берега Черного моря» отмечал: «Русских беглых и пленных в горах много, особливо первых»⁵⁷.

⁵⁴ АКАК, т. VIII, № 345, с. 459 (Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 8 мая 1837 г.).

⁵⁵ Там же.

* Надо сказать, что декабристские руководители с самого начала своей деятельности интересовались и судьбой Кавказского Черноморского побережья. В 1807—1819 годах, в годы работы над «Запиской о государственном правлении», П. И. Пестель уже включал в круг политических задач тайного общества после переворота улучшение границ России, в частности, через присоединение указанной территории и Закавказья. В наброске Пестеля, написанном в 1818 году (см.: ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 10, л. 287), намечен проект размещения военных сил для обеспечения безопасности будущих границ России, в котором на Черноморском побережье названы Сухум и пристань Св. Николая (Шекветили) на северной границе современной Аджарии. В тексте «Русской «правды» Пестеля содержится также открытое заявление о включении в состав России Молдавии и Черноморского побережья Кавказа (Сы реч ковский Б. Е. Балканская проблема в плане декабристов.— Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, с. 234—236, 241, 249). Что касается Кавказа в целом, то он, как известно, по проекту Никиты Муравьева составлял одну из 14 федеративных единиц, создаваемых в России. А согласно «Русской правде» Пестеля, Кавказский край должен был стать одним из 10 округов России.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6343, л. л. 15—16.

⁵⁷ Архив Раевских, т. III, с. 81.

Понятно, почему отдача в солдаты была одним из наиболее излюбленных методов расправы царизма с неугодными ему лицами.

Многие декабристы оказались в воинских частях, действовавших на Черноморском побережье Кавказа*. К созданию надежной системы защиты этого во многих отношениях важного района России приступила после Адрианопольского мира 1829 года⁵⁸, когда началось активное вмешательство иностранцев в ее войну с горцами. В отдельных укреплениях стояли линейные батальоны, которые, как уже отмечалось, находились в необычайно тяжелых природных и военных условиях. Поэтому именно в эти войска и направляли часто декабристов, их единомышленников и других «инакомыслящих».

Тем не менее, «как бы ни были тяжелы условия пребывания на Кавказе, более широкие, чем в Сибири, возможности общения с людьми делали жизнь декабристов осмысленной и содержательной... Вокруг декабристов создавалась сочувствующая социальная среда, завязывались связи с местным населением, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и первых представителей местных народов»⁵⁹ И это относилось, разумеется, не только к Тифлису и некоторым другим центрам общения декабристов.

Вопреки реакционной политике царизма попавшие на Кавказ прогрессивные представители русской интеллигенции, среди которых особое место занимали декабристы, в меру своих возможностей оказывали плодотворное влияние на развитие его народов. Это были широко образованные люди. Многие из них привезли с собой сюда труды русских и иностранных авторов, читали газеты и журналы на русском и европейских языках. При возможности они собирались друг у друга, проводили вместе вечера, беседа на политические, литературные и другие темы, занимались изучением иностранных, а некоторые и местных языков⁶⁰. Для свободолюбивых изгнанников Кавказский край становится второй родиной. Они с огромным интересом изучали новый для них регион и талафтливо изображали его в своих творениях⁶¹.

Одним из первых, кто среди дворянских революционеров-декабристов и «прикосновенных»⁶² попал на Западный Кавказ, в частности в Абхазию, был *Павел Александрович Бестужев (1808—1846)* — младший из пяти братьев Бестужевых, погибших, по сло-

* См. сноску на с. 122.

⁵⁸ По этому миру, т. е. в результате русско-турецкой войны 1826—1829 годов, к России отошло все Черноморское побережье от устья р. Кубани до крепости Св. Николая (Шеквитили).

⁵⁹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. II. М., 1955, с. 448.

⁶⁰ Парсамян В. А. Указ. соч., 1975, с. 15—16.

⁶¹ Шадури В. За хребтом Кавказа. Тбилиси, 1977, с. 12.

⁶² Так назывались привлекавшиеся только к следствию, но не к суду, и которые состояли под строгим секретным надзором.

вам М. А. Бестужева, «в крушении 14 декабря 1825 года»⁶³. Воспитывался он в артиллерийском училище и был уже в офицерском классе. Арестовали его спустя несколько месяцев после выступления на Сенатской площади. Предлогом послужила, как сообщает его брат Михаил Бестужев, найденная у него книжка «Полярная звезда» — альманах, который издавал другой его брат, А. А. Бестужев-Марлинский, совместно с К. Ф. Рылевым⁶⁴. А М. В. Каменская мотивы ареста Павла Бестужева объясняет следующим образом: «Совсем еще птенец, но большой фантазер, который позволял себе в это смутное время так много кричать и ораторствовать против правительства, что навлек на себя подозрение и его тоже забрали»⁶⁵.

Так или иначе, 17-летнего юношу заключили в Бобруйскую крепость, а через год, в 1827 году, Николай I послал, по выражению той же Каменской, «проветриться на Кавказ», «в гарнизонную артиллерию в Сухум-Кале тем же чином», т. е. юнкером⁶⁶. Таким образом, П. А. Бестужев поплатился «благодаря тому же событию, хотя и не приняв в нем никакого участия»⁶⁷. В ответ на обращение матери Бестужевых к царю по поводу своего последнего сына, Николай I цинично ответил: «Мы его накажем отечески»⁶⁸.

«Прикосновенный» к делу декабристов Павел Бестужев первоначально прибыл, как это было положено подобным лицам, в Тифлис, который в то время являлся, по словам Карла Маркса, «центром русского господства в Азии»⁶⁹, административной «сердцевинной» всего Кавказского края, средоточием военных и гражданских властей. Накануне он писал: «Меня, как Язона, ссылают в Колхиду, везет гарнизонный офицер»⁷⁰.

П. А. Бестужев в ноябре 1826 года был направлен в Сухумский артиллерийский гарнизон 13-й гарнизонной артиллерийской бригады, а в начале 1829 года — в 21-ю артиллерийскую бригаду. Он прославился в войнах 1826—1829 годов с Ираном и Турцией как мужественный и искусный офицер⁷¹.

В 1828 году Павел Бестужев получил письмо от старшего брата А. А. Бестужева-Марлинского из Якутска, имевшее для него очень важное моральное значение. В нем говорилось: «Там ли, где Кавказ упирается в Черное море, или где сходит он холмами на луга Ирана? В Сухум-Кале или в Грузии?.. На поднебесном Кав-

⁶³ Братья Бестужевы (Из записок М. А. Бестужева).— РС, 1870, т. I, № 6, с. 518.

⁶⁴ РС, 1870, т. I, с. 263.

Были и другие версии о причинах ареста П. А. Бестужева: за сочинение какого-то стиха, из-за братьев и т. д.

⁶⁵ Воспоминания М. Ф. Каменской.— ИВ, 1894, т. 56, № 4, с. 33.

⁶⁶ Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова. М., 1888, с. 202, прим.

⁶⁷ Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 384.

⁶⁸ Богучарский В. Семейство Бестужевых (Историко-литературный очерк).— «Мир божий». СПб., 1902, сентябрь, с. 245.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. II, с. 639.

⁷⁰ Воспоминания Бестужевых, с. 412.

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1834 г., д. 297, с. 2—2 об.; ИРЛИ, ф. 604, д. 3 (5572). Послужной список Бестужева П. А. (1840), л.л. 36—50.

казе, кажется, нельзя не возвыситься духом. Надеюсь, что занятия службы не помешают тебе учиться, и учиться основательно... Около тебя народы... наблюдай их нравы... Читай много... но не всему верь, не для того, чтобы во всем сомневаться, но чтобы все обсудить»⁷².

В 1830 году П. А. Бестужев получил чин прапорщика. В 1830 и 1833 годах он участвовал в военных экспедициях против кавказских горцев (в Чечне и т. д.), командуя артиллерийской частью. В 1834 году Бестужев был в экспедиции генерала Д. Д. Ахлестышева, имевшей задачу проложить сухопутное сообщение по Абхазии и затем направить отряд на Геленджик «для затруднения сношения горских племен с Турциею и для обзора этого неизвестного края».

Первый участник этой дороги, где и пришлось действовать Бестужеву, должен был охватить пространство между Редут-Кале и Бамборой, и соединить береговые укрепления. При тогдашнем состоянии дорог отряд мог двигаться только по берегу моря и «преодолевать чрезвычайные местные препятствия»: путь проходил по болотистым, песчаным и лесистым местам, перерезанным множеством рек⁷³.

Между прочим, в указанной экспедиции участвовали также декабрист В. С. Норов, польский революционер Ф. Я. Лисовский и посланный в Грузию за участие в «Маловской истории», описанной в «Былом и думах» Герцена⁷⁴, писатель П. П. Каменский — университетский товарищ В. Г. Белинского и кавказский друг Александра и Павла Бестужевых. Павлу Бестужеву и до этого приходилось часто бывать в Бамборе, где квартировала рота, в которой он состоял⁷⁵. Это был расположенный близ современного г. Гудауты населенный пункт (один из поселков большого села Лыхны — резиденции абхазского владетеля), который до 1851 года являлся центром царской военной администрации в Абхазии. Здесь находился начальник войск в крае, полевой штаб и склады 44-го Егерского полка, а также один из батальонов этого полка, части которого были расположены и за пределами Абхазии.

А о пребывании Павла в Сухуме и его окрестностях А. А. Бестужев-Марлинский 23 апреля 1836 года писал из Геленджика: «Любезный Поль. Несколько дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям, я любовался развалинами какой-то башни (очевидно, Великой абхазской (Келасурской) стены или замка Баграта.— Г. Д.) — и что же? Я не верил глазам своим: на одном камне читаю твоею рукою написанную надпись П. Б.! Уголь не

⁷² Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958, с. 630.

⁷³ [Дубровин Н. Ф.] Кавказская война в царствование Николая I и Александра II (1825—1864 гг.).— Обзор войн России от Петра Великого до наших дней, ч. IV, кн. 2. СПб., 1896, с. 71, 77.

⁷⁴ Герцен А. И. Сочинения в девяти томах, т. 4. М., 1956, с. 122, 434. См. также: Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни.— РА, 1887, кн. I, вып. I, с. 109.

⁷⁵ Гангелов А. С. Воспоминания декабриста, с. 207, прим.

стерся в течение 8 лет, и вот судьба привела другого брата завидовать тому месту, где ты был в изгнании!»⁷⁶.

По служебным делам бывал П. А. Бестужев также в Пицунде и Гагре.

В одном из доносов за 1834 год говорилось о наличии в Тифлисе тайного «нового общества», членами которого якобы были Николай Титов, Павел Бестужев, Павел Каменский, Павел Выше-славцев и другие⁷⁷. Ф. Ф. Торнау, рассказывая о событиях 1832 года в Грузии, писал: «Тифлисское общество вообще очень разбогатело людьми... К числу лиц, разнообразивших интерес нашего круга, бесспорно принадлежали многие из... декабристов»⁷⁸.

За отличия в сражениях Павел Александрович Бестужев был награжден орденами св. Анны 4 степени (с надписью «За храбрость») и св. Станислава 4 степени. Находясь на Кавказе, он избрал прицел к пушкам, введенного в артиллерии под названием «бестужевского»*. Это дало ему еще один орден (св. Анна 3 ст.), чин прапорщика и разрешение в 1834 году вернуться в Петербург. Но за ним, по приказу Николая I, был установлен строжайший надзор. В следующем году он вышел в отставку⁷⁹.

П. А. Бестужев был и талантливым литератором. Его перу принадлежит критический очерк «Замечания на статью «Путешествие в Грузию»*, помещенную в «Сыне Отечества» и «Северном архиве» в 1838 году, ошибочно подписанного «Марлинский», что вызвало возражение П. А. Бестужева и объяснения издателей. Эта страстная полемическая статья отличается характерным для декабристов воззрением на русско-кавказскую проблему. Выступление Бестужева носило политический характер — он разоблачал автора «Путешествия», распространявшего клеветнические измышления о Кавказе и кавказцах⁸⁰. Подобно своему брату Александру, Павел Бестужев в «Замечаниях» сетовал на то, что «у нас мало писано о Кавказе, да и то неверно или недостаточно». «В тридцать лет, например,— писал он,— что мы узнали о Грузии? Много ли знаем даже о географическом ее положении, пространстве, границах?.. Отвергать поэзию в быту горцев и говорить, что это ложь, значит добровольно сознаваться в своем прозаизме... Быт горца стоит внимания каждого любознательного человека... Изучая его, вы скорее поймете человека, нежели читая историю... Надобно

⁷⁶ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 58—59.

⁷⁷ Шадури В. Декабристская литература..., с. 224.

⁷⁸ Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии.— РВ, 1869, № 4, с. 700.

* Кстати, отец Бестужева, Александр Федосеевич Бестужев,— артиллерист екатерининских времен, передовой писатель и публицист.

⁷⁹ РВ, 1870, т. 87, № 6, с. 489; Штрайх С. Я. Моряки декабристы. М.—Л., 1946, с. 275; Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.—Л., 1951, с. 98; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед. 1834 г., д. 297, л.л. 2,9; ИРЛИ, ф. 604, № 3, (5572), л.л. 37—38, 46.

* Эта анонимная шовинистическая статья была опубликована в «Московском телеграфе» (1833, ч. 52, № 15).

⁸⁰ Шадури В. Декабристская литература..., с. 329.

быть очень напуганным, чтобы оспаривать у кавказских горцев все добрые качества...»

Кстати, вопросы, затронутые в полемике Бестужева с анонимом, живо интересовали М. Ю. Лермонтова. Он, несомненно, разделял уверенность Бестужева в возможности и необходимости дружбы между русским и горскими народами⁸¹.

Своеобразным памятником декабристской литературы является и его письмо от 2 февраля 1837 года А. А. Бестужеву-Марлинскому о смерти А. С. Пушкина, жизнь которого «принадлежала целому народу»⁸².

Василий Завелейский, встречавшийся с Павлом Бестужевым в Тифлисе и Петербурге и знавший хорошо его братьев, писал: «Павел был молодой человек — высокий, тонкий, красивый собою и большой остряк»⁸³. А. А. Бестужев-Марлинский, который все время проявлял отеческую заботу о своем младшем брате * и безмерно радовался каждому его успеху, писал 15 января 1833 года из Дербента: «Брат Павел гостил у меня. Какой умный, благородный юноша из него вышел. Все офицеры выдавшие его в делах говорят, что он — необыкновенной храбрости, и храбрости хладнокровной. Начальство знает его как отличного артиллериста. Он исколесил Кавказ во всех направлениях...»⁸⁴

А 20 ноября того же года Марлинский писал К. А. Полевому: «Очень рад, что мой Поль сошелся с вами. Бедный Поль! Он не был молод, он не имел ни одной радости, ни одной слабости юношества; опыт слишком рано зажег или заморозил цвет его души»⁸⁵. Еще более трогательно писал любящий брат в письме от 1 декабря 1835 года: «Для кого же я работаю, как не для братьев?! Это моя единственная отрада. Счастлив бы я был, если б удалось устроить счастье Поля: бедный брат, он увял за нас!»⁸⁶

В письме от 19 июня Марлинский нравоучил: «Не говори, я не родился тем и тем: это вздор (...). Без труда и занятий сами гении остались бы остряками — не более... Человек с волею все может, без воли не в состоянии хотеть»⁸⁷.

Умер П. А. Бестужев в 1843 году; как писал лично знавший его артиллерийский офицер Шумилов, «у него был рак в желудке, вследствие желтой лихорадки, полученной им в Сухум-Кале»⁸⁸. В том же году скончалась и мать братьев Бестужевых.

После П. А. Бестужева следует назвать *Владимира Павловича Романова (1796—1864)*, который был сослан на Черноморье. Про-

⁸¹ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 58.

⁸² См.: Декабристы и их время, с. 97—100.

⁸³ Цит. по: Андроников И. Указ. соч., с. 490.

* Между прочим, Павел, как и Петр Бестужев, который также находился на Кавказе, можно сказать, «были на полном иждивении» своего брата Александра (Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. III, СПб., 1892, с. 166.

⁸⁴ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 47.

⁸⁵ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 465.

⁸⁶ РВ, 1870, т. 88, VII, с. 65—66.

⁸⁷ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 63.

⁸⁸ РС, 1886, т. 51, № 9, с. 702.

исходил он из дворян Херсонской губернии. Окончив Морской кадетский корпус, В. П. Романов стал одним из замечательных русских мореплавателей — исследователей, географов. Он был участником многих экспедиций, в том числе кругосветного путешествия. Романов, кроме того, активный участник боевых действий Черноморского флота в период русско-турецкой войны 1826—1829 годов и Крымской кампании 1853—1856 годов. Дослужился он до чина контр-адмирала. В. П. Романов был членом-корреспондентом Морского ученого комитета⁸⁹. Он был сподвижником выдающихся русских флотоводцев М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, П. С. Нахимова.

Арестованный по делу декабристов капитан-лейтенант Балтийского флота Романов 26 февраля 1826 года был доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Как выяснилось, он был связан с виднейшими деятелями декабристского движения К. Ф. Рылевым и Н. А. Бестужевым⁹⁰. По окончании следствия Николай I приказал: «Продержав еще три месяца в крепости, отправить на службу в Черноморский флот и ежемесячно доносить о поведении»⁹¹. Эти донесения были прекращены в 1828 году «во уважение отличного мужества сего офицера в сражении противу турок и черкес»⁹².

Будучи прекрасным исследователем-географом, В. П. Романов свое черноморское изгнание хорошо использовал на пользу науки⁹³. Уже летом 1827 года, во время крейсерства на шлюпе «Диана» у берегов Абхазии, Романов выполнил весьма интересные географические изыскания, результаты которых в 1829 году под названием «Замечания о рейде при Сухум-Кале лейтенанта Романова» были опубликованы на страницах третьей части «Записок Ученого комитета Морского штаба» (с. 165—173)*. Материал был доставлен редакции главным командиром Черноморского флота Самуилом Грейгом. Важность этого материала была такова, что по представлению того же Грейга, Романов, кроме того, был произведен в капитан-лейтенанты, награжден орденом св. Анны 2-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость», а также освобожден от гласного надзора своего начальства.

Теперь по существу указанных «Замечаний». Прежде всего их автор промерил и картировал Сухумский залив. «Рейд при Сухум-

⁸⁹ Подробнее см.: Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 388—389; Русский биографический словарь. Пг., 1918, с. 26—28; Пасецкий В. М. Географические исследования декабристов. М., 1977.

⁹⁰ ЦГАВМФ. ф. 205, оп. I, д. 300, л.л. 12—13 об; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 165—166.

⁹¹ ЦГАВМФ, ф. 205, оп. I, д. 300, л.л. 12—13 об.

⁹² ЦГАВМФ, ф. 19, оп. I, д. 100, л. 7.

⁹³ Подробнее см.: Пасецкий В. М. Указ. соч.

* Между прочим, изучением Черного моря занимались и другие декабристы, а иные из них серьезно интересовались этой проблемой (А. А. Бестужев-Марлинский и т. д.). Например, Н. А. Чижов оставил яркий рассказ об Одессе в своем очерке «Одесский сад (Отрывок из воспоминаний о Черном море)» («Сын Отечества», 1923, ч. 84, № XII, с. 213—214). Его внимание привлекли благодатный климат и щедрая растительность Черноморья.

Кале,— писал он,— закрыт от северных, восточных и юго-восточных ветров. Глубина самая лучшая для якорного стояния от 30 до 15 саженей, где грунт ил, а в некоторых местах и на десяти саженях тот же грунт. Идучи с моря днем, самый лучший показатель якорного места — восточные ворота крепости, и коль скоро они откроются, глубины оказываются 50, 45 и 30, а ближе к берегу 25, 18 и 10 саженей. Берег низменный, покрытый голышем и частью песчаный, на расстоянии саженей 50 от воды, а потом начинается лес, в котором дубы, клены, липы, орешник, кизил, ольха, лавры, яблони, инжиры, сливники, шиповники, орешник, вязы, карагачи; грушевые, каштановые деревья, виноград и барбарис. Потом начинаются пригорки и чем далее, тем становится выше и выше, и наконец достигают хребта Кавказских гор, покрытого вечным снегом».

Далее Романов отмечает, что ширина Сухумского залива между мысами Сухумским и р. Кодора или до реки этого имени около 25 верст. Вблизи Сухумской крепости в море впадает речка Басла, ширина которой в низовье составляет около 30 м. Из нее суда запасались питьевой водой, «которая довольно вкусна». Романов исследовал также реку Келасури. Она была стремительна в своем течении, а вода холодной, изумительно чистой и вкусной. Затем были обследованы четыре небольшие речки, в которых водились «раки и мелкая рыба». Более обстоятельно была осмотрена река Кодор, впадавшая в море двумя рукавами. Рыбы в ней чрезвычайно много, попадаются осетры, белуга и другие».

Романов не ограничился промером Сухумского рейда и описанием речек и сухумских лесов. В его замечаниях также много сведений, полезных для командиров и офицеров, плавающих в восточной части Черного моря. Декабрист писал:» Дабы найти Сухумский рейд, идучи от W или от Севастополя, должно примечать следующее: во-первых, приближаясь около 40 миль, можно усмотреть мыс Адлер, который имеет вид нашего Крымского мыса Аюдага или Аюди, и совершенно таким же образом отделяется от материкового берега, а гора Адлер имеет некоторое подобие с Чатырдагом и открывается с моря в ясную погоду за 60 миль. Потом, когда, пройдя мыс, увидишь белое место, на невысоком берегу, называемом Пицунда, должно продолжать курс не слишком в дальнем расстоянии от берега и не далее 10 миль; подходя к Сухуму, можно видеть гору, подобную чалме, находящуюся над Сууксами (Сууксами.— Г. Д.), вид ее весьма черный и отличный от прочих гор; она названа Цифербеева (Сафарбеева.— Г. Д.) шапка».

По словам Романова, далее перед мореплавателем должны были открыться две «призматические», стоящие одна подле другой горы. Западную из них следовало запеленговать и по румбу, близкому к северу, продолжать путь, который и приведет к Сухумской крепости. Далее автор подробно рассматривает особенности рельефа южного створа Сухумского залива, давая при этом наставление мореплавателям для входа на его рейд при следовании от Редут-Кале или потийских берегов.

В. П. Романов отмечал наличие течения, идущего вдоль бере-

га от востока к западу, которое рекомендовал непременно учитывать мореплавателям, поскольку его силой корабль мог быть снесен за ночь на 20 миль и более.

Значительное место в очерке о Сухумском заливе отводится характеристике климатических особенностей местности. «В Сухуме,— писал Романов,— при захождении солнца ветер с моря затихает и начинает дуть с берега, продолжается во всю ночь постоянно, летом до осми часов утра, а зимою до полудни. Когда в море шторм и буря свирепствует во всей силе, тогда на Сухумском рейде тихо, ветер дует с берега, и ходит только одна зыбь, а волнения не бывает».

Самым опасным для судов, стоящих в Сухумском заливе, считался северо-восточный ветер, который дует «из ущелья прямо с гор и находит всегда шквалами». Его порывы достигают большой силы и срывают корабли с якорей, поэтому суда при наступлении северо-восточной бури крепятся к берегу.

Находясь в Сухумском заливе, Романов установил склонение компаса. Его определения географических пунктов были основаны на многократных астрономических наблюдениях.

Кроме того, летом же 1827 года он исследовал Редут-Кале (Кулеви), расположенный при устье реки Хоби, на расстоянии 123 верст от Кутаиса и 12 верст Рионской пристани. Были измерены глубины рейда, определен грунт моря, запеленгованы горы Малый и Большой Олень, Потийский мыс и другие приметные места, зарисованы виды берегов, изучены климатические особенности района, при этом собраны сведения о том, что в Редут-Кале и Анапе в августе и сентябре «случаются тайфуны, но весьма малые».

Как видно, В. П. Романовым была выполнена съемка значительного отрезка Черноморского побережья Кавказа и сделаны зарисовки приметных мест. Составленные им карты, по оценке В. М. Пасецкого, имели важное значение для Черноморского флота и были немедленно опубликованы. Флот нуждался и в его гидрографических замечаниях, поэтому они увидели свет в рекордно короткий по тем временам срок, несмотря на то что их автор имел «прикосновение к делу 14 декабря»⁹⁴.

Для нас особый интерес представляет и тот факт, что Романов во время своих исследовательских работ у кавказских берегов составил словарь абхазского и черкесских «наречий», который командованием Черноморского флота был переслан в Петербургскую академию наук⁹⁵.

В. П. Романов поддерживал связи с отдельными сосланными на Кавказ декабристами. Об этом свидетельствует письмо его друга А. А. Бестужева-Марлинского к нему от 10 декабря 1834 года из Ставрополя. В нем говорится: «Много времени утекло с тех пор, что мы свиделись в последний раз, любезный Владимир Павлович, много перемен легло между нами — до того много, что

⁹⁴ Пасецкий В. М. Указ. соч., с. 97.

⁹⁵ Там же, с. 97—98.

я не написал бы Вам строчки, если б добрый Альбрандт не заверил, что Вы не боитесь любить меня — это платить отрадою за грусть стольких разочарований. Помните ли Вы 22-й год и Кронштадт? Мы были оба так связаны телом и душой тогда!.. Я столько наслышан о домашнем Вашем счастье, что позавидовал бы Вам, или бы думал завидовать. Счастливый супруг и отец семейства, Вы наслаждаетесь тем, что я не смог даже делать!! О, да будет вечно это счастье Вам вечно! Сердцем Вам преданный Александр Бестужев.

Р. С. Братья Николай и Михаил в Сибири на заводе Демидовых. Петр потерял ум, Павел здоров. Оба поселились в деревне у матушки⁹⁶.

В. П. Романов еще в течение многих лет был связан с Черным морем. Ему удалось увидеть Босфор и Дарданеллы и путешествовать по древней земле Греции. Во время Крымской войны он одним из последних покинул редуты осажденного Севастополя. Будучи контуженным, Романов продолжал командовать судном и под ураганным огнем противника вывозить последних защитников города.

Вскоре после этих событий, в 1857 году, Романов по поручению «Русского общества параводства и торговли» (РОП и Т) исследовал Днестр и составил его карту⁹⁷.

О творческой натуре В. П. Романова свидетельствует и тот факт, что он собирал материалы для написания истории русского флота. Кроме того, Романов, начиная с 1817 года, будучи молодым мичманом, сотрудничал в ряде издательств и являлся членом нескольких обществ («Вольного экономического общества» и др.)⁹⁸.

В 1861 году Романов был уволен от службы. В последние годы жизни он являлся мировым посредником по Александрийскому уезду Херсонской губернии. Здесь 11 октября 1864 года и умер декабрист. В газетах («Одесский вестник», «Русский инвалид» и др.) был напечатан некролог В. П. Романова, в котором отмечены его большие заслуги перед наукой и морским флотом России.

Почти одновременно с П. А. Бестужевым в Абхазии были также декабристы А. А. Фок и С. И. Кривцов, а в 1832 году их посетил в Бамборе А. С. Гангеблов. *Александр Александрович Фок (ум. в 1854 г.)* — из дворян Петербургской губернии, в молодости жил в доме знаменитого русского поэта Г. Р. Державина, который приходился ему родственником⁹⁹. В момент восстания декабристов он служил в лейб-гвардии Измайловского полка в чине подпоручика. В 1826 году по приговору Верховного уголовного суда А. А. Фок был разжалован в солдаты и послан в Отдельный Сибирский полк. Указом Николая I он в том же году переводится в действующую армию на Кавказ, «дабы мог загладить свою ви-

⁹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1120, Соловьева, оп. I, д. 160, л.л. 1—2.

⁹⁷ Пасецкий В. М. Указ. соч., с. 97.

⁹⁸ Кронштадский вестник. 1864, 15 марта, № 32.

⁹⁹ (Грот Я.) Жизнь Державина.— Сочинения Державина, т. 8. СПб., 1880, с. 957.

ну»¹⁰⁰. В 1827 году его зачислят в 41-й егерский полк, который отличался наличием в его рядах многочисленных декабристов и опальных людей (А. А. Бестужев-Марлинский, В. С. Толстой, А. К. Брестель, С. А. Путята и др.). В составе последнего А. А. Фок принимал участие в русско-иранской и русско-турецкой войнах 1826—1829 годов и трижды был ранен под Ахалцыхом. Он был награжден серебряным Георгиевским крестом. С начала 1830 года Фок состоял в 44-м егерском полку с местопребыванием в Бамборе и Редут-Кале¹⁰¹.

Вскоре А. А. Фок проходит по политическому процессу 1831 года в Кутаисе, а вместе с ним — декабристы А. А. Брое, Е. С. Мусин-Пушкин, Н. П. Акулов и польский революционер С. С. Карвицкий¹⁰². Помимо названных лиц, к следствию был привлечен и штабс-капитан Кавказского саперного батальона И. Д. Бартенов. Он давно был у властей «на замечании» как политически неблагонадежный человек. Бартенов, как видно, пользовался среди ссыльных декабристов большой симпатией и уважением, а впоследствии дружил с Белинским, Герценом, Огаревым и сотрудничал в «Современнике». В рассматриваемое время он служил в Кутаисе, откуда посылал в «Тифлиссие ведомости» свои интересные статьи¹⁰³. Все они обвинялись в том, что, тайно встречаясь с 1830 года, распространяли «мысли вольные и буйные, одобряют и выхваляют дух буйный некоторых европейских держав, желая видеть отечество свое жертвою внутренних раздоров под предлогом избавить себя и соотечественников своих из-под ига самодержавия»¹⁰⁴.

Управляющий Имеретией генерал-майор К. Ф. Гессе, резиденция которого находилась в Кутаисе, 10 января 1831 года об этом рапортовал графу Паскевичу, а тот, в свою очередь, шефу жандармов графу Бенкендорду¹⁰⁵. Командиру 44-го егерского полка было приказано, чтобы он усилил секретный надзор «за всеми побывшими в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»¹⁰⁶. Командиру Мингрельского пехотного полка полковнику Жихареву был объявлен строгий письменный выговор за покровительство, оказанное служившим в этом полку Брое и Мусину-Пушкину — «не выслал их в действующий отряд»¹⁰⁷.

В 1832 году в Бамборском укреплении А. А. Фока посещает его товарищ по Измайловскому полку декабрист А. С. Гангеблов. Последний застал Фока «выздоровливающим от горячки (мая-

¹⁰⁰ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 194.

¹⁰¹ Там же, с. 410; Гангеблов А. С. Воспоминания. М., 1988, с. 197; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Фок А. А.; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1826 г., д. 61 ч. 130, л.л. 3—3 об.

¹⁰² Подробнее об этом см.: ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л.л. 1—24; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1831 г., д. 90, л.л. 1—33 об.

¹⁰³ Шадури В. Покровитель ссыльных..., с. 49—51; Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений. Ереван, П, 1961, с. 257—259.

¹⁰⁴ ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л. 17 об.

¹⁰⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1831 г., д. 90, л. 1; Нерсисян М. Указ. соч., с. 258.

¹⁰⁶ Там же, л. 19; Нерсисян М. Указ. соч., с. 259.

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л.л. 42—43.

рии.— Г. Д.), с обритой головой и все еще с рукой на подвязке от ахалцихской раны»¹⁰⁸. А болели малярией тогда здесь буквально все. По данным, например, 1838 года в Бамборском укреплении «средним числом» от малярии умирало ежегодно 111 человек¹⁰⁹. Но эта местность, как писал посетивший ее в 1833 году швейцарский ученый Ф. Дюбуа де Монперэ, была «необыкновенной красоты и своим великолепием может поспорить с самыми прекрасными пейзажами Швейцарии»¹¹⁰. В Бамборе Гангеблов близко познакомился и с декабристом С. И. Кривцовым.

В январе 1833 года А. А. Фок был произведен в прапорщики и определен в Оренбургский линейный 10-й батальон. В 1835 году он был уволен со службы из-за ран с установлением за ним секретного надзора и запрещением ему въезда в столицы империи. Умер А. А. Фок в 1854 году¹¹¹.

Теперь об *Александре Семеновиче Гангеблове* (1801—1890). Он происходил из старинного грузинского дворянского рода. Его дед Г. Х. Гангеблов (Гангеблидзе) выехал в Россию вместе с царем Вахтангом VI, служил в русской армии и погиб во время Семилетней войны. Отец Александра С. Г. Гангеблов тоже служил в русской армии, участвовал в войне против Наполеона I и был ранен под Бауценом¹¹². Между прочим, портрет генерал-майора С. Г. Гангеблова работы Доу находится в Военной галерее Эрмитажа.

Сам А. С. Гангеблов (Гангеблидзе) воспитывался в Пажеском корпусе, а затем служил в лейб-гвардии Измайловского полка. Как отмечает акад. М. В. Нечкина, поручик Гангеблов стал членом Северного общества лишь в год восстания; он полагал целью общества — введение в России республиканского правления, что может свидетельствовать о его контакте с группой Южного общества, организованного в Петербурге Пестелем и после распущенного самими декабристами. «Он был, таким образом, левее северян и не скрывал этого факта на допросах»¹¹³.

После восстания декабристов Гангеблов, 7 июля 1826 года, «высочайшим» приказом был «выписан» из названного полка «за прикосновение к злоумышленным обществам» и по «выдержании» в Петропавловской крепости в течение четырех месяцев «переведен» на Кавказ, во Владикавказский гарнизонный полк, с «ежемесячным донесением о поведении», откуда вскоре «прикомандирован» к одному из «действующих полков» Отдельного Кавказско-

¹⁰⁸ Гангеблов А. С. Указ. соч., с. 223.

¹⁰⁹ (Раевский Н. Н.) Обзорение Восточного берега Черного моря.— Архив Раевских, т. III, с. 57.

¹¹⁰ Дюбуа де Монперэ Ф. Указ. соч., с. 115.

¹¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1826 г., д. 61 ч. 130, лл. I, Зоб.— 4.

¹¹² См.: Гангеблов А. С. Указ. соч., с. 224, 232, 233; ЦГИАГ, ф. 1087, оп. I, д. 645.

¹¹³ См. предисловие акад. Н. В. Нечкиной к т. XVIII, «Восстание декабристов. Документы». М., 1984, с. 13. Материалы об А. С. Гангеблове см. на с. 17—34.

го корпуса «для употреблений против персиян». Таковым был признан Кабардинский пехотный полк ¹¹⁴.

Гангеблов, которому вменялась в вину связь со «злоумышленными обществами», причину, побудившую вступить его на этот путь, объяснял «неограниченной властью помещиков» и «одно из главнейших следствий» этого — «бедственное состояние многочисленнейшего класса» ¹¹⁵.

Уже в ноябре 1827 года граф Паскевич в рапорте на имя императора отмечал Гангеблова в числе лиц (Бурцова, Миклашевского и др.), которые «в делах против неприятеля оказали себя неустрашимыми» ¹¹⁶. В 1828 году Гангеблов был направлен в Эриванское областное управление.

А. С. Гангеблов принимал участие и в русско-турецкой войне 1828—1829 годов и отличился в сражениях, особенно во время штурма Ахалциха. Трудно переоценить его роль в деле знакомства грузинской передовой интеллигенции с идеями декабристов. Гангеблов, в частности, был одним из первых, кто способствовал распространению в Закавказском крае бессмертной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» ¹¹⁷.

В связи с плохим состоянием здоровья и после намека графа И. Ф. Паскевича, заявившего, что бывшим декабристам никогда не выслужиться и лучше выходить в отставку, А. С. Гангеблов сделал это в 1832 году. Ему было разрешено жить, тоже без права въезда в столицы, в Екатеринославской губернии с установлением «тайного надзора» ¹¹⁸. Гангеблову было предложено два пути: на Владикавказ и через море на Крым. Он избрал последний, хотя и менее удобный, но для того только, чтобы повидаться с А. А. Фокком в Абхазии. Добрался Гангеблов сперва до Редут-Кале, откуда на шхуне «Вестник» поехал в Гудауту, а уж оттуда верхом на лошади отправился в Бамбору. Провел он здесь трое суток.

Друзья беседовали «без усталости, тем более, что уже, конечно, не надеялись когда-либо встретиться». А. А. Фок и С. И. Кривцов «с отменной благодарностью» отзывались о своем начальнике, командующем войсками в Абхазии полковнике А. Г. Пацовском, «о внимании и предупредительности» его к ним. Так относился Пацовский и к другим опальным лицам, каких у него в войсках было немало.

Перу А. С. Гангеблова принадлежат весьма содержательные, написанные прекрасным литературным языком «Воспоминания декабриста», опубликованные в 6-м номере «Русского архива» за 1886 год и вышедшие отдельной книгой в Москве в 1888 и 1906 го-

¹¹⁴ ЦГИАГ, ф. 84, д. 145, л. 2; ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. I, д. 77, л. 73.

¹¹⁵ Цит. по: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 107.

¹¹⁶ ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), д. 77, л. 230.

¹¹⁷ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 302—303; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Гангеблов А. С.

¹¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, от. III, I экспед., 1826 г., д. 61 ч. 142, л.л. 2—2 об., 13 и др.; Ветринский Ч. Гангеблов А. С. — РБС, 4, 1914, М., с. 269.

дах. Из этого сочинения нами и почерпнуты сведения о пребывании А. А. Фока и его в Абхазии.

Одним из самых «беспокойных государственных преступников» был лейтенант Гвардейского морского экипажа граф *Енафрандит Степанович Мусин-Пушкин (1791—1831)*. По решению Верховного уголовного суда он был присужден к лишению чинов и списанию в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны. Мусин-Пушкин сперва находился в Звенигородском гарнизонном полку, а 26 августа 1826 года был определен на Кавказ с установлением надзора, «дабы мог загладить свою вину»¹¹⁹. Перед переводом в полки Кавказского корпуса он успел захватить в свое имение и объявить крестьянам, что отпускает их на волю¹²⁰.

Во время русско-иранской войны 1826—1828 годов Е. С. Мусин-Пушкин проявил исключительную храбрость и героизм, но был произведен лишь в унтер-офицеры. В ноябре 1828 года Николаем I было приказано доклады «о поведении капитана графа Мусина-Пушкина прекратить, продолжая однако ж тайный и бдительный надзор за его поведением и при первом случае отступления его от порядка, или когда что в поведении его замечено будет, доносить непременно и немедленно...»¹²¹.

После указанной войны Е. С. Мусин-Пушкин жил в Тифлисе, где принимал участие в сходках декабристов¹²². Числился же он в 42-м егерском полку под начальством декабриста А. М. Миклашевского. Зимой 1829—1830 годов Мусин-Пушкин, незадолго до этого переведенный в Мингрельский пехотный полк, «незаконно» проживал в Тифлисе. В 1831 году он проходит по уже известному нам Кутаисскому политическому процессу. Как сообщал доносчик подпоручик Рельи, сидевший в Кутаисской тюрьме за вызов на дуэль поручика Брое, Мусин-Пушкин являлся связующим между декабристами, служившими в разных полках и находившимися в «подозрительном общении». Следствием было установлено, что Мусин-Пушкин из Кутаиса, где он проживал, дважды ездил к С. С. Карвицкому в Редут-Кале. Е. С. Мусин-Пушкин погиб 14 июля 1831 года¹²³.

Лейтенант *Николай Павлович Акулов (Окулов) (р. ок. 1800 г.)* — сын пошехонского помещика Ярославской губернии — был членом Северного общества декабристов. По приговору Верховного уголовного суда он лишен чинов и написан в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны. Затем, указом Николая I от 22 августа 1826 года было «повелено перевести» его в полевые полки Отдельного Кавказского корпуса, «дабы мог загладить вину свою». На Кавказ прибыл Акулов из одного из сибирских гарнизонов в январе 1827 года, одновременно с А. А. Фо-

¹¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1826 г., д. 61 ч. 129, л. I; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 133, 134, 360; Движение декабристов. Именной указатель., вып. 2, с. 471.

¹²⁰ Восстание декабристов. Материалы, т. XV. М., 1979, с. 9.

¹²¹ ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. I, д. 77, л. 116.

¹²² См.: Гангелов А. С. Указ. соч., с. 202—203.

¹²³ Шадури В. Декабристская литература., с. 210—211.

ком, П. П. Коновницыным, Н. Р. Цебриковым и другими декабристами, и определен в 21-ю пехотную дивизию.

Во время русско-иранской войны 1826—1828 годов он в составе Кабардинского егерского полка, куда попал из 42-го егерского полка, участвовал в военных операциях на Черноморье, в том числе в Абхазии. По сообщению Рельи, Акулов «секретно проживал» у Е. С. Мусина-Пушкина в Кутаисе. После Кутаисского процесса 1831 года он снова в экспедициях против горцев¹²⁴.

22 февраля 1836 года ссыльный декабрист А. А. Бестужев-Марлинский из станицы Ивановской писал своим братьям Николаю и Михаилу Бестужевым в Петровск: «...Если вы помните моряка Акулова, так он в здешнем отряде, я видел его во время экспедиции: здоров, но все еще не более как унтер-офицер. Скромный и достойный малый, мы нередко про вас с ним вспоминали»¹²⁵. А со своим старым товарищем Петром Бестужевым Акулов во время кавказской ссылки находился в особенно близких отношениях¹²⁶.

В 1836 году Н. П. Акулов был произведен в прапорщики с переводом в 9-й Черноморский линейный батальон, а в 1838 году уволен со службы из-за болезни. Последние годы жизни он провел на родине в с. Владычине Пошехонского уезда Ярославской губернии¹²⁷.

Алексей Александрович Броке (1802—1871) из дворян Петербургской губернии. Он был арестован 28 мая 1826 года и из лейб-гвардии Московского полка, где служил в чине поручика, «переведен» тем же чином на Кавказ в Мингрельский пехотный полк с указанием «ежемесячно доносить о поведении». Начальник главного штаба 3 июня того же года писал главнокомандующему на Кавказе генералу А. П. Ермолову: «Перевод его последовал по прикосновенности к делу о злоумышленном обществе 14 декабря 1825 года. Государю угодно, чтоб поручика Броке, как наиболее участвовавшего в возмущении и содействовавшего к тому собственным своим поступком, иметь под особенным строжайшим наблюдением»¹²⁸. То есть, «сверх донесения о поведении» Броке предписывалось держать его «под особенным строжайшим наблюдением»¹²⁹.

В рядах Мингрельского полка А. А. Броке участвовал в осаде и освобождении 15 июля 1829 года крепости Поти от турецких войск, а при атаке цихидзирских позиций 17 сентября того же года ранен в грудь. За «отменные подвиги на Кавказе» он был награжден орденом св. Анны 3-й и 4-й степеней. В 1831 году Броке, как видели, проходил по Кутаисскому политическому процессу.

¹²⁴ ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л.л. 5—7; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 22, 268; ИРЛИ, ф. 604, д. 3(5572), л. 25 об.

¹²⁵ РВ, 1870, т. 88, VII, с. 66.

¹²⁶ Воспоминания Бестужевых..., с. 370.

¹²⁷ Зиссерман (А. Л.) История Кабардинского полка, П. СПб., 1881, с. 50; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1826 г., д. 61, ч. 130, л.л. 1—7.

¹²⁸ Цит. по: РС, 1892, т. 76, № 11, с. 445.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. I, д. 77, л. 23.

В 1833 году он, по ходатайству барона Розена, получил право ухода в отставку и поселился в своем имении, в Нововладожском уезде Петербургской губернии, но с запрещением въезда в столицы империи и учреждением за ним надзора, что было снято лишь в 1839 году¹³⁰.

Между прочим, в Западной Грузии, в районе Мегрельского княжества, в 1835 году появляются еще два опальных лица — *Михаил Критский* и *Николай Попов*. Это были члены тайного революционного кружка студентов Московского университета («Критских кружок»), сложившегося в 1826—1827 годах под непосредственным впечатлением от расправы над декабристами*. Они были «переведены» сюда рядовыми солдатами после заключения их в крепости и казематах. В 1836 году М. Критский был убит в бою, а судьба Н. Попова остается пока неизвестной. Их единомышленник Д. Тюрин после трехлетнего пребывания в тюрьме также был отправлен в действующие войска — Отдельный кавказский корпус¹³¹.

Сергей Иванович Кривцов (1802—1864) — сын помещика Болховского уезда Орловской губернии; первоначально воспитывался в московском университетском благородном пансионе, а пятнадцати лет был отправлен учиться на казенный счет в первоклассное, по тому времени, европейское учебное заведение — педагогический институт Фелленберга в Швейцарии, где в числе его преподавателей был знаменитый педагог-демократ Иоганн Генрих Песталоцци¹³². В 1818—1820 годах был чиновником русского дипломатического корпуса в Лондоне¹³³. По возвращении из Европы, служа в лейб-гвардии конной артиллерии, Кривцов вступил в тайное «Северное общество» декабристов. Это было в 1823 году. За-

¹³⁰ РС, 1892, т. 76, XI, с. 440, 445—446; Стефанов Т. Т. Указ. соч., с. 90, 98, 102, приложения, с. 37, 59; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 42—43, 288; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., д. 64 ч. 146, лл. 1, 34, 45.

* Члены кружка (братья Петр — основатель, Михаил и Василий Критские, Николай Лушников (готовился вступить в университет) и Даниил Тюрин — чиновник) считали себя продолжателями дела декабристов и намеревались создать большую тайную политическую организацию в целях введения конституции в России; обсуждали возможность цареубийства и обращения к народу с прокламацией, пытались вести революционную пропаганду среди солдат, чиновников и студентов Московского университета. Кстати, с будущими участниками кружков Критских и Сунгурова общался замечательный поэт-мученик А. И. Полежаев, обличитель самовластья в «жестокий век» николаевской реакции.

¹³¹ Насонкин Л. И. К вопросу о революционном движении студентов Московского университета (Кружок студентов Критских, 1827 г.). — «Вестник Московского университета», 1953, № 4; Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., М., 1958; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV, М., 1967, с. 318—320.

¹³² Гершензон М. Декабрист Кривцов и его братья, М., 1914; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 334.

Между прочим, В. К. Кюхельбеккер дразнил Кривцова, который превосходно пел, что «Песталоцци хорошо научил его петь русские песни» [Головачев М. А.] Декабристы. 86 портретов. М., 1906, с. 114)

¹³³ Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей ГБЛ, М., 1948, с. 105.

тем, в 1824 году, он был принят в члены «Южного общества»¹³⁴ Пестелем, приехавшим в Петербург для переговоров с главарями «Северного общества». Кривцов «желал представительного правления, а между разговорами слышал о намерении ввести республиканское правление и об удобности истребить императорскую фамилию на придворном бале»¹³⁵.

В июле 1826 года С. И. Кривцов «за прикосновение к тайному обществу» приговором Верховного суда был приговорен к VII разряду, осужден в каторжную работу на 4 года, а потом — на поселение (срок каторги был сокращен до одного года). Из Петропавловской крепости в Сибирь на поселение был отправлен в феврале 1827 года¹³⁶.

После нескольких лет пребывания в Читинском остроге и в ссылке в Туруханске и Минусинске по ходатайству матери в декабре 1831 года Кривцов был определен рядовым в действующие войска Отдельного Кавказского корпуса, в 44-й Егерский полк¹³⁷.

Вначале С. И. Кривцов прибыл в Тифлис, а оттуда — в Редут-Кале, где застрял на два месяца: море было бурное, суда не ходили; он сильно скучал в «грязном местечке»; просил отправить его сухим путем, но в этом ему отказали, «так как дорога была беспокойна». Добравшись наконец до Гагры, где стоял его батальон, Кривцов заболел воспалением легких и пролежал месяц. Для поправки его перевели в полковую штаб-квартиру в Бамбору.

Во времена ссыльных декабристов Бамборское укрепление, расположенное недалеко от моря, на возвышенности, господствовавшей над долиной речки Пщандра, представляло собой огромный параллелограмм, огражденный земельным валом с батареями. Разбитое на несколько кварталов, оно было обстроено небольшими домами, казармами и госпиталями. В 1833 году в крепости, кстати сооруженной из земли и глины, находилось от 500 до 600 солдат с 12 пушками¹³⁸. Возле крепости был небольшой базар (имелись лавки). Здесь жили некоторые приезжие купцы и «промышленники». Сюда приходили жители Абхазии для обмена «своих изделий и получения всего им нужного»¹³⁹. Таким образом Бамбора становится и центром торговли северо-западной (Бзыбской) части Абхазии. Между прочим, недалеко от этой местности, на р. Хипста (белая), где в изобилии рос прекрасный лес, силами солдат бамборского укрепления был построен лесопильный «завод», который снабжал строительным материалом воинские части. Для последних здесь заготавливался и кирпич. Лесопилка вместе с тем яви-

¹³⁴ Декабристы. Сборник материалов. Л., 1926, с. 50.

¹³⁵ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 102.

¹³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп. I, 1826 г., д. 61, ч. 96, лл. 34—34 об. (Докладная записка С. И. Кривцова от 26 марта 1845 г.); Головачев М. П. Указ. соч., с. 255.

¹³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. I, д. 8, л. 60, 64; д. 9. лл. 37—38.

¹³⁸ Дюбуа де Монперэ Ф. Указ. соч., с. 114.

¹³⁹ Воронцовский «Перипл» Чорного моря. (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г.) — РА, 1894, № 6, с. 226—227.

лась и «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими коллегами»¹⁴⁰.

Но славилась Бамбора и своим «малярийным духом». В укреплении, в этом, как писал Дюбуа, «месте ссылки», ежегодно умираю от малярии более 100 человек. Не случайно, разумеется, оно было избрано одним из основных пунктов ссылки декабристов и их единомышленников. В августе 1832 года, и С. И. Кривцов заболел этой болезнью, которая впоследствии не раз к нему возвращалась. Два года он провел в бездействии, живя то в Бамборе, то в Сухуме. В Бамборе Кривцов обзавелся собственным домиком в две комнаты с кухней и террасой. Вскоре к нему приехал крепостной человек, присланный родными для услуг. Это была первая живая весть от них со времени разлуки.

Летом 1833 года Кривцов из Моздока получил письмо от своего друга — ссыльного декабриста З. Г. Чернышева. В том же году он встретился с французским ученым-исследователем Кавказа Фредериком Дюбуа де Монперэ. Путешествуя по Черноморскому побережью, Дюбуа в июне 1833 года посетил Бамбору. В качестве переводчика к нему был приставлен С. И. Кривцов, имя которого ученый в своей книге «Путешествие вокруг Кавказа», изданной в Париже в 1839 году, обозначил инициалами «М. К.». Некоторые авторы полагают, что Дюбуа, желая скрыть имя русского декабриста, сознательно искажил его инициалы¹⁴¹, а другие не исключают допущения здесь обычной опечатки¹⁴². Однако эту «загадку», как нам кажется, убедительно раскрыла переводчица первого тома названной книги на русский язык, изданного в Сухуми в 1937 году, Н. А. Данкевич-Пущина. Она полагает, что «М» есть первая буква французского слова «monseigneur», а «К» — начальная буква фамилии Кривцова. Это обычная форма вежливости во французском языке. В письменной передаче данное слово, когда говорят о третьем лице, сокращается в «М» или «М»¹⁴³.

Что же сообщает Дюбуа о С. И. Кривцове? «Из Соук-су» (Лыхны.— Г. Д.) мы отправились за шесть верст дальше прямой дороги, не заходя в Бамбор, для того, чтобы посетить лесопильню на реке Хипсте. Полковник (А. Г. Пацовский) был так любезен, что направил М. К., рядового солдата Абхазского полка, сопровождать меня и служить мне переводчиком. Во время этой прогулки вместе с М. К. по восхитительному лабиринту волшебного пейзажа, — пишет он, — я имел удовольствие ближе познакомиться с этим замечательным () человеком и поговорить о Швейцарии и общих друзьях. Превратности судьбы сильно изменяют человека... Те, кто знал М. К. в Петербурге, сильно изумились бы той перемене, какая произошла в нем с тех пор.

¹⁴⁰ Торнау Ф. Ф. Указ. соч., с. 36.

¹⁴¹ См.: Польская Е. Загадка «М. К.». — «Советская Абхазия», 27 декабря 1960 г.; Ее же. Загадочные инициалы.— «Советская Кубань», 24 сентября 1965 г.

¹⁴² Веленгурин Н. Дорога к лукоморью. Краснодар, 1976, с. 73.

¹⁴³ Данкевич-Пущина Н. А. Еще о загадке «М. К.» — «Советская Абхазия», 8 января 1961 г.

Во всем есть своя хорошая сторона,— говорил он мне,— из *petit meitre'a*, каким меня знал Петербург, я обратился в философа. Когда я служил в гвардии, я стремился, снедаемый честолюбием, только к почестям, я знал жизнь только со стороны ее интриг, светских развлечений и надменного довольства, свойственного привилегированным классам. Я видел в себе и других только эполеты и мундир...

Внезапно из человека, все достоинство которого заключалось в его блестящем мундире, я обратился в человека, ценного только как личность. Мое я и мое сердце — вот все, чем я обладал. Вычеркнутый из жизни, обреченный на гражданскую смерть, лишенный чести и всякой надежды, я был низвергнут осуждением, когда-то светлый ангел, в бездну мрака, вместе со всеми другими, мятежными ангелами, и сослан в близкие с полюсом края,— какие ужасные воспоминания! И вместе с тем это великий прекрасный урок, на который обрекла меня судьба. Заглянув в самого себя, я ужаснулся своей внутренней пустоте. Мне казалось, что, отняв у меня мундир, у меня отняли все...

Мне захотелось быть человеком; они могли закрыть мне двери ко всякому общественному положению, но они не могли мне запретить стать человеком. Я старался быть им в окружающем меня мире, насколько позволяли его пределы... Свою душу стремился я украсить свойствами, действительно полезными, научась оценивать все явления по их истинной стоимости... Государю угодно было вернуть меня из ссылки и отправить в Абхазию; я — рядовой, я то, что представляют из себя многие другие честные лица *braves*. Поверьте мне, что, хотя это положение простого солдата для меня самое тяжелое из всех, которое они могли только мне предложить, я принял известие о своем разжаловании со слезами радости, так как это роднило меня с другими сынами России».

Далее Дюбуа замечает: «Не думайте, что я измышляю эту повесть... Это истинные слова М. К., и нет необходимости прибегать к измышлению, чтобы вызвать интерес к подобному человеку».

Автор так описывает внешность С. И. Кривцова: «Высокий рост, черные глаза, открытое выражение лица составляли контраст с его болезненным, страдальческим видом. Он так же, как и другие, отдал дань климату и перенес несколько возвратов перемежающейся желчной лихорадки, которая оставила у него осложнения, обычные здесь последствия этих болезней,— несколько раз наша беседа прерывалась из-за его страданий»¹⁴⁴. В этом рассказе французского ученого видим совпадение описаний биографии и внешнего портрета декабриста. Следует также отметить, что командир полка приставил к путешественнику Кривцова, вероятно, не только потому что тот превосходно владел французским языком, но еще и потому, что хорошо знал местность.

А вот как описывает Дюбуа Бамбору, где Кривцову приш-

¹⁴⁴ Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 124—126.

лось жить целых три года. «Это место ссылки так же, как Гагры и Сухум-Кале, но уже второй степени, чистилище, менее суровое. Здесь находишься на краю света, чувствуешь себя отрезанным от всякой цивилизации, но это и все. Местность здесь необыкновенной красоты и своим великолепием может поспорить с самыми прекрасными пейзажами Швейцарии»¹⁴⁵.

С. И. Кривцов с самого начала горевал о том, что определен не в артиллерию, так как этот род службы был ему более всего знаком. И вот в августе 1834 года он, снова по ходатайству матери, был переведен в 20-ую артиллерийскую бригаду, стоявшую в Ставрополе. «Это перемещение ставило его в центре военных действий и открывало ему дорогу к офицерству. «Я не в силах выразить вам, почтеннейшая матушка,— писал он,— те чувства, которые теперь теснятся в груди моей. Безнадежность, покрывшая мою будущность непроницаемым мраком, вдруг исчезла, и в первый раз в течение 9 лет какой-то внутренний голос шепчет мне, что мы увидимся!»¹⁴⁶

И вскоре Кривцов принимает участие во многих военных экспедициях тех лет. Кавказский военный полицмейстер подполковник корпуса жандармов Казасси 21 сентября 1835 года доносил барону Розену, что он распорядился в отряде «не допускать молодых офицеров... сближаться и иметь какие-либо сношения» с А. А. Бестужевым и С.И. Кривцовым — с «преступниками, одаренными большею частью способностями и талантами»¹⁴⁷. В это время Кривцов по болезни был в Екатеринодаре, где «пользуется на квартире»¹⁴⁸. В 1836 году он, по ходатайству же матери, получает отпуск и четыре месяца находится в Болховском уезде Орловской губернии, но, по распоряжению Бенкендорфа, под секретным надзором¹⁴⁹.

Вернувшись на Кавказ, Кривцов сразу же попал в новую экспедицию генерала А. А. Вельяминова. В апреле 1837 года он выступил с отрядом из Ольгинского укрепления. В конце сентября того же года вернулся в названное укрепление. В штабе отряда он встретил молодого М. Ю. Лермонтова. В ноябре 1837 года Кривцов был произведен в офицеры, после чего еще целых полтора года тянул лямку на Кавказе. Летняя экспедиция 1837 года была последней, в которой ему пришлось участвовать. С этого времени он жил «оседло», преимущественно в Ставрополе, где часто встречался с другими ссыльными декабристами¹⁵⁰.

Встречался с ним, как и с другими декабристами (Бестужевым-Марлинским, Толстым, Цебриковым, Голицыным), также и писатель И. Р. Фон-дер-Ховен, который на Кавказе находился в 1835—1836 годах. Вот как он характеризует его: «Высокий ростом, плечистый, с черными кудрявыми волосами, с широким лицом

¹⁴⁵ Там же, с. 115.

¹⁴⁶ Гершензон М. Указ. соч., с. 256.

¹⁴⁷ АКАК, т. VIII, ч. II, с. 967, № 919.

¹⁴⁸ РС, 1880, т. 29, с. 420.

¹⁴⁹ ЦГВИА, ф. 395, канцелярия, стол 2, оп. 273. д. 40, л. л. 1—6.

¹⁵⁰ Гершензон М. Указ. соч., с. 172, 278.

и приплюснутым носом, он представлял собою тип чистой славянской расы. Умный в разговоре, приятный в обществе и храбрый в деле, он невольно обращал на себя внимание своих сослуживцев. В делах я имел случай несколько раз прикрывать егерями его два горные одиногора, которыми он командовал «с коим он всегда был впереди...»¹⁵¹

Г. И. Филипсон тоже встречался с Кривцовым, и отмечал, что он «порядочно образован, но довольно легкого характера»¹⁵². В 1837 году Кривцов был произведен в офицеры и на одном балу пустился в пляс. Присутствовавший при этом декабрист В. М. Голицын подошел к нему и, полушутя, шепнул: «Любезный Кривцов, вы роняете ваш сан висельника». Видел Кривцова (в 1838 году) и Н. М. Сатин, который в своих воспоминаниях записал, что он — «добрый, хороший человек, далеко ниже по уму и выше по сердцу своего брата Николая, бывшего воронежского губернатора»¹⁵³.

С. И. Кривцов известен и как писатель. После разгрома декабристов, заключенный в Петропавловской крепости, он написал много стихотворений. В одном из них имеется такой куплет:

Прости в последний раз, родимая дубрава,
Златая колыбель невинности моей,
Где дружба, где любовь, где милая забава
Мне улыбалися весеннею зарей...¹⁵⁴

Любовь к книге и к чтению Кривцов сохранил до конца.

С. И. Кривцов был в близких отношениях с Пушкиным, который не забывал его. В 1831 году поэт прислал ему экземпляр «Бориса Годунова», с дружеским, душевным письмом¹⁵⁵.

В 1839 году С. И. Кривцов вышел в отставку и покинул Кавказ. Но ему воспретили въезд в обе столицы империи и учредили за ним секретный надзор полиции¹⁵⁶. И только в 1856 году, в день коронации Александра II, состоялось «высочайшее повеление» о снятии с С. И. Кривцова полицейского надзора, о возвращении ему потомственного дворянства и право жить в столицах. Умер он в 1864 году в своем родовом имении Тимофеевском, где и похоронен.

Несомненно, С. И. Кривцов общался с абхазскими офицерами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрыл, которые служили тогда на побережье и являлись переводчиками и проводниками при дворе владельца в Лыхнах. Шакрыл, кроме того, числился в батальоне 44-го

¹⁵¹ Ф он - д е р - Х о в е н И. Мое знакомство с декабристами.— Древняя и новая Россия. (СПб), т. I, № 2, 1877, с. 222.

¹⁵² Ф и л и п с о н Г. И. Указ. соч., с. 108.

¹⁵³ П о ч и н. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895, с. 249.

¹⁵⁴ Цит. по: Г е р ш е н з о н М. Указ. соч., с. 153.

¹⁵⁵ Там же, с. 265.

¹⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109 са, оп. I, 1826 г., д. 61, ч. 96, л.л. 34—35.

Егерского полка, стоявшего в Бамборе (погиб в 1835 году)¹⁵⁷. Тем более, что Кривцов, по характеристике М. Гершензона, «всюду был любим — и в Сибири, и на Кавказе; он легко сходилась с людьми, был добр и верен в дружбе. При ясном, серьезно-настроенном уме была в нем какая-то детская незлобность...»¹⁵⁸

В 1835 году в Бамбору прибыл другой «государственный преступник» — *Василий Сергеевич Норов (1793—1853)*. Сын саратовского помещика и губернского предводителя, В. С. Норов — участник Отечественной войны 1812 года (был ранен в ногу под Кульмом), а с 1822 года — подполковник Московского гренадерского полка. За причастность к декабристскому движению (в 1818 году вступил в «Союз Благоденствия») подполковник Норов был приговорен к ссылке на каторжную работу на 15 лет. Как и для других его товарищей, срок наказания Норову сокращался неоднократно. С 1825 по 1835 год он просидел в Петропавловской, Свояборской и Бобруйской крепостях¹⁵⁹. Перевод Норова на Кавказ был разрешен по просьбе его матери, на ходатайство которой имеется такая резолюция: «Велено (царем.— Г. Д.): преступника Норова определить рядовым в один из линейных черноморских батальонов, отправив его секретно.., а барону Розену сообщить, чтобы Норов бы зачислен в такой батальон, в котором нет других преступников по одному с ним делу»¹⁶⁰. Такой воинской частью был признан 6-й Черноморский линейный батальон в Бамборе, куда он 7 апреля 1835 года был «доставлен исправно... и зачислен в списочное состояние» этого батальона¹⁶¹.

15 апреля 1835 года Норов писал: «И вот теперь я в Кутаисе, сделал более ста верст верхом. Проехал я Сурам и Багдад: остается мне еще 200 верст до Бомбор на берегу Черного моря. Там собирается наш отряд под начальством генерала Ахлестышева... Из Бомбор мы пойдем на горцев в Абхазию...»¹⁶².

Еще осенью 1829 года главнокомандующий на Кавказе граф И. Ф. Паскевич, исходя из повеления Николая I *, разработал план

¹⁵⁷ Дзидзария Г. А. Биографо-библиографический очерк о С. Т. Званба.— Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982, с. 46, 67.

¹⁵⁸ Гершензон М. Указ. соч., с. 290.

¹⁵⁹ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 138, 365; сб. «Декабристы Дмитровского уезда». — Музей Дмитровского края, вып. 3, Дмитровск, 1925; ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л.л. 3—3 об, 6; канцелярия, стол 2, оп. 275, д. 3, л. 2; ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I экспед., 1826 г., д. 61, ч. 72, л.л. 1—108.

¹⁶⁰ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 365; ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л. 1.

¹⁶¹ ЦГВИА, ф. 395, оп. 272, д. 16, л.л. 7—16; канц., стол 2, оп. 275, л. 2 об, д. 3, л.л.

¹⁶² РА, 1900, кн. 2, с. 294.

* Через три недели после подписания Андреопольского трактата Николай I в рескрипте на имя Паскевича от 25 сентября 1829 года писал: «Кончив таким образом одно славное дело (войну с Турцией.— Г. Д.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, и в рассуждении прямых польз гораздо важнее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных...» (Щербатов в. Генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский, т. III. СПб., 1891, с. 229—230).

завоевания Черноморского побережья Кавказа от Анапы до Поти. Попытка осуществить этот план была предпринята летом 1830 года (т. н. «Абхазская экспедиция»). Отряд генерала К. Ф. Гессе занял несколько пунктов на Абхазском побережье: Бамбору, Пицунду и Гагру, где были возведены укрепления и оставлены гарнизоны. Однако дальнейшее продвижение царских войск на север от Гагринских теснин, которые Паскевич назвал «Кавказскими Фермопилами», разбилось о героическое сопротивление абхазских и убыхских племен¹⁶³. Таким образом, берег моря от этого пункта до Анапы оставался свободным, а укрепления, находившиеся на побережье Абхазии, были связаны между собой только по морю.

В 1834 году царское командование решило продолжить сухопутное сообщение вдоль восточного берега Черного моря, «дабы тем совершенно отрезать его от непокорных горских народов»¹⁶⁴. С этой целью, для прокладки вдоль побережья военной дороги, соединявшей береговые укрепления, в Абхазию летом 1834 года были двинуты военные силы под начальством управляющего Имеретией генерала Д. Д. Ахлестышева, которые в октябре достигли Бамборы, а летом 1835 года — Гагры¹⁶⁵.

Это движение было совершено при чрезвычайно трудных природных и метеорологических условиях. Генерал Ахлестышев в одном из своих донесений корпусному командиру писал: «Я сделал кампании 1812, 1813 и 1814 гг., всю минувшую турецкую и польскую, но никогда не встречал столько трудностей, как теперь»¹⁶⁶. В операции, как уже отмечалось, участвовали также декабрист Павел Александрович Бестужев и писатель П. П. Каменский. В. С. Норов находился в составе Грузинского гренадерского полка¹⁶⁷.

В данный район и на все восточное побережье Черного моря уже летом 1836 года была для обозрения направлена специальная экспедиция на военном корвете «Ифигения», наряд на плавание которого был выхлопотан вице-адмиралом М. П. Лазаревым, буксируемого одесским пароходом «Петр Великий». В составе этой экспедиции находились известный русский художник академик Н. Г. Чернецов и любитель древностей и природы Южной России (в частности, вице-президент, с 1842 года, «Одесского общества

¹⁶³ ЦГВИА, ф. ВУА, дд. 6234 и 6239.

¹⁶⁴ Там же, д. 6302, л. 3.

¹⁶⁵ Подробнее см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312; Отд. письмен. источников Государственного исторического музея, ф. 6 (Г. В. Розен), т. 7.

¹⁶⁶ (Махлюк Н. П.). Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского полка. Тифлис, 1900, с. 140.

¹⁶⁷ ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Норов В. С.

истории и древностей») С. В. Сафонов¹⁶⁸, которые дали интересный материал о крае: первый — зарисовками и картинами*, а второй — «дневными записками» «О поездке к восточным берегам Черного моря, на корвете Ифигения, в 1836 году», изданными в Одессе в 1837 году. На «Ифигении» путешествовал также новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов. Сафонов упоминает, кроме того, и А. А. Бестужева-Марлинского.

В 1837 году была организована военная экспедиция в Цебельду и Адлер. Норов, как опытный военный, был невольным участником и этих походов¹⁶⁹, «играл в военных советах крупную роль»¹⁷⁰.

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве хранится рукопись Норова на французском языке (ф. 201, В. С. Норова, № 56)*. В ней содержатся его замечания на французское издание книги «Журнал о пребывании в Черкесии в 1837, 1838 и 1839...» (Париж, 1841), автором которой является Джемс Станислав Белл, английский купец-авантюрист, подвизавшийся в 30-х годах XIX века на Северо-Западном Кавказе среди черкесов и абхазов в качестве агента-разведчика английского правительства, будучи вместе с тем связанным с Турцией¹⁷¹. Еще декабрист Н. И. Лорер отмечал «таинственную роль» Белла, руководившего снабжением «горцев» оружием в борьбе с Россией¹⁷². Это о нем писал К. Маркс в 1853 году в памфлете «Лорд Пальмерстон»¹⁷³.

В указанной рукописи В. С. Норов пишет: «Вследствие различных несчастных обстоятельств, о которых говорить здесь бесполезно, судьба бросила меня... на побережье Абхазии, назначенное быть местом моего изгнания»¹⁷⁴. Предпочитая умереть от пули, чем от тоски и лихорадки, он стал участником всех экспеди-

¹⁶⁸ О нем: АКАК, т. X, ч. I, с. XXX; Архив Раевских, т. III. СПб., 1910, с. 650; РБС, т. 18. СПб., 1904, с. 208—210.

С. В. Сафонов принимал участие в учреждении «Одесского общества истории и древностей», а с 1842 года был его вице-президентом. Будучи директором гражданской канцелярии наместника Кавказа, он заведовал изданием в 1846 году «Кавказского календаря». Этой же канцелярией было положено основание нумизматической коллекции и Тифлисской библиотеки.

* На Н. Г. Чернецова произвели большое впечатление живописные берега Абхазии, памятники архитектуры. Будучи в Абхазии, он сделал ряд зарисовок и картин, хранящихся ныне в фондах Русского музея в Ленинграде. Некоторые из них мы здесь воспроизводим.

¹⁶⁹ Архив Дмитровского краеведческого музея, ф. 89, Полевых.

¹⁷⁰ Смирнов И. А. Декабрист Василий Норов.— Сб. «Декабристы Дмитровского уезда», с. 62.

* Между прочим, перу В. С. Норова принадлежит и книга (в двух частях) «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя». СПб., 1834), которая, как писал А. В. Никитенко, свидетельствует о том, что его автор — «человек очень умный» (См.: Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. 1866—1877. М., 1956, с. 158).

¹⁷¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 177; Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70 гг. XIX в.). М., 1955, с. 42—48.

¹⁷² Лорер Н. И. Записки. М., 1931, с. 25.

¹⁷³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 9, с. 422—424.

¹⁷⁴ Норов В. С. Указ. рукопись, л. 2.

ций, имевших место на Абхазском побережье с 1835 по 1838 год. «Признаюсь,— заявляет Норов,— что я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо... Я был далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, тем более что я всегда восторгался их героическим сопротивлением»¹⁷⁵.

В. С. Норов вскрывает ошибки и клеветнические измышления Белла на примерах тех событий, участником которых он был. Он делает ряд замечаний, касающихся военных действий в Абхазии и Черкесии, а также политики России на Кавказе, замечая при этом: «Сколько линий на этой странице, столько неправды... Все это ложь. Господин Белл написал свою книгу совершенно не зная обстоятельств» и т. д. Например, о занятии русскими войсками Адлера Норов пишет: «Мне пришлось присутствовать при этой битве, и я могу доказать, что дело было не так», как утверждает Белл¹⁷⁶.

Норов сообщает ряд интересных фактов о крае. При занятии Адлера абхазы, участники десанта, как писал он, «стреляли в воздух... и вскоре их отправили по своим домам»; среди убитых «был писатель Бестужев». Возражая Беллу, Норов ссылается на средневековых авторов, свидетельствующих об абхазах «как о многочисленном народе, который с незапамятных времен жил всегда в той же местности, что и теперь»¹⁷⁷. В этой полемике с Беллом, который «в силу своей страшной ненависти к русским» «забывал» о достоверных фактах, Норов приводит некоторые данные об абхазском владетеле Михаиле Шервашидзе: «Родился он христианином; его отец — Сафарбей... Абхазия и прежде была христианской страной и образовала одно царство с Грузией... До сих пор в Пицунде находятся развалины, хорошо сохранные, древней и патриархальной церкви... Никаким образом князь Михаил не был отступником от своей веры, т. к. он родился христианином и остался им. Не был он и предателем, т. к. никогда не изменял своей стране»¹⁷⁸.

Норов говорит о жестокостях царских карательных отрядов и сочувственно отзываясь об абхазском населении. Поход в Цебельду в 1837 году он называет «тяжелой экспедицией», когда в течение месяца войска «занимались тем, что лазили по горам, по долинам Кодора и били цебельдинцев». Далее Норов пишет: «30 апреля мы отправились в Сухум-Кале и прошли через долину Келасур в начале до Антопира, затем до подножья Маруха, через южное ущелье, под непрерывной перестрелкой. Эта была настоящая охота на людей. Мы потеряли там мало людей, ибо цебельдинцы были плохо вооружены, но мы были обессилены от усталости, взбираясь по скалам и проходя через густые чащи. Наконец, подчинив основных князей Цебельды, таких как Маршани Хирипса и других... заставив их нам выдать всех наших дезертиров и пленников, из которых многие были в их руках в течение пяти-

¹⁷⁵ Там же, л. л. 2 об — 3.

¹⁷⁶ Там же, л. 18.

¹⁷⁷ Норов В. С. Указ. рукопись, л. 42.

¹⁷⁸ Там же, л. 62.

десяти лет (?), мы вернулись в Сухум-Кале 25 мая и 4 июня отправились в экспедицию на Адлер...»¹⁷⁹

Вместе с тем В. С. Норов, как и другие декабристы, в своих письмах домой рисует тяжелую жизнь русских воинских частей в Абхазии. Кавказские войска, по словам русского офицера Ф. Ф. Торнау, в 1835 году находившегося в Бамборе, «обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского огня»¹⁸⁰. Особенно пагубно влиял на них, как отмечалось выше, непривычный сырой климат Черноморского побережья с его страшной малярией.

В письме из Бамборы от 1 сентября 1835 года В. С. Норов писал: «Я, слава богу, совершенно здоров, несмотря на климат, который здесь ужасен. Если хотите иметь понятие о нем, прочтите экспедицию французов в С(анто)-Доминго, где желтая горячка в три месяца уничтожила всю армию: то же и здесь. Мы, к несчастью, имеем шестьсот человек больных; половина из них уже умирающие в проклятом месте, куда мы заброшены»¹⁸¹. В письме от 7 сентября того же года Норов сообщал, что неблагоприятный климат в лагере вблизи Бамборы «убивает до 50 человек в месяц». В письме от 1 сентября 1835 года Норов, кроме того, писал, что чума «часто посещает и Абхазию», где теперь он, Норов, имеет «счастье находиться»¹⁸². Действительно, этот страшный бич время от времени косил население Абхазии. Так, например, по свидетельству современника Р. де Скасси¹⁸³, в 1811 и 1812 годах голод и чума, разразившиеся по всей Грузии*, охватили и Абхазию, где в результате этого погибла чуть ли не половина всего населения¹⁸⁴. Далее Норов, говоря об осадном положении царских гарнизонов, указывал, что «здесь враг повсюду; он обыкновенно скрыт или в густом лесу, или за скалами...»¹⁸⁵

Одновременно В. С. Норов восхищался красотой края, его редкостными богатствами, разнообразием растительного и животного мира. «Впрочем,— писал он в указанном письме,— если бы не климат... страна здесь интересная: вообразите себе пальмовые (самшитовые.— Г. Д.) леса, кактусы, лимонные деревья, леопарды, гиены, шакалы и проч.»¹⁸⁶

В апреле 1837 года В. С. Норов был произведен в унтер-офицеры, а в мае следующего года уволен со службы. Он жил сперва в имении отца в Дмитровском уезде Московской губернии, а с 1839 года в городе Ревеле. Военный министр граф Чернышев в своем отношении от 19 февраля 1838 года министру внутренних

¹⁷⁹ Норов В. С. Указ. рукопись, л. 49.

¹⁸⁰ (Торнау Ф. Ф.) Воспоминания кавказского офицера, ч. I, с. 22.

¹⁸¹ РВ, 1900, кн. 2, с. 294.

¹⁸² Там же, с. 295.

¹⁸³ О нем: КЭС, I, М., 1955, с. 301—302; П, 1958, с. 201.

* Только в Имеретии в течение одного года умерло от чумы 32750 чел.; 7450 чел. переселились в другие места, а 2000 чел. были проданы в качестве пленных. (Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962, с. 433).

¹⁸⁴ АКАК, т. VI, ч. I, с. 646—658.

¹⁸⁵ РВ, 1900, кн. 2, с. 294.

¹⁸⁶ РВ, 1900, кн. 2, с. 295.

дел разъяснял: «Он не может иметь никакого права на въезд в столицу, которой вообще воспрещен прикосновенным, подобно ему, к происшествию 14 декабря 1825 года. Политический надзор за унтер-офицером Норовым также должен быть учрежден»¹⁸⁷. «Измученный таким образом и полуубитый, этот даровитый, умный и честный человек еще просуществовал кое-как несколько времени в деревне»¹⁸⁸. В 1853 году у Норова открылось рожистое воспаление в ноге. Он просил брата Авраама Сергеевича, в то время министра народного просвещения¹⁸⁹, приехать проститься с ним: больной чувствовал приближение своего смертного часа. Но Николай I решил мстить до конца¹⁹⁰. Он не разрешил своему министру проститься с братом, и Василий Сергеевич был похоронен лишь дворовым слугой¹⁹¹.

В 30-х годах в Абхазии и на Черноморье был также А. А. Бестужев-Марлинский — один из ярких представителей замечательной плеяды писателей-декабристов, литературная деятельность которых сыграла важную роль в освободительном движении эпохи дворянских революционеров России. Выдающийся деятель декабристского движения, единомышленник Рылеева, друг Пушкина и Грибоедова*, Марлинский был талантливым литературным критиком, видным поэтом и замечательным прозаиком — «зачинщиком русской повести» (Белинский)¹⁹².

¹⁸⁷ ЦГВИА, ф. 395, канц., стол 2, оп. 275, д. 3, л. 7.

¹⁸⁸ Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. 1866—1877, М., 1956, с. 159.

¹⁸⁹ А. С. Норов — участник Отечественной войны 1812 года. Он был ученым (академиком) и литератором, прославившимся своими путешествиями по Ближнему Востоку (См.: Данциг Б. М. Ближний Восток. М., 1976, с. 216—219; Никитенко А. В. Указ. соч.; Венгеров С. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. II Пг., 1916; Поливанова Т. В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам.—Сб. «Декабристы Дмитровского уезда», с. 30; Хохлов Р. История неразделенной любви.— Газ. «Путь Ильича», 24 мая 1969 г., Дмитровск (Речь идет о сестре декабриста Е. С. Норовой и ее отношении к П. Я. Чаадаеву; семья Норова стояла также близко к А. С. Пушкину и ко многим декабристам). А. С. Норов в стихотворении на смерть А. С. Пушкина писал (отрывок):

Погас луч Неба, светлый гений,
Умолк сей Бар полночных стран,
Чья слава в сонме поколений
Пройдет со славой Россиян!

(РА, 1871, кн. I, вып. 4 и 5, с. 980).

¹⁹⁰ Николай I давно не любил и преследовал В. С. Норова (См.: ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. I, д. 98, лл. 1—2; Никитенко А. В. Указ. соч. с. 158; Нечкина М. М. А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1947, с. 258).

Однажды он стал браниться, чем вызвал замечание Норова, что в его положении это недопустимо. «Ах, вы не представляете себе, как Наполеон обращается со своими маршалами», — как бы оправдываясь, сказал Николай. «Мне далеко до маршалов Наполеона». Современники полагали, что такие столкновения и послужили причиной ареста Норова (См.: Никитенко А. В. Указ. соч., с. 158; Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1959, с. 43).

¹⁹¹ Поливанова Т. Указ. соч., с. 49.

* А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов были друзьями многих декабристов. Известно, что на вопрос Николая I, принял ли бы Пушкин участие в 14 декабря, если бы был в Петербурге, величайший поэт России ответил:

— Непременно, государь; все друзья мои были в заговоре, и я не мог не участвовать в нем.

¹⁹² Маслин Н. А. А. Бестужев-Марлинский.— Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах, т. I. М., 1958, с. III.

Для раскрытия его свободолюбивых идей очень важно, например, суждение декабриста по поводу заявления крепостных крестьян («ратников»), которые после возвращения из европейских походов «первыми разнесли ропот в классы народа». «Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа»¹⁹³.

А. А. Бестужев-Марлинский учился в Горном кадетском корпусе, а в 1816 году поступил в лейб-гвардии Драгунский полк. Как член «Северного общества» декабристов и активный участник выступления 14 декабря на Сенатской площади, по приговору Верховного уголовного суда Марлинский был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке на каторжную работу сроком на 40 лет, который в 1826 году был сокращен до 15 лет. Сначала он сидел в Петропавловской крепости и в форте «Слава» (Финляндия), а в 1827 году по указу Николая I был сослан в Якутск на поселение. Тяжелую участь политических ссыльных разделили и братья Александра — Николай, Михаил и Петр, также принадлежавшие к «фаланге героев», как назвал Герцен людей 14 декабря. А о Павле было сказано выше.

В 1829 году Марлинский, по его просьбе, был определен рядовым в действующие полки Отдельного Кавказского корпуса. Он надеялся, что участие в войне позволит ему получить офицерский чин и выйти в отставку. Его тянуло на Кавказ тем более, что там служили его братья Петр и Павел. Однако Николай I предписал, «чтобы и за отличие не представлять к повышению»¹⁹⁴, а начальник Главного штаба граф А. И. Чернышев — установить за ним «тайный бдительный надзор»¹⁹⁵. Граф И. Ф. Паскевич в 1829 году даже сместил тифлисского коменданта Бухарина, у которого бывал Марлинский¹⁹⁶.

В августе 1829 года Александр Бестужев-Марлинский вместе с Владимиром Толстым, также декабристом, ехавшим из Сибири на Кавказ, прибыл в Тифлис. В письме к родным в Петербург, он писал 15 числа: «Я в Грузии. Надо мной тает тлетворное тифлисское небо, и за мной белеют вдали снеговые хребты Кавказа. Наконец я видел Кавказ, который жаждал видеть с самого детства, и до сих пор не насытился этим великолепным зрелищем. Надобно самому испытать возвышенное чувство, проникающее в душу при подножии ледяных гор, чтобы поверить силе и сладости сего впечатления. Сибирские горы во многих местах живописнее Кавказа и почти всегда разнообразнее, но величественность его ни с чем несравнима: она поражает, приковывает вас; она чарует не одни взоры, но душу. Мне даже на письме жаль свести с них глаза, чтобы хронологически описать свое путешествие»¹⁹⁷.

¹⁹³ Цит. по: *Избранные социально-экономические и философские произведения декабристов*, т. I. М., 1951, с. 492.

¹⁹⁴ РС, 1881, № 12, с. 887.

¹⁹⁵ Былое, 1906, № 11, с. 306.

¹⁹⁶ Котляревский Н. Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев. СПб., 1907, с. 171, сн.

¹⁹⁷ РВ, 1870, т. 87, № 6, с. 493.

А. А. Бестужев-Марлинский был определен в 41-й егерский полк. Несмотря на болезнь, он сразу же отправился в действующий отряд¹⁹⁸.

До 1834 года Марлинский служил в Дагестане и Азербайджане, а в августе того же года он, рядовой 1-го Грузинского линейного батальона, переведен в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерала А. А. Вельяминова, штаб войск которого находился в Ставрополе. Жизнь декабриста протекала сперва в последнем, куда он прибыл в двадцатых числах августа 1834 года, затем в сентябре,— на р. Абине, где, на земле шапсугов, стояли войска, назначенные в экспедицию*. Им предстояло проложить на правом фланге прямое сообщение от Ольгинского редута к Геленджику и положить этим начало «к покорению горцев», живших между этой линией и берегом Черного моря.

Надо было пройти походом горную долину, загроможденную завалами, перекопанную и изрытую. 12 октября отряд под командованием Вельяминова с боем вышел к морю¹⁹⁹. Это был первый переход русских войск через Главный хребет на Западном Кавказе. Был установлен путь между Кубанью и Геленджигом, с которым существовало только морское сообщение.

Участник экспедиции А. А. Бестужев-Марлинский писал: «Закубанцы, черт меня возьми, такие удалцы, что я готов бы расцеловать инога!»²⁰⁰

Подробные сведения об этом первом походе отряда Вельяминова к Геленджику дает прибывший в это время на Кавказ известный швейцарский ученый Ф. Дюбуа де Монперэ²⁰¹. Он описан и Марлинским в «Письме из отряда, действующего за Кубанью», составленном, как помечено им, 24 октября 1834 года на берегу Черного моря*. Несколько позже, в 1836 году, Марлинский писал: «Чудная вещь: это море. Кто его отведал, без слез с ним нельзя расстаться, а любить станет всегда»²⁰².

¹⁹⁸ Нерсисян М. Указ. соч.; кн. I, с. 134.

* Общая задача царских войск на Западном Кавказе в 1834 году заключалась в том, чтобы, «для прочного успокоения Кавказского края и усмирения горцев», «прорезывать земли в нескольких направлениях укрепленными линиями от берегов Кубани к Черному морю и от Сунжи к Каспийскому морю и, учредив прочное сообщение вдоль восточного берега Черного моря, принуждать таким образом горцев, во внутренних пределах вновь образуемых линий обитавших, к решительной и безусловной покорности» (Дубровин Н. Ф. Указ. соч., с. 70).

¹⁹⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч., с. 70, 76—77.

²⁰⁰ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 464.

²⁰¹ См.: Дюбуа де Монперэ Ф. Указ. соч., с. 65.

* «Письмо» было написано Марлинским для «Северной пчелы», но тогда военная цензура не пропустила его. Оно было опубликовано лишь в 1877 году в «Русском архиве» (кн. III, тетрадь 9, с. 106—109). А написанный во время указанного похода «Дневник» затем превратился в повесть «Он убит».

²⁰² РВ, 1870, т. 88, № 4, с. 66.

* Между прочим, А. А. Бестужев-Марлинский хорошо плавал. Я. И. Костенецкий писал по этому поводу: «Раз как-то купались мы с Бестужевым в море (Каспийском.— Г. Д.). Я мылся у берега, а он, как хороший пловец, пустился вдаль и мощными руками рассекал пенящиеся волны... я залюбовался зрелищем игры поэта с морской волною» (Костенецкий Я. И. Воспоминания, с. 451).

Из Геленджика экспедиционный отряд возвратился через хребет Нако. И вскоре Марлинского видели в Ставрополе, откуда 20 ноября 1834 года он писал: «...Мы кончили свой истинно замечательный и трудный поход сквозь неприступные ущелья, через хребты, до Черного моря...»²⁰³ С декабря 1834 года Марлинский в отряде начальника правого фланга Кавказской кардонной линии генерала Засса и участвует в действиях этого отряда. Бывал он, в частности, в Екатеринодаре.

Из этого периода жизни Марлинского сохранилось одно его письмо (от 10 декабря 1834 года), адресованное декабристу В. П. Романову и на которое мы уже ссылались. Поскольку оно, на наш взгляд, очень важное для выяснения тогдашнего душевного состояния писателя, мы приведем его здесь почти полностью. «Не знаю, что случилось с Вами, а я расточил на ветер половину души — хорошо еще, если перлы ее не падали в грязь? Но так или сяк, а и я был счастлив, потому, что создавал себе идола, украшал его всеми прелестями жаркого воображения, оживляя душой поэзии и безумец! Может быть, поклонялся глиняному кувшину, который мне показался статуей Венеры.

Но что казалось, то было — благодарно и за то providение, что была бы ночь без слов? Но теперь итог и слава у меня — пожайте. Как-то лень задавила меня. Лень — дочь неверия в возможность будущего хоть минутного счастья. И в самом деле нам можно верить чему-нибудь хорошему для себя, когда 9 лет неслыханных страданий и 6 лет унижений и беззаветной храбрости — не подвинули меня ни на шаг вперед; и в самом деле для чего я стану писать?.. и беспристрастно в моем бездействии. Для чего? — неужели думать, что в том тщеславии, что меня может манит литературная слава за гробом? для меня, который знал жажду иной славы. Неужели прельстит меня золото? Правду сказать, лишь бы не противно было истратить свой участок известности и выгод с известности к другу любви и дружбы, но этот круг для меня зачарован — и я могу и испытываю в сердце свои чувства и мысли, потому что моей бездной жизни нечем купить их у меня, чтобы пустить в оборот — несчастье делает эгоистом.

Никогда еще я не был так желчен и расстроен, как сейчас, и надо бы было вручителю этого письма настоятельно сказать, что он видит — не дивитесь и толку моего послания: мои страсти пробуждаются ровно за то ужасно, а воспоминания прошлого, столько обещавшего мне, сведенные на очную ставку с настоящим, меня выбросило из границ равнодушия. Для человека, у которых нет будущего, досадно вспоминать былое. Но не подумайте, что то ропот, что я духом упал... Эта минута... это охранный клапан души: никто не скажет, что Бестужев уступил бы человеку или судьбе. Она может победить меня, но я могу с ней бороться еще долго, долго»²⁰⁴.

После Краснодара Марлинского видим в Пятигорске, куда он

²⁰³ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 465.

²⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 1120, оп. 1, д. 160, л. л. 1—2.

по официальному разрешению отправляется в связи с резким ухудшением состояния его здоровья. Здесь он встречается с декабристом В. М. Голицыным и известным «вольнодумцом» Н. В. Майером. Бенкендорф решил проверить деятельность писателя-декабриста. 12 апреля 1835 года он сообщал барону Г. В. Розену, что император «получил частным образом о неблагонамеренном расположении... государственного преступника Бестужева... Изъявил высочайшую свою волю... внезапным образом осмотреть все его вещи и бумаги...»²⁰⁵

А у Марлинского, в случае проявления неосторожности, найти было что. Так, К. А. Полевой в письме от 30 марта 1835 года сообщал ему: «Посылаю вам серую шляпу по вашей мерке. В шляпе найдете вы «Миргород» (Н. В. Гоголя), записки Данилевского и повесть Павлова. «Пугачева» Пушкина верно уже вы читали. Замечу, что «Миргород» показывает необыкновенное дарование или, по крайней мере, неподдельное...»²⁰⁶

Барон Розен исполнение «высочайшей воли» возложил на кавказского полицмейстера подполковника Канзасси. «Так как,— предписывал он,— вы поедете из Черноморья в Закубанский отряд, то предлагаю во время своего там нахождения обратить особое внимание на состоящих там государственных преступников и в особенности имеете отклонить благовидным образом от сношения с ними молодых офицеров, в отряде находящихся. Сострадание, столь свойственное молодым и неопытным людям, а еще более любопытство, могут их сблизить и особенно тогда, как некоторые из преступников имеют хорошие способности и одарены талантами. При проезде через Пятигорск не оставьте также обратить внимание на образ жизни и поведение тех из государственных преступников, которые находятся там на службе или для излечения от болезней, а равно и на всех тех, которые на каком-либо особенном замечании»²⁰⁷.

Канзасси в Пятигорске секретно наблюдал за лицами, посещавшими квартиру Марлинского. Через два месяца он снова побывал на квартире декабристов, но уже в Екатеринодаре. Затем подполковник произвел тщательный обыск вещей Марлинского в Ставрополе, где тот также останавливается.

За время этих обысков Канзасси обратил внимание на серую шляпу, какие в ту пору в европейских странах носили революционеры. Но Марлинский объяснил, что она предназначена доктору Майеру, а тот, спасая своего друга, подтвердил это. Тем не менее Канзасси изъял злополучную шляпу и два письма К. А. Полевого, в том числе и упомянутое выше.

В конце концов, возникает новое «дело», связанное с «предсудительными сношениями» декабристов. В этом «деле», кроме Марлинского и Майера, фигурируют, по разным обстоятельствам, декабристы С. И. Кривцов, З. Г. Чернышев, С. М. Палицын,

²⁰⁵ АКАК, т. VIII, с. 963, № 912.

²⁰⁶ АКАК, т. VIII, с. 966.

²⁰⁷ Там же, с. 965, № 915.

М. П. Малютин и В. С. Толстой, а также польский революционер Сангушко²⁰⁸. Марлинский, кроме того, встречался с В. Д. Вольховским, приезжавшим на Воды с семьей. Интересно также отметить, что сохранилось личного характера письмо Марлинского от 10 декабря 1834 года из Ставрополя, адресованное В. П. Романову²⁰⁹.

В письме от 23 августа 1835 года Г. В. Розен сообщал А. Х. Бенкендорфу: «Болезнь государственного преступника Бестужева не подвержена сомнению... Между тем при всем строгом со стороны моей надзора за Бестужевым, я не получил никаких сведений, которые подали бы мне повод полагать настоящее расположение его неблагонамеренным; но пылкость его характера... заставляет его слишком горячо чувствовать свое положение»²¹⁰. Тем не менее еще больше усиливаются «неотвязчивое наблюдение за каждым его шагом и словом, и постоянное подозрение его неблагонамеренности»²¹¹.

Из Пятигорска Марлинский снова направляется на Кубань, в экспедиционный отряд. Кавказское командование, с целью же «прорезывания земель горцев в нескольких направлениях укрепленными линиями», предполагало в 1835 году продолжать устройство Геленджикской линии и сухопутное сообщение в Абхазии до Гагры (отряд генерала Ахлестышева)²¹². В связи с этим Марлинского опять видим на Черноморье.

30 августа 1835 года Марлинский пишет письмо брату Павлу уже из Екатеринодара. Был он теперь унтер-офицером. Этот чин он получил в июле 1835 года. Далее Марлинский участвовал в октябрьской экспедиции отряда генерала Вельяминова, целью которого было, «преодолев значительные местные трудности и упорные сопротивление горцев», проложить линию между Абином и Геленджиком через хребет Марткох, а оттуда возвратиться к Абиноу через перевал Нако. Этой линией земли натухайцев отрезались от шапсугской территории и были заключены между нею и р. Кубанью, до впадения ее в Черное море. После этого, 1 сентября 1835 года, Марлинский за Кубанью. 26 сентября он снова направляется в Абин, а оттуда — в Ольгинский редут (близ Геленджика)²¹³.

²⁰⁸ См.: АКАК, т. VIII, с. 965—967, №№ 917—920. См. также: Шадури В. Декабристская литература..., с. 232; Бронштейн Н. Н. Доктор Майер.— Литературное наследие. М., 1948, с. 490, №№ 45—46.

²⁰⁹ См.: ЦГВИА, ф. 1280, оп. 8, д. 664, л. 109.

²¹⁰ АКАК, т. VIII, с. 966, № 918.

²¹¹ Берже А. П. А. А. Бестужев в Пятигорске в 1835 г.— РС, 1880, т. 19, № 11—12, с. 421.

А. Х. Бенкендорф 3 апреля 1835 года писал Г. В. Розену: «Прошу уведомить меня: известно ли вам, что находящийся на службе в Отдельном Кавказском корпусе государственный преступник Александр Бестужев страдает биением сердца и справедливо ли, что ему несколько раз пускали кровь?» (АКАК, т. VIII, с. 963, № 909).

²¹² Дубровин Н. Ф. Указ. соч., с. 78.

²¹³ АКАК, т. VIII, с. 351—352, 356; Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939, с. 25; Голубов С. Бестужев-Марлинский. М. ЖЗЛ. 1960, с. 336—343.

Между прочим, рядом с Марлинским находился его друг декабрист С. И. Кривцов, служивший в артиллерии. 8 ноября Марлинский пишет письмо брату Павлу из Ивановской. Правда, местом его новой службы стал Екатеринодар. Но он решил зимовать в Ивановской, «чтобы быть подальше от всех сплетен». Надо сказать, что время, проведенное писателем в 1935 году в станции Ивановской на Кубани, несмотря на трудности жизни здесь, явилось одним из самых плодотворных в его жизни. В частности, он вдохновенно работал над повестью «Мулла-Нур» из цикла «Кавказские очерки».

В письме к братьям Николаю и Михаилу Бестужевым от 1 декабря 1835 года Александр Александрович писал: «Мой тройной путь через Кавказ — сперва на границы Аджарии, потом на Кубань, потом на берег Черного моря... Отдохнули в Геленджике, где я был на море, на судах, купался в фосфорных зеленых волнах, парился лавровыми венками, ел летучих рыб, камбалу...» Он также сообщал: «В отряде со мной был Кривцов. Под ним убита лошадь картечью, ибо у горцев есть артиллерия»²¹⁴. В письме к Павлу от 15 декабря из Ивановки Марлинский сообщал, что с производством в унтер-офицеры он переведен в 3-й Черноморский линейный батальон, в крепость Геленджик. А в письме от 31 декабря к Павлу же он выражал недовольство барону Розену, называя его «бездушной бабой». «Вообрази себе,— писал Марлинский,— он почти упрекал меня, что я не умер, и что здоровье мое лучше... Он признался мне (после всех обещаний), что ни слова ни говорил обо мне государю. Каков? а ты за него распинался». Выражал Бестужев недовольство и в адрес генерала Вельяминова — «методический лентяй, благородный человек, вечно окруженный подлецами, и который, всего забавнее, делает все, что они хотят». «Доставалось» и Вольховскому — «Розен и Вольховский люди, не имеющие искры доброжелательства». Далее Марлинский сообщал: «Толстой уже прапорщик и также (...) как прежде. Голицын и Палицын здесь (т. е. в Черноморье) и тебе кланяются»²¹⁵.

В декабре того же 1835 года Марлинский получает перевод в Геленджик, в 3-й Черноморский линейный батальон. 31 декабря он с грустью писал брату: «...неохотно оставляю Ивановку, где живу с книгами и пером спокойно...»²¹⁶

Однако в январе и феврале он еще не выехал в Геленджик, продолжая работать над новыми произведениями в Ивановской и Екатеринодаре. Марлинский поддерживал тесные связи с това-

²¹⁴ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 53.

²¹⁵ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 55—56.

²¹⁶ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 56.

рищамп-декабристами — Н. П. Акуловым, В. М. Голицыным и С. И. Кривцовым ²¹⁷.

А. А. Бестужев-Марлинский, наконец, в марте 1836 года добирается до Геленджика через Керчь. В этом «городе землянок», построенном в 1831 году, писатель получает и первое «малярийное крещение».

Просветом «мерзкой жизни» Марлинского в Геленджике явилось путешествие в Сухум в апреле 1836 года * на фрегате «Бургас» вместе с известным ученым-естествоиспытателем и деятелем просвещения, профессором Ришельевского лицея в Одессе А. Д. Нордманом (1803—1866), совершавшим экспедицию по Западному Кавказу. Марлинский, как видно, в Геленджике сел на «Бургас», который, согласно отчету Нордмана ²¹⁸, 19 апреля 1836 года взял прямой курс на Сухум. Ученый отмечал: «Находившийся на нашем фрегате известный прозаист Марлинский, которому я много должен за сообщение мне известий о Кавказе, помогал мне снимать виды. Рисуя мыс Мамая и Адлера и будучи очарован великолепным видом лежащего перед ним ландшафта, он не знал и не предчувствовал, что его рука обрисовала очерки того места, на котором спустя год ему суждено было пасть» ²¹⁹. Марлинский вернулся обратно в Геленджик на том же «Бургасе», и отсюда он уже 23 апреля писал указанное выше письмо брату Павлу. Экспедиция же Нордмана продолжалась на фрегатах «Пегас» и «Александр», посетив следующие населенные пункты в Абхазии: Гагра, Пицунда, Бамбора, Лыхны, Дурипш, Псырцха (Н. Афон), Сухум, Келасур, Дранда, Илор и др., а далее — Редут-Кале, Поти и т. д.

А. А. Бестужев-Марлинский снова переживает необычайно трудную жизнь в Геленджике, о чем он часто писал в своих письмах к родным и друзьям. Здесь, как сообщал он, «такая смертность, что прислан дивизионный доктор произвести о том следствии». Жил он «в землянке, сырой, душной, по крайней мере не завидно против других: все в подобных же дворцах горюют...» Вообще на Кавказе он «никогда и нигде не жил... так скверно». Это была «настоящая ссылка: ни писем, ни запасов, ни развле-

²¹⁷ Веленгурин Н. Указ. соч., с. 124—125.

* Некоторые авторы допускают ошибку, полагая, что это путешествие состоялось не в 1836 году, а в 1835 (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., 41 (т. XXI), с. 366; Пузанов И. И. Александр Данилович Нордман. М., 1969, с. 72; КЭС, I, с. 293). Между тем Марлинский пишет об этом совершенно ясно. В письмах к брату Павлу от 23 апреля 1836 года из Геленджика он сообщал: «Любезный Польш. Несколько дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям...» (ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 58). А в письме его от 19 июня 1836 года из Керчи братьям Н. А. и К. А. Полевым также читаем: «Вы должны были получить одно мое письмо через Севастополь, писанное на фрегате «Бургас», после поездки в Сухум-Кале и Мингрелию» (РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 479). Сам профессор Нордман, говоря об обозрении им вместе с Марлинским мыса Адлер, отмечал, что писателю суждено было пасть на этом месте «спустя год», т. е. в 1837 году (см.: Путешествие Нордмана по Закавказскому краю.— ЖМНП, 1838, ч. XX, № XI, с. 404). Можно сослаться и на С. В. Сафонова (см. указ. его соч., с. 40).

²¹⁸ См.: Нордман. Указ. соч., с. 403.

²¹⁹ Там же, с. 404.

чений... к довершению радостей, кровли крыты землей, и при малейшем дожде в землянках по колено вода»²²⁰.

В письме от 26 мая 1836 года к брату Павлу Марлинский описывал еще более мрачную картину. «Я,— писал он,— опять очень болен... Геленджик меня уходит. Да и можно ли быть здоровым в землянке, где на ногах сапоги плесневеют, где под полом лужа, а кровля — решето. У меня род горячки со рвотою... Смертность в крепости ужасная, что день от 3 до 5 человек умирают»²²¹. Но духом я не падаю. Досадно только, что болезни мешают заняться дельным»²²².

В письме от 19 июня 1836 года к своим братьям Николаю и Михаилу Марлинский также писал, что он сильно болел, «лежал тогда изнеможденный недугами, в землянке Геленджика»²²³. А в письме к братьям Полевым, написанном в тот же день, он сообщал: «Мне опять хуже, лихорадка с разными вариациями возвращается вновь и вновь. Я похож на тень, и только по боли чувствую, что я тело»²²⁴. Писал он об этих своих страданиях и в ходатайстве графу А. Х. Бенкендорфу от 13 июля 1836 года: «...Здоровье... до основания истреблено мучительною геленджикскою лихорадкою», которой «страждит»²²⁵. В письме Марлинского к своим братьям в Петровск от 23 ноября того же года читаем: «...целое лето проболел я жестокою лихорадкой, которая раза два превращалась в горячку: это была дань, заплаченная климату»²²⁶.

Одним словом, малярия так «высушила» Марлинского, что «можно вставить в фонарь, вместо стекла»²²⁷. Кроме того, в Геленджике «круглый год нельзя за стену высунуть носа, ибо черкесы бьют даже часовых на валу»²²⁸.

Тем не менее, даже в этих невероятно тяжелых условиях, когда ему в течение трех лет приходилось вести «кочевую жизнь»²²⁹ и те совсем немногие месяцы, которые удалось пережить «на месте», «были испещрены тяжкими болезнями». А. А. Бестужев-

²²⁰ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 59.

²²¹ По данным Н. Н. Раевского в Геленджикском гарнизоне, например, за 4 месяца 1838—1839 годов, при наличии в среднем 596 чел., число больных в среднем же составляло 217 чел., а умерших — 14,5 (Архив Раевских, т. III, с. 62).

²²² ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 61.

²²³ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 67.

²²⁴ Там же, 1861, № 4, с. 479.

²²⁵ Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958, с. 670.

²²⁶ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 70.

²²⁷ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 480. (Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. А. Полевому от 6 августа 1836 г.).

²²⁸ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 54.

²²⁹ Военные походы были особенно тяжелыми и опасными. Вот что писал А. А. Бестужев 8 ноября 1835 года своему брату Павлу по поводу одного из этих походов: «Ну брат, устал от последней экспедиции до самого нельзя. Бог мой, что за погода! Вообрази себе, что в течение двух недель не имели мы двух часов сухих! Дождь, ливень, град... мелкий дождь, который сечет до костей... Грязь по ступицу, потоки выше груди...» (ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 51).

Марлинский, как уже отмечалось, самоотверженно продолжал свою творческую работу ²³⁰.

Посетивший геленджикское «жилище» Марлинского И. Р. фон-дер-Ховен писал: «В этой-то скромной избушке Бестужев писал свои лучшие произведения о Кавказе, столь прославившие имя Марлинского» ²³¹.

А. А. Бестужев-Марлинский методично работал и над собой, много читал, изучал языки. Тот же Ховен отмечал, что стол писателя в Геленджике был завален кипой книг и журналов. А брату своему Павлу из Ивановской 15 декабря 1835 года Марлинский сообщал: «Занимаюсь плотно итальянским языком ²³². Читаю Данта» ²³³.

Таким образом, революционный писатель, испытавший все тяготы своего положения штрафного солдата, все невзгоды походной кавказской жизни, имел полное основание, когда писал: «Я закален в бедах».

В мае 1836 года Марлинского переводят в Гагры, в 5-й Черноморский линейный батальон. Он был очень опечален этим известием. В письме к своим братьям Николаю и Михаилу от 19 июня того же года Александр Александрович писал: «Не знаю, как-то перенесу я подлежащее мне испытание в Абхазии, куда я назначен. Батальон этот расположен в Гаграх и Пицунде, в самых гробовых местах Черноморского побережья. Места эти имеют только морем сообщение между собою, и то чрезвычайно редко. Нет ни зелени, ни живности, потому что за вал нельзя высунуть носа, а в самой крепости ходить — пули врагов с окрестных скал бьют людей даже на койках. Полтора комплекта в год поедается там цынгой и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь вы-

²³⁰ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 71.

А. А. Бестужев-Марлинский в одном из своих писем (от 23 ноября 1836 года) жаловался, что его «многие упрекают», что мало пишет, «но знают ли и немногие» обо всех этих трудностях. «А в наш век,— писал он далее,— нельзя писать не читая; а ко мне не только книги, даже письма не доходят, или скитаются по белу свету по полгода» (РВ, 1860, т. 88, № 7, с. 71). А вот, что писал Марлинский брату своему Павлу 15 ноября 1836 года из Ольгинского тет-де-пона: «Боже мой! Когда я кончу это нищенское кочевание по чужбине, вдали от всех средств к занятиям?! Об одном молю я, чтобы мне дали уголок, где мог бы поставить свой посох и, служа в статской службе государю, служил бы русской словесности пером. Видно, не хотят этого. Да будет! Но могу ли, гонимый из конца в конец, не проводя двух месяцев на одном месте, без квартиры, без книг, без газет, то изнуряясь военными трудами, то полумертвый от болезней, не вздохнуть тяжело и не позавидовать тем, которые уже кончили земное скитальничество? И кому бы было хуже, если б мне было немножко лучше? Неужели тяжело бросить человеку крупицу счастья?» (ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 66).

²³¹ Фон-дер-Ховен И. Указ. соч., с. 222.

К этому сообщению М. И. Семевский дает следующую справку: «А. А. Бестужев... знал прекрасно языки: русский, польский, французский, английский (изучал его вместе с Кон. Фед. Рылеевым), немецкий, латинский, татарский (азербайджанский.— Г. Д.), разные горские наречия, наконец, за год до смерти принялся за изучение языка итальянского» (ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 54, прим.).

²³² Там же.

²³³ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 52.

жил там более двух лет или после двух лет возвратился без страданий. Да, жизнь коротка после Гагр»²³⁴.

В тот же день Марлинский отправил письмо и братьям Николаю и Ксенофону Полевым, в котором также сообщал: «Я переведен в ужасный климат Абхазии. Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки; где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как с смертоносными обструкциями или водянкою. Там стоит 5-й Черноморский батальон, который не иначе может сообщаться с другими местами как морем, и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилою солониной. Одним словом, имя Гагры... однозначаше со смертным приговором!»²³⁵

В письме к младшему брату Павлу, датированном тем же числом, он также писал: «Ты был вблизи Гагры, а я, приходя из Сухума на фрегате, ее видел; следовательно, распространяться о том нечего. Это значит, что при моем погребении будет целый взвод, а не одни артельщики — вот и все»²³⁶.

И действительно. Вот как описывает Гагры С. В. Сафонов, посетивший это местечко 16 июля 1836 года: «Мы пришли в крепость Гагра. Вообразите себе, у подошвы двух высоких, отвесных гор притиснутое к самому морю небольшое четырехугольное строение, не более 60 сажен длины в одном фасаде, обнесенное деревянным забором с плетневыми турами и с деревянными по углам башенками; посреди этого строения несколько домиков, мазанок, балаганов, и это крепость Гагра; и эта крепость, отдаленная от всяких сообщений сухим путем, окруженная горами, с которых горцы пускают прямо в середину крепости пули,— защищается двумя ротами солдат... Здесь жизнь есть ничто иное, как цепь постоянных лишений, беспокойств и опасностей. Жители Гагры с одной только стороны спокойны, именно со стороны моря. Слабое утешение! От того-то они с такой радостью, с таким наслаждением смотрят на всякое судно, приходящее к их берегам. Они видят в нем как бы посредника, соединяющего их с остальной частью мира...»²³⁷

Ф. Дюбуа де Монперэ сообщает: «Правительство, осведомленное о смертности, царившей в Гаграх, отправило туда для исследования ее причин полковника Бомера». В другом месте он также отмечал, что Гагры «всегда были местом ссылки», а в примечании: «Некоторых из заговорщиков 1825 г. послали рядовыми солдатами в Гагры»²³⁸.

²³⁴ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 68.

²³⁵ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 4792480.

²³⁶ ОЗ, 1860, т. 31, № 7, с. 62.

²³⁷ Сафонов С. В. Указ. соч., с. 30—32, 35.

²³⁸ Дюбуа де Монперэ Ф. Указ. соч., с. 97, 99.

Здесь почтенный ученый ошибается, в Гагре постоянно не находился ни один из сыльных декабристов.

Именно сюда было решено загнать выдающегося писателя по личному приказанию Николая I. Гагринское укрепление * было выбрано для него потому, что оно в то время действительно «славилось своим губительным климатом»²³⁹. Это лишний раз подтверждает основательность мнения Михаила Бестужева о «заметном намерении правительства вывести его (Александра Марлинского.— Г. Д.) в расход»²⁴⁰.

Но сперва Марлинский должен был поехать в Керчь, чтобы выдержать здесь установленный карантин и обмундироваться²⁴¹, т. е. сшить себе офицерский мундир²⁴². Случилось так, что известный уже нам корвет «Ифигения» * заглянул в Керченскую бухту. На нем как уже отмечалось, был новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, который в это время объезжал Азово-Черноморское побережье. Целью же его был сбор «всех сведений» для осуществления «высочайшего повеления» «учредить правила для торговли с черкесами и абазинцами», т. е. абхазами, и чтобы эта торговля была поручена Керчь-Еникальскому градоначальнику «под ведением» новороссийского генерал-губернатора. Граф Воронцов считал, что «одно лишь личное обозрение может дать более или менее справедливое понятие о крае, столь мало известном и столь интересном во всех отношениях»²⁴³. Судно захватило здесь нового пассажира — Марлинского, который мог служить превосходным гидом для собравшегося на нем общества, и 13 июля 1836 года снялось с якоря. Экспедиция заезжала в Анапу, Суджук-

* Первый офицерский чин Марлинский получил после шестилетней службы рядовым и годичной службы унтер-офицером. Писатель надеялся, что производство в прапорщики даст ему возможность, «оставаясь в военном чине», добиться перевода на службу «по гражданской части» в один из южных городов, где он мог бы «быть полезным отечеству и употребить досуг на занятия словесностью» (Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977, с. 361). Однако, как увидим ниже, эта просьба была отклонена.

²³⁹ Кстати, в Гагре, в ущелье р. Жозквара, в 1841 году, т. е. через четыре года после гибели А. А. Бестужева-Марлинского, была построена стратегического значения башня, известная под названием «Башня Марлинского»; развалины ее существуют и поныне (Передельский А. Г. Гагры. СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 161). В строительстве этой башни принимал участие друг и секунданта А. С. Пушкина К. К. Данзас, в то время служивший в Гагринской крепости (Магачавариани К. Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 271).

²⁴⁰ Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 109.

²⁴¹ Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1931, с. 223.

²⁴² РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 479.

* Между прочим, его командиром был капитан-лейтенант Е. В. Путятин, впоследствии известный государственный деятель, мореплаватель и дипломат, граф, адмирал, генерал-адъютант. В честь Путятина назван остров в заливе Петра Великого.

²⁴³ Воронцовский «Перипл» Черного моря (1836) (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г.).— РА, 1894, № 6, с. 216—217.

Кале (Новороссийск), Геленджик, Гагру, Пицунду, Бамбору, Сухум, Редут-Кале (Кулевий) и Поти²⁴⁴.

А. А. Бестужеву-Марлинскому пришлось обратиться к графу Воронцову, и он согласился передать начальнику III отделения А. Х. Бенкендорфу ходатайство писателя об увольнении «к статским делам от военной службы, на которую стечение болезней сделало его неспособным». В письме (от 13 июля 1836 года) говорилось: «...Я убежден, что его и-ое в-во... не предполагал, сколь смертоносен этот берег Черного моря, погребенный между раскаленных солнцем скал, лишенный круглый год свежей пищи и воды, даже воздуха... Для меня, полуживого, Гагры будут неизбежным гробом», Гагры, с их «тлетворным дыханием»²⁴⁵.

Ходатайство Марлинского с личным письмом Воронцова Николаю I с просьбой о переводе больного писателя из Гагры в более здоровое место поступило к Бенкендорфу. В сопроводительном письме Воронцов писал: «У него не проходит лихорадка уже с давних пор; климат Гагр, в котором находится его гарнизон, возможно причинит его в короткое время»²⁴⁶.

И действительно, в Керчи, куда Марлинский вернулся после экспедиции на «Ифигении», он «проболел все лето»²⁴⁷.

1 сентября 1836 года Марлинский снова направляется на восточный берег Черного моря*, где присоединяется к отряду А. А. Вельяминова и принимает участие в его весенней экспедиции на Кубань. 20 сентября Марлинский писал из Ольгинского укрепления: «Дня через два выступаем вниз по левому берегу Кубани и пройдем с мечом и огнем до Анапы; откуда другим путем назад»²⁴⁸.

²⁴⁴ Сафонов С. В. Указ. соч.; Воронцовский «Перипл» Черного моря.

Таким образом, во время описываемой экспедиции А. А. Бестужев-Марлинский посетил, в частности, Гагру, Пицунду и Бамбору, о чем с некоторыми подробностями пишет и Сафонов, и Воронцов. Например, последний отмечает: «...Мы бросили якорь возле укрепления Гагры... Осмотрев Гагру, прошли около р. Бзыба и дошли до прекрасного залива у Пицунды, где вышли на берег... В Бамборах... мы выходили на обратном пути» (с. 223—224). Из сообщений Сафонова хотелось бы привести лишь следующее: «Посещение Гагры оставило в нас одно из приятнейших впечатлений» (с. 35). Эти данные мы считали необходимым привести, чтобы рассеять сомнение некоторых о пребывании Марлинского в указанных местах.

²⁴⁵ Цит. по: Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2, М., 1958, с. 670—671.

²⁴⁶ Там же, с. 719.

²⁴⁷ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 482.

* В этот день он писал В. Н. Телесницкой из Керчи: «Азовское море катит сверкающие волны; попутный ветер призывает меня голосом Гальционы... было время, когда море убаюкивало меня, как грезы... Счастлиное это время миновало! Чернеет Азовское море, колеблется оно, как гробовой покров» (Цит. по: Декабристы. М., 1938, кн. III, с. 79—80).

²⁴⁸ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 482.

Вообще очень трудно определить все места, где был в эти годы А. А. Бестужев-Марлинский. Условия же, где ему приходилось жить, были исключительно неблагоприятны. Об этом он много писал в своих письмах. Так в апреле 1836 года Марлинский писал из Геленджика брату Павлу: «Как на Кавказе, никогда и нигде не жил я, скверно. Это настоящая ссылка...» (ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 59).

Вскоре стало известно, что хлопоты Воронцова кончились переводом Бестужева по инвалидности в 10-й Черноморский линейный батальон, стоявший в Кутаисе²⁴⁹. В письмах к братьям Николаю и Михаилу Марлинский, сообщая о его переводе «из смертоносного места Гагр», писал, что, хотя «в сравнении с Гаграми Кутаис — столица», но «мингрельские лихорадки свирепствуют там»²⁵⁰, а в другом случае разъяснял: «Климат там — отечество лихорадок».

19 декабря 1836 года Марлинский пишет брату Павлу из Тамани, куда заехал по дороге в Тифлис и откуда должен был отправиться в Кутаис. В письме сообщалось: «...Меня, по расстроенному здоровью, перевели в 10-й Черноморский батальон из Гагр в Кутаис. Ты знаешь этот край и потому судить можешь, как благодетелен... климат для полубольного. Между тем я прослужил экспедицию, и с нового года из Тамани, где был прикомандирован к Тенгинскому полку, еду кочевать в ужаснейшую пору года на Кавказ. Видно в могиле только успокоюсь я»²⁵¹.

Из Тамани Марлинский выехал в первых числах января 1837 года. В пути он в последний раз остановился в Екатеринодаре, чтобы закончить свои дела. Дождавшись морозов, он выехал в Ставрополь, а оттуда в Тифлис. В последнем ему пришлось ждать назначения в военной экспедиции. Здесь он узнал о смерти Пушкина. В письме от 23 февраля 1837 года к брату Павлу Марлинский писал: «Я был глубоко потрясен трагической гибелью Пушкина... Я не сомкнул глаз в течение ночи, а на рассвете я был уже на крутой дороге, которая ведет к монастырю святого Давида... Прибыв туда, я позвал священника и приказал отслужить панихиду на могиле Грибоедова... Я плакал тогда, как я плачу теперь, горячими слезами, плакал о друге и о товарище по оружию, плакал о себе самом; и когда священник запел: «За убиенных боляр Александра...», рыдания сдавили мне грудь — эта фраза показалась мне не только воспоминанием, но и предзнаменованием (...). Да, я чувствую, что моя смерть также будет насильственной и необычайной... Вы, впрочем, слишком обвиняете Дантеса — нравственность, или, скорее, общая безнравственность, с моей точки зрения, дает ему отпущение грехов... Пусть он знает (свидетель бог, что я не шучу), что при первой же нашей встрече один из нас не вернется живым»²⁵².

Вскоре барон Розен дал распоряжение прикомандировать Марлинского к Грузинскому гренадерскому полку в качестве командира стрелкового взвода 2-й гренадерской роты. Полк стоял в Кутаисе и готовился к очередной экспедиции — на правом фланге Кавказской и Черноморской линии. В частности, речь шла о «подчинении» Цебельды и занятии Адлера. «С ранней весной, — писал Марлинский брату Павлу еще 12 февраля 1837 года, — бу-

²⁴⁹ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 70.

²⁵⁰ ОЗ, т. 131, № 7, с. 66.

²⁵¹ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 68.

²⁵² Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1958, с. 673—674.

дет экспедиция в Абхазию и, вероятно, мне придется опять взяться за шашку»²⁵³.

13 апреля 1837 года Марлинский прибыл в Кутаис, где находился два дня. Он осмотрел «прелестные окрестности и развалины» древних архитектурных памятников, в частности, побывал в Гелатском храме. Отсюда Марлинский едет в Зугдиди и останавливается в доме владетельных князей Мегрелии Дадиани. Здесь он видел «немало русских мундиров», которые составляли «редкую противоположность с длинными лицами и бедной одеждой» местных жителей. Побывал он и в церкви. Сообщая о своих впечатлениях матери, в письме от 29 апреля, о населении княжества, Марлинский писал далее: «Конечно, не существует стороны прелестнее для глаза, досаднее для сердца как Мингрелия... Угнетение, нищета — и все это посреди края, готового произвести сторицею все, что отдает ему малейший труд. Виною тому мелкое дворянство...»²⁵⁴

Через некоторое время А. А. Бестужев выезжает в Абхазию и по дороге «чуть не утонул в реке Кодоре, которая бушевала от проливных дождей»²⁵⁵. 29 апреля он и написал свое первое письмо из Абхазии матери²⁵⁶, в котором имеется и такая строка: «В другой раз посещаю я Сухум и Келасури, близ коих расположены мы лагерем».

В Сухуме А. А. Бестужев-Марлинский встречается со своим другом, великим азербайджанским поэтом и мыслителем М.-Ф. Ахундовым, поклонником союза с русским народом и русской культуры. В канцелярии главнокомандующего на Кавказе барона Г. В. Розена майор Ахундов служил в качестве переводчика. Оба они в мае 1837 года принимали участие в военной экспедиции в Цебельду, осуществленной под началом самого барона*. При последнем находились также декабристы В. С. Норов и М. И. Старов, С. Т. Званба, Б. Г. Чилашвили (Чилаев) и начальник штаба Кавказского корпуса генерал В. Д. Вольховский.

По окончании цебельдинской кампании русский отряд возвратился в Сухум. Здесь его поджидали суда, на которых он должен был отправиться к мысу Адлер. За три дня до отплытия барон Розен дал обед, на котором присутствовали Бестужев и Ахундов. За обедом Розен просил Бестужева совместно с автором «Восточной поэмы на смерть А. С. Пушкина» — Ахундовым перевести эту поэму на русский язык. Поэма вышла в свет в прозаическом

²⁵³ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 70.

²⁵⁴ РО ИРЛИ, ф. 604, д. 4 (5573), л.л. 100—100 об.

²⁵⁵ Там же, л. 100 об.

²⁵⁶ РО ИРЛИ, ф. 604, д. 4 (5573), л.л. 100—101 об.

* В центре, «сердце» Цебельды до недавнего времени стоял гигантский чинар, под раскидистой кроной которого, по преданию, отдыхал Марлинский.

перевод²⁵⁷. В более позднем стихотворном переводе этой поэмы великого азербайджанского писателя и мыслителя, сделанного под свежим впечатлением известия о трагической гибели А. С. Пушкина, имеются такие строки:

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
но покорил весь мир лишь Пушкин — исполин!

(Антология азербайджанской поэзии, т. II. М., 1960, с. 173. Перевод П. Антокольского.)

В начале июня 1837 года В. Г. Розеном была начата военная экспедиция на Адлер. Извещая об этом свою мать еще в письме от 13 апреля того же года, Марлинский писал, что его часть двинется сперва в Цебельду, а затем — «мимо Гагр, на мыс Адлер... Пусть туда по склонам и стремнинам, по берегу моря; Фермопилы* перед этой дорогой — Невский проспект»²⁵⁸. А в письме от 29 апреля ей же Александр Александрович писал: «В Цебельде сложных дел не предвидится, потому что жители хотят покориться. Но в пути по неприступным хребтам от Гагры до мыса Арелдара (Адлера.— Г. Д.) встретим тысячи препятствий от природы и людей»²⁵⁹.

В письме к К. А. Полевому от 12 мая Марлинский также сообщал: «Около 1-го июня мы двинемся за Гагры, там народ боевой и природа ужасна трудностями; надо будет по отвесным скалам пробивать дорогу под пулями врагов, под градом камней и стрел...»²⁶⁰.

Именно поэтому было решено экспедицию совершить морским путем, в результате чего возникло укрепление Св. Духа (Адлер)²⁶¹ — одно из тех укреплений, которые были заложены в том году на Западном Кавказе, а другими были Новотроицкое и Михайловское. Это было осуществлением давно вынашиваемого стратегического плана царизма в этом регионе. За год до этого новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов писал: «Россия имеет твердую ногу от Севера до Геленджика включительно; начиная же от южной турецкой границы, весь берег от св. Николая и устья Риона до крепости Гагры, занят нашими войсками; остается промежуток между Геленджиком и Гагрою в протяжении 200 верст, который, по моему мнению, необходимо занять»²⁶².

Надо сказать, что экспедиционный отряд, состоявший примерно из пяти тысячи человек, находился в тяжелом состоянии. В нем убыль больными и умершими составляли 2/3. К 1 ноября 1837 года,

²⁵⁷ Ахундов М.-Ф. Сочинения, Тбилиси, 1938, с. 361.

* Фермопилы — горный проход в Греции. Здесь в 480 году до н. э. произошла битва между огромной армией персидского царя Ксеркса и горсткой спартанцев во главе с царем Леонидом, героически защищавших Фермопильский проход.

²⁵⁸ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 74.

²⁵⁹ ИРЛИ, РО, ф. 604, д. 4(5573), л.л. 100—101 об.

²⁶⁰ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 485.

²⁶¹ А мыс был назван Константиновским.

²⁶² Воронцовский «Перипл» Черного моря, с. 229.

например, в отряде было больных 2804, умерших 339 чел. Барон Розен в своем отношении военному министру А. И. Чернышеву от 9 декабря 1839 года сообщал: «По достоверным сведениям от разных госпиталей, в совокупности с показанным выше, число умерших из бывшего Абхазского отряда простирается до 1 тыс. чел.»²⁶³.

В адлерской экспедиции, кроме Марлинского, состоявшего в то время адъютантом при генерале Вольховском, участвовали также М.-Ф. Ахундов, В. С. Норов, С. Т. Званба, Б. Г. Чилашвили (Чиляев).

Отряд плыл на нескольких кораблях под командой контр-адмирала Эсмонта²⁶⁴, с трудом преодолевая сильное сопротивление ветра и шумно распевая «Адлерскую песню» Бестужева (на голос «Как по камешкам чиста реченька течет...»), написанной 5 июня 1837 года²⁶⁵. Кстати, этот род поэзии был ему давно сподручен. Как известно, еще в 20-х годах он вместе с К. Ф. Рылеевым, другом и единомышленником*, сочинили несколько песен²⁶⁶, распространявшиеся среди солдат.

Плывет по морю стена кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Словно стадо лебедей, лебедей.

Это были последнее сочинение и последний поход Марлинского. Он словно предчувствовал приближение развязки своей много-страдальной жизни. Утром 7 июня на фрегате «Анна», на виду

²⁶³ АКАК, т. VIII, с. 371, № 269.

²⁶⁴ Марлинский находился на фрегате «Анна», в котором размещался штаб отряда.

²⁶⁵ Она была опубликована в «Русском вестнике» (1870, т. 88, № 7, с. 77—78).

* В стихотворении «А. А. Бестужеву» Рылеев писал:

По чувствам, братья мы с тобой,—
Мы в искупленье верим оба;
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

²⁶⁶ См.: Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.-Л. 1934, с. 269—272. Агитационные песни Рылеева и Марлинского печатались на страницах быстро снискавшего себе популярность журнала «Полярная звезда».

Из кавказского же периода жизни А. А. Бестужева-Марлинского нам удалось найти одно его стихотворение, которое так и называется «Солдатская песня» (См.: «Тифлиссские ведомости», 16 августа 1829 г., № 33). В первом куплете этого стихотворения читаем:

Богатырь у нас народ,
Молодецкой самой!
За Святую Русь — вперед!
Все вперед, все прямо!

мыса Адлер, Марлинский составляет духовное завещание²⁶⁷ и в тот же день уходит из жизни*. А бой был жестокий — «войска, при высадке на берег, встретили самое сильное сопротивление со стороны горцев»²⁶⁸.

По рассказам очевидцев, начальник передового десантного отряда генерал Вольховский, «как человек умный и образованный, не мог не беречь жизни даровитого писателя, и нет ничего мудреного, что пытался его удержать»²⁶⁹.

Тело декабриста так и не было найдено, что дало повод к различным домыслам²⁷⁰, вплоть до утверждения, что он скрывался от царя в горах Кавказа²⁷¹. Правда, его имя значилось в ведомости об убитых и раненых при занятии десантом мыса Адлера²⁷².

Узнав о гибели Марлинского, в отряде «все были печальны, угрюмы»²⁷³.

Один из участников экспедиции отряда генерала А. А. Вельяминова, двигавшегося со стороны Геленджика, в своем дневнике 13 июня 1837 года записал: «...Изрублен шашками Бестужев... Итак, в этом году мы лишились двух славнейших людей — Пушкина и Бестужева»²⁷⁴.

В газетах лишь промелькнуло глухое, без подробностей, известие о гибели А. А. Бестужева-Марлинского. «Но далеко не все отнеслись просто к этому известию»²⁷⁵. «Личность его, а следовательно и судьба, интересовали всю грамотную, читающую Россию»²⁷⁶.

Это и естественно. Марлинский был в те годы одним из самых популярных русских писателей.

П. П. Каменский восклицал: «Вот еще разбитая лира, еще исчезнувшая знаменитость литературная; еще утраченный писа-

²⁶⁷ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 79.

* Между прочим, в этой десантной операции участвовали также юнкера Мингрельского егерского полка, студенты Петербургского университета Цехницкий, Шенявский, Панно, Домбровский, Календо и Киреев (РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 83).

²⁶⁸ АКАК, т. VIII, с. 357, № 263.

²⁶⁹ Семевский (М. И.) Александр Бестужев на Кавказе.— РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 81.

²⁷⁰ См.: там же, с. 78 и сл.; ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 98 и сл.

²⁷¹ Веленгурин Н. Указ. соч., с. 150.

Существует и такое предание. На четвертый день после десанта, в набеге русского отряда на ближайший аул, при одном убитом горце, нашли писюлет Марлинского, о котором лазутчики рассказывали, что горцы, уважая его храбрость и необыкновенную ловкость при защите себя шашкою, взяли его тяжело раненного в аул, где он, от большой потери крови, на другой день умер. (Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год.— КС, 1879, т. III, с. 81).

²⁷² См.: ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 86.

²⁷³ Л. К. Последние дни Марлинского.— «Иллюстрация» [СПб.], 1842, г. 24, № 24, с. 378.

²⁷⁴ ГПБ, РО, собр. Тиханова, д. 326, тетрадь III, л. 5.

²⁷⁵ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. III. СПб., 1892, с. 174.

²⁷⁶ Семевский (М. И.) Александр Бестужев на Кавказе, с. 78.

тель: Марлинский умер...»²⁷⁷. В том же году и известный деятель грузинской культуры Г. Д. Эристави откликнулся на смерть А. А. Бестужева-Марлинского. А французский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ назвал его «одним из лучших писателей России», которого ученый мир недавно потерял»²⁷⁸.

Либеральный профессор Петербургского университета А. В. Никитенко 5 июля 1837 года не без горечи записал в дневнике: «Новая потеря для нашей литературы: Александр Бестужев убит. Да и к чему в России литература!»²⁷⁹.

Страшную весть о гибели брата Александра, которым гордился семья Бестужевых, принесло письмо Павла, датированное 5 июля 1837 годом. И она произвела не только на братьев Бестужевых, но, как писал Михаил,— на всех их товарищей «какое-то потрясающее действие»²⁸⁰.

Так, в возрасте сорока лет, в пору писательской зрелости, расцвета творческих сил и дарований погиб А. А. Бестужев-Марлинский, последние годы жизни которого прошли в беспрестанных скитаниях по Кавказу.

Пребывание А. А. Бестужева-Марлинского на Кавказе, говоря словами С. А. Венгерова, «совпадает с расцветом литературной его деятельности и апогеем его славы»²⁸¹. И это совершенно справедливо противоречит нередко встречающемуся утверждению о том, что будто Марлинский был в состоянии ищущего смерти человека. Буквально накануне гибели он даже предполагал жениться и послал в Москву «сватовское письмо». «Хочу жениться,— писал он брату Павлу 5 апреля,— на княжне Даше У...ой, воспитаннице матери Валерьяна Г... (декабриста Голицына? — Г. Д.); очень умная, бойкая, светская девушка... Жду на днях ответа... Я прикомандирован к Грузинскому гренадерскому полку и с разорванным сердцем еду скоро в Абхазию. Впрочем по взятии мыса Адлера вернусь в Кутаис, а там, что бог даст»²⁸².

А. А. Бестужев жаждал жить, и хотел прежде всего жить для России, мысль о которой, о ее будущем, никогда не покидала его,— и в это чрезвычайно трудное для него время. В одном из его писем (1832 год) читаем: «Признаюсь, сердце у меня разрывается, когда вздумая, что не увижу моей родины, которой отдал и посвятил я все...»²⁸³.

В письме к братьям Полевым от 19 июня 1836 года он горько спрашивал: «Неужели я погибну, не взглянув на родину?»²⁸⁴ А в его письме брату Павлу от 23 февраля 1837 года говорилось:

²⁷⁷ См.: «Литературное прибавление» к «Русскому инвалиду», 1838, № 31, июнь.

²⁷⁸ Дюбуа де Монперэ Ф. Указ. соч., с. 118, прим.

²⁷⁹ Никитенко А. В. Записки и дневник. СПб., 1904, т. I, с. 289.

²⁸⁰ РС, 1881, т. 32, № 11, с. 603.

²⁸¹ Венгеров С. А. Указ. соч., с. 160.

²⁸² ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 73.

²⁸³ РС, 1901, № 2, с. 400.

²⁸⁴ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 479.

«Я молю только об одном — чтобы не погибнуть простертым на ложе страданий или в поединке...»²⁸⁵.

Другое дело, что писатель реально сознавал всю опасность военной жизни на Кавказе.

На Адлерском мысе было воздвигнуто укрепление Св. Духа. Собственно с этого времени и начинается устройство так называемой Черноморской береговой линии, о которой подробно будет рассказано ниже.

Здесь впоследствии возник курортный городок Адлер. Среди его достопримечательностей — памятник писателю-декабристу *. На нем — бронзовый барельеф Марлинского. Ниже — перо на раскрытой книге, лежащей на оковах. Еще ниже — чугунная доска с надписью:

«...и на обломках самовластья
напишут наши имена.

А. С. Пушкин».

Александр
Александрович

БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

1797—1837

Погиб в бою под Адлером

А. А. Бестужев был на Кавказе в пору расцвета своего таланта. Он глубоко изучал кавказоведческую литературу (русскую и иностранную), ознакомился с жизнью местного населения. Профессор А. Д. Нордман * в кратком отчете об указанном выше его путешествии в 1835 году, кстати в сопровождении Деллингера²⁸⁶, сына баварского профессора физиологии, отмечал: «Находившийся на нашем фрегате известный прозаик Марлинский, которому я много должен за сообщаемые мне известия о Кавказе, помогал мне снимать виды. Рисую мысы Мамая и Адлера и будучи очарован великолепным видом лежащего пред ним ландшафта, он не знал и не предчувствовал, что рука его обрисовала очерки того места, на котором спустя год ему суждено было пасть»²⁸⁷. Нордман встречался в Бамборе и с польским революционером Ф. Я. Лисовским,

²⁸⁵ Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения в двух томах. М., 1958, т. 2, с. 674.

* Кстати, в связи с 75-летием со дня занятия Адлера по А. А. Бестужеву-Марлинскому была отслужена панихида и начата подписка на сооружение ему памятника, а «общественный сад» назван Бестужевым (Закавказская речь, № 158, 11 июля 1912 г.).

* А. Д. Нордман в 30—40 годах был профессором Одесского лицея, затем Гельсингфорского университета. Во время указанного путешествия ученый обследовал, в частности, центральный и северо-западные районы Абхазии. Он собирал и изучал материал не только по биологии и ботанике, но также географии, этнографии, истории и археологии. Подробнее см.: И. И. Пузанов. А. Д. Нордман. М., 1969.

²⁸⁶ См.: Нордман А. Н. Указ. соч., с. 401.

И. И. Пузанов называет его Т. Доллингером, садовником Никитского сада (см. указ. его соч., с. 19).

²⁸⁷ Нордман А. Н. Указ. соч., с. 404.

«любопытность» которого также ему «много помогла»²⁸⁹.

В 1836 году Бестужев поразил своим глубоким знанием Кавказа С. В. Сафонова, путешествовавшего по восточному берегу Черного моря на корвете «Ифигения». Последний писал: «Знаете ли, сказал наш знаменитый литератор, так хорошо знакомый с Кавказом, А. А. Марлинский,— знаете ли, как горцы вытаскивают на берег лодки?» И далее рассказывается об этом способе²⁹⁰.

А. А. Бестужева в Абхазии видел и В. Андреев, который потом вспоминал, что в Абхазскую экспедицию «были прикомандированы из других полков Александр Бестужев и Норов — брат бывшего министра»²⁹¹.

Хочется еще привести следующее сообщение Эдмунда Спенсера: «Один из... политических преступников, М.,— был введен ко мне (в лагере у Суджук-Кале.— Г. Д.)... Он был очень известным автором и считался одним из самых ученых людей в империи, но так как он, к несчастью, принимал выдающееся участие в хорошо известном революционном движении в С.-Петербурге, то был наказан за свою вину, а это наказание было смягчено, принимая во внимание его литературный талант, изгнанием на Кавказ»²⁹². Не вызывает сомнения, что здесь речь идет о А. А. Бестужева-Марлинском, который действительно в это время, в 1836 году, и позже бывал в данном районе. Но дальше автор сбивает нас своим заявлением о том, что упомянутый «политический преступник» служил на Кавказе 12 лет в качестве солдата и почести пришли слишком поздно, так как бедный малый умер от чахотки»²⁹³. Здесь Спенсер явно путает. Вероятно, в этом случае речь идет об А. И. Одоевском, но и тот умер вовсе не от чахотки и служил на Кавказе очень мало.

А. А. Бестужев-Марлинский с большим сочувствием относился к освободительной борьбе кавказских народов. Он не разделял шовинистическую политику царизма, основанную на силе оружия, на подавлении национальной самобытности горцев. Он был сторонником мирной, гуманной политики, экономической и культурной связи с народами Кавказа, совместной борьбы против самодержавного гнета. Таким образом, кавказская проблема решалась писателем в духе передовых, декабристских идей²⁹⁴.

Но осуждая самодержавный гнет, Марлинский в то же время выступал против идеализации «азиатской патриархальщины», скрывавшей развитие кавказцев. Он не сомневался в том, что присоединение к России принесет Кавказу большой прогресс. «Дайте Кавказу мир, и не ищите земного рая на Ефрате... он здесь, он здесь!»,— заявлял Марлинский²⁹⁵.

²⁸⁹ Там же, с. 419.

²⁹⁰ Сафонов С. В. Указ. соч., с. 22.

²⁹¹ Андреев В. Указ. соч., с. 85.

²⁹² Spenser E. Указ. соч., с. 270.

²⁹³ Там же, с. 270—271.

²⁹⁴ Маслин Н. Указ. соч., с. XLIV—XLV.

²⁹⁵ Марлинский А. Путь до города Кубы.— Полное собрание сочинений. Часть X. Кавказские очерки. СПб., 1838, с. 204.

С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», А. А. Бестужев критически отзывался о сочинениях иностранных кавказоведов, неверно или неточно рассказывавших об этой земле и остававшихся совершенно равнодушными к животрепещущим вопросам социальной жизни кавказских народов. Упрекал он и отечественных ученых, не уделявших должного внимания Кавказу. Его не удовлетворяли также газетные сведения. «Слов нет,— писал Бестужев,— чрезвычайной любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике... Все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить, происходят ли Бжедухи от Стробоновых Скептухов, коих, бог знает почему, г. Броневский назвал Скиптроносцами»²⁹⁶.

Одним словом, «вообще Кавказ вовсе не известен: его запачкали чернилами, выкрасили как будку; но попыток узнать его не было до сих пор, или люди на то назначенные не имели средств, познаний, отваги, случая»²⁹⁷.

В художественной же литературе Кавказ нередко идеализировался. 13 апреля 1837 года, прочитав новую повесть П. П. Каменского «Келиш-бей», об абхазском владетеле конца XVIII — начала XIX века Келешбее Шервашидзе (Чачба)*, А. А. Бестужев-Марлинский писал своему брату Павлу Бестужеву: «Кланяйся Каменскому; читал я его Келишбея — недурно, только зелено...»²⁹⁸.

²⁹⁶ Марлинский А. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Полное собрание сочинений. Часть X. Кавказские очерки. СПб., 1838, с. 10—11.

²⁹⁷ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 47 (Письмо А. А. Бестужева от 15 января 1833 г.).

* Названная повесть П. П. Каменского, рассказывающая о жестокой борьбе различных политических ориентаций в Абхазии в начале XIX века, о стремлении абхазского народа к сближению с Россией, была впервые опубликована в «Литературном прибавлении» к «Русскому инвалиду» от 20 и 28 января 1837 года.

Некоторые ошибочно полагали, что автором этой повести является А. А. Бестужев-Марлинский (см., например, Дюбуа де Монперэ Ф. Указ соч., с. 118, прим.), которому, кстати, одна посвящена («А. Б.-М.»).

Надо сказать, что Каменский, который, как уже отмечалось, бывал в Абхазии, и в других своих произведениях обнаруживает хорошие познания в области исторического прошлого края и его географических номенклатур. Так, например, 22-я глава романа Каменского «Искатели сильных ощущений» (СПб., 1839) почти целиком посвящена Абхазии. Он дает великолепное описание ее природы. Вот как Каменский описывает лес: «Темна ночь Абхазии среди даже лета; зги не видать в ее густых, непроходимых дебрях... Часто проезжая абхазскими лесами, не понимаешь, как попал среди них: так недоступна, величава их наружность» (с. 137—138).

²⁹⁸ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 75.

Между прочим, В. Г. Белинский в 1838 году в рецензии на «Повести и рассказы» Каменского, куда вошел и «Келиш-бей», писал: «Если дело идет о Кавказе, то никогда не ищите в повести ничего тихого, веселого или забавного: повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резко, предательством, отцеубийством. Конечно, все это бывает в жизни... но ведь это только одна сторона жизни горцев: зачем же, отвлекать только одну ее?» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. II, М., 1953, с. 482).

П. П. Каменский в 1833—1837 годах находился в Грузии (Тифлис, Гори, Сухуми и др.), куда он был сослан «за какие-то свободные разговоры»²⁹⁹. Служа здесь юнкером, он сперва дружил с Павлом Бестужевым, а затем «сделался закадычным другом Марлинского»³⁰⁰. В то время Каменский пользовался славой талантливое писателя; особый успех имели его кавказские повести.

Всюду, куда бы судьба не забрасывала А. А. Бестужева, он очень легко приобретал новых друзей и почитателей³⁰¹. В Абхазии Бестужев сближается с первым абхазским ученым-этнографом С. Т. Званба (1809—1855)³⁰². Некоторое время они служили в одной воинской части. Есть основания полагать, что А. А. Бестужев и другие русские дворянские революционеры оказали определенное влияние на развитие общественно-политических взглядов Званба. Деятельность Званба была ярким проявлением культурного влияния России на абхазов, подобно, скажем, деятельности Шоры Ногмова (1801—1844) у адыгов, вместе с декабристами служившего в Отдельном Кавказском корпусе³⁰³, проживавшего некоторое время в Тифлисе, где близко знакомится с местным русским обществом, и занимавшегося научными изысканиями³⁰⁴.

Под влиянием Бестужева-Марлинского, в частности, у Соломона Званба, очевидно, возник глубокий интерес к изучению этнографии Абхазии. Сотрудничая в тифлисской газете «Кавказ», Званба в первой половине пятидесятых годов опубликовал несколько ценных очерков, положивших начало серьезному этнографическому изучению быта абхазского народа и составивших крупный вклад в абхазоведение. Сборник статей Званба в 1955 году был издан в Сухуми под названием «Этнографические этюды».

Как известно, А. А. Бестужев был и прекрасным знатоком этнографии. Вообще декабристы внесли большой вклад в отечественную этнографию и фольклористику*. В их взглядах были «зачатки исторического и социального подхода» к быту, нравам, обычаям и культуре народов³⁰⁵; им «чужды были идеи расовой или национальной исключительности»³⁰⁶. А. А. Бестужев-Марлин-

²⁹⁹ Костенецкий Я. И. Воспоминания из моей студенческой жизни.— РА, 1887, № 1, с. 109.

³⁰⁰ Каменский М. Ф. Воспоминания.— ИВ, 1894, т. 58, № 10, с. 55.

³⁰¹ Васильев М. Декабрист А. А. Марлинский как писатель-этнограф.— Научно-педагогический сборник, I. Казань, 1926, с. 57.

³⁰² О нем: Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979, с. 36—48.

³⁰³ Сб. Шора Ногмов (1844—1944). Нальчик, 1944, с. 33 и др.; Очерки истории Адыгеев, т. I. Майкоп, 1957, с. 321.

³⁰⁴ Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962; с. 504.

* См., например, работы В. Е. Гусева «Вклад декабристов в отечественную этнографию» (Декабристы и русская культура, Л., 1976) и Васильева М. Декабрист А. А. Бестужев как писатель-этнограф (Научно-педагогический сборник. Казань, 1926).

³⁰⁵ Гусев В. Е. Указ. соч., с. 103.

³⁰⁶ Соколов В. К. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I. М., 1956, с. 210.

ский, в частности, сыграл важную роль в этнографическом изучении Кавказа и в целом в развитии русского кавказоведения³⁰⁷. Кавказские повести и очерки писателя, по словам Н. И. Греча, «созданные... под солдатскую шинелью в ущельях Кавказа»³⁰⁸, свидетельствуют о его серьезном интересе к истории, обычаям, фольклору народов этого края. Они «славились не только своей занимательностью, но ценились и с фактической стороны»³⁰⁹. А как отмечалось выше, о кавказских горцах «так много вздора говорили путешественники и так мало знают их соседи — русские»³¹⁰. Указанные произведения славились еще самим подходом их автора к кавказской теме. «Я вижу Кавказ совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши», — писал он 28 июля 1833 года братьям Полевым³¹¹. «То есть, речь идет об изучении культуры народов Кавказа в свете общих положений декабристского мировоззрения»³¹².

А. А. Бестужева-Марлинского волновал вопрос экономического развития Кавказа, привлекали его внимание природные богатства края и их значение, в частности, для торговли России со странами Востока³¹³. Сообщая, например, о проекте устройства гавани в Потии, он в письме к братьям Михаилу и Николаю от 23 ноября 1836 года подчеркивал, что «если это сбудется, транзитная торговля с Персией и Турцией оживит Кавказ». Марлинский считал необходимым, чтобы эта работа была поручена «знающему инженеру», а в корпусе путей сообщений в России «есть молодцы, которые могут это предприятие хорошо обдумать и хорошо использовать». «Кавказу, — писал он далее, — суждены в будущем великие судьбы, как винограднику России и как ворота в Азию... Кроме того, там по Куре могут расти все красильные и пряные травы, а сахарный тростник всходит отлично. Одним словом, этот край ждет одной головы, многих рук и всего более золота»³¹⁴.

Описание же А. А. Бестужева-Марлинского отдельных населенных пунктов Западного Кавказа представляет для нас характер важного источника. Вот как отзывался он о Геленджике: «Кучка землянок душных в жар, грязных в дождь, сырых и темных во всякое время... Общества, разумеется, никакого... Здесь нечего есть... Питаются поневоле солониной да изредка рыбой...»³¹⁵ В другом месте также читаем: Геленджик «сидит у моря, у залива... Почты нет, сообщения редки и то водою, отчего вести и жизненные припасы там почти не водятся...»³¹⁶. А между тем

³⁰⁷ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 161 и сл.

³⁰⁸ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л., «Academia». 1930, с. 474.

³⁰⁹ Мордовченко Н. А. А. Бестужев-Марлинский. — Бестужев-Марлинский А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1961, с. 39.

³¹⁰ Бестужев А. А. Полное собрание сочинений в двух томах, т. 2. СПб., 1906, с. 311.

³¹¹ Цит. по: Маслин Н. Указ. соч., с. XLIX.

³¹² Там же, с. XLVIII.

³¹³ Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939, с. 25.

³¹⁴ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 72.

³¹⁵ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 478.

³¹⁶ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 54.

Геленджик считается лучшим местом от Анапы до редута Св. Николая»³¹⁷.

Или же возьмем Керчь, которая по сообщению Марлинского, быстро отстраивается, где карантин — один из лучших в России и «обыкновенно всегда до 70 судов на якоре». Но особенно музей «стоит внимания изучения», а «почва... вся почти состоит из обломков горшков и стен»³¹⁸. Марлинский «спускался в размытые курганы, в катакомбы, напудрился крахом древности самой классической, самой грецкой...»³¹⁹. Его возмущало, что «черноморцы не думают ни о чем, и хотя близость порта обещала бы им золотые горы за зелень и живность, не разводят огородов и курица стоит там 160 копеек!»³²⁰ А вот как Марлинский отзывался об Иванове: «Все Черноморье есть море грязи, но Ивановка наша — бездна ее. Лошади тонут до ушей на улицах, можешь вообразить (обращается к брату Павлу.— Г. Д.), какова участь бедных солдат»³²¹.

Но зато А. А. Бестужев-Марлинский был восхищен красотой края, описанию которой посвятил не одну страницу. За два года до своей трагической гибели он писал: «Если же паду на чужбине я бы хотел быть схороненным на берегу моря, у подножья гор, глазами на полдень,— я так любил горы, море и солнце!»³²²

Сообщая матери (13 апреля 1837 года) о предстоящей экспедиции в Цебельду и Адлер, он восклицал: «Опять увижу Черное море, опять на нем поплаваю... Виды здесь — прелесть; природа утешает меня за злость людей»³²³. А в его письме к К. А. Полевому³²⁴, названном им «В сердце Цебельды», также читаем: «Вот уже три недели как я шляюсь по новому для меня краю Мингрелии, Абхазии, и новому для русских вообще краю Цебельды. Виды — прелесть, но люди... бедны, как нельзя более, в краю, роскошном дарами природы...»³²⁵.

Далее приведем другие сведения об Абхазии, содержащиеся в письмах А. А. Бестужева и весьма ценные для нас. Правда, он, как утверждает в своих воспоминаниях Я. И. Костенецкий, вообще «был очень осторожен в своей переписке»³²⁶. Это и естественно. Военный министр А. И. Чернышев 9 декабря 1834 года писал начальнику Почтового департамента князю А. Н. Голицыну: «...Государю императору благоугодно, дабы обращено было особое вни-

³¹⁷ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 68.

³¹⁸ Там же, с. 69.

³¹⁹ Там же, 1861, т. 32, № 4, с. 477.

³²⁰ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 69.

³²¹ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 52.

³²² Л. К. Последние дни Марлинского, с. 376.

³²³ ОЗ, 1860 т. 131, № 7, с. 75.

³²⁴ Полевой К. А. (1796—1846) — русский писатель, критик, журналист и историк; в 1815—1834 годах издавал и редактировал журнал «Московский телеграф», который был закрыт правительством.

³²⁵ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 485.

³²⁶ РС, 1900, т. 104, с. 456.

мание почтового начальства на переписку Александра Бестужева с Полевым»³²⁷.

В один из весенних дней 1836 года А. А. Бестужев-Марлинский совершил прогулку по окрестностям Сухума. Его внимание привлекли развалины башни, видимо, Великой абхазской (Келасурской) стены у моря, или замка Баграта, находящегося неподалеку от этого памятника. Несомненно, под впечатлением этой прогулки Бестужев писал своему брату Павлу 23 апреля 1836 года из Геленджика: «В самом деле, как можно сравнить природу и воды около Сухума с нищими окрестностями Геленджика, а что до губельности климата — все один черт по всему берегу Черного моря»³²⁸.

13 апреля 1837 года Марлинский послал письмо своему брату Павлу, в котором содержатся такие любопытные сведения: «...Борис Чилияев (Чилашвили.— Г. Д.) в Бамборы. Норденстам³²⁹ секретно осмотрел дорогу по хребту от Гагр к Адлеру: это ужас! и по ней поделаны завалы... Теперь выступаем в Цебельду, отсюда недели через две-три воротимся...»³³⁰

Обращает внимание сообщение Бестужева о Б. Г. Чилияеве (Чилашвили), который в 1837 году являлся командующим войсками в Абхазии. Князь М. З. Аргутинский-Долгорукий 8 сентября 1837 года писал Чилашвили: «На Вас теперь изрядная обязанность лежит принять большой отряд и расположить по теплым домам и лечить его. Мой дружеский совет вам — стараться по возможности стеснить всех в Бамборе, чтобы доставить удобство возможное больным»³³¹.

Борис Гаврилович Чилашвили (1798—1850) — видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века, придерживавшийся прогрессивных идей³³². Борис и его брат Егор Чилашвили были хорошо известны в Петербурге и Москве, где проходили их учеба и начальный период службы. Братья в столице тесно общались с декабристами: Борис, в частности, был «старым однокашником» А. А. Бестужева-Марлинского³³³ — они вместе воспитывались в Горном кадетском корпусе. Б. Г. Чилашвили на Кавказе, где он служил с 1827 года (после восстания декабристов не захотел оставаться в Петербурге), встречался с Бестужевым-Марлинским, Грибоедовым и Пушкиным³³⁴. О нем Петр Бестужев в своих «Памятных записках. 1828—1829 гг.» писал: «Любезный и добрый человек. Всегдашняя готовность к благородному делу обнаруживает в нем искру и присутствие добродетели и чувств возвышенных...

³²⁷ Цит. по: Гиреев Д. и Недумов С. Декабристы на Кавказе.— Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XIX. Орджоникидзе, 1857, с. 158.

³²⁸ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 59.

³²⁹ О нем: АКАК, т. X, ч. I, с. XXVIII; КЭС, I, с. 304.

³³⁰ ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 75.

³³¹ Модзалевский Б. Кавказ николаевского времени.— РА, 1904, вып. I, с. 115.

³³² Боголюбов И. Я. Полонский в Грузии. Тбилиси, 1966, с. 63.

³³³ См.: РВ, 1861, № 4, с. 436 (Письмо А. А. Бестужева Н. А. Полевому от 9 марта 1833 г.).

³³⁴ Модзалевский Б. Указ. соч., с. 15—17.

Он грузин по происхождению; но искренно желал бы я, чтобы мое отечество имело более таких пасынков»³³⁵.

Б. Г. Чилашвили был участником русско-иранской войны 1804—1812 годов. Впоследствии генерал-адъютант³³⁶. Между прочим брат его Егор вместе с С. Додашвили, А. Чавчавадзе и другими передовыми представителями грузинской феодальной интеллигенции был втянут в заговор 1832 года³³⁷.

В письме от 29 апреля 1837 года из Сухума Марлинский сообщал матери: «В другой раз посещаю я Сухум и Келасури, близ коих расположены мы лагерем. Дрожайшая матушка. Это уже Абхазия — страна...»³³⁸

В письме от 12 мая к К. А. Полевому он отмечал, что некоторые русские солдаты, бежавшие в Цебельду или попавшие в плен³³⁹, «провели тут до 35 лет, женились, вывели детей». Далее сообщалось: «...Около 1-го июня мы двинемся за Гагры, там народ боевой и природа ужасная трудностями: надо будет по отвесным скалам пробивать дорогу под пулями врагов, под градом камней и стрел...»³⁴⁰. В письме к матери от 30 мая 1837 года из Сухума Марлинский сообщил: «Мы совершили поход в Цебельду и покорили ее почти без выстрела, дипломатикой»³⁴¹.

20 мая в Цебельде Марлинский написал письмо своему брату Павлу, в котором имеются такие строки: «Я имею счастье зевать теперь на высотах гор... Познакомился ли ты с Александром Розеном? Он очень добрый малый. Если да, то конечно получил и ответ мой на вопрос о совете Чиляева»³⁴². 30 мая он пишет из Сухума матери и тому же брату. Обращаясь к последнему, Марлинский писал: «Я не думаю и не надеюсь умереть скоро, но все-таки, на всякий случай, лучше простимся. Не худо сделаешь, если удержишь письмо к матери до следующего известия, чтобы не дать ей напрасного беспокойства»³⁴³. 31 мая Марлинский в Сухуме написал еще одно письмо брату Павлу³⁴⁴.

Два письма, адресованные А. А. Бестужеву-Марлинскому, утонули в бурной реке Кодор вместе с почтой. В связи с этим он писал из Сухума матери 30 мая 1837 года: «Реки здесь страшнее всех тигров и черкесов вместе»³⁴⁵.

Повествование об А. А. Бестужеве-Марлинском хочется завершить справедливыми словами Е. Г. Вейденбаума: «Бестужев, обаянный своею литературною славою Кавказу, не остался в долгу перед ним и отплатил ему: Кавказ, считавшийся до этого местом

³³⁵ Цит. по: Воспоминания Бестужевых, с. 364.

³³⁶ См.: АКАК, т. X, с. XXXIII.

³³⁷ Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д. и др. Указ. соч., с. 458.

³³⁸ РО ИРЛ, ф. 604, д. 4(5573), л. 100.

³³⁹ В другом письме А. А. Бестужев пишет, что численность их достигает до 120 чел. (Там же, РО, л. 98).

³⁴⁰ РВ, 1861, т. 32, № 4, с. 485.

³⁴¹ Там же, 1870, т. 88, № 7, с. 74.

³⁴² ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 76.

³⁴³ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 75.

³⁴⁴ См.: ОЗ, 1860, т. 131, № 7, с. 77—78.

³⁴⁵ РВ, 1870, т. 88, № 7, с. 75.

ссылки, «теплою Сибирью», как его называли, превратился, благодаря Марлинскому, в обетованную страну для всех пылких сердец, для всех непонятных романтических и демонических натур, для всех потерпевших сердечное или иное крушение в жизни»³⁴⁶.

С Черноморьем и Абхазией, как видели, соприкасался и *Владимир Дмитриевич Вольховский (Вальховский) (1798—1841)* — товарищ А. С. Пушкина по лицу, друг В. К. Кюхельбеккера и И. И. Пущина, член разных декабристских организаций³⁴⁷. В 1825 году он служил в гвардейском Генеральном штабе в чине капитана. Во время восстания находился в экспедиции. За причастность к движению декабристов Вольховский в сентябре 1826 года был отправлен на Кавказ — определен квартирмейстерским офицером в штабе Паскевича³⁴⁸.

Участник войн 1826—1829 годов с Ираном и Турцией, В. Д. Вольховский известен как выдающийся военный деятель. В 1827 году он был командирован в Тегеран для переговоров с персидским правительством об ускорении платежа контрибуции³⁴⁹. Затем он снова на поле битвы. В «Путешествии в Арзарум» А. С. Пушкина читаем: «...Увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною как старый товарищ»³⁵⁰. В 1828 году полковник (этот чин он получил за заслуги в русско-иранской войне) Вольховский назначается обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса. В 1830 году было решено направить его генеральным консулом в Египет, но в связи с начавшимся Польским восстанием временно командирован в Польшу, где и сблизился с генералом Г. В. Розеном — будущим своим начальником на Кавказе.

«Дружеские связи Вольховского с декабристами на Кавказе, его родственные связи с декабристом-свояком (А. Е.) Розеном — могли тоже повлиять на его службу... Вольховский не пользовался расположением Паскевича, напротив, был ненавидим им. Паскевич же пользовался особым расположением» Николая I³⁵¹.

С 1832 года Вольховский в чине генерал-майора состоял начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса³⁵². Он был избран на эту должность новым главнокомандующим на Кавказе бароном Г. В. Розеном. Вольховский, как отмечалось, «делал все,

³⁴⁶ [Вейденбаум Е. Г.]. Кавказские этюды. Тифлис, 1901, с. 272.

Общую литературу об А. А. Бестужева-Марлинском, кроме отмеченных, также см.: (Вознесенский С.) Библиографические материалы для словаря декабристов. Л., 1926, с. 15—19.

³⁴⁷ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 50—51; Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы, с. 71, 130, 550.

³⁴⁸ Шадури В. Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Тбилиси, 1979, с. 9—10; Нерсисян М. Указ. соч., с. 160—161.

³⁴⁹ АКАК, т. VII, с. 575, № 582.

³⁵⁰ Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах, т. VI. Л., 1978, с. 457.

³⁵¹ (Гастфрейд Н.). Товарищи Пушкина по императорскому царскому лицу, т. I. СПб., 1912, с. 138—139.

³⁵² АКАК, т. VIII, с. XI.

чтобы... облегчить положение ссыльных дворянских революционеров»³⁵³. Лица, близко знавшие его, писали, что он являлся «ангелом-хранителем всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших на Кавказ»³⁵⁴. Вольховский, в частности, заботился об А. А. Бестужева-Марлинском, приглашал его к себе, неоднократно удерживал от опасностей»³⁵⁵. А декабрист А. Е. Розен, переведенный на Кавказ в 1837 году, как родственник (своjak) часто бывал у него дома³⁵⁶. В названной выше книге профессора В. С. Шадури «Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов» приводятся ряд других интересных данных, которые характеризуют Вольховского как действительно покровителя сосланных на Кавказ дворянских революционеров. Так, бывший член Южного общества П. М. Леман 25 июля 1832 года писал Вольховскому: «Я не знаю как благодарить вас за все одолжения, мне вами делаемые». Вольховский переписывался и с частным к декабризму П. М. Устимовичем (Сахно-Устимович), который с начала 20-х годов служил в Грузии секретарем канцелярии главнокомандующего, дружил с Грибоедовым, встречался с Кюхельбеккером*. Выше уже говорилось о той большой заботе, которую Вольховский проявлял по отношению к А. А. Бестужеву-Марлинскому.

Надо сказать, что В. Д. Вольховский старался облегчить участь не только ссыльных декабристов, но и местного населения. Об этом свидетельствует, например, его письмо от 21 мая 1835 года на имя барона Розена в Петербург, в котором говорится: «...Необходимо также облегчить положение горских жителей, несущих самые тягостные повинности (...). Если бы Ваше высокопревосходительство нашло бы возможным избавить сих жителей от денежных податей, то сие было бы великим и справедливым для них благодеянием»³⁵⁷.

Вольховский и Грибоедов были питомцами пансиона Московского университета, но особенно они сблизились на Кавказе. Вольховский разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, принципиально отрицавших крепостное право³⁵⁸.

В 1837 году В. Д. Вольховский участвовал в военных действиях в Абхазии, а также командовал десантным отрядом при занятии Адлера³⁵⁹. Здесь он встречался с А. А. Бестужевым-Марлинским, М.-Ф. Ахундовым, Б. Г. Чилашвили (Чиляевым), С. Т. Званба. В том же году Вольховский был «переведен» с понижением в

³⁵³ Шадури В. Декабристская литература..., с. 216—217.

³⁵⁴ Ениколопов И. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954, с. 89.

³⁵⁵ Харьковские губернские ведомости, № 93, 1891.

³⁵⁶ РБС, т. 16, 1913, с. 381.

* Переписка В. Д. Вольховского и его корреспондентов хранится в фонде Е. Г. Вейденбаума Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (д. 1724—1855). В картотеке (словаре) последнего, на которую мы уже не раз ссылались, имеется также довольно подробная биографическая справка о Вольховском.

³⁵⁷ Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина..., т. I, с. 261.

³⁵⁸ Ениколопов И. Указ. соч., с. 158—159.

³⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6331, л. 44.

должности в Литву, а в 1839 году вышел в отставку³⁶⁰. «Двадцать лет,— писал он,— продолжал я службу... но 1837 год был пределом моего благополучия»³⁶¹.

Кавказ вынужден был также покинуть Г. В. Розен, человек «с почтенным боевым прошлым», в частности, участник Отечественной войны 1812 года. Розена признавали «относительно лучшим администратором того времени на Кавказе», который «не очень поклонялся» системе Паскевича. Современники также отмечали, что с удалением Розена и Вольховского «дела на Кавказе пошли хуже»³⁶². Николай I, лично посетивший край в 1837 году (между прочим, проездом из Поти он побывал тогда и в Гагре) и оставшийся недовольным положением дел*, отстранил и некоторых других служивших здесь офицеров, сочувственно относившихся к ссыльным декабристам. Кстати, сам Розен, этот «усерднейший и весьма трусливый царедворец», все же «иногда очень осторожно «покровительствовал» декабристам»³⁶³. В связи со всем этим положение декабристов, естественно, еще более ухудшилось.

Нельзя не оценить высоко и не признать мужеством поступок названных и подобных им офицеров, если иметь в виду установку деятелей типа графа Паскевича. Представляя к награждению участников взятия Карса, этот царский фаворит похвалялся: «Вообще разжалованных во всех сражениях употреблял я в первых рядах или в стрелках и всегда там, где предвиделось наиболее опасности...»³⁶⁴

Известный русский военный деятель на Кавказе и писатель Ф. Ф. Торнау³⁶⁵, знавший хорошо В. Д. Вольховского, дает последнему, можно сказать, восторженную характеристику. Это был умный, скромный и честный человек. «Его неутолимое трудолюбие,— пишет Торнау,— его добросовестность и его неизменно настойчивое требование служили для меня живым примером... Вникая сам во все, он предпочитал вместо укора собственным трудом исправить невольную ошибку подчиненного и ни в коем случае не позволял себе резких выражений... он был требователен к самому себе... он решался тратить на сон не более шести часов в сутки... Многотерпеливый страдалец чужого... он кончил тем, что был уда-

³⁶⁰ Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке.— КЭС, II, с. 181.

³⁶¹ ЦГВИА, ф. 14719 (гр.), оп. 3, д. 27, л. 1.

³⁶² Андреев В. Воспоминания из кавказской старины.— КС, 1876, т. I, с. 76. (Кстати, В. Андреев служил в войсках Отдельного Кавказского войска с 1816 по 1836 г.).

* Накануне, 9 ноября 1837 года, С. Г. Стишинский писал командующему войсками в Абхазии Б. Г. Чиляеву: «Писульку эту, вероятно, вы получите тогда, как наш великий путешественник побывает у вас или проедет Бомборы. Наш корпусной командир теперь в ужасном беспокойстве... Все мы опасаемся, что государь будет недоволен; дай бог, чтобы мы ошиблись: не то все наши надежды лопнули как мыльные пузыри, а может быть еще хуже будет». (РА, 1904, вып. I, с. 129).

³⁶³ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 157.

³⁶⁴ ЦГВИА, ф. 395, оп. 134/380, св. 381, д. 673, л. 4.

³⁶⁵ Подробнее о нем см.: Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1876.

лен из армии, когда же им же подготовленные успехи позволили обойтись без него»³⁶⁶.

Прослужив много лет на Кавказе, Вольховский мог и должен был приобрести немало познаний о крае и его населении. Об этом свидетельствует, например, составленная им «Ведомость народов, обитающим между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России, с означением народонаселения сих племен, степени их покорности к правительству и образа правления. 15 июня 1833 года». К этой «Ведомости» приложена «Карта народов, обитающих между морями Черным и Каспийским, на пространстве, подвластном России»³⁶⁷. В «Ведомости» и легенде на упомянутой карте приводятся названия народов и племен, населяющих значительную часть территории Кавказа, обозначения их численности и отметки о политической ориентации. В числе этих народов видим грузин, абхазов, адыгов (черкес) и др. *

С именем В. Д. Вольховского связан еще один важный материал. Это — рукопись штабс-капитана О. Г. Блома «Описание Абхазии 1828 года», заверенная Вольховским³⁶⁸. А в рапорте от 25 января 1819 года на имя генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-адъютанта Сухтелена Вольховский сообщал данные об этом материале³⁶⁹. Рукопись, помимо общих географических и военно-топографических сведений, содержит перечень населенных пунктов Абхазии с указанием числа дворов, описание крепостей и укреплений, краткие сведения о занятиях населения, торговле, праве, военном деле, одежде, нравах, религии и т. д. «По моему мнению,— писал Вольховский,— г. Блом исполнил сие поручение с таким успехом, каковой только позволяли ограниченные местные средства и встреченные им препятствия...»³⁷⁰

В этом отношении представляет интерес и встреча Вольховского в Тифлисе с известным французским ученым-исследователем Кавказа Ф. Дюбуа де Монперэ *. В письме к нему от 3 (15) января 1834 года Вольховский писал: «Monsieur, если Вы располагаете сегодня временем, Вы очень обяжете меня, оказав мне честь прийти ко мне обедать после полудня»³⁷¹.

Надо полагать, что в изучении Абхазии, как и всего Западного Кавказа, большой интерес для Вольховского представили сведения русского военного лазутчика Ф. Ф. Торнау, о ком подробнее

³⁶⁶ [Торнау Ф. Ф.]. Воспоминания о Кавказе и Грузии.— РВ, 1869, № 2, с. 425—426.

³⁶⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1060, ч. I, л. л. 68—79 и карта.

* В материалах Вольховского, к сожалению, имеются ошибки и неточности. Например, садзов (джигетов) он причисляет к черкесам. То же самое делает Вольховский безоговорочно и по отношению к убыхам, а Грузию разобщает. Неточные и цифровые данные.

³⁶⁸ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19242, л. л. 2—15.

³⁶⁹ Там же, л. л. 1—1 об.

³⁷⁰ Там же, л. 1 об.

* Ф. Дюбуа де Монперэ в 1833—1834 годах совершил научное путешествие по Крыму и Кавказу, в результате чего появилось его многотомное фундаментальное исследование «Voyage autour du Caucase...». Paris, 1839—1843.

³⁷¹ Архив ЛО АН СССР, ф. Ф. Дюбуа де Монперэ, оп. I, д. 36, л. 21.

будет сказано ниже. Именно ему поручил Вольховский «осмотреть тайным путем морской берег»³⁷². В рапорте на имя генерала Вольховского от 20 февраля 1835 года из Бамборы Торнау так и писал: «Вследствие приказа, данного мне вашим превосходительством, я по прибытии своем в Абхазию немедленно занялся изучением способа к проезду от Гагр к Геленджику для осмотра дорог, пролегающих между семи местами»³⁷³. Вольховский встретил Торнау в Тифлисе «с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя на сообщение сведений»³⁷⁴.

Представляет интерес и предположение участия В. Д. Вольховского, вместе с П. А. Бестужевым, М. И. Пушиным и Н. В. Всеволожским, в издании газеты «Тифлиссские ведомости»³⁷⁵.

Еще об одном важном факте. Летом 1837 года Вольховский на Северном Кавказе познакомился с сосланным сюда Лермонтовым и по просьбе его друга А. И. Философова * протезировал великому поэту³⁷⁶. Был он также старинным приятелем А. Г. Чавчавадзе — человека передовых взглядов, выдающегося грузинского поэта и общественного деятеля.

После Кавказа В. Д. Вольховский служил в западных губерниях бригадным командиром. Но поскольку здесь он попал под начальство «нерасположенного к нему» Паскевича, то и «нашелся вынужденным» выйти в отставку в феврале 1839 года и поселиться в Изюмском уезде по соседству с лицейским товарищем Малиновским, на сестре которого Вольховский был женат. Пенсионную пенсию и аренду обращал он, в основном, на устройства дела родных и на уплату подушных за крестьян своей жены. Однако жил он уже недолго: 7 марта 1841 года умер³⁷⁷.

В личном архиве известных революционеров и общественных деятелей Вороновых³⁷⁸, находящемся в бывшем их имении («Ясочка») в Цебельде Абхазской АССР, сохранились некоторые сведе-

³⁷² (Торнау Ф. Ф.) Воспоминания кавказского офицера, ч. I, с. 13.

³⁷³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 2, 1835 г., д. 23, л. 10.

³⁷⁴ (Торнау Ф. Ф.) Указ, соч., ч. I, с. 13.

³⁷⁵ Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М., 1973, с. 274.

* А. И. Философов, боевой товарищ В. Д. Вольховского (они вместе участвовали в иранской и турецкой «кампаниях»), будучи человеком образованным и передовым, дружил с декабристами, враждался в литературных кругах России и Грузии, хорошо знал А. С. Пушкина. Был он родственником М. Ю. Лермонтова (Шадури В. Покровитель..., с. 42—43).

³⁷⁶ Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 311, 350.

На письмо А. И. Философова с просьбой покровительствовать опальному поэту, В. Д. Вольховский отвечал (8 августа 1837 года): «Не нужно тебе говорить, что я готов и рад содействовать добрым твоим намерениям на счет его... По возвращении Лермонтова из экспедиции постараюсь действовать на счет его в твоём смысле» (Литературное наследство. М., 1978, № 45—46, с. 679—680).

³⁷⁷ Грот Я. Старина Царскосельского лицея.— РА, 1875, № 4, с. 482.

³⁷⁸ О них: Лейберов И. П. Цебельдинская находка. М., 1980.

ния о декабристе *Михаиле Ивановиче Старове* ³⁷⁹. Был он родом из Москвы.

Ветеран партии и труда, правнучка Старова Л. Н. Воронова (1879—1967) сообщает следующие сведения о декабристе: «Михаил Старов... участвовал в Отечественной войне 1812 года; пройдя весь ее трагический путь от границы до горящей Москвы, а затем до Парижа и обратно. Общие труды и защита Родины сблизили командира Михаила Старова с солдатами, а его демократизм усилился благодаря свободолобивым идеям Великой французской революции. Он стал декабристом. Благодаря этому он попал в ссылку на Кавказ и в духе демократизма и свободы воспитал свою дочь Веру Михайловну, мою бабушку», которая около 1847 года вышла замуж за польского революционера майора Константина Прогульбицкого, семья которого «свято чтит правило декабристов» ³⁸⁰.

С 1834 года майор М. И. Старов служил в 14-м гренадерском Грузинском полку и в составе его подразделения принимал участие в цебельдинской экспедиции барона Розена 1837 года ³⁸¹. Дослужился М. И. Старов до чина полковника. В 1867 году его старшая дочь Александра вышла замуж за Н. И. Воронова. Умер Старов в 70-х годах и похоронен в Абастумани.

В семье Вороновых сохранились и некоторые предметы, принадлежащие Михаилу Ивановичу Старову, а именно: басни Крылова, (СПб., 1848) и песни Беранже (СПб., 1858, перевод В. Курочкина), спичечница деревянная в виде фигуры чиновника в домашнем халате, фотографии Старова конца 50-х — начала 60-х годов.

С 1837 года на Кавказском Черноморье начинается деятельность генерала *Николая Николаевича Раевского (1801—1843)*, что имело важное значение для этого края и судеб находившихся здесь декабристов. Н. Н. Раевский — друг А. С. Пушкина (как известно, великий поэт посвятил ему и свою поэму «Кавказский пленник»),

³⁷⁹ ЦГАА, ф. 833, д. 25.

³⁸⁰ Там же, л. 3.

³⁸¹ (Махлаук Н. П.) Грузинцы в Закавказье. Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляровского полка. Тифлис, 1900, приложение I, с. 20.

* На театр военных действий генералом Н. Н. Раевским был взят и Николай вместе с другим своим сыном. Подвиг Раевского и его молодых сыновей был воспет В. А. Жуковским в его известном стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Небезынтересно также отметить, что в доме Н. Н. Раевского-старшего в Киеве часто бывали южные декабристы. Именно здесь С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин в 1823 году узнали от польского отставного генерала графа Ходкевича о существовании Польского тайного политического общества (Медведская Л. А. Южное общество декабристов и польское патриотическое общество.— Очерки по истории движения декабристов. М., 1954, с. 279).

деятель декабристского круга, сын знаменитого героя Отечественной войны 1812 года, показавшего чудеса храбрости в сражении с кавалеристами наполеоновского маршала Даву*. Полковник Н. Н. Раевский вместе с братом Александром в 1825 году был арестован по делу декабристского движения. Правда, вскоре братьев Раевских освободили, но, как свидетельствовал декабрист Н. И. Лорер, их «взяли на замечание и считали либералами и опасными людьми»³⁸². Сестра Раевских, Мария Николаевна,— жена декабриста С. Г. Волконского³⁸³, а другая сестра, Екатерина Николаевна,— жена декабриста М. Ф. Орлова³⁸⁴. Отец их, принадлежавший к числу наиболее образованных, гуманных и патриотически настроенных генералов³⁸⁵, был известен как либерально настроенный деятель, в доме которого часто бывали декабристы и польские революционеры³⁸⁶. Известно также, что декабристы намечали Раевского членом Временного верховного правительства.

По словам Г. И. Филипсона, одного из образованнейших офицеров Кавказской армии, Н. Н. Раевский еще в молодости увлекался героями Великой французской революции и «был замешан в драме, окончившейся кровавою развязкою 14 декабря»*. И сам Филипсон, который во время восстания декабристов учился в школе юнкеров в г. Могилеве, «попал на дурное замечание у начальства»³⁸⁷. Между прочим, время, когда он начинал военную службу, называл «варварским, кровожадным временем», особенно для «бедных солдат» — «25-летний срок (службы) продолжителен до нелепости»³⁸⁸.

В 1826 году Н. Н. Раевский был сослан на Кавказ за «прикосновение» к декабристам, после заключения в Петропавловской кре-

³⁸² Лорер Н. И. Записки. М., 1931, с. 203.

³⁸³ М. Н. Волконская — одна из первых жен декабристов, которая в 1827 г. последовала за мужем в Сибирь и жила там до 1855 г. Подвиг ее опозитирован Н. А. Некрасовым в «Русских женщинах». С. В. Волконский до конца жизни сохранял верность революционным воззрениям. Резко критиковал реформы 60-х гг. за их половинчатость. Одобрял пропаганду Герцена и Огарева, с которыми он встречался за границей.

³⁸⁴ М. Ф. Орлов после ссылки, с 1831 г. жил в Москве, где пользовался значительным влиянием в кругах оппозиционной общестственности. Изучал экономико-социологические проблемы. В 1833 г. опубликовал анонимно книгу «О гос. кредите», антифеодалную по своей направленности.

³⁸⁵ А. С. Пушкин, который высоко ценил Н. Н. Раевского, писал (1820 г.) о нем: «...Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой, снисходительного, попечительного друга... Он невольно привлечет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества» (Цит. по: Задонский Н. Денис Давыдов. М., 1959, с. 630, прим. 10).

³⁸⁶ Ольшевский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959, с. 82, 84.

Между прочим, в селе Разумовском Кировоградской области находится фамильная усыпальница Раевских. Здесь, в бывшей церкви, открыт общественный историко-краеведческий музей. В 1968 году правнук героя Отечественной войны 1812 года Раевского Петр Михайлович Раевский, проживающий во Франции, передал в дар уникальный портрет прадеда с дарственной надписью.

* Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 156.

³⁸⁷ Там же, с. 31.

³⁸⁸ Там же, с. 17—18.

пости³⁸⁹. Командуя Нижегородским полком, кстати, стоявшим в Кахети (в урочище Карагач), он отличился в войнах с Ираном и Турцией в 1826—1829 годах³⁹⁰. Недаром А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзарум» рисует его как одного из талантливейших военачальников.

Но недоверие к Раевскому оставалось по-прежнему. В рапорте дежурного генерала Главного штаба от 17 сентября 1831 года читаем: «Государь император высочайше повелеть соизволили уведомить Ваше высокопревосходительство, дабы за прибывшим сюда, состоящим по кавалерии генерал-майором Раевским, учрежден был строгий тайный надзор»³⁹¹.

Между прочим, в рядах Нижегородского полка было немало грузинских воинов-солдат и офицеров, со многими из которых мог познакомиться великий поэт во время своего пребывания в этом полку. Александр Чавчавадзе, например, весьма уважал Раевского и сочувствовал ему³⁹². Кстати, Чавчавадзе, как известно, был близок со многими декабристами, сосланными после поражения восстания в войска Кавказского корпуса, а Грибоедову доводился тесем.

С 1837 года деятельность Н. Н. Раевского переносится на Кавказское Черноморье, где в начале был начальником 1-го отделения Черноморской береговой линии³⁹³, а с января 1839 года — всей Линии (с произведением в генерал-лейтенанты³⁹⁴), которой царское правительство придавало большое значение для прочного завоевания северо-западной части Кавказа. Эта Линия, с одной стороны, отрезала горцев от морских сношений с Турцией, а с другой — лишала их возможности пользоваться зимой пастбищами в прилегающей к морю зоне, что в суровые зимы приводило к массовому падежу скота. Словом, учреждение Черноморской береговой линии и занятие побережья русскими укреплениями, говоря словами Ф. А. Щербины, «было логическим следствием тех задач,

³⁸⁹ О Г. И. Филипсоне см.: АКАК, т. X, с. XXXII.

³⁹⁰ Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан., с. 222.

Когда-то, во времена императрицы Екатерины II, этим полком командовал его отец Николай Николаевич Раевский, который в возрасте 22 лет, женившись на племяннице М. В. Ломоносова, получил назначение на Кавказ. (Задонский Н. Денис Давыдов. М., 1959, с. 61). Под начальством Раевского «началась» на Востоке слава сего полка, которая потом утвердилась столь блистательно под командованием сына его, в последних войнах против Персии и Турции. (Давыдов Д.) Замечания на некрологию Н. Н. Раевского. М., 1832, с. 4).

³⁹¹ ЦГАОР, ф. 109, от. III, I экспед., 1831 г., д. 586, л. 1.

³⁹² Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность, с. 201.

³⁹³ В связи с назначением Н. Н. Раевского на эту должность поэт В. А. Жуковский в конце апреля 1838 года писал: «Хотя мне и жаль, очень жаль Вельяминова (умер 27 марта 1838 года.— Г. Д.), моего доброго, старого приятеля и соученика., но я рад, что Раевского толкнули в дело, ибо он мастер своего дела и с Кавказом сладит.» (Архив Раевских, т. III, с. 412).

³⁹⁴ 23 мая 1839 года вышел приказ № 1 Раевского по Черноморской береговой линии о подчинении ему всех укреплений на восточном берегу Черного моря и о назначении начальников 1-го и 2-го отделений Черноморской береговой линии в Новороссийске и Сухуме (ЦГВИА, ф. 90, д. 114).

которые преследовала Россия в своих отношениях к Турции и Кавказу»³⁹⁵.

Эта система военных укреплений, построенная в 30—40-х годах XIX века, играла важную роль также в борьбе против работорговли и контрабандного ввоза товаров. Не лишена была она и известного экономического значения.

К созданию надежной системы защиты Черноморского побережья Кавказа Россия приступила тотчас же после Андрианопольского мира 1829 года, когда началось вмешательство иностранцев в ее войну с горцами. Русское правительство вместе с тем усиливает блокаду берегов в данном районе, что создает угрозу колониальной торговле Англии. Во внешнеполитических же планах последней Западный Кавказ занимал особое место. Англия вместе с Турцией всячески стремились помешать укреплению береговой линии, ослабить Россию с тем, чтобы самим укрепиться на северовосточном берегу Черного моря³⁹⁶. Они разжигали борьбу горцев против присоединения Кавказа к России. За один только 1830 год к берегам Кавказа прибыло из Турции до 200 английских и турецких судов с военными грузами³⁹⁷.

Такой активности способствовала, особенно в ночное время, незащищенность побережья, открытого с моря. Поэтому форсированию строительства охранной береговой линии уделялось большое внимание. Наиболее рациональной представлялась идея адмирала М. П. Лазарева, предложившего взамен сооружения дорогостоящей прибрежной дороги высадку охранных десантов с моря. Лазарев учитывал, что прокладке дороги мешали горы, а строительные отряды постоянно подвергались нападениям³⁹⁸. При этом он опирался на возросшие возможности Черноморского флота, которым командовал с 1831 года и довел его до состояния высокой боеспособности³⁹⁹. Высадкой десантных войск обычно руководил сам Лазарев. Он действовал в тесном контакте с командующим десантным отрядом Раевским, который, в свою очередь, высоко ценил способности Лазарева и был готов постоянно работать с ним. Отметим также, что руководимый адмиралом Лазаревым Черноморский флот играл большую роль в борьбе с контрабандой и работорговлей в рассматриваемом районе⁴⁰⁰.

Вся система Черноморской береговой линии (укрепления, кре-

³⁹⁵ Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринодар, 1913, с. 292.

Черноморская береговая линия, сформированная 5 апреля 1839 г. для управления всеми укреплениями на восточном берегу Черного моря, 24 апреля 1859 г. была переименована в гражданскую канцелярию командующего войсками Правого крыла Кавказской линии, а 11 января 1869 г.— упразднена. (См.: ПСЗРИ, 1839 г., ст. 12208; 1846 г., ст. 20707; 1859 г., ст. 34410; 1869 г., ст. 46652).

³⁹⁶ Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России, с. 27—29.

³⁹⁷ Островский Б. Лазарев. М., ЖЗЛ. 1966, с. 150.

³⁹⁸ Там же, с. 150—151.

³⁹⁹ Литвинов М. Черное море. СПб., 1881, с. 51—52.

⁴⁰⁰ Островский Б. Указ. соч., с. 150, 152.

пости и форты — в устьях рек, населенных пунктах и плодородных долинах), тянувшаяся на протяжении 500 километров, разделялась на четыре отделения: первое из них простиралось от устья Кубани до середины расстояния между Новороссийской и Геленджикской бухтами, второе — между Геленджиком и фортом Головинским, третье начиналось фортом Навагинским и тянулось до села Илори, а четвертое, законченное в 1843 году, — до поста Св. Николая (Шевкетили), т. е. до турецкой границы. На территории Абхазии, включенной в третье отделение, находились укрепления Гагра, Пицунда, Бамбора и Мрамба (в Цебельде), крепость Сухум (местопребывание начальника отделения) и посты Дранда, Кви-тоул и Илори. Рядом с крепостями было организовано прибрежное плавание; суда Черноморского флота постоянно крейсировали вдоль этой линии ⁴⁰¹.

Гарнизоны укрепления составлялись преимущественно из черноморских линейных батальонов. Эти части оставались на одних и тех же местах без смен во все время существования Черноморской береговой линии, т. е. до Крымской войны. «Через это люди, оставаясь как будто взаперти, впадали в уныние и подвергались болезням, усилившимся еще более вследствие губительного для здоровья климата и изнурения сил, происходившего от тревожной жизни» ⁴⁰². Гарнизонам, находившимся «в постоянной борьбе как

⁴⁰¹ Военно-стратегическое обозрение Российской империи, т. XVI, СПб., 1853, с. 36—37; ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, лл. 83 об—85 (Лекции графа Н. П. Игнатъева в Военной академии генштаба по военной географии на тему «Кавказский край», 1852)

⁴⁰² Васильев Е. Черноморская береговая линия. 1834—1835 гг. (Из Кавказской войны).— ВС, 1874, № 9, с. 8.

с климатом, так и с врагом», «приходилось иногда по целым месяцам питаться черствыми сухарями и кониною»⁴⁰³.

Поэт-моряк, современник Пушкина Е. П. Зайцевский * в стихотворении «Е. Ф. Р-ой» так отразил положение и настроение указанных гарнизонов:

...И вот теперь живем в Сухумел
...С весной роскошной и живой
Глядим на дивную природу * —
В ее горах, лесах, снегах!
Мы пьем чихирь, а чаще воду,
Горим на солнечных лучах,
Тоски любви, разлуку горе
Кой-как влачим на Черном море
И озираемся назад,
Нейдет ли сменный к нам отряд.⁴⁰⁴

⁴⁰³ Литвинов М. Указ. соч., с. 50.

* Из стихотворения Е. П. Зайцевского «Памяти Пушкина»:

Тебя уж нет для нас, поэт!
Мы в сиротстве остались грустном;
Но мой заряжен пистолет,
И на твоём убийце гнусном,
России мщением зажжен,
Он будет мною разряжен (...)

(Цит. по: «Временник Пушкинской комиссии. 1976». Л., 1979, с. 61).

О Ефиме Петровиче Зайцевском (1801—1861), служившем на Черноморском флоте с 1817 года, см.: Вагнер С. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. 1. Пг., 1915, с. 289; РБС, т. 7, Пг., 1916, с. 179.

* Между прочим, «о дивной природе» Абхазии с чувством горячей любви к этому краю Е. П. Зайцевский писал (Сухум, 6 июня 1823 года) в стихотворении «Абхазия» (напечатано впервые в альманахе «Полярная звезда на 1825 год», с. 112):

Забуду ли тебя, страна очарований!
Где дикой красотой пленялся юный ум,
Где сердце силою пленительных мечтаний
Узнало первые порывы смелых дум
И в даль несло восторг живейших удивлений!
 Волшебный край! приют цветов!
 Страна весны и вдохновений!
Где воздух напоен дыханием садов
И горный ветерок жар неба прохлаждает,
Где нега томная в тиши густых лесов
К забвенью и мечтам так сладостно склоняет!
 Где поражают робкий взор
Кавказа льдяные зубчатые вершины,
Потоки быстрые, леса по цепи гор,
Аулы... и темные долины!
Где все беседует с восторженной душой!
 Там сладостно ночей течение,
 Роскошны сны и тих покой!
Там в грудь мою лились восторг и наслажденье,—
И я дышал огнем поэзии святой!

⁴⁰⁴ Цит. по: Русские писатели о Грузии. Сост. Шадури В. Тбилиси, 1948, с. 410.

Потому именно в эти войска и направлялись многие декабристы и их единомышленники. Они стремились попасть в части к Раевскому. «Человек рыцарской честности и неотразимого обаяния, Раевский привлекал к себе декабристскую молодежь своим общительным и веселым характером, простотой и гуманностью»⁴⁰⁵.

Начало деятельности Раевского на Черноморье совпало с усилением наступления царизма на Западном Кавказе с целью окружить горские племена и отрезать их от Черного моря. В 1838—1839 годах под его командованием и завершается постройка укреплений, тянувшихся от Гагры до Геленджика. В 1837 году в этом деле предшествовал ему командующий правым флангом Кавказской линии и Черноморья генерал А. А. Вельяминов — также один из передовых военачальников на Кавказе. О нем А. А. Бестужев-Марлинский писал, что он «отличный генерал и отличный человек»⁴⁰⁶. В частности, «он не боялся декабристов, которых много к нему в войска приходили. Вельяминов обращался с ними учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами»⁴⁰⁷. А когда в сентябре 1837 года Николай I высадился в Геленджике и приказал Вельяминову подать список разжалованных, «которых было много в отряде»⁴⁰⁸, генерал «осмелился не сделать этого»⁴⁰⁹.

Много разжалованных на короткое или длительное время находилось и в отряде Н. Н. Раевского. Среди них видим целую группу декабристов, разбросанных намеренно по разным полкам (Тенгинский, Кабардинский, Навагинский, Куринский). Это были: А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, А. И. Черкасов, М. Н. Нарышкин, В. Н. Лихарев, К. Г. Игельстром, Н. А. Загорецкий и др. замечательные представители, «богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног» (Герцен). Они с мест их сибирского поселения были определены рядовыми в названные части Кавказского Отдельного корпуса в 1837 году, причем по ходатайству наследника цесаревича в указанном году в сопровождении поэта Жуковского по Западной Сибири. Николай I считал, что их «путь в Россию ведет через Кавказ»⁴¹⁰. Декабристы должны были находиться «под строгим присмотром и с тем, чтобы они непременно несли строевую службу по их званию и без всяких облегчений»⁴¹¹.

Н. М. Сатин, один из близких университетских товарищей Герцена и Огарева и высланный из Москвы по их делу, который осенью 1837 года в Ставрополе встречался с декабристами Нарышкиным, Лорером, Розеном, Лихаревым, Назимовым и Одоевским, писал в своих воспоминаниях: «Несмотря на 12 лет Сибири,

⁴⁰⁵ Шадури В. «Дух общества». — Заря Востока, 26 декабря 1975 г.

⁴⁰⁶ РВ, 1861, ст. 32, № 4, с. 464.

⁴⁰⁷ Филиппсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 115.

⁴⁰⁸ Там же, с. 142.

⁴⁰⁹ А. А. Вельяминов умер в марте 1838 года. На его место временно был назначен генерал Н. Н. Раевский, а через некоторое время — генерал П. Х. Граббе.

⁴¹⁰ См.: Гессен А. Во глубине сибирских руд... М., 1965, с. 262.

⁴¹¹ ЦГВИА, ф. 395, канц., стол 2, 1837 г., оп. 274, д. 68, лл. 1—2, 9—10.

все они сохранили много жизни, много либерализма... Но из всех веселостью, открытою физиономией и игривым умом отличался Александр Одоевский»⁴¹².

Всем названным декабристам, за исключением Розена и Назимова, в 1838 году пришлось участвовать в военной экспедиции на еще незанятую часть Черноморского побережья. Были здесь и другие разжалованные лица. Участник экспедиции поэт М. Ф. Федоров⁴¹³ об этом «обществе разжалованных» писал: «Тут можно было найти всякие личности, начиная от польского ксендза, русского священника, студента, чиновника, офицера, до высшей аристократии — баронов, графов и князей; причины же деградации (понижения.— Г. Д.) всех этих лиц были еще разнообразнее; или были: начиная от самого низкого, гнусного порока или преступления — до самых возвышенных, но, по закону государственному, преступных понятий о чести, человеколюбии, самоотвержении, правах человека и т. д. Закон книжный все это выравнивал и, заклеив званием солдата, долженствовавшим бы, кажется, быть почтенным для всех, нас поставил на одну доску»⁴¹⁴.

Десантный отряд, которым командовал Раевский, собрался в Тамани, кстати, «славившейся» как «самый скверный городишка из всех приморских городов России» (М. Ю. Лермонтов «Тамань»). Старые товарищи по сибирской ссылке встретились здесь с большой радостью. Примечательным было и другое событие. По сообщению известного грузинского историка С. С. Эсадзе, в лагере у Тамани декабристы виделись и с Н. П. Огаревым⁴¹⁵, с которым они уже встречались в Ставрополе. Выдающийся революционный демократ посвятил им свои вдохновенные стихотворения «И если б мне пришлось прожить еще года...» и «Я видел вас, пришельцы дальних стран». Эта встреча — яркий показатель связи между русскими революционерами двух поколений. «Встреча с Одоевским и декабристами,— писал Огарев,— возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, и я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь... Это чувство меня не покидало»⁴¹⁶.

⁴¹² Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895, с. 242—243.

⁴¹³ М. Ф. Федоров был разжалован из поручиков Могилевского пехотного полка и прибыл рядовым на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк, в 1836 году («Черноморский вестник», 5 марта 1900 г., № 52). Он писал о себе следующее: «Я над собою испытал сильное нравственное влияние патриотических сочинений Державина, Жуковского, Рыльева и других... Это были мои наставники о нравственной философии. Одаренный от природы большою памятью, особенно для стихотворений, я, получив ничтожное, одностороннее военное образование, сохранил и сохраняю до смерти святые истины, высказанные в стихах подобными поэтами...» (Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год.— КС, 1879, т. III, с. 133).

⁴¹⁴ Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 115.

⁴¹⁵ См.: ЦГИАГ, ф. 1438, оп. I, д. 599, л. 45 об.

Эту версию повторяет и А. А. Олонекский в книге «Из истории великой дружбы» (Тбилиси, 1954, с. 48—49).

⁴¹⁶ Огарев Н. П. Кавказские воды.— Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 406.

Экспедиционный отряд Раевского двигался со стороны Таманского полуострова, а со стороны Абхазии — десантный отряд генерала А. М. Симбирского (в нем состоял и абхазский владетель М. Г. Шервашидзе). Войска были посажены на суда Черноморского военного флота под личным наблюдением генерал-адъютанта М. П. Лазарева. 11 апреля отряд Симбирского был высажен у устья реки Сочи, в земле убыхов, и, «не взирая на самое упорное сопротивление со стороны горцев», занял намеченный пункт, где, на левом берегу названной реки, основали Навагинское военное укрепление ⁴¹⁷.

Войска отряда генерала Раевского 12 мая высадились при устье реки Туапсе, где им было возведено укрепление под названием Вельяминовское. Затем было занято устье реки Шапсуго и возведено укрепление Тенгинское. На месте же прежней турецкой крепости Суджук-Кале при устье реки Цемес была заложена крепость, впоследствии — город Новороссийск ⁴¹⁸.

Между прочим, экспедиция ознаменовалась и трагическим случаем для нее. В ночь с 30 на 31 мая сильная буря сокрушила у устьев рек Сочи и Туапсе 1 фрегат, 1 корвет, 1 транспорт, 1 бриг, 2 тендера, 1 пароход и 15 купеческих кораблей ⁴¹⁹.

Отряд Раевского простоял на Шапсуго до начала сентября 1838 года. Но несколько раньше больных солдат отвезли в военный госпиталь в Тамань. Известный уже нам унтер-офицер М. Ф. Федоров тоже попал в этот госпиталь, где он встретился с декабристами Лорером, Черкасовым и Лихаревым, а также разжалованным же студентом Московского университета П. А. Антоновичем. Вот что он пишет об этих лицах: «Все они были прекрасного образования и замечательной доброты сердца; на вид, Лихареву и Черкасову было не более как за 35 лет, Лореру далеко за 40» ⁴²⁰.

После лечения в госпитале Федоров еще некоторое время находился в Тамани, где он часто встречался на прогулках с Лорером и Черкасовым. Здесь квартиру нанимал и М. М. Нарышкин, с которым Федорова познакомил Черкасов. Нарышкин принял его «как добрый человек знатного происхождения, с хорошим образованием» ⁴²¹.

В апреле 1839 года сборный отряд Раевского осуществляет новую экспедицию для занятия других пунктов указанного участка Черноморского побережья. Он состоял из навагинского и тенгинского полков и двух рот кабардинского полка, нескольких казачьих сотен и саперного батальона. Должность начальника штаба Раевский предложил Г. И. Филипсону, возложив на него

⁴¹⁷ АКАК, т. IX, с. 282.

Подробнее см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339.

⁴¹⁸ Юрков А. Три года на Кавказе (1837—1839).— КС, 1884, т. VIII, с. 118 и сл.; Шишкевич М. М. Покорение Кавказа.— История русской армии и флота. М., 1911, вып. 6, с. 74.

⁴¹⁹ АКАК, т. IX, с. 282; Юрков А. Указ. соч., с. 178 и сл.

⁴²⁰ Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 152.

⁴²¹ Там же, с. 155.

же составление управления Черноморской береговой линии. «Краеугольным камнем» этого управления были прапорщик П. А. Антонович, о котором будет сказано ниже, и два писаря из строевых солдат линейных батальонов, куда они были сосланы за участие в Севастопольском восстании 1830 года. Они имели «полную свободу» выбирать штабных чиновников из названных батальонов, куда посылали обыкновенно офицеров из армий за наказание или из кадетских корпусов «за дурное поведение». Среди них, а особенно между посланными «за политические преступления», было много людей «очень способных и очень надежных»⁴²². Это были прежде всего названные выше «пришельцы дальних стран». Последние еще раз сошлись в Тамани. Они решили отпраздновать свою новую встречу. На вечеринке был и служивший в это время на Кавказе Л. С. Пушкин, который в «дворянской палатке» Одоевского с жаром прочел наизусть поэму своего брата «Цыганы»⁴²³.

В конце апреля Таманский отряд под начальством Раевского опять был погружен на эскадру Черноморского флота и под предводительством же Лазарева, который имел свой флаг на корабле «Силистрия», 3 мая высажен в устье реки Субаш, а в начале июля — в устье Псезуапсе. После возведения в названных пунктах укреплений, отряд возвратился в Анапу, но вскоре был направлен на сооружение промежуточного укрепления между этим пунктом и Новороссийском. Первое укрепление было названо фортом Головинским, второе — Лазарева и последнее — Раевского. Итак, в основном, была завершена Черноморская береговая линия⁴²⁴.

Ниже приводятся краткие сведения о каждом из упомянутых декабристов, участников экспедиций Раевского 1838 и 1839 годов. Но прежде всего следует отметить, что декабристы, как и другие опальные лица, сами стремились в отряд Раевского, им симпатизировавшего. Не случайно историк С. С. Эсадзе один из параграфов своей рукописной работы «Декабристы на Кавказе» назвал: «Николай Николаевич Раевский и его популярность среди декабристов»⁴²⁵.

Последние во время отмеченных выше военных операций находились под пристальным наблюдением Раевского. Как писал Е. Г. Вейденбаум, Раевский «не уклонялся вне службы от общества разжалованных офицеров»⁴²⁶. Еще в 1829 году говорили, что он, будучи командиром Нижегородского драгунского полка, «наполнил свой штаб большей частью из декабристов и ссыльных офицеров»⁴²⁷. Декабрист В. М. Голицын впоследствии отмечал «гуманное обращение» Н. Н. Раевского, который «приглашал всегда запросто

⁴²² Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 186.

⁴²³ Одоевский А. И. Полн. собр. соч. и писем, с. 236; Попов А. В. Одоевский на Кавказе, с. 236.

⁴²⁴ АКАК, т. IX, с. 285; Юрков А. Указ. соч.— КС, 1885, т. IX, с. 115 и сл.; Шишкевич М. М. Указ. соч., с. 74.

⁴²⁵ См.: ЦГИАГ, ф. 1438, оп. I, д. 599, л. 33 об.

⁴²⁶ Вейденбаум Е. Декабристы на Кавказе.— РС, 1903, т. CXIV, кн. VI, с. 489.

⁴²⁷ Воспоминания братьев Бестужевых, с. 87.

у него обедать и проводить вечера, избавлял его от караулов и фронтальной службы»⁴²⁸. Главнокомандующий на Кавказе — «ревнивый к своей славе» царский фаворит И. Ф. Паскевич, который пытался выместить на талантливом и популярном молодом генерале свою зависть и злобу, — в письме на имя императора случай встречи Раевского с декабристом З. Г. Чернышевым и с разжалованными за принадлежность к польскому тайным обществам Николаем Ворцелем и Станиславом Карвицким и другими опальными лицами расценивал как признак того, что «дух сообщества существует», и считал удаление Раевского делом весьма полезным⁴²⁹. Было произведено следствие над Раевским «за проезд его в обществе государственных преступников...»⁴³⁰. В результате Раевский был отстранен от командования полком и даже получил домашний арест на 8 дней.

Правда, впоследствии Раевский, стремясь оградить себя от возможных новых неприятностей, в отношениях с декабристами стал более осторожен. А в подписанном им в Тамани приказе от 26 апреля 1838 года даже говорилось: «Предлагаю гг. полковым командирам и частным начальникам иметь бдительный надзор, дабы разжалованные не имели с гг. офицерами никаких общественных сношений, не соответствующих их положению»⁴³¹. И декабристы устами Н. И. Лорера заявляли: «Наученный опытом, Раевский нас боялся, да и мы его избегали, чтобы неволью не ввести его в неприятное положение, т. к. донощиков расплодилось многое множество»⁴³².

Тем не менее Раевский в этом вопросе оставался по существу самим собой. Так, например, в декабре 1838 года он из крепости Анапа послал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу П. Х. Граббе «список по форме» отличившихся в экспедиции «государственных преступников» А. П. Вегилина, М. А. Назимова и В. Н. Лихарева с просьбой о представлении их к награде⁴³³.

Более того, Н. Н. Раевский, будучи уже начальником Черноморской береговой линии, выступает с острой критикой официальной политики на Кавказе, что усугубило неприязненное отношение к нему со стороны кавказского начальства. Положение Раевского осложнялось тем, что в это время главнокомандующим на Кавказе был генерал Е. А. Головин — ярый реакционер, мистик и психопат, один из активных участников подавления восстания декабристов. Это о нем говорил генерал А. П. Ермолов, с обычной ему колкостью, что Головин столь же военный человек, сколько он, Ермолов, митрополит⁴³⁴.

⁴²⁸ Раевская Е. Из памятной книжки.— РА, 1883, вып. 2, с. 295.

⁴²⁹ Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III. СПб., 1894, с. 147.

⁴³⁰ Потто В. Указ. соч., т. III, с. 147, 168.

⁴³¹ Цит. по указ. статье Д. Гиреева и С. Недоумова, с. 150.

⁴³² РВ, 1874, кн. I, с. 408.

⁴³³ Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85а, л.л. 6—9.

⁴³⁴ (Вейденбаум Е. Г.) Кавказские этюды, с. 312.

И снова о ссыльных декабристах. Естественно, начнем с *Александра Ивановича Одоевского (1802—1839)*, замечательного поэта *, примыкавшего в свое время к радикальной части Северного общества и которого Николай I злобно назвал «самым бешеным заговорщиком»⁴³⁵.

А. И. Одоевский был непосредственным участником восстания 14 декабря 1825 года. Он «весьма радовался, что пришло время действовать, и говорил: «Ах! как славно мы умрем»⁴³⁶. После разгрома восстания Одоевский был лишен чинов и дворянства и сослан в каторжные работы на 8 лет. В феврале 1827 года он был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь⁴³⁷. Здесь Одоевский находился до 1837 года и написал свое знаменитое стихотворение «Струн вещей пламенные звуки...» (ответ на стихотворение «Послание в Сибирь» А. С. Пушкина), из которого В. И. Ленин взял эпиграф к газете «Искра»: «Из искры возгорится пламя!»

В том же году, после 7 лет каторги и 3 лет поселения в Сибири, Одоевский вместе с некоторыми другими «государственными преступниками» (В. Н. Лихаревым, Н. И. Лорером, А. И. Чернышевым, А. Е. Розеном и А. И. Назимовым) был отправлен рядовым в действующую армию на Кавказ. Непосредственным спутником Одоевского был Назимов. В начале Одоевский, как бывший кавалерист, служил в Нижегородском драгунском полку, стоявшем под Тифлисом, в котором находился и М. Ю. Лермонтов. Он приехал в Тифлис, побывав предварительно в Ставрополе, где встречался с Лермонтовым и ссыльными декабристами С. И. Кривцовым и В. М. Голицыным. В Тифлисе Одоевский встречается со своим другом В. Д. Вольховским. Часто ходил Одоевский на могилу своего друга А. С. Грибоедова, воспел его память, воспел Грузию звучными стихами.

Весной 1838 года А. И. Одоевский вместе с рядом декабристов участвует в экспедиции Раевского на Черноморье, а с осени того же года он в Пятигорске, где снова общается со своими друзьями-декабристами, а также с Н. П. Огаревым, считавшим его «самым замечательным из декабристов», находившихся тогда на Кавказе. Весной следующего года Одоевский, как видели, опять с теми же друзьями участвует в экспедиции Раевского в качестве рядового Тенгинского полка⁴³⁸. Г. И. Филипсон, который с Одоевским встречался в Анапе, писал: «С первого дня знакомства я привязался к этой светлой, поэтической и симпатичной личности. Он был юношей, когда несчастное событие 14 декабря забросило его в Читу

* Вместе с Кюхельбеккером, Рылеевым и А. Бестужевым, А. И. Одоевский был одним из самых видных поэтов декабристов. Он был близким другом и родственником А. С. Грибоедова. Большинство его произведений написано на каторге в Сибири и во время пребывания на Кавказе.

⁴³⁵ Записки Николая I о вступлении его на престол.— *Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи.* М.-Л., 1926, с. 21.

⁴³⁶ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 140.

⁴³⁷ (Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.) Движение декабристов. Аннотированный указатель... М., 1981, с. 87.

на каторжные работы. Это тяжелое испытание несколько не изменило его: он сохранил юношеский пыл души и страсть к поэзии. Сам он много писал, но никогда и ничего не печатал. Друзья и товарищи его знали наизусть несколько его поэтических произведений. Я их слышал с него и от других. Ссылка лишила нашу литературу одного из замечательных талантов»⁴³⁹.

Владимир Николаевич Лихарев (1800—1840) по окончании суда над декабристами за принадлежность к Южному обществу, со «знанием цели», «приготовления к мятежу» и «умысла на царевой службе», был приговорен с лишением чинов и дворянства к каторжной работе на четыре года, но в 1827 году был отправлен из Петропавловской крепости на вечное поселение в Сибирь. В 1837 году ему, в числе названных выше декабристов, было «высочайше» разрешено вступить в военную службу «рядовым» в Отдельный Кавказский корпус, где был зачислен в Куринский пехотный полк, стоявший близ Моздока⁴⁴⁰.

В 1838 году В. Н. Лихарев был назначен в Тенгинский пехотный полк, где в это время находились А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, А. И. Черкасов и М. И. Нарышкин, а вскоре оказался участником высадки экспедиции Раевского, в арьергарде его отряда при Туапсе (12 мая). Затем он находился на излечении в военном госпитале в Тамани. Оттуда Лихарев 10 августа писал сестре Е. Н. Лихаревой: «Генерал (Н. Н. Раевский) заставил меня покинуть отряд, где я, конечно, умер бы, ибо трудно представить себе, что такое лагерная жизнь на войне... О дорогая сестра, не могу сказать Вам, как я страдаю, и не столько от физических немощей, сколько от нравственных мук, которые разрушают здоровье вернее, чем все тягостные мучения»⁴⁴¹.

Встретившись с Лихаревым в госпитале, М. Ф. Федоров писал, что был он «худощав, болезненного вида, молчалив и постоянно или читал, или раскладывал пасьянс... заметны были в нем глубокая тоска и душевные страдания»⁴⁴².

В 1839 году В. Н. Лихарев вместе с названными выше декабристами — в новой экспедиции Раевского на Черноморье. В 1840 году Лихарев жил в Прочном Окопе. За участие в военных экспедициях он был произведен в унтер-офицеры, но приказ об этом не застал его в живых. Лихарев, находившийся в отряде генерала Галафеева, был убит под Валериком 11 июля 1840 года. Участником этого сражения был и М. Ю. Лермонтов, который посвятил

⁴³⁸ Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. М.-Л., 1961; Попов А. В. Одоевский на Кавказе.— Материалы по истории Ставрополя. Ставрополь, 1952, вып. 4, с. 221—236; Котляревский Н. Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев. СПб., 1907, с. 47—49.

⁴³⁹ Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 186.

⁴⁴⁰ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 145, 344; Родной листок (Изд. М. Н. Лихадрева). Пг., 11 июня 1917 г., вып. 3/15, с. 1—2.

⁴⁴¹ Родной листок, с. 7.

⁴⁴² Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 152.

ему стихотворение «Валерик». Тело декабриста было погребено на месте боя ⁴⁴³.

Николай Александрович Загорецкий (1796—1885), поручик генерального штаба по квартирмейстерской части, был членом Южного общества декабристов. Знал цель Общества: «введение республиканского правления с упразднением престола». Загорецкий по приговору Верховного уголовного суда был осужден по VII разряду на четыре года каторжной работы и на два года поселения. В феврале 1826 года он был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь, в Читу, а через год — в Витим. В 1836 году Загорецкий получает перевод простым солдатом на Кавказ — сперва в Апширонский пехотный полк, затем — в Навачинский. В 1840 году он становится унтер-офицером, в 1843 году — прапорщиком. В 1845 году Загорецкий, по ходатайству М. С. Воронцова, был уволен от военной службы по болезни с обязательством жить безвыездно в имении сестры, в Сумине Звенигородского уезда Московской губернии, с установлением за ним секретного надзора ⁴⁴⁴. В ноябре 1849 года он был определен на службу по размежеванию земель в Одесском округе, продолжая находиться под секретным надзором ⁴⁴⁵.

Николай Иванович Лорер (1795—1873) * был активным участником Южного общества, стал ближайшим сотрудником П. И. Пестеля, выполнял самые ответственные поручения. В военную службу вступил в 1812 году. Сражался при Дрездене, Кульме. Участвовал также в Лейпцигском сражении, а в 1814 году — в битве за Париж. Майор Вятского пехотного полка, которым командовал Пестель, Лорер 23 декабря 1825 года был арестован в Тульчине и доставлен в Петропавловскую крепость. Его приговорили к двенадцати годам каторжных работ. В 1832 году он был обращен на поселение. Лореру было разрешено поселиться в Западной Сибири (в Кургане), в семье ссыльного декабриста М. М. Нарышкина, с которым он был дружен. В 1837 году он был переведен на Кавказ рядовым и определен в Тенгинский пехотный полк.

В 1838 году Н. И. Лорера уже видели в отряде Раевского. В июне он вместе с другими больными солдатами, в том числе Лихаревым и Черкасовым отправляется в Таманский военный госпиталь, где встречается и с М. Ф. Федоровым. Вот как последний характеризует его: был он «нрава веселого», знал «много старинных забавных анекдотов из жизни придворной и высшего круга; умел рассказывать их чрезвычайно любезно, приправляя фразами

⁴⁴³ Родной листок, с. 2; Арсеньев В. С. и Картавцев И. М. Декабристы-туляки. Тула, 1922, с. 37; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Лихарев В. Н.; РСБ, т. 10, 1914, с. 479—480.

⁴⁴⁴ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 85, 318; ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Загорецкий Н. А.; (Головачев П. М.). Декабристы. 86 портретов., с. 104; Арсеньев В. С. и Картавцев М. И. Указ. соч., с. 26—27.

⁴⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 34, I отд., I ст., 1849 г., д. 409, лл. 3—4, б.

* Кстати, его мать, Екатерина Евсеевна, происходила из грузинского княжеского рода Цицишвили (Цицанов).

французского, немецкого и английского языков... он вел рассказ свой шутками, иронически...»⁴⁴⁶.

М. Ф. Федоров с ним встречался и во время экспедиции 1839 года. «Старый ветеран Отечественной 1812 г. войны» Лорер заметил тогда: «Отнимите у знака отличия георгиевского креста преимущество, избавляющее солдата от телесного наказания без суда, — и вы увидите, что удалство наших героев сократится наполовину». На возражение Федорова Лорер повторил: «...Пока у нас звание солдата будет составлять наказание, пока рекрутам, как преступникам, будут брить лбы и заковывать их в кандалы — до тех пор понятие русского солдата о патриотизме и о своей чести — сомнительны»⁴⁴⁷.

В 1840 году Н. И. Лорера произвели в прапорщики, через три года изнурительной солдатской службы. Он по-прежнему жил в землянке в Фанагории, близ Тамани, наездами бывая в Екатеринодаре. По его сообщению, именно в Фанагории в конце 1840 года он познакомился с М. Ю. Лермонтовым, назначенным в Тенгинский полк поручиком. А с А. И. Одоевским, с которым был переведен на Кавказ, Лорер был очень дружен и сохранил в памяти много его стихов, память же у него была великолепная. Например, он говорил на шести языках.

Лишь в 1842 году Н. И. Лорер смог уйти в отставку. Однако за ним был установлен секретный полицейский надзор с запрещением въезда в обе столицы. Он поселился в Херсонской области, у брата. В 1851 году с него сняли полицейский надзор, а в 1856 году был освобожден от всех ограничений. Лорер был наделен незаурядными литературными способностями. В 1867 году он закончил известные свои «Записки»⁴⁴⁸, ставшие одним из наиболее ценных памятников декабристской мемуарной литературы и ярким художественным произведением. Умер Н. И. Лорер в 1873 году.

Михаил Михайлович Нарышкин (1795—1863), полковник Тарутинского полка, был членом Союза благоденствия и Северного общества декабристов. Он был осужден на 15 лет каторжных работ и затем на поселение в Сибирь. В 1837 году его вместе с группой декабристов «переводят» рядовым сперва в Тенгинский пехотный полк, а затем в Навагинский, действовавшие на Черноморье.

С конца 1838 года Нарышкин, после лечения в госпитале, занимает в Тамани квартиру. Здесь он встречается с Лорером, Черкасовым, Лихаревым и Федоровым. Когда последний в конце марта 1839 года уехал в село Ивановская, где стоял штаб его полка, «веселый страдалец» Нарышкин пишет ему письмо, в котором сообщает о том, что из Керчи получил письмо, что отрядный на-

⁴⁴⁶ Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 152.

⁴⁴⁷ Там же, с. 160.

⁴⁴⁸ Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 116, 345; Головачев П. М. Указ. соч., с. 12., 128; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Лорер Н. И.; Веленгуров Н. Указ. соч., с. 76—90; Декабристы. Т. I. Поэзия. Сост. Вл. Орлов. Л., 1975, с. 448, 449.

чальник Раевский в Петербурге был принят «чрезвычайно хорошо» и назначен начальником от Тамани до Поти, с дозволением жить в Керчи ⁴⁴⁹.

В 1838 году М. М. Нарышкин был произведен в унтер-офицеры, а в 1843 году — в прапорщики. В начале же 40-х годов он снова служит на Северном Кавказе, где в сентябре 1844 года был уволен от службы с обязательством безвыездно жить в селе Высоком под Тулой. М. М. Нарышкин был женат на дочери героя Отечественной войны 1812 года генерала П. П. Коновницына и сестре декабриста П. П. Коновницына Елизавете Петровне, следовавшей за ним в Сибирь, а затем на Кавказ. М. М. Нарышкин вместе с женой похоронен в Москве, в Донском монастыре ⁴⁵⁰.

Александр Иванович Черкасов (1799—1855) в 1824 году был принят в Северное общество декабристов. Он «знал цель» организации — «введение конституционного правления» ⁴⁵¹. Черкасов был заключен в Петропавловскую крепость, приговорен к двум годам каторги, сокращенной до одного года, и к ссылке в Сибирь. В 1837 году его вместе с названными выше декабристами «переводят» рядовым на Кавказ в Тенгинский пехотный полк, в 1839 году — Кабардинский егерский полк.

М. Ф. Федоров, с которым А. И. Черкасов, как уже отмечалось, в 1838 году лечился в военном госпитале в Анапе, рассказывает: «Черкасов, при своей веселой любезности, был высоко религиозен; любил читать священные книги... неохотно говорил о своем пребывании в каторжной работе, но подробно вспоминал жизнь свою на поселении в г. Березове (Тобольской губернии), рассказывал много про город, про сохранившиеся там предания о знаменитом ссыльном князе Меньшикове, о построенной им церкви, о его могиле и проч.— Я был невыразимо доволен таким обществом; кроме приятного препровождения времени, они (Лихарев и Черкасов.— Г. Д.) принесли мне существенную пользу: я плохо знаю французский язык, хотя без затруднения понимаю французских писателей. Лихарев и Черкасов снабдили меня французскими книгами, пособляли мне переводить их, истолковывая правила языка. Они подарили мне на память книги; эти маленькие подарки людей, так много потерпевших за свои идеи, указывали на их нравственные достоинства и на мнение, какое они обо мне получили...» ⁴⁵²

М. Ф. Федоров с Черкасовым снова встречался в селе Ивановском; куда он прибыл в марте 1839 года. С декабристом «беседа... была приятна и поучительна», — отмечает поэт ⁴⁵³.

А. И. Черкасов в 1840 году был произведен в юнкера, а в

⁴⁴⁹ Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 155—156.

⁴⁵⁰ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 135, 362; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Нарышкин М. М.; Арсеньев В. С. и Картавцев И. М. Указ. соч., с. 38—39; Головачев П. М. Указ. соч., с. 171—173.

⁴⁵¹ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 203.

⁴⁵² Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 152—153.

⁴⁵³ Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 155.

1842 году — в прапорщики. В 1843 году он вышел в отставку с обязательным проживанием безвыездно и под строгим секретным надзором в селе Володькове Белевского уезда Орловской губернии ⁴⁵⁴.

Константин Густавович (Евстафьевич) Игельстром (1799—1851) и его двоюродный брат *Александр Иванович Вегелин (Вигелин)* (ок. 1800—1860) состояли членами связанного с декабристами «Общества военных друзей» и офицерами пионерского (саперного) батальона Отдельного Литовского корпуса. Распропагандированные участниками тайной организации солдаты батальона отказались 24 октября присягнуть Николаю I. «Общество военных друзей» пыталось вовлечь в движение и соседние воинские части, но безуспешно. В результате капитан Игельстром, поручик Вегелин и другие в 1827 году были сосланы в Сибирь, где в это время томились на каторге многие декабристы ⁴⁵⁵.

В 1837 году К. Г. Игельстром и А. И. Вегелин (Вигелин) были «переведены» в войска Отдельного Кавказского корпуса. В записке директора канцелярии Военного министерства от 12 января 1836 года на имя П. А. Клеймихеля об Игельстроме говорилось, что Николай I «соизволил» на определение его, «государственного преступника», солдатом на Кавказ с «учреждением за поведением и образом мыслей Игельстрома самого бдительного надзора в том полку, куда он на службу рядовым назначен будет» ⁴⁵⁶. О Вегелине также в одном документе читаем: «Определен в корпус рядовым с тем, чтобы за поведением его и образом мыслей учрежден бдительный надзор» ⁴⁵⁷. Игельстром был определен в Кавказский саперный батальон, а Вегелин — в Кабардинский егерский полк (в отряд генерала Засса).

В 1837—1840 годах Игельстром и Вегелин, как увидим ниже, принимали участие в экспедициях генерала Н. Н. Раевского на Черноморье. Причем Вегелин за отличие в экспедиции 1837 года получил звание унтер-офицера, а за экспедицию 1838 года (при десантах на Шапсухо и Цемес и при трехкратном движении отряда между Цемесом и Анапою) также был представлен к награде. Игельстром был переведен в Баталпашинскую станицу, где руководил построками Хумаринского укрепления и проведением туда

⁴⁵⁴ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 203, 418; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Черкасов А. И., Арсеньев В. С. и Картавцев И. М. Указ. соч., с. 47—49.

⁴⁵⁵ ЦГВИА, ф. 395, канцелярия, стол 2, 1837 г., оп. 274, д. 2, лл. 1—4; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 233—237, 293 и 321; Сиверс А. А. Тайное общество военных друзей. — Дела и дни. Исторический журнал. Пг., 1920, кн. I, с. 239—244; Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959, с. 190—213.

⁴⁵⁶ ЦГВИА, ф. 395, канцелярия, стол 2, 1836 г., оп. 273, д. 404, л. 3.

⁴⁵⁷ Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85а, л. 12.

дороги, получившей от местного населения «Игельстромской дороги»⁴⁵⁸.

Декабрист А. П. Беляев, служивший на Кавказе одновременно с Игельстромом и Вегелиным, так отзывался о них: «Оба они были славные личности, благороднейших и честнейших правил и добрые товарищи»⁴⁵⁹. В 1843 году они были уволены в отставку. Игельстром переехал в Таганрог, где служил по таможенному ведомству, находясь под секретным надзором полиции и с запрещением въезда в Петербург и Москву. Вегелин поселился в Полтаве, также находился под строгим надзором полиции. Затем жил в Одессе, где заведовал минеральными водами⁴⁶⁰.

Интересно еще отметить, что А. И. Вегелин в 1859 году посетил Герцена в Лондоне, к которому он приезжал с материалами для «Полярной звезды»⁴⁶¹.

Михаил Александрович Назимов (1801—1888), будучи штабс-капитаном лейб-гвардии коннопионерского эскадрона, принадлежал к Северному обществу декабристов (принят полковником М. М. Нарышкиным). Был он знаком с Рылевым по совместной службе. В 1826 году Назимов был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке на вечное поселение в тундре Восточной Сибири. В 1837 году, находясь уже в Кургане, он получил разрешение вступить рядовым в войска Отдельного Кавказского корпуса. Назимов был зачислен в Кабардинский егерский полк. В том же году он познакомился с М. Ю. Лермонтовым, в доме Майера, и великий поэт очень близко с ним сошелся. Назимов был в дружеских отношениях и с А. И. Одоевским.

В апреле 1838 года Назимова производят в унтер-офицеры. В том же году он был участником экспедиции генерала Раевского на восточном берегу Черного моря, за что был представлен к награде. В 1839 году Назимов — в отряде генерала Граббе в северном и нагорном Дагестане. В 1840 году он вторично направляется в экспедицию за Кубанью, в отряд генерала Засса, стоявший в Прочном Окопе. Отсюда Назимов часто приезжал в Ставрополь, где в это время проживал Лермонтов. Тревожная военная жизнь М. А. Назимова на Кавказе (кстати, был контужен ружейными пулями в обе ноги) продолжалась до июня 1846 года, когда он по болезни был уволен от службы в чине поручика.

После отставки М. А. Назимов поселился в Псковской губер-

⁴⁵⁸ ЦГВИА, ф. 395, канцелярия, стол 2, 1837 г., оп. 274, д. 2, л. л. 1—4; 1843 г., оп. 279, д. 30, л. л. 1—8; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 233—239; Нечкина М. В. Восстание декабристов, т. II, с. 106—107; Головачев П. М. Указ. соч., с. 107—110; Сиверс А. А. Тайное общество военных друзей.— Дело и Дни. Пг., 1920, кн. I, с. 239—244; Павловский И. Ф. О декабристах Вегелине и Игельстроме.— РС, 1911, т. 148, № 12; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаум, картотека — Игельстром К. Г.

⁴⁵⁹ Беляев А. П. Воспоминания о пережитом, прочувственном.— РС, 1881, т. 32, № 10, с. 256.

⁴⁶⁰ Павловский И. Ф. О декабристах Вегелине и Игельстроме.— РС, 1911, т. 148, декабрь, с. 670.

⁴⁶¹ Боровский С. Я. Миницкий и Вегелин.— Вопросы истории, 1971, № 8, с. 199—200.

нии, откуда он был родом. В 50-х годах Назимов изобрел походный мост для кавказских рек, так как понтоны здесь непригодны (он и в боевой обстановке был пионером по постройке мостов и сооружению военных дорог). Он принимал деятельное участие в проведении крестьянской реформы и т. д. Назимов выделялся из числа ссыльных декабристов широтой своих политических и литературных интересов. Это отмечали сами друзья его по несчастью. Н. И. Лорер, например, писал, что редко встречал людей с такими качествами, талантами и прекрасным сердцем, всегда готовым к добру, каким был Назимов. А по отзыву А. П. Беляева, он, по своему уму, высоким качествам, серьезности, прямоте характера и правдивости, слыл и был каким-то мудрецом, которого слово имело для многих большой вес. 9 августа 1888 года в Пскове умер М. А. Назимов — предпоследний из декабристов ⁴⁶².

После экспедиций 1838 и 1839 годов в отряде Раевского появляется и *Владимир Сергеевич Толстой (1806—1888)*. Будучи прапорщиком Московского пехотного полка, он был членом Южного общества декабристов. Толстой обвинялся в том, что «знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели». По показаниям декабриста Ф. Ф. Вадковского, он участвовал в организации тайной типографии. В феврале 1827 года Толстой из Петропавловской крепости был сослан в Сибирь на каторжные работы, а в 1828 году по собственному желанию переведен рядовым на Кавказ, где был зачислен в 41-й егерский полк, затем служил в 7-м Кавказском линейном батальоне.

С этого момента в течение более четверти века жизнь В. С. Толстого связана с Кавказом. Он отличился в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Но первый офицерский чин — прапорщика Толстой получил лишь в 1835 году, когда он тем самым вырвался из солдатского состояния. В 1838—1839 годах В. С. Толстой состоял при командующем войсками Кавказской линии генерале П. Х. Граббе, затем был направлен в распоряжение Раевского и служил в Навагинском пехотном полку. В 1840 году его переводят в Кавказский линейный казачий полк.

В. С. Толстой в 1844 году составил записку, в которой резко критиковал принятую в конце 30-х годов систему военных действий на Кавказе, построенную на создании укреплений. В 1845 году он переходит на гражданскую службу, исполняя в течение ряда лет обязанности чиновника по особым поручениям при наместниках

⁴⁶² Восстание декабристов. Материалы, т. XV, М., 1979, с. 180—204, 318—319; Лорер Н. И. Записки; Беляев А. П. Воспоминания декабриста, СПб., 1882; Граббе П. Х. Записная книжка. М., 1888; АКАК, т. IX, с. 330; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Назимов М. А.; Головачев П. М. Указ. соч., с. 169—170; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 134, 361; Иванова Л. Лермонтов и декабрист М. А. Назимов. — Литературное наследство. Том 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952, с. 231—232; Иеропольский К. М. А. Назимов (Биографическая справка). — Познай свой край. Сб. Псковского общества краеведения. Псков, вып. I, 1924, с. 41—44.

Кавказа М. С. Воронцове и Н. Н. Муравьеве⁴⁶³. Ему, в частности, в 1845 году было поручено (Воронцовым) «строгое следствие по госпиталям Таманскому, Анапскому и Новороссийскому», в связи с «грабежами... и прочими злоупотреблениями», происходившими в управлении госпиталями Черноморской береговой линии. Толстой писал: «Все госпитали на пути моем оказались в отвратительном состоянии... На береговой линии госпитали стоили баснословных сумм»⁴⁶⁴. Перу В. С. Толстого принадлежит ряд и других материалов. Он, в частности, является одним из первых исследователей русского раскола⁴⁶⁵.

В отряде Раевского, как видели, был и Л. С. Пушкин. Состояли в нем также К. К. Данзас и Ф. Ф. Матюшкин. *Лев Сергеевич Пушкин (1805—1852)*, брат А. С. Пушкина, принявший участие в восстании декабристов, был сослан на Кавказ в 1827 году вместе с некоторыми другими декабристами⁴⁶⁶. Он был определен юнкером в Нижегородский драгунский полк. Л. С. Пушкин в 1827—1828 годах участвовал в русско-иранской и русско-турецкой войнах, а затем — в Польской «кампании». Одно время он работал в Министерстве внутренних дел, но вернулся в ряды Кавказской армии и в чине штабс-капитана находился при генерале Раевском, друге своего брата, в качестве адъютанта.

В 1842 году Л. С. Пушкин оставил военную службу и поступил чиновником в Петербургскую таможенную, а затем был назначен членом Одесской портовой таможни, и в этой должности умер, в Одессе, 18 июля 1852 года⁴⁶⁷.

Константин Карлович Данзас (1800—1870) * — товарищ по лицу и друг А. С. Пушкина и его секундант на дуэли. Служил он сначала в инженерном корпусе, затем, с 1827 года, на Кавказе, в Отдельном Кавказском корпусе. В 1828 и 1829 годах Данзас принимал участие в русско-иранской и русско-турецкой войнах; за отличие в сражениях получил чин капитана. В 1838 и 1839 годах полковник Данзас в составе Тенгинского пехотного полка уча-

⁴⁶³ Восстание декабристов. Документы, т. XV. М., 1979, с. 273—246, 323—324; Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85, л. 34; Декабристы. Новые материалы. Под ред. М. К. Азадовского. М., 1955, с. 11, 13; ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Толстой В. С.; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 181—183.

⁴⁶⁴ РА, 1877, кн. III, тетрадь II, с. 298—299.

⁴⁶⁵ См.: Косвен М. О. Указ. соч., с. 182.

⁴⁶⁶ Нечкина М. Пушкин и декабристы. М., 1949, с. 30.

⁴⁶⁷ РБС, 1910, т. 15, с. 317—318; Гессен А. Волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. М., 1965, с. 152—153, 219.

* Его брат, *Борис Карлович Данзас (1799—1875)*, надворный советник, «Знал о существовании общества декабристов, был связан с его членами». После же восстания 14 декабря он некоторое время содержался в крепости, а затем было «высочайше повелено» посадить его на гауптвахту и, продержав один месяц, выпустить (Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 76—77). Б. К. Данзас, лицеист второго выпуска, был давнишним приятелем Пушкина, Вольховского и других бывших лицеистов. С Вольховским, например, он, служивший с 1839 года директором департамента Министерства юстиции, давно вел дружескую переписку.

ствовал во всех событиях отряда Раевского на Черноморском побережье. В 1856 году он вышел в отставку генерал-майором.

Скептик по натуре, Данзас жил и умер в бедности, без семьи; похоронили его на счет казны. Пушкин очень любил Данзаса и, умирая, отдал ему на память со своей руки кольцо, с которым секунд-дант поэта не расставался до последних дней своей жизни⁴⁶⁸.

Ф. Ф. Матюшкин — тоже лицейский товарищ А. С. Пушкина, которому в стихотворении «19 октября» посвятил две из самых теплых строф. При взятии Туапсе и Шапсухо в 1838 году он командовал фрегатом «Браилов» в эскадре адмирала С. П. Хрущева, перевоза из одного пункта в другой отряды сухопутных войск. Адмирал Лазарев высоко оценил его действия. В 1849 году он стал контр-адмиралом и бригадным командиром, а в 1861 году был пожалован в сенаторы⁴⁶⁹.

Экспедицией сборного отряда Раевского 1839 года, как уже отмечалось, завершается строительство Черноморской береговой линии хотя в следующем году, в связи с резким осложнением обстановки на этом участке, пришлось снова вернуться к этому вопросу. Линия разделялась фортом Александрия на два участка. Местопребыванием ее начальника был избран Новороссийск и подчинялся: по управлению первым отделением — командующему войсками на Кавказской линии и в Черноморье, а по второму — непосредственно корпусному командиру. Абхазское княжество входило в состав второго отделения⁴⁷⁰.

Между прочим, в 1840—1844 годах начальником этого отделения являлся генерал Н. Н. Муравьев (Амурский). В декабре 1840 года он руководил военной экспедицией в горное абхазское село Дал, проявив при этом необычайную жестокость. Однако был он известен как человек, который порой «высказывал довольно резко либеральные убеждения», хотя «на деле легко от них отступался». «Со всеми разжалованными он был очень ласков и внимателен», хотя опять-таки это не помешало бы ему «каждого из них повесить или расстрелять, если бы это было нужно»⁴⁷¹. Отличаясь все же либеральным образом мыслей, Н. Н. Муравьев был сторонником освобождения крестьян.

Хорошо знал Абхазию и Н. Н. Муравьев (Карский), который оставил подробное описание событий в крае в период Крымской войны⁴⁷², когда он являлся наместником и главнокомандующим

⁴⁶⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., т. X, 19. СПб., 1893, с. 74—75; Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 251.

⁴⁶⁹ Грот Я. Указ. соч., с. 482, 487.

⁴⁷⁰ Юров А. Три года на Кавказе. 1837—1839.— КС, 1885, т. IX, с. 130.

⁴⁷¹ Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 239.

⁴⁷² См.: Муравьев Н. Н. Война — за Кавказом в 1844 году, т. II. СПб., 18.

* Кстати, родными братьями Н. Н. Муравьева были декабрист Александр Муравьев, посланный в Сибирь в 1826 году, и Андрей Муравьев. Последний известен как ориенталист и историк русской церкви. Его перу принадлежит, в частности, «Грузия и Армения» (3 ч., СПб., 1848), в которой речь идет и о Пицундском храме. Он был в Абхазии и встречался с ее владельцем М. Шервашидзе (см.: И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1899, с. 102—103).

на Кавказе. Н. Н. Муравьев придерживался прогрессивных политических взглядов, много лет находился под надзором за связи с декабристами * и заступничество за «несчастливых нижних чинов», высказывался за наиболее радикальные условия освобождения крестьян. Кстати, он был женат на Софье Ахвердовой — родственнице и подруге Нины Грибоедовой (Чавчавадзе) ⁴⁷³.

По окончании военной экспедиции Раевского 1839 года многие развехались — кто в Прочный Окоп, кто в Анапу, кто в Тамань, по штабквартирам своих полков. Лорер и Нарышкин, например, направились в Тамань для лечения, где их в разное время посещают проездом на родину декабристы Голицын и Цебриков. *Валериан Михайлович Голицын (1803—1859)*, в прошлом отставной поручик лейб-гвардии Преображенского полка и камер-юнкер, служивший в департаменте внешней торговли, на Кавказ был переведен из сибирской ссылки в 1829 году. С 1834 года — в Кабардинском егерском полку, стоявшем под Ставрополем. Первый офицерский чин получил в мае 1837 года ⁴⁷⁴ Н. М. Сатин, знавший Голицына по Ставрополю, характеризовал его как «замечательно умного человека, воспитанника иезуитов, усвоившего их сосредоточенность и изворотливость ума» ⁴⁷⁵. Осенью 1837 года Голицын на Северном Кавказе познакомился также с В. Г. Белинским и М. Ю. Лермонтовым ⁴⁷⁶. *Николай Романович Цебриков*, разжалованный в солдаты без выслуги (служил поручиком в лейб-гвардии Финляндского полка), в 1826 году был определен в полевые полки Кавказского корпуса до отличной выслуги. Он отличился в русско-турецкой войне 1828—1829 годов и был произведен в унтер-офицеры ⁴⁷⁷.

Одоевский, Лихарев, Игельстром * и Загорецкий решили остаться в Лазаревском, в долине Субаши, на строительстве форта. Прощаясь с отъезжающими товарищами, следовать с которыми категорически отказался, А. И. Одоевский сказал: «Мы остаемся на жертву горячки». У Одоевского часто собирались по вечерам оставшиеся в штабе Раевского его друзья, в том числе и Л. С. Пушкин, с которым поэт продолжал «нескончаемые беседы» о поэзии и современной литературе ⁴⁷⁸. Л. С. Пушкин был остроумным собеседником, обладал необыкновенной памятью, стихи брата читал наизусть ⁴⁷⁹.

⁴⁷³ См.: Задунайский Н. А. Жизнь Муравьева. Воронеж, 1870; Херхеулидзе А. Любовь, возвышающаяся из прошлого.— Заря Востока, 15 февраля 1969 г.

⁴⁷⁴ См.: Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 66, 305; Архив АИЯЛИ, ф. I, оп. I, д. 85, л.л. 32—33.

⁴⁷⁵ Цит. по: Ягунин В. Александр Одоевский. М. ЖЗЛ. 1980, с. 214.

⁴⁷⁶ Шадури В. Покровитель..., с. 32.

⁴⁷⁷ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII, с. 201, 416; Архив АИЯЛИ, ф. I, д. 85, оп. I, л.л. 24—25; Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Указ. соч., с. 106.

* К. Г. Игельстрома, например, видим в экспедиции Раевского 1840 года на Черноморье, когда он был произведен в прапорщики (ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Игельстром К. Г.).

⁴⁷⁸ Розен А. Е. Последние дни князя А. И. Одоевского.— Полное собрание стихотворений князя Александра Ивановича Одоевского (декабриста). СПб., 1883, с. 17.

⁴⁷⁹ Гессе А. Указ. соч., с. 152.

Вскоре Одоевский получил известие о смерти своего отца, которое сразу надломило его. А надо сказать, что «тесная дружба соединяла молодого поэта с отцом»⁴⁸⁰. В письме в Прочный Окоп своему другу М. А. Назимову от 21 июня 1839 года он писал: «Все кончено для меня... Чувствую, что не принадлежу к этому миру»⁴⁸¹.

К этому добавились его физические страдания — он заболел злокачественной малярией*. Кстати, как отмечалось в «Военном сборнике», «при возведении форта Лазаревск, 24 марта 1839 г. в гарнизоне Одоевского была составлена 4-я мушкетерская рота Тенгинского полка в количестве 200 солдат и соответствующим числом унтер-офицеров. К 1 января 1840 г. в ней осталось налицо 108 солдат и 15 унтер-офицеров; остальные умерли...»⁴⁸².

А вот, что писал начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков 7 сентября 1839 года: «Генерал Раевский... высадил войска в Анапе для построения укрепления на Мыскаге. В его отряде очень много в ноношной экспедиции больных, на днях отправил на двух кораблях в Феодосию разом 1200 человек»⁴⁸³.

А. И. Одоевский тем не менее, по словам декабриста А. Е. Розена, «не переставал быть веселым и разговорчивым, и нисколько не осознавал — опасности своего положения, читал импровизированные стихи насчет молодого неопытного лекаря»⁴⁸⁴. Н. Н. Раевский уделял внимание тяжело больному Одоевскому; по его распоряжению он был перенесен в одну из комнат недостроенной казармы. Вообще отношение Раевского к Одоевскому было теплым и уважительным. По свидетельству Н. И. Лорера, «после всякого дела Раевский, диктовавший всегда сам реляции, присылал их... для просмотра и поправок» Одоевскому, который «отлично был образован, знал отлично... отечественный язык»⁴⁸⁵.

Однако 15 августа А. И. Одоевскому стало очень плохо. Вызвали лекаря и фельдшера, но они только засвидетельствовали смерть поэта. Умер он в присутствии своих читинских друзей Н. А. Загорецкого и К. Е. Игельстрома, на руках поручика Сальтета. Был при этом, конечно, и старый его камердинер Иван Курицын, неразлучный спутник в скитаниях по Сибири и Кавказу. Людей собралось множество — «знавших и любивших» Одоевского,

⁴⁸⁰ РС, 1870, т. I, № I, с. 72.

⁴⁸¹ Там же, № 2, с. 161. Оригинал письма хранится в рукописном отделе Института русской литературы (ф. 265, оп. 2, д. 1877).

Отец А. И. Одоевского писал тому же М. А. Назимову еще 1 октября 1837 года: «Христа ради сберегите мне моего Александра... твердите ему ежедневно, что он, сберегая свое здоровье и свою жизнь, сделает благополучие последних дней жизни моей» (РС, 1870, т. I, № 2, с. 161).

* По другим сведениям А. И. Одоевский умер, возможно, от тифа; подозревали также туберкулез, который давно подтачивал его организм (РС, 1870, т. I, № 1, с. 72; (Головачев М. П.). Декабристы. 86 портретов., с. 184).

⁴⁸² Цит. по: Ягунин В. Указ. соч., с. 240.

⁴⁸³ Цит. по: Вестник архивов Армении. Ереван, 1973, № 1, с. 37.

⁴⁸⁴ Розен А. Е. Последние дни князя А. И. Одоевского, с. 18.

⁴⁸⁵ Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931, с. 230.

в том числе «простые солдаты». Похоронили его на склоне горы, возвышающейся над морем. У изголовья могилы поставили простой деревянный крест, окрашенный в красный цвет. Существует предание, что когда весной 1840 года горцы овладели царскими фортами, построенными на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа, они отдали могиле Одоевского воинские почести, узнав от одного бывшего русского офицера, боровшегося в их рядах и знавшего лично Одоевского, что в ней покоится прах поэта — мученика, жертвы России «голубых мундиров»⁴⁸⁶.

Потрясенные смертью Одоевского, друзья обмениваются письмами, в которых его трагической судьбе отводится значительное место. В ответ на письмо М. Нарышкина его сестра, княгиня Е. Голицына, писала: «Твое последнее письмо заставило меня оплакивать вместе с тобой смерть Одоевского — сразу же тысяча самых тягостных движений возникла в моей душе... Я поняла также, какким несчастьем было для тебя узнать эту жестокую новость в твоём уединении и после всего того, что пришлось испытать твоему сердцу ранее...»⁴⁸⁷

На могиле А. И. Одоевского, в поселке Лазаревское, под сенью вековых орехов, в 1959 году был воздвигнут памятник. На монументе написано:

Александр Иванович
ОДОЕВСКИЙ
1802 26 IV 1839 г.
15 VIII
«Из искры возгорится пламя»
(А. И. Одоевский)

Могилу поэта-декабриста увековечил еще М. Ю. Лермонтов, его великий друг, в стихотворении, посвященном его памяти:

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимаю,
А море Черное шумит не умолкая.⁴⁸⁸

Здесь нельзя не сказать особо о самом Лермонтове, хотя и несколько забегаю вперед. Как известно, он был сослан на Кавказ в 1837 году за его на шумевшее стихотворение на смерть А. С. Пушкина. Именно здесь в том же году произошло личное знакомство поэта с декабристами — сперва с А. И. Одоевским, затем с В. М. Голицыным и С. И. Кравцовым. В годы второй ссылки круг

⁴⁸⁶ Розен А. Е. Указ. соч., с. 18—20; РБС, 1905, с. 12, с. 120.

⁴⁸⁷ Цит. по: Ягунин В. Указ. соч., с. 245.

⁴⁸⁸ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах, т. I. М.-Л., 1961, с. 463.

связей Лермонтова со ссыльными декабристами расширился: в 1840 году он (предположительно) познакомился с А. И. Вегелиным; был в дружеских отношениях с М. А. Назимовым и особенно с В. Н. Лихаревым, погибшим на его глазах. Вероятно также знакомство поэта с братьями А. П. и П. П. Беляевыми ⁴⁸⁹.

В 1841 году было признано необходимым организовать новую экспедицию в землю убыхов, которые для царизма «составляют самое враждебное и воинственное племя во всей этой части Кавказа». По личному распоряжению Николая I весь Тенгинский полк был включен в состав этой экспедиции. В одном из его батальонов, которым, кстати, командовал К. К. Данзас, числился Лермонтов. Николай I приказал, чтобы Лермонтов непременно участвовал в указанной экспедиции, которая, по словам начальника Черноморской береговой линии генерала Анрепа, должна была проникнуть «в самое сердце» убыхского края и которая, по определению «историка Тенгинского полка Д. В. Раковича, оказалась одной из самых кровопролитнейших на Кавказе». При этом категорически было запрещено назначить Лермонтова на какие-либо должности, не связанные с фронтовой службой в полку. Расчет был простой. Однако этот вариант убийства великого поэта не состоялся, так как 14 июля 1841 года он погиб в Пятигорске от злодейской руки Мартынова. Дуэль была спровоцирована не без ведома самого венценосного палача ⁴⁹⁰.

В частности, в Анапе прошли слухи о смерти Лермонтова. Об этом свидетельствует поэт М. Ф. Федоров, которого поэтические сочинения Михаила Юрьевича «приводили... в восторг», и всегда «хотелось видеть эту замечательную личность, чтобы сравнить его черты лица с чертами лица В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, глубоко врезывавшимися в его памяти ⁴⁹¹.

В отряде Н. Н. Раевского, как уже отмечалось, было также немало разжалованных солдат — декабристов и других опальных лиц.

Прежде всего следует назвать *Платона Александровича Антоновича (Войшина)*. Он был участником раскрытого в 1831 году в Москве антиправительственного кружка («Сунгуровское общество»). Руководитель кружка Н. П. Сунгуров, кроме П. А. Антоновича, привлек еще несколько других студентов Московского университета: Я. И. Костенецкого, П. А. Кошевского, Ю. П. Кольрейфа, Гурьева и т. д.— «превосходных юношей», которых Герцен и Огарев «знали коротко» ⁴⁹². С Костенецким был знаком и М. Ю. Лермонтов.

В тайном революционном кружке подвергался резкой критике деспотизм правительства и ставился вопрос о введении в России

⁴⁸⁹ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 129.

⁴⁹⁰ Андреев-Кривич С. Два распоряжения Николая I.— Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 412 и сл.

⁴⁹¹ Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 193—194.

⁴⁹² Герцен А. И. Соч., т. IV. М., 1956, с. 137.

конституции⁴⁹³. Сунгуровцы, как и члены кружка Критских, рассматривали себя непосредственными преемниками дела декабристов. Это было показателем того, что идеи декабристов играли огромную роль в развитии передовой университетской молодежи. Но сунгуровцы, в частности, пошли дальше декабристов. Они обсуждали планы подготовки революционного переворота с участием народа⁴⁹⁴.

Члены Сунгуровского кружка были осуждены в 1833 году. Антоновича и Костенецкого, в частности, отправили солдатами на Кавказ*. Весной 1833 года участники «злоумышленного общества» прибыли в Тифлис, где их распределили по воинским частям: первого назначили в Апшеронский пехотный полк, а второго — в Куринский егерский полк, стоявший тогда в Дагестане. В августе того же года генерал Фезе воинскому начальнику укрепления Темур-Хан-Шура полковнику Лихареву писал, что Антонович «занимается распространением неблагомыслящих слухов» о состоянии командуемого им отряда и «осмеливается даже делать дерзкие суждения относительно действия этого отряда, почему он распорядился арестовать его и отправить в отряд⁴⁹⁵».

В 1837 году Антонович был переведен в Тенгинский пехотный полк, в составе которого принимал участие в боевых операциях отряда Н. Н. Раевского. Последний «принял его под свое покровительство», в результате чего он в 1839 году был произведен в прапорщики и, как видели, поступил в должность правителя дел начальника Черноморской береговой линии. На этом посту Антонович находился довольно долго, до упразднения Линии в 1854 году и до чина полковника⁴⁹⁶. Человек он был «бойких умственных способностей и хорошо образованный», обладал «замечательной практической мудростью», работал «умно и разумно», образ же его мыслей — «в сущности, либеральный»⁴⁹⁷. Так характеризовал его Г. И. Филипсон, с которым Антонович сотрудничал длительное

⁴⁹³ Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания, т. I. М., 1963, с. 510—510 (прим. А. Н. Дубовикова).

⁴⁹⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1867, с. 323; Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 101, 112; Костенецкий Я. М. Воспоминания из моей студенческой жизни.—РА, 1887, кн. II, вып. 5, с. 76.

* А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич и другие организовали в университете подписку в поддержку ссыльных в складчину, за что за ними был установлен надзор полиции. Станкевичу «инкримировали» еще связь с названной антиправительственной группой студентов.

⁴⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, отд. III, I экспед., 1833 г., д. 150, л.л. I и сл.; Козубский Е. Об архивах Дагестанской области.—РА, 1895, кн. I, в. I, с. 39.

⁴⁹⁶ Костенецкий Я. И. Указ. соч., с. 240; ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Антонович П. А.

⁴⁹⁷ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 176, 300.

время на Черноморской береговой линии. В дальнейшем П. А. Антонович высоко поднялся по служебной лестнице*.

Заслуживает внимания и *Виктор Семенович Урусов*, который на выходе из инженерного училища в 1832 году был обвинен «в намерении взбунтовать Калмыцкое войско, овладеть Астраханью и флотилией и отправиться в Хиву» или к черкесам. Причем произвести «бунт» прапорщик Урусов полагал «посредством... нижних чинов»⁴⁹⁸. Стремился он также «разграбить имущество богатых людей»⁴⁹⁹.

19-летнего Урусова в 1834 году сослали солдатом, с лишением и дворянского «достоинства», в один из сибирских батальонов, а в 1836 году был «переведен» в Отдельный Кавказский корпус. Сперва он состоял в Кабардинском егерском полку, а затем — в 3-м и 4-м батальонах Черноморской береговой линии. Урусов участвовал в военных экспедициях 1837—1840 годов за Кубанью и на Черноморье, а также в зимних походах генерала Засса в 1838 году. За экспедицию Раевского 1839 года он в 1840 году был произведен в унтер-офицеры. Во время Крымской войны поручик Куринского егерского полка В. С. Урусов был убит в сражении на р. Чолоке 4 июня 1854 года⁵⁰⁰.

При штабе Н. Н. Раевского, в качестве «главного доктора» восточного берега Черного моря, также видим известного прогрессивного деятеля Н. В. Майера (Мейера), ставшего прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери» Лермонтова. Живя в Керчи, он часто разъезжал для осмотра госпиталей береговых укреплений⁵⁰¹. В письмах декабриста Н. И. Лорера постоянно упоминается его имя⁵⁰². В одном из них, на имя декабриста М. М. Нарышкина, говорится: «Я постоянно переписку веду с Майером и Розеном. Наш Николай Васильевич начинает хворать, в письмах его нет прежней энергии, нет веселья и соли». Деятельность Майера до этого на Северном Кавказе также хорошо описана в литературе. Это был высокообразованный, оригинального ума и вольнодумный человек. Он находился в дружеском общении с Бестуже-

* П. А. Антонович в разное время был градоначальником Керчи, Одессы, бессарабским военным губернатором, попечителем Киевского учебного округа, в 1861 году стал генерал-майором. Умер он в 1883 году. М. И. Костенецкий в Куринском полку прослужил солдатом 7 лет, рискуя неоднократно своей жизнью (см., например: АКАК, т. IX, с. 333), затем находился в штабе командующего войсками Кавказской линии генерала П. Х. Граббе, а в 1842 году подал в отставку и поселился в деревне (Костенецкий Я. И. Указ. соч., с. 141). Между прочим, он учился на одном факультете с М. Ю. Лермонтовым, а в декабре 1840 года они встречались в Ставрополе (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 483). В 1837 году из Сибири на Кавказ (в Куринский полк) были переведены также Кошевский и Гурьев (Жур. Заветы. СПб., 1903, № 5, 62—63).

⁴⁹⁸ Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 237.

⁴⁹⁹ ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Урусов В. С.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Бронштейн Н. Доктор Майер.— Литературное наследство. М., 1948, №№ 45—46, с. 492.

⁵⁰² Лорер Н. И. Записки декабриста, с. 373—374.

вым-Марлинском, Одоевским, Лермонтовым, Огаревым и другими выдающимися людьми той эпохи⁵⁰³. Декабрист Н. И. Лорер отмечал, что «в полном смысле слова умнейший и начитанный» Майер «знал многих из нашего кружка и помогал некоторым и деньгами, и полезными советами. Он был друг декабристам»⁵⁰⁴. Вообще Майер, по словам Ф. Ф. Торнау, был «другом всех кавказских страдальцев»⁵⁰⁵.

В десантных частях непосредственно находился и знаменитый художник И. К. Айвазовский. Он был сперва с Раевским на пароходе «Колхида», потом перешел к М. П. Лазареву на линейный корабль «Силистрия», капитан которого был С. П. Нахимов. Айвазовский высадился на берег в рядах атакующих, и эту операцию он запечатлел в известной своей картине «Высадка у Субаши»*. На фоне побережья и моря видны десантные белые шлюпки. В одной из них — руководитель десанта Н. Н. Раевский, М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, А. И. Панфилов и П. С. Нахимов. Айвазовский рассказывал: «Развернув портфель, я вооружился карандашом и принялся срисовывать одну группу. В это время какой-то черкес, бесцеремонно взяв у меня портфель из рук, понес показывать мой рисунок своим. Понравился ли он горцам — не знаю; помню только, что черкес возвратил мне рисунок выпачканным кровью... Этот «местный колорит» так на нем и остался и я долгое время берег это осязательное воспоминание об этой экспедиции».

Айвазовский познакомился с декабристами М. М. Нарышкиным, А. И. Одоевским, Н. И. Лорером и «с большим удовольствием беседовал с этими высокообразованными людьми»⁵⁰⁶. С большим удовольствием с ними, очевидно, беседовал и С. Т. Званба, участник указанных операций.

Н. Н. Раевский после описанных событий еще некоторое время оставался в должности начальника Черноморской береговой линии. В 1840 году ему снова пришлось вести войну на значительном участке Черноморской береговой линии, когда под ударами восставших горцев одно за другим пали царские укрепления Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское.

Затем Раевский « всю свою исключительную энергию и свои недюжинные военные и административные дарования » направил на устройство нового, своеобразного края⁵⁰⁷. Он хорошо понимал

⁵⁰³ Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976, с. 44 и сл.

⁵⁰⁴ Лорер Н. И. Указ. соч., с. 189.

⁵⁰⁵ (Торнау Ф. Ф.) Записки кавказского офицера, ч. II. М., 1864, с. 171.

* Между прочим, И. К. Айвазовскому трижды довелось плавать с М. П. Лазаревым, а также с его сподвижниками В. А. Корниловым, С. П. Нахимовым, Ф. Ф. Матюшковым (один из ближайших друзей А. С. Пушкина) и к другим кавказским берегам. Плодом этих плаваний явился еще целый ряд мастерски исполненных знаменитым маринистом картин, в числе которых — «Буря у берегов Абхазии», показанная в Париже на выставке в Лувре в 1843 году. Во время своего путешествия по Кавказу в 1868 году Айвазовский, среди других картин на кавказские темы, создал «Восточный берег близ Сухума».

⁵⁰⁶ РА, 1878, т. 21, № 4, с. 674.

⁵⁰⁷ Модзалевский Б. Л. Предисловие к Архиву Раевских, т. III, с. III.

значение этих обширных и богатых земель. «Я опять повторяю,— писал он военному министру А. И. Чернышеву 27 декабря 1840 года,— что мы еще не умеем ценить важности приобретения восточного берега Черного моря. Оно удвоило пространство принадлежащих нам берегов сего моря. Его протяжение обширнее берега Франции на Средиземном море; соседство моря даст со временем сему краю первенство над Кавказской областью и Закавказским краем. Суда найдут надежное убежище в Новороссийске, Геленджике и Сухуме. Сии пристани не уступают пристаням Франции на Средиземном море. Долины восточного берега лежат под столь же теплым небом и изобильно орошены истоками ледяных гор, заключают обширные луга и богатые нивы. Горы, образующие сии долины, покрыты мачтовым и строевым лесом и, по свидетельству древних, там находятся в недрах земли другие источники богатства»⁵⁰⁸.

Н. Н. Раевский прежде всего повел борьбу против контрабандной торговли* и действий иностранных агентов на Кавказском Черноморском побережье. В своем известном «Обзоре Восточного берега Черного моря» (26 апреля 1839 года)⁵⁰⁹, например, он изобличал матерого английского агента Джемса Белла и его сподвижников**, которые продолжали среди черкесского населения вести провокационную работу, держа при этом связь со Стамбулом. Раевский отмечал большую заинтересованность анатолийского купечества в торговле с населением восточных берегов Черного моря и об участии и покровительстве этой торговле компании английских купцов в Трапезунде «как выгодный сбыт своих товаров», посредством которой в первую очередь снабжала невольниками Турецкую империю. Иностранные контрабандисты и горские работаровцы «во всех гаремах имеют связи». «Чем сильнее меры к прекращению сей торговли,— писал Раевский,— тем более с увеличением риска, увеличиваются и барыши; это дошло до того, что турецкие контрабандисты сознаются, что если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупает всю потерю». А синопский и другие турецкие паши-правители «покровительствуют сей торговле и сами в ней участвуют».

Ведя энергичные действия против указанных нежелательных явлений, Раевский особое внимание обращал на установление прочной экономической связи России с Кавказским краем, а существо-

⁵⁰⁸ ЦГВИА, ф. 1396 (гр.), оп. I, д. 70, л. л. 10—12.

* Для успешной борьбы с этой торговлей была создана специальная таможенная береговая стража, а Раевскому подчинены все таможенные заставы. Кроме того, ежегодно абхазскому владельцу отпускались 15 тыс. пудов соли для меневой торговли с горцами (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. I, 1840 г., д. 136, л. 4).

⁵⁰⁹ См.: Архив Раевских, т. III. СПб., 1910, с. 47—100.

** Между прочим, Раевский объявил Белла «вне покровительства закона» и назначил цену за его голову. Это вызвало много шума в Европе, особенно когда тот издал свое сочинение, в котором содержится много любопытных сведений о горцах, но, как уже отмечалось, «еще больше клеветы и умышленной лжи, высказанной с остервенелюю ненавистью к России» (Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 248).

вавшие на Черноморском побережье укрепления рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли.

Н. Н. Раевский заявлял, что «бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». А в своем воззвании к натухайцам он писал: «Если вы придете с миром,— я вас приму с дружбою. Если хотите войны, которой я сам не желаю, то обвиняйте самих себя в ужасных ее последствиях. Мирные сношения всякий день усиливают дружбу, война — всякий день усиливает ожесточение»⁵¹⁰. Раевский утверждал: «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими»⁵¹¹. «Я с торжеством читаю,— писал он в рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 28 февраля 1841 года,— все, что полк. Астафьев доносит... о развитии торговли с горцами»⁵¹². Ставя вопрос о своем уходе с должности начальника Черноморской береговой линии, Раевский давал такое наставление своему преемнику: «Наследнику моему предстоит блестящее поприще, если он убедится, что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам»; если он будет действовать в направлении осуществления плана «об устройстве и поселении края, основании городов в Новороссийске, Геленджике и Сухуме и развитии торговли с горцами»⁵¹³.

Раевского возмущала безинициативность русских купцов, он высказывался против «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Он просил правительство, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкесии, предоставить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы, чтобы привлечь к экономическому развитию края «достойных негодантов». Раевский предлагал привлечь частный капитал к установлению торговых отношений с горцами, призывал к усилению борьбы против английской и турецкой контрабандной торговли, для чего должны были служить и укрепления на Черноморской береговой линии⁵¹⁴. А о вреде этой торговли со стороны султанской Турции, в частности, Раевский замечал: «Торговля с восточными берегами снабжала невольниками всю Турецкую империю, работниками — Трапезундские медные рудники и женами — восточные гаремы»⁵¹⁵.

При этом Раевский считал решительно необходимым введение беспощадной торговли. «Торговля на береговой линии,— писал он графу Чернышеву 27 декабря 1840 года,— если не будет разрешен

⁵¹⁰ КС, 1884, т. VIII, приложения к статье «Три года на Кавказе», с. 17.

⁵¹¹ Раевский. Записка о торговле с горцами и переселении на Восточный берег.— АКАК, т. IX, с. 471.

⁵¹² Там же, с. 505.

⁵¹³ АКАК, т. IX, с. 268 (Рапорт ген.-л. Раевского ген.-л. Головину от 24 января 1841 года).

⁵¹⁴ Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами, с. 474.

⁵¹⁵ Его же. Обзор восточного берега Черного моря.— Архив Раевских, т. III, с. 52.

беспошлинный подвоз предметов иностранной торговли и если право это не будет распространено на всех лиц, поселившихся на восточном берегу, это право ни в коем случае не должно быть частною привилегиею. Подобное предложение не влечет за собою возобновления транзита через Грузию, хотя я убежден, что его уничтожение нам сделало огромный политический вред... С уничтожением транзита мы передали Англии всю народность, которую он нам было приобрел на Востоке». При чем беспошлинный ввоз иностранных товаров Раевский ограничивал территорией между Кубанью и Ингуром, т. е. «торговля будет допущена только с одними горцами». Он заключал: «...немедленно утвердить льготы для переселенцев на восточный берег и дозволить беспошлинный ввоз иностранных товаров на береговую линию в Новороссийск, Геленджик и Сухум»⁵¹⁶.

Известно также бичевание Раевским «произвола, злоупотребления и беспорядков», царивших в органах кавказской администрации. Раевский, отличавшийся гуманностью в отношении к кавказским народам, писал: «В областях Кавказского края, где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»⁵¹⁷. Или же: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами...»⁵¹⁸. Это было одним из откликов передовой части кавказского офицерства на взгляды декабристов, осуждавших захватническую политику царизма и ратовавших за мирное сотрудничество с народами Кавказа.

Высказывания Н. Н. Раевского, идущие вразрез с политикой правительства, естественно, вызывали враждебное отношение к нему прежде всего со стороны его непосредственного начальника на Кавказе по характеристике историка С. С. Эсадзе, «душевно больного» генерала Е. А. Головина и др. А надо сказать, что вообще, как свидетельствовал Г. И. Филипсон, «его языка и пера очень боялись в Ставрополе и Тифлисе... Он был плохой подчиненный»⁵¹⁹.

Раевскому стали приписывать вину за все неудачи на Черноморской береговой линии, упрекать за то, что его «оборонительная и миролюбивая система в отношении горцев» якобы поощряла их сопротивление. Придравшись к тому, что Раевский по своему почину предпринял постройку укрепления в Цебельде, Николай I объявил ему выговор. Узнав об этом, Раевский немедленно подал заявление об отставке. Просьба была удовлетворена⁵²⁰.

⁵¹⁶ ЦГИАГ, ф. 1396 (гр.), д. 70, л. л. 10—12.

⁵¹⁷ Цит. по: Фадеев А. В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке.— Вопросы истории, 1955, № 6, с. 74.

⁵¹⁸ АКАК, т. IX, с. 505, № 434.

⁵¹⁹ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 157.

⁵²⁰ Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в., с. 369.

Между прочим, как отмечал В. А. Потто, «удаление Раевского повлияло косвенным образом и на другого старого нижегородца», А. Г. Чавчавадзе— виднейшего представителя грузинской интеллигенции того времени и талантливейшего поэта, человека передовых взглядов. Он командовал тогда войсками в Хакетии и на Лезгинской линии. Чавчавадзе вынужден был уйти. (Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III, СПб., 1894, с. 147).

Уезжая навсегда с Кавказа, Раевский писал военному министру 28 февраля 1841 года: «...Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край». Характерно, что в заключение своего письма графу Чернышеву Раевский просил, чтобы в предлагаемых военных действиях войск не переходили реки Белой — естественной границы Кавказской линии, так как «иначе это уничтожит весь успех стараний о мирных сношениях и торговле с горцами»⁵²¹.

Живя в Керчи, где находились штаб и управление Черноморской береговой линии, Раевский часто предпринимал поездки на пароходе по всем укреплениям вверенного ему края и в описании этих своих поездок оставил, по справедливому утверждению Е. Д. Фелицына, «чрезвычайно интересный и ценный исторический материал для всестороннего ознакомления» с положением как в Абхазии, так и на всем Черноморском побережье в конце 30-х — начале 40-х годов XIX века⁵²². Таковы, например, «Обозрение восточного берега Черного моря» (1839 г.)⁵²³. «Записка... о торговле с горцами и переселении на Восточный берег» (1840 г.)⁵²⁴, рапорты генералу Е. А. Головину от 8 апреля 1838 года⁵²⁵ «касательно известных английских и других иностранных авантюристов», действующих на Кавказе⁵²⁶, и военному министру А. И. Чернышеву от 16 июля 1840 года о «покорении» псхувцев и способах действий против убыхов⁵²⁷, а также его записка (начало 1840 года) «О женитьбе абхазского владетеля М. Шервашидзе»⁵²⁸ и др. А между прочим, Раевский, по словам начальника его штаба Г. И. Филипсона*, «говорил и писал очень хорошо, причем свои донесения он, как правило, диктовал состоявшим при нем капитану Л. С. Пушкину и прапорщику П. А. Антоновичу»⁵²⁹. Надо сказать, что Раевский, по свидетельству того же Филипсона, обладал «огромной памятью», но способности его ума были «более блестящими, чем глубоки»⁵³⁰.

В Абхазии Раевский общался прежде всего с владетельным князем Михаилом Шервашидзе. Политика Раевского сводилась к тому, чтобы сделать его «действительным владетелем Абхазии»⁵³¹.

Н. Н. Раевский ставил вопрос о поощрении в Абхазии торго-

⁵²¹ АКАК, т. IX, № 434, с. 505.

⁵²² Архив Раевских, т. III, с. 48.

⁵²³ См.: Там же, с. 47—100.

⁵²⁴ См.: АКАК, т. IX, ч. I, № 414, с. 470—480.

⁵²⁵ Там же, ч. I, № 394, с. 454—455.

⁵²⁶ Там же, с. 453.

⁵²⁷ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6422, л.л. 1—4.

⁵²⁸ См.: АКАК, т. IX, с. 180, № 208.

* Г. И. Филипсон был назначен на Кавказ в 1835 году. Состоял в распоряжении командующего войсками Кавказской линии и Черноморья А. А. Вельяминова, а затем — начальником штаба Черноморской береговой линии при Н. Н. Раевском и его приемнике Анрепе.

⁵²⁹ Филипсон Г. И. Указ. с. ч., с. 156, 160, 189, 196, 211.

⁵³⁰ Там же, с. 155.

⁵³¹ Там же, с. 255.

вого земледелия, рыбного промысла и т. д. Он, в частности, выдвигал проект о развитии технических культур, учитывая природно-климатические условия данного края: «От севера и востока Абхазия заслонена Кавказским хребтом; от соседства моря жара в ней несравненно сноснее, чем в южной части Каспийской области, а зимою холода несравненно меньше, потому что сия последняя не закрыта от востока». Далее Раевский писал: «Край изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис (просо?) и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать пробочный дуб, апельсинное, чайное, камфорное деревья, индиго и лен Новой Зеландии»⁵³². Раевский внедрял в крае, например, виноградные лозы (изабелла); в начале 1840 года он их «сам развез по укреплениям» из садов графа М. С. Воронцова и Никитского ботанического сада (Крым)⁵³³, сыгравшего, как известно, важную роль в распространении субтропических культур в Крыму и на Кавказе. В этом саду были собраны наилучшие коллекции отечественных и зарубежных растений, в том числе из тропиков и субтропиков.

В 1840 году Раевским, «любителем изящной флоры»⁵³⁴, любительский сад В. И. Багриновского был взят в военное ведомство и преобразован в «Военно-ботанический сад»⁵³⁵. Заведовать им Раевский поручил лекарю 6-го линейного батальона Багриновскому, которого он случайно узнал как ботаника в укреплении Вельяминовском⁵³⁶. Целью Сухумского сада становится: «Служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений»⁵³⁷ — местных и зарубежных. Для ухода за садом Багриновскому ежедневно выделяли по 10 солдат. Сад находился на попечении сухумского коменданта майора Койниского. Если первоначальная площадь сада равнялась 0,5 десятины, то в 1841 году было прибавлено еще 3 десятины⁵³⁸.

В устройстве сада в Сухуме большую помощь оказал директор Никитского ботанического сада Н. А. Гартвис, который послал Раевскому семена и саженцы, а также направил садовника Витмана для организации питомника древесных растений⁵³⁹. Гартвис был знатоком природы и сельского хозяйства Кавказа. В 1837 году он организовал научную экспедицию по побережью Черного моря, которая обследовала Пицунду, Бамбору и Сухум. В 1839 году он направляет вторую экспедицию по Кавказу, в том числе и по Абхазии. Третья экспедиция была направлена в 1847 году, а четвертая — в 1850 и 1851 годах. Изучая местную флору,

⁵³² Раевский. Записка о торговле с горцами, с. 471.

⁵³³ Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 235.

⁵³⁴ Радожницкий Ил. Взгляд на флору Восточного берега Черного моря.— Журнал садоводства РОЛС, М., 1842, № 5, с. 42.

⁵³⁵ Там же, с. 42—43.

⁵³⁶ Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 235.

⁵³⁷ Свешников В. Из письма о Сухуме.— Кавказ, 23 декабря, 1853 г.

⁵³⁸ Радожницкий Ил. Указ. соч., с. 42.

⁵³⁹ Некрасова В. Л. Николай Николаевич Раевский.— Труды Государственного Никитского ботанического сада. Симферополь, 1948, т. XXV, в. 1—2, с. 188.

члены экспедиции одновременно собирали саженцы для Никитского ботанического сада⁵⁴⁰. Н. Н. Раевский также «состоял в большой переписке» с директором ботанического сада в Петербурге В. Б. Фишером, которому отправлял гербарий кавказских растений. Помимо того, Раевский поддерживал переписку со многими зарубежными ботаническими и садовыми учреждениями, получал от них семена и черенки⁵⁴¹.

По сведениям К. Д. Мачавариани, ботанические сады «благодаря Раевскому и приглашенному им доктору-садовнику Багриновскому» были устроены также в Бамборе, Пицунде и Гагре⁵⁴². Н. Н. Раевский уделял большое внимание закладке культурных растений («красивых и полезных») вообще во всех укреплениях береговой линии, израсходовав на это значительную сумму денег⁵⁴³. Таким образом, действительно, «среди тех лиц, которые много сделали в деле интродукции растений на Черноморском побережье Кавказа и на южном берегу Крыма, одно из видных мест занимает генерал Н. Н. Раевский (младший)»⁵⁴⁴.

Н. Н. Раевский рассматривал значение Сухума не только с точки зрения перспектив развития субтропической флоры в крае, но и развития торговли. «Новороссийску,— писал он,— предстоит важность как военной гавани; но не менее важности приобретает Сухум торговлею». «...Сухуму,— развивал Раевский свою мысль,— предоставлено быть... центром торговли с окружающими его горцами... В настоящем положении дел он (Сухум.— Г. Д.) прекрасный и единственный порт для торговли Западной России с Закавказским краем, Персиею и восточную частью Азиатской Турции. Посему развитие торговли в Сухуме неминуемо превзойдет развитие Новороссийска и Геленджика в сем отношении».

Раевский считал, что на всем пространстве между Геленджиком и границей Азиатской Турции Сухумский рейд — единственный, который может служить для самых мелких и самых больших судов безопасным убежищем во всякое время, так как «рейд сей обширен и закрыт от морского ветра; грунт его надежен: на нем спокойно устояли суда во время губительной бури 30 мая 1818 года». «Сухум,— заключал Раевский,— есть порт Закавказского края

⁵⁴⁰ Орагвелидзе И. Ш. Развитие чайного хозяйства в Грузии. Тбилиси, 1962, с. 41.

⁵⁴¹ Русские портреты XVIII и XIX столетий, т. II, вып. I. СПб., 1906, с. 161; Васильев А. В. Николай Николаевич Раевский (1801—1843).— Труды Сухумского ботанического сада, вып. XXIII. Тбилиси, 1977, с. 6.

⁵⁴² Мачавариани К. Абхазские вина, с. I.— Труды Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1888, № 3.

⁵⁴³ Радожницкий Ил. Указ. соч., с. 21, 29, 34—35.

⁵⁴⁴ Некрасова В. Л. Указ. соч., с. 179.

Интересно отметить, что сын Н. Н. Раевского Михаил (1841—1893) — известный садовод и поэт. Будучи директором департамента земледелия, а также президентом Российского общества садоводства, он сделал немало в деле распространения сельскохозяйственного образования. М. Н. Раевский — автор ряда работ; одна из них — «Плодовая школа и сад» — выдержала несколько изданий. Другой сын Н. Н. Раевского, Николай, был убит во время сербско-турецкой войны 1876 г. Жена Раевского — Анна Михайловна — характеризовалась как просвещенная и энергичная женщина.

и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области: ему предназначено, как выше я сказал, быть путем торговли Западной России с Персиею и Азиатскою Турциею»⁵⁴⁵. Он предлагал Сухум сделать местом центрального управления карантинами восточного берега, а также учредить в нем градоначальство.

Вместе с тем с именем Раевского связана первая попытка благоустройства Сухума. По его инициативе в 1840 году приступили к осушению болот в Сухуме, который, упрекал Раевский, в продолжение тридцати лет «не обратил на себя внимания местного начальства»⁵⁴⁶. Для воинских частей, расположенных в Сухуме и страдавших от злокачественной малярии, было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. В это время, по сообщению Раевского, смертность войск в Сухуме от малярии и других болезней в среднем в год достигала 154 человек (из 659 человек гарнизона)⁵⁴⁷. Говоря словами другого современника — Г. И. Филипсона — «Сухум казался каменным гробом: нельзя было встретить свежего, здорового лица»⁵⁴⁸.

Все это, ко всему прочему, было направлено на облегчение тяжелой участи солдат. С этой же целью Раевский в береговых укреплениях усиленно распространял культурные растения, считая, что они нужны не только для украшения, но и как средство борьбы с цингой. Овощи и фрукты, с одной стороны, физическая работа — с другой, были необходимы для здоровья солдат»⁵⁴⁹. Эти и им подобные меры снискали Раевскому большую популярность среди солдатской массы. Между прочим, во время Черноморской экспедиции 1838 года распевалась лихая песня, сложенная в честь braveго генерала «пнитом армейским» М. Ф. Федоровым⁵⁵⁰, в которой говорилось: *

Наш Раевский храбр и смел,
Льва сомнет за Русь святую;
На скалу, куда крутую,
Соколом взлетел.

Век служи, Раевский, с нами;
Мы с тобой, отец, штыками
Опрокинем свет.

Говорят, Н. Н. Раевский, прослушав куплеты песни, пошутил:

⁵⁴⁵ Раевский. Записка о торговле с горцами, с. 471—477.

⁵⁴⁶ Там же, с. 171.

⁵⁴⁷ Слоневский А. А. Крестьянская реформа 1870 года в Абхазии.— Труды АИЯЛИ, 1954, XXV, с. 141.

⁵⁴⁸ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 250.

⁵⁴⁹ Орагвелидзе И. Ш. Указ. соч., с. 41.

⁵⁵⁰ См.: Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 118—125.

* Ошибается В. А. Потто, который утверждал, что эта песня появилась еще в период войны с Турцией, когда Н. Н. Раевский-младший командовал Нижегородским полком (См.: Потто В. А. Указ. соч., т. III, с. 148).

«Отца моего воспел знаменитый Жуковский,— вот и я нашел своего поэта в Федорове»⁵⁵¹.

«Поэт Раевского» так описывает и его внешность: «Николай Николаевич Раевский, стройный, высокого роста генерал; в чертах лица, в движении, словом — во всей его позе, видно было большое развитие физических сил; он имел небольшие усы, носил очки; на вид ему было не более 35 лет»⁵⁵².

Н. Н. Раевский принимал меры к изысканию полезных ископаемых в крае, в частности, каменного угля, что могло иметь немалое значение в связи с созданием Черноморского парового флота*. С этой целью он направил во вверенный ему край инженер-капитана Анисимова. Правда, последний успел произвести лишь «поверхностный обзор», но и это было очень важно, поскольку, как писал Раевский, он «доказал возможность рождения каменного угля в этом краю и подтвердил местные сведения жителей. В особенности Абхазия как по естественному образованию страны, так и по причине совершенного спокойствия жителей представляет все удобства для основательных разысканий, которых счастливый результат дает неоценимые выгоды для края, для всей береговой линии и наконец для Черноморского флота»⁵⁵³.

Возможно, что здесь имеется в виду ставшее известным позднее Ткварчельское месторождение.

В рапорте Н. Н. Раевского графу А. И. Чернышеву от 16 июля 1840 года, составленном в Туапсе, дается, в частности, интересная справка о джигетах (садзах). Особенно заслуживает внимание следующее место этого документа: «Земля джигетов делится на две части: Псху, Аибга и Ахчипсоу. Сие последнее племя имеет в своей земле несколько удобных перевалов через Кавказ, часть спускается для грабежа на северную покатость и известно на Кавказской линии под именем медовеевцев. Береговая часть джигетов заключает в себе: Цвиджа, Бага, Арета, Геча и Цандрипш. Тесные связи родства соединяют джигетов с Абхазиею...»⁵⁵⁴.

Интересные данные о Дале и Цебельде содержатся в рапорте Раевского тому же Чернышеву от 15 июня 1840 года. В Дале, писал он, единственная, а в Цебельде главная княжеская фамилия — Маршания, которая имеет обширные связи с Псху, Ахчипсу и Аибга⁵⁵⁵.

Следует, наконец, отметить, что Раевский, как и Вольховский, разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, против которых резко выступал Паскевич.

⁵⁵¹ Федоров М. Ф. Указ. соч., с. 121—122.

⁵⁵² Там же, с. 117.

* Это был период, когда адмирал М. П. Лазарев добивался оснащения Черноморского флота винтовыми пароходами и в связи с этим был озабочен проблемой топлива для судов. (Островский Б. Указ. соч., с. 149—150). Он нашел его в районе Северного Донца (Донбасс). Раевский же продолжал поиски угля на Кавказском побережье.

⁵⁵³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1840 г., св. 40, д. 104, л.л. 8—8 об. (Копия с отзыва Н. Н. Раевского начальнику штаба корпуса горных инженеров ген.-м. Чевкину от 4 октября 1840 г.).

⁵⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6422, л.л. 1—4.

⁵⁵⁵ Там же, д. 6417, л.л. 7—17.

Приведенные факты достаточно убедительно характеризуют Н. Н. Раевского как прогрессивно настроенного и инициативного, для своего времени, деятеля. К тому же Раевский — «человек рыцарской чести и неотразимого обаяния»⁵⁵⁶. В этом, можно сказать, и секрет его традиционной популярности на Кавказе. Но нельзя, однако, и замалчивать практическое участие генерала Раевского, в силу его служебного положения, в проведении завоевательной политики царизма на Кавказе.

Раевский был, конечно, не единственный русский офицер-«кавказец», кого глубоко волновало положение дел на Кавказе и кто подвергал критике порядки в этом крае.

В рассматриваемое время на Кавказе, в войсках Кавказской линии и Черноморья, находился (в годичной командировке), например, молодой гвардейский офицер Д. И. Милютин*, будущий военный министр России, основные положения мировоззрения которого в 40—50-х годах профессор П. А. Зайончковский определяет следующим образом: «Отрицательное отношение к существующей николаевской действительности и крепостному праву в особенности, предпочтение буржуазных форм общественной жизни»⁵⁵⁷.

Ознакомившись с положением на Кавказе, Милютин также пришел к выводу о необходимости изменить как систему военных действий, так и политику по отношению к горским народам. Эти мысли нашли свое отражение в его записке «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе», составленной в 1840—1841 годах. Милютин писал: «...чтобы горцы терпеливо несли иго русского владычества, одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни.. Мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными... Не в таком духе действовали мы до сих пор на Кавказе... Это заставляет их (горцев.— Г. Д.) смотреть на русских как на грабителей, приходящих к ним для обогащения своего, точно так же, как некогда монголы были для России»⁵⁵⁸.

Как известно, Д. М. Милютин впоследствии был преобразователем русской армии; военная реформа 60—70-х годов способствовала превращению феодально-крепостнической армии России, потерпевшей поражение в Крымской войне, в армию нового типа. Хотя противники Милютина из реакционного лагеря считали его чуть ли не социалистом*, но в действительности он был лишь уме-

⁵⁵⁶ Шадури В. Покровитель..., с. 23.

* Д. И. Милютин служил на Кавказе трижды: в 1839—1840, 1843—1845 и 1856—1860 гг., но непосредственного участия в Кавказской войне он почти не принимал, занимая ряд должностей в высших штабах (Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956, с. 20).

⁵⁵⁷ Зайончковский П. Д. И. Милютин. Биографический очерк.— В кн.: Дневник Д. И. Милютина. Т. I. 1873—1875. М., 1947, с. 20.

⁵⁵⁸ Цит. по: Зайончковский П. Указ. соч., с. 10—11.

* Например, у А. В. Никитенко было представление о Д. А. Милютине, как о «красном», т. е. «революционере», зашедшем в своем демократизме «слишком далеко» (См. его «Дневник». Т. 2. 1856—1865 гг. М., 1955, с. 395).

ренным либералом, предпочитавшим реформы революции⁵⁵⁹. Между прочим, Д. А. Милютин проявлял большой интерес к истории Кавказа⁵⁶⁰.

Среди примечательных личностей России второй четверти XIX века, игравших в целом прогрессивную роль по отношению к Абхазии и Черноморью, нельзя не упомянуть И. Т. Радожицкого (1788—1861). Офицер-артиллерист, участник Отечественной войны 1812 года, Радожицкий с 1823 года перешел на службу на Кавказ, приняв затем участие в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. С 1839 года он вновь на строевой службе на Кавказе, а в 1850 году выходит в отставку в чине генерал-майора.

Полковник И. Т. Радожицкий известен как выдающийся ботаник, этнограф, публицист⁵⁶¹. Член «Московского общества испытателей природы», И. Т. Радожицкий в «Журнале садоводства» опубликовал свои работы: «Взгляд на флору Восточного берега Черного моря» (1842, № 5; 1843, № 3), «Список экзотическим растениям Сухум-Кальского Военно-ботанического сада, произрастающим открыто» (там же) и другие⁵⁶².

Посетив Сухум в 1842 году, Радожицкий ставил вопрос о создании здесь «правильно устроенного сада» с «надлежащими пособиями» и квалифицированными работниками, который мог бы из «первоначально набросанного эскиза» превратиться со временем в «рассадник изящнейших и полезнейших экзотических растений». «Мы бы,— мечтал Радожицкий,— могли иметь свои апельсины, лимоны, миндаль, маслины, хлопчатую бумагу, наилучший табак, может быть, кофе, чай, пробку и множество аптечных растений»⁵⁶³.

Страстный любитель ботаники, занимавшийся исследованием абхазской флоры, собирал растения также в Гагре, Пицунде и Бамборе⁵⁶⁴.

К числу военных, оставивших определенный след в кавказоведении, относится и Ф. Ф. Торнау (Торнов)⁵⁶⁵. Офицер-разведчик, в силу служебного положения сыгравший известную роль в осуществлении задач царизма на Западном Кавказе, он внес в то же время заметную лепту в изучение Кавказа. Когда встает вопрос о более или менее глубоком изучении истории и культуры Кавказа первой половины XIX века, особенно его северо-западного района, в частности Абхазии, вряд ли можно обойтись без тех уникальных

⁵⁵⁹ Зайончковский П. Указ. соч., с. 21 и сл.

⁵⁶⁰ См.: КЭС. М., 1958, II, с. 183—184.

⁵⁶¹ См.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке.— КЭС I, с. 308; Поляевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг. Тбилиси, 1946, с. 45—47; РБС, 1910, с. 391—394.

⁵⁶² См.: Липшиц С. Ю. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805—1940), М., 1940, с. 97—98.

⁵⁶³ Радожицкий И. Указ. соч., с. 43.

⁵⁶⁴ Воронов Ю. Н. Итоги изучения флоры Абхазии за 100 лет.— Известия Абхазского научного общества, 1925, вып. I, с. 20.

⁵⁶⁵ Подробнее о нем: Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.

сведений и красочных описаний, которыми так богаты книги «Воспоминания кавказского офицера» (М., 1864), «Воспоминания о Кавказе и Грузии» («Русский вестник», 1869, № 1—4) и многочисленные рукописи — официальные донесения, записки и письма, отложившиеся в свое время в военных архивах.

Торнау обнаруживает относительную непредубежденность и тонкую наблюдательность в воспроизведении самобытной жизни кавказских народов. Он вместе с тем заслуживает внимания как писатель и исследователь, мировоззрение которого отражало широкое общественное движение его эпохи. Определяя, в частности, свое отношение к ссыльным декабристам, Торнау писал: «Наши сношения с этими лицами были самые откровенные... в политическом смысле... Не входя в их забытое прошлое... я водился с ними, не опасался показываться публично в их обществе и никак не скрывал мою симпатию к Нарышкину и Голицыну. По этому случаю один господин счел обязанностью шепотом мне посоветовать быть поосторожнее»⁵⁶⁶. Вообще работы Торнау — важные материалы для изучения деятельности ссыльных декабристов на Кавказе в 30-х годах XIX века.

Даже у деятелей более умеренных воззрений, но представлявших передовых военачальников Кавказской армии и находившихся в оппозиции к реакционному главнокомандующему Е. А. Головину (кстати, один из активных участников подавления восстания декабристов) и его штабу, генералов А. А. Вельяминова и П. Х. Граббе, декабристы находили «прибежище» и покровительство. По сообщению декабриста Н. И. Лорера, при первом же свидании с вновь прибывшей группой декабристов в 1837 году Вельяминов предупреждал их: «Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами»⁵⁶⁷. Как свидетельствует и Г. И. Филипсон, Вельяминов обращался с декабристами «учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами»⁵⁶⁸. Интересно также отметить, что А. А. Бестужев-Марлинский, откомандированный в августе 1834 года рядовым в распоряжение генерала Вельяминова в Ставрополь, свободно обедал у своего начальника. Причем «это правило распространялось» и на некоторых других «разжалованных в солдаты»⁵⁶⁹.

Известно также, что Вельяминов сыграл большую роль в производстве Бестужева в офицеры. Сам декабрист писал об этом следующее: «Поездка г-на Вельяминова, моего непосредственного начальника, в Петербург, как нельстивого свидетеля моих трудов, конечно, много способствовала убеждению»⁵⁷⁰. А это, естественно, имело важное значение для Бестужева, ибо речь шла о переходе

⁵⁶⁶ Т. Воспоминания о Грузии и Кавказе.— РВ, 1869, № 4, с. 701.

⁵⁶⁷ Лорер Н. И. Записки декабриста, с. 217.

⁵⁶⁸ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 115.

⁵⁶⁹ Бентковский. Генерал-лейтенант А. А. Вельяминов.— «Ставропольские губернские ведомости», № 12, 21 марта 1881 г.

⁵⁷⁰ РВ, 1870, т. 88, VII, с. 69.

«от безымянной вещи в лицо, имеющее права, от совершенной безнадёжности к обетам семейного счастья, от унижения... к неприкосновенности самой чести»⁵⁷¹. Не случайно, конечно, что в свое время, а именно в памятном 1825 году, А. С. Грибоедов сблизился с Вельяминовым, личностью «прекрасных сведений», и считал это «прекраснейшим открытием достойного человека»⁵⁷².

А о гуманном отношении Вельяминова к солдатам, о его заботе о них хорошо известно. Например, в инструкции генерала начальника укрепления Черноморской береговой линии читаем: «Для здоровья людей, кроме хорошей пищи, нужно чтобы они постоянно имели некоторое движение и были как можно чаще на открытом воздухе. Для этого занимать их учением, работами и играми, наблюдая во всем умеренность. Смотреть также, чтобы в казармах воздух всегда был чистый, чтобы в них не было духоты и сырости»⁵⁷³.

Что касается П. Х. Граббе, то он сам в молодости был членом Союза благоденствия. Он с 1818 года находился в дружеских отношениях с декабристом И. Д. Якушкиным, оказывавшим на него большое влияние⁵⁷⁴. Граббе являлся участником Отечественной войны 1812 года и русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Декабрист А. Е. Розен, характеризуя Граббе, подчеркивал, что он — «один из тех редких людей, который во всю жизнь в различных и очень трудных обстоятельствах никогда не изменял строжайшим правилам честности и благородства»⁵⁷⁵.

Среди деятелей типа Вельяминова и Граббе встречались лица, которые, по крайней мере, разделяли мнение о необходимости вступить с горцами в отношения, основанные на разумных экономических началах. Но, как известно, доклады и планы этих людей, представляемые в центр, не встречали там должного внимания.

В свете сказанного здесь следует обратиться к образу Николая Петровича Колюбакина (1811—1868), который в раннюю пору своей кавказской службы «вращался в среде сосланных на Кавказ декабристов и был другом Бестужева-Марлинского»⁵⁷⁶. Он был знаком и с М. Ю. Лермонтовым⁵⁷⁷. На Кавказ Колюбакин попал в 1834 году. За оскорбление командира полка он был разжалован в солдаты с отсылкой в Тенгинский полк. В 1835—1837 годах Н. П. Колюбакин участвовал под командой генерала А. А. Вельяминова в военных действиях на Северо-Западном Кавказе. В дальнейшем он был определен адъютантом к начальнику Черноморской береговой линии генералу Анрепу, затем его преемнику генералу Будбергу.

⁵⁷¹ Там же, с. 67.

⁵⁷² Грибоедов А. С. Соч., 1945, с. 498.

⁵⁷³ КС, 1884, т. VIII, приложения к статье «Три года на Кавказе», с. 4.

⁵⁷⁴ Декабристы. Новые материалы, с. 306.

⁵⁷⁵ Розен А. Е. Записки декабриста, с. 259.

⁵⁷⁶ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— КЭС, I. М., 1955, с. 329.

⁵⁷⁷ Существует мнение, что Лермонтов изобразил молодого Колюбакина в Грушницком.

В 1850 году Колюбакин назначается начальником 3-го отделения этой Линии с местом пребывания в Сухуме. За два года своей работы здесь он несколько благоустроил город, основал для абхазских детей мужскую и женскую школы⁵⁷⁸. Николай Петрович общался с местными передовыми людьми. В его доме воспитывался, а затем получил университетское образование один из видных представителей дореволюционной абхазской интеллигенции Г. Д. Шервашидзе. В лице последнего жена Н. П. Колюбакина, А. А. Колюбакина (урожденная Крижановская), известная как детская писательница, «нашла себе сына»⁵⁷⁹.

В конце 50-х годов Колюбакин производится в генерал-лейтенанты и назначается управляющим Мегрелией, а в 1861 году — кутаисским генерал-губернатором. С последней должности он был смещен в 1862 году за разрешение похоронить сванетского князя Константина Дадишкелиани, расстрелянного по военному суду за убийство его предшественника генерала А. И. Гагарина. Николай Петрович назначается сенатором в Москве.

Живя в Москве, Н. П. Колюбакин состоял членом литературного кружка В. Ф. Одоевского. Он был разносторонне образованным и одаренным человеком, отличался храбростью и честностью. Его перу принадлежит ряд интересных работ по кавказоведению, в частности, исторический очерк «Об Абхазии»⁵⁸⁰. Колюбакин выступал против стремления изображать «дикарями» всех «непокорных или недавно покорившихся» кавказских народов. С этой целью он пытался охарактеризовать в общих чертах общественный строй и нравственные устои адыгов.

В общественной жизни Черноморья в рассматриваемое время заметную роль играли и некоторые сыны польского народа, которые общались здесь с ссыльными декабристами, в ряде же случаев и действовали совместно с ними. Это были преимущественно участники польского национально-освободительного движения. Кроме того, из Польши на Кавказ направлялись большие партии рекрутов*. А в свое время сюда были сосланы военнопленные поляки из армии Наполеона I.

В конце 1814 года этим последним было разрешено вернуться на родину, но некоторые из них предпочли остаться на Кавказе⁵⁸¹. Между прочим, один из них, причем попавший в рабство,

⁵⁷⁸ Колюбакина А. А. Воспоминания.— Исторический вестник, 1894, т. 58, № 11, с. 399.

⁵⁷⁹ ЦГАА, ф. 60, д. 58, лл. 17, 20, 21 об.

⁵⁸⁰ КК на 1889 год, отд. I, с. 14; (Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А.) Энциклопедический словарь, т. XVа, 30. СПб., 1895, с. 806—807; Косвен М. О. Указ. соч., с. 329, 330.

* Например, в 1835 году в войска Отдельного Корпуса из г. Варшавы, а также из Люблинского, Сандамирского, Мозовецкого, Краковского и других воеводств было набрано 2550 рекрутов. Общее же количество рекрутов из Польши по набору 1838 года равнялось 4358 чел., а в 1839 году — 5450 (ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 751, лл. 3—3 сб., 16).

⁵⁸¹ Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965, с. 296.

жил в с. Лыхны, в доме владельца Абхазии. В результате этого и по другим причинам на Кавказе оказалось значительное количество поляков. Генерал Г. И. Филипсон писал: «...На Кавказе я встречал множество поляков, в разных частях и положениях... Поляков в войсках береговой линии, офицеров и солдат, было более 10%»⁵⁸².

Декабристы, как известно, проявляли живой интерес к польскому национально-освободительному движению. Русские революционеры зафиксировали в своей программе, что Польша должна стать независимым государством. Пестель в «Русской правде» выражал надежду видеть будущую Польшу республикой. Декабристы призывали поляков действовать совместно против общего врага — самодержавия. И подлинные польские патриоты, естественно, искали союза с русскими революционерами.

Так, «Патриотическое общество», возникшее в 1821 году, поддерживало связи с Южным обществом декабристов. А многим декабристам при их осуждении ставили в вину связь с этой организацией, выражавшей идеи революционно-освободительного движения польского народа. Следствие по делу декабристов в конце концов и раскрыло деятельность «Патриотического общества»⁵⁸³.

В 1831 году, после подавления восстания в Польше, на Кавказ, в Тенгинский полк, были высланы 95 пленных поляков⁵⁸⁴. Э. Спенсер свидетельствовал, что некоторые поляки, взятые в плен из числа восставших или «изгнанные за свои политические убеждения», были направлены сюда, в эту «вторую Сибирь», в качестве солдат⁵⁸⁵. Уже в 40—50-х годах на Кавказе находилось свыше 20 тыс. «репрессированных поляков»⁵⁸⁶. Многие из них служили в воинских частях, дислоцированных в Грузии, в частности, в Кутаисе. Вскоре между ними и грузинской общественностью устанавливается тесный контакт, а некоторые поляки имели даже отношение к грузинскому дворянскому заговору 1832 года.

Указанные, а также направленные сюда в качестве рекрутов, т. е. оказавшиеся на Кавказе не по своей воле поляки, в первую очередь выходцы из трудовых масс, часто переходили на сторону борющихся горцев — способствовали действиям дагестанцев и

⁵⁸² Филипсон Г. И. Воспоминания, с. 215.

⁵⁸³ См.: История Польши, т. I. М., 1956; Дьяков В. А., Ермолаева Р. А. и др. Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976, гл. III; Медведская Л. А. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество.— Очерки по истории движения декабристов. М., 1954; Ольшевский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959; Бекер И. Декабристы и польский вопрос.— «Вопросы истории», 1948, № 3.

⁵⁸⁴ (Ракович В. Д.) Тенгинский полк на Кавказе. 1819—1846. Тифлис. 1900, с. 107.

⁵⁸⁵ Spenser E. Указ. соч., с. 270.

⁵⁸⁶ Дьяков В. А., Ермолаева Р. А. и др. Указ. соч., с. 123.

черкес»⁵⁸⁷. По утверждению майора Варнера, в войсках Шамиля был специальный батальон, состоявший из русских и польских беглых солдат⁵⁸⁸. Только за период с 12 августа по 1 октября 1834 года из Тенгинского и Навагинского пехотных полков бежало «к мирным горцам» 26 поляков⁵⁸⁹.

Иные польские дезертиры-солдаты сливались с местным населением. Это хорошо видно на примере Абхазии, где с береговых укреплений часто солдаты, в том числе поляки по национальности, совершали побеги в горные районы. Например, в Цебельде из 70 беглых и пленных солдат, которые поселились вокруг Марамбского укрепления, построенного при Н. Н. Раевском в 1840 году, поляков было 13 человек. К. Д. Мачавариани писал по этому поводу: «В этих краях нередко можно было наблюдать такую картину: глава семьи — Станислав Яновский, жена — Гугу, сын — Ту-хи, дочь — Фатима»⁵⁹⁰. В Абхазии и сейчас встречаются абхазские семьи с польскими фамилиями, а многие из них в XIX веке вместе с махаджирами (переселенцами) попали в Турцию.

Теперь обратимся к отдельным, наиболее видным польским революционерам, служившим в разных районах Западного Кавказа. Прежде всего следует отметить С. С. Карвицкого, о котором говорилось выше в связи с «делом Раевского» и политическим процессом 1831 года в Кутаисе. Арестован был Карвицкий еще в 1828 году, лишен графства и определен в солдаты до выслуги. До этого он являлся президентом отделения «Польского тайного общества» в Валынской губернии. После названного процесса С. С. Карвицкий был переведен из 44-го егерского полка в 8-й линейный Грузинский батальон, стоявший в Ленкоране⁵⁹¹.

Между прочим, в связи с тем, что рядовой 44-го егерского полка Карвицкий через одного отплывавшего из Редут-Кале шкипера отправил письмо домой, командующий войсками в Закавказском крае генерал Панкратьев предупреждал командира названного полка полковника Пацовского, чтобы переписка «подвергнувшихся замечанию правительства введена была не иначе, как или через полевой штаб, или же по существующему порядку через почтовое ведомство»⁵⁹².

Это был один из тех случаев, когда некоторые из польских политических ссыльных продолжали на Кавказе вести революционную деятельность, вступая порой в контакт со сосланными сюда же декабристами.

Вот еще один интересный факт. В архивном фонде Отдельного Кавказского корпуса хранится «Дело штаба Отдельного корпуса

⁵⁸⁷ Мочульский В. И. Война на Кавказе и Дагестане, ч. I. Политическая. — 1844 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, л. 73 об.

⁵⁸⁸ Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля М.-Л., 1939, с. 125.

⁵⁸⁹ Дьяков В. А., Ермолаева В. А. и др. Указ. соч., с. 123.

⁵⁹⁰ Мачавариани К. Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 267—268.

⁵⁹¹ Дзидзария Г. А. Участники польского национально-освободительного движения 20—30-х гг. XIX в. в Абхазии. — Известия АИЯЛИ, 1973, вып. II, с. 56, 57.

⁵⁹² Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1, д. 85а, л. 25.

по дежурству Особого отделения о патриотических сочинениях, отобранных у нижних чинов — военно-рабочих рот, в Анапе состоящих»⁵⁹³. В этом «Деле» имеется рапорт генерала А. А. Вельяминова на имя барона Г. В. Розена от 4 ноября 1836 года, в котором говорится, что анапский комендант граф Н. Е. Цукато 7 сентября того же года представил отобранные у польских солдат 40-й и 41-й военно-рабочих рот «разного рода польские стихотворения, между коими находятся патриотические мотивы и песни», «непозволительные сочинения», на 21 странице. Далее приводится список всех найденных сочинений с указанием лиц, у кого они были изъяты.

В 1828 году на Кавказе, в Нижегородском драгунском полку, появляются в качестве солдат три поляка — Ф. Я. Лисовский, А. Ф. Тржасковский и К. И. Зах, исключенные из Виленского университета за принадлежность к тайному политическому обществу «Приверженцы отечества» или «Сарматское племя»⁵⁹⁴. Сперва они участвовали в русско-иранской и русско-турецкой войнах, а затем их переводят в войска Черноморской береговой линии. Здесь молодые поляки общались с декабристами С. И. Кривцовым, В. С. Норовым, А. А. Бестужевым-Марлинским, А. А. Фоком и др., а также с абхазскими интеллигентами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрылом, с которыми им приходилось служить в одной части. В июне 1834 года барон Розен предложил для получения «верных сведений» о народах, обитающих на восточном берегу Черного моря между Абхазией и крепостью Геленджик, выбрать какого-либо из виленских студентов, сосланных в Абхазии «за преступление», «знающего язык сих народов»⁵⁹⁵. Выбор пал на унтер-офицеров 7-го Черноморского линейного батальона Лисовского и Заха, которые в сентябре того же года были отправлены для рекогносцировки Гагринского ущелья, в результате чего первый составляет «Описание Гагринского ущелья». В апреле 1835 года Ф. Я. Лисовский в Бамборе встречался с профессором А. Д. Нордманом, который в кратком отчете о своем путешествии по Западному Кавказу отмечал: «Любознательность г. Лисовского в Бамборах мне много помогла»⁵⁹⁶. В мае 1836 года Лисовский осмотрел дорогу от Гагры до Адлера с целью составить карту и «описать того места»⁵⁹⁷. В феврале 1839 года им же было завершено (в Бамборе) составление довольно обширного «Замечания о местоположении гагринских окрестностей»⁵⁹⁸. В отмеченных отчетах содержит-

⁵⁹³ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 845.

⁵⁹⁴ РС, 1882, т. 35, № 8, с. 447—448; АКАК, т. XII, с. XII; Архив Раевского, т. III, с. 189.

Между прочим, в августе 1841 года в Адлере мы видим разжалованного из профессоров Виленского университета Ордынского (Федоров. Указ. соч., с. 203).

⁵⁹⁵ ГАКК, ф. 249, оп. I, д. 3029, л.л. 20—23.

⁵⁹⁶ Нордман А. Д. Путешествие по Закавказскому краю.— ЖМНП, 1838, ч. XX, № 11, с. 419.

⁵⁹⁷ ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Лисовский Ф. Я.

⁵⁹⁸ ГАКК, ф. 249, оп. I, д. 3029, л.л. 24—31 об.

ся интересный материал по истории, этнографии и исторической географии описываемого региона⁵⁹⁹.

Г. И. Филипсон, говоря об особой дружбе между Лисовским и Тражковским, подчеркивал, что «несчастье только закалило их характер». Оба они много лет служили на береговой линии солдатами, неся «всю тяжесть службы в этом убийственном климате», они были известны как «люди способные, образованные, твердого характера и трудолюбивые»⁶⁰⁰.

В 1837 году прапорщик Лисовский был назначен приставом в Цебельде. Объясняя этот свой выбор, барон Розен писал, что он «в продолжение долговременного служения в Абхазии хорошо ознакомился с характером, обычаями здешних народов и может даже объясняться на их языке», т. е. на абхазском языке⁶⁰¹. Лисовскому было поручено, «как имеющему основательные сведения в типографии», обозреть части Главного Кавказского хребта, пролегающего через Цебельду, чтобы установить возможности постоянного сообщения по этому направлению с Кавказской линией⁶⁰². В 30-х же годах он тщательно изучает Цебельду и Псху — эти обширные горные районы Абхазии, устанавливает с их населением дружественные отношения. В своих докладных записках и рапортах Лисовский сообщает немало сведений, представляющих особый интерес для исследователя социально-экономической жизни Абхазии первой половины XIX века⁶⁰³.

В 1839 году Лисовский участвовал в военной экспедиции Раевского, в высадке в Субаши. В 1842 году он вместе с группой местных знатоков горных путей производит рекогносцировку через становой хребет Кавказа от Сухума до укрепления Хумары и от Бамборы до Ахметогорского укрепления. За этот самоотверженный поступок Ф. Я. Лисовский был произведен в капитаны⁶⁰⁴. В том же году ему и штабс-капитану А. Ф. Тржасковскому, как знающим грузинский язык, было поручено сделать описание: первому — Сванетии, второму — Мегрелии и Гурии, т. е. районов, которые должны были войти в четвертое отделение Черноморской береговой линии. Лисовский побывал во всех ущельях и населенных пунктах Сванетии и составил глазомерную карту. В 1843 году молодые офицеры представили целый фолиант, заключающий в себе «верную картину» названных районов и много ценных данных⁶⁰⁵.

А. Ф. Тржасковский в 1838 году был произведен в прапорщики и заведовал канцелярией управляющего Абхазией, Мингрелией и Гурией, затем являлся старшим адъютантом дежурства штаба

⁵⁹⁹ Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Участники польского национально-освободительного движения 20—40-х гг. в Абхазии.— Известия АИЯЛИ, 1973, т. II.

⁶⁰⁰ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236, 281.

⁶⁰¹ АКАК, т. VIII, с. 461.

⁶⁰² ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Лисовский Ф. Я.

⁶⁰³ См.: Там же, д. 1361/384, лл. 1—7; АКАК, т. XII, с. XII.

⁶⁰⁴ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, лл. 1—10; ИРК, ф. Вейденбаума Е. Г., картотека — Лисовский Ф. Я.

⁶⁰⁵ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 280—281; АКАК, т. XII, ч. I, с. XII; КЭС, П. М., 1958, с. 206—207.

войск Черноморской береговой линии, а в 1839 году был назначен «состоять при владетеле Абхазии»⁶⁰⁶. В 1846 и 1847 годах он в газете «Кавказ» опубликовал два очерка, посвященные истории и социальным отношениям Гурийского княжества, а также академику М. И. Броссе, совершившему археологическое путешествие по Кавказу в 1847 году, оказал большую услугу, сообщив ему разные исторические сведения и передав копии с надписей на храмах в Гурии и Имеретии.

В 20—30-х годах в Абхазии служил сперва в качестве командира 44-го егерского полка, а затем командующего войсками генерал А. Г. Пацовский (1788—1839), родом из г. Вильно⁶⁰⁷. Участник русско-турецких войн 1806—1812 и 1826—1829 годов. В его отрядах было много сосланных декабристов и польских революционеров. Пацовский стремился сблизиться с местным населением, и с этой целью он взял к себе «на воспитание» С. Званба и Н. Шакрыла, из которых первому помог и в получении специального образования в Петербурге. Кроме того, лесопильный «завод», построенный им для обеспечения воинских частей материалами, сделал «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»⁶⁰⁸. Пацовский много сделал по благоустройству Бамборского и других укреплений.

Примечательны личности двоюродных братьев К. Г. Игельстрома (род. в Шумске Волынской губ.) и А. И. Вегелина (род. в Варшаве), о которых было сказано выше⁶⁰⁹.

На Черноморье находились также офицеры Карове и Седлицкий. Подполковник Карове был участником всех наполеоновских войн, а во время Польского восстания 1830—1831 годов командовал полком. На Черноморской береговой линии Карове сперва командовал 5-м батальоном, а затем Раевский назначил его военным начальником Новотроицкого укрепления. Вскоре он стал известным ближайшим даже «немирным горцам, и нередко случалось, что они приходили к старику (ему было около 60 лет.— Г. Д.) с просьбами разбирать их ссоры или тяжбы», благодаря ему улучшилась продовольственная обеспеченность гарнизона и соответственно сократились случаи болезни среди солдат⁶¹⁰.

Сальва Седлицкий был родом из Владимирского уезда Волынской губернии. Он служил офицером в Херсоне, но в октябре 1831 года по распоряжению Николая I был арестован «за намерение бежать в Литву на присоединение к польским мятежникам», затем переведен на Кавказ, где служил в 7-м Кавказском, 1-м и 8-м Черноморских линейных батальонах⁶¹¹. Назовем еще Зенона

⁶⁰⁶ АКАК, т. XII, ч. I, с. XII; ЦГИАГ, ф. 14719, оп. 3, д. 217, л. 10.

⁶⁰⁷ Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Участники польского национально-освободительного движения в Абхазии, с. 50.

⁶⁰⁸ [Торнау Ф. Ф.] Воспоминания кавказского офицера, ч. I, с. 36.

⁶⁰⁹ Помимо указ. источников и литературы см. также: Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение, м., 1959.

⁶¹⁰ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236—237.

⁶¹¹ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, л. 31.

Карвицкого, участника восстания 1830—1831 годов, солдата Навагинского пехотного полка — с 1836 года ⁶¹².

Особо следует сказать о В. И. Багриновском ⁶¹³. В январе 1839 года он был исключен из Виленской медико-хирургической академии и в числе более 20 других студентов, обвинявшихся по делу выдающегося польского революционера Шимона Конарского («конарщина»), выслан на Кавказ. Был он определен солдатом в 5-й Черноморский линейный батальон. Вскоре он был «замечен» Раевским в укреплении Вельяминовском и переведен в Сухум, где начал работать лекарем. В 1843 году Багриновский был произведен в унтер-офицеры с назначением заведовать Сухумским ботаническим садом.

Врачебная деятельность содействовала его сближению с абхазским населением, к которому он с самого начала проявлял глубокий гуманизм и искреннее стремление оказать возможную медицинскую помощь. Новый начальник Черноморской береговой линии генерал Будберг отмечал, что «всегдашняя его готовность и опытность в лечении местных болезней приобрели ему известность и доверие между туземными жителями» ⁶¹⁴. Багриновский ездил за несколько десятков верст, в глубь страны, «даже к непокорным горцам» ⁶¹⁵.

В октябре 1843 года Багриновский подал докладную записку на имя начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерала Муравьева, в которой подробно излагал план своих действий в новом для него крае. Багриновский просил отпустить ему средства для оказания медицинской помощи населению, считая, что эта мера будет иметь и важное политическое значение. «А мне,— писал он далее,— доставит случай собирать важные сведения о целом крае в отношениях естественной истории и географии, а больше всего может довести до полезных открытий в медицине...». На первый случай Багриновский просил снабдить его аптечкой и назначить на некоторое время хорошего переводчика, который мог бы ему «подсобить к изучению абхазского языка». Все эти его предложения были удовлетворены в 1844 году ⁶¹⁶.

В. И. Багриновский в 1845 году на медицинском факультете Харьковского университета сдал экзамен на звание лекаря. В связи с этим он был уволен из военного ведомства и назначен окружным лекарем и заведующим аптекой для обслуживания жителей Сухума и всего края.

Одновременно Багриновский продолжал успешно заниматься садоводством. На базе его сада и возник нынешний Сухумский ботанический сад. В 1840 году благодаря Н. Н. Раевскому Сухумский сад был взят военным ведомством и преобразован в военно-

⁶¹² ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума, картотека — Карвицкий З.

⁶¹³ Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Участники..., с. 52—55.

⁶¹⁴ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 18—19.

⁶¹⁵ Селезнев М. А. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, М., 1847, с. 178.

⁶¹⁶ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 5—6, 24—25.

ботанический сад. Его заведующим был назначен Багриновский, который сыграл большую роль в его дальнейшем развитии.

Известный знаток Кавказа М. А. Селезнев, посетивший Сухум в 1941 году, писал, что сад находился под наблюдением «умного ботаника, абхазского доктора»⁶¹⁷. Если его площадь во время закладки равнялась 0,5 дес., то в 1841 году было отведено еще 3 дес., а количество разводимых видов растений в 1842 году доходило до 64. Сухумский ботанический сад под руководством энтузиаста Владислава Багриновского постепенно становится научным центром акклиматизации субтропических растений, которые распространялись на юге России. Уже осенью 1840 года по указанию Раевского из «школы» Багриновского было взято 6 тыс. корней разных деревьев для рассадки в береговых укреплениях (Бамбора, Пицунда, Гагра, Адлер и др.)⁶¹⁸.

Недалеко от этих мест, в Зугдиди, в одно время находился известный польский поэт Войцех Потоцкий. По характеристике Ф. Ф. Торнау, это был «во всех отношениях замечательно талантливая личность», прибыл на Кавказ «не по собственному желанию и принужденно обретаясь в скромном чине армейского прапорщика... Розен назначил его с большим содержанием чем-то вроде английского резидента ко двору владетеля Мингрелии»⁶¹⁹. По сообщению же А. Зиссермана, Потоцкий был выслан на Кавказ за участие в восстании 1830 года, провел несколько лет в Мегрелии и стал большим другом ее владетеля Даддани. Он «был знаком со многими сосланными на Кавказ декабристами, с Александром Бестужевым был в близких отношениях»⁶²⁰.

В близких отношениях Потоцкий был и с В. Д. Вольховским. 24 марта 1835 года он из Зугдиди, резиденции мегрельских владетелей, отправил ему обширное письмо, в котором, в частности, говорится о «свободных сванах», Даддани, Дадашкелиани, Ломаури и других⁶²¹.

Следует также отметить, что Войцех Потоцкий и Петр Завицкий имели даже отношение к заговору 1832 года. Руководители заговора в лице этих поляков видели серьезную опорную силу.

В Грузии Потоцкий написал ряд стихотворений, занимался переводами, в том числе произведений А. Одоевского и А. Чавчавадзе⁶²².

Большого внимания заслуживают также замечательные поэты Тадеуш Ладо-Заболоцкий, Леон Яншевский и Владислав Стшельницкий, сосланные на Кавказ также за революционную деятельность. Здесь они провели большую часть своей жизни, и вдохновленные величием края создали произведения, проникнутые лю-

⁶¹⁷ Селезнев М. Указ. соч., с. 178.

⁶¹⁸ Радожицкий Ил. Указ. соч., с. 42, 48—49.

⁶¹⁹ РВ, 1969, № 4, с. 703.

⁶²⁰ Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе, т. I. СПб., 1879, с. 130.

⁶²¹ Шадури В. Покровитель декабристов., с. 34.

⁶²² Там же, с. 35.

бовью к природе и населению края. В истории польской литературы они известны как группа «польских кавказских поэтов».

Заболоцкий, который в 1837 году был сослан в Грузию, занимает особое место в развитии грузино-польских литературных взаимоотношений. С этой точки зрения представляет большой интерес и Александр Ходзько. Он был первым в XIX веке, кто сделал достоянием своего народа бессмертное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»⁶²³.

* * *

Сосланные на Кавказ декабристы и их единомышленники продолжали оставаться на идейных позициях, характерных для русских дворянских революционеров. Они, конечно, были далеки от народных масс, их коренных интересов. Но эти декабристы, как и вся их плеяда, являлись теми передовыми деятелями своего времени, которые, по словам В. И. Ленина, «помогли разбудить народ»⁶²⁴. Восстание декабристов было яркой страницей в великой борьбе русского народа против царского самодержавия.

Декабристы как прогрессивные люди России осуждали реакционную политику царизма на Кавказе, сочувственно относились к борьбе народов России за свою свободу, против социального и национального гнета. Они ратовали за тесное содружество русского народа с народами Кавказа, за их экономическое и культурное развитие. Их пребывание на кавказской земле оставило памятный след в ее истории.

⁶²³ Подробнее см.: Дзидзария Г. А. Участники польского национально-освободительного движения в Абхазии, с. 59 и др.

⁶²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 398.

УЧАСТНИКИ ПОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ 20—40-х гг. XIX в. В АБХАЗИИ *

Дружба и революционная солидарность советского и польского народов, имеют глубокие корни. Каждая страница этой истории вызывает интерес. В настоящей статье речь идет о деятельности в Абхазии и частично в некоторых других районах Кавказа, главным образом, участников польского национально-освободительного движения 20—40-х годов XIX столетия. Многие из них продолжали здесь справедливую борьбу, в отдельных случаях — совместно с декабристами, также сосланными на Кавказ.

Произвол и насилие царизма вызвали глубокое недовольство в Польше, как и во всей Российской империи. Стали возникать тайные общества и союзы, которые являлись носителями передовых идей революционно-освободительного движения, хотя они и были далеки от народа. Так, в 1821 году в Польше было организовано «Патриотическое общество», поддерживавшее связи с «Южным обществом» декабристов. Как известно, русские дворянские революционеры свободу русского народа неразрывно связывали с освобождением всего человечества. Они с полным сочувствием относились и к польскому движению¹. Многим декабристам при их осуждении ставили в вину связь с «Польским обществом». Так, например, Н. И. Лорер обвинялся именно в том, что он «слышал

* Известия АИ ЯЛИ, т. II. Тбилиси, 1973, с. 42—60.

¹ См.: «История Польши», т. I. М., 1956, с. 524—527; Медведская Л. А. Южное общество декабристов и польское Патриотическое общество (в сб.: «Очерки по истории движения декабристов». М., 1954); Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение, М., 1959; Н. С. К. Польские смуты перед восстанием 1831 года (в журн.: Исторический вестник, 1880, т. III, № 11, с. 584—586); Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема в политических планах декабристов (в сб.: Очерки по истории движения декабристов. М., 1954, с. 186—275); И. Бекер. Декабристы и польский вопрос. «Вопросы истории», 1948, № 3; Очерки революционных связей России и Польши. 1815—1917. М., 1976.

о сношениях» с этим обществом². Следствие по делу декабристов в конце концов и раскрыло деятельность «Патриотического общества»³.

Следует также отметить, что немало подлинных польских патриотов, наряду со многими представителями народов Российской империи (украинского, грузинского и т. д.), были членами и других русских тайных обществ. Например, декабрист Юлиан Люблинский был в числе основателей «Общества соединенных славян», а до этого являлся членом одной из польских тайных организаций⁴. Указанное общество, как выразился один из его руководителей, «имело главной целью освобождение всех славянских племен от самодержавия»⁵.

Царская охранка выследила и арестовала членов «Патриотического общества» (1826 г.) и других организаций. Тем не менее подобные общества и кружки не прекращали своего существования, а революция во Франции и Бельгии в 1830 году вселяла в их членов уверенность в возможную победу. В 1830—1831 годах в самой Польше произошло восстание, направленное против российского самодержавия. Но оно было жестоко подавлено. Сотни осужденных на каторгу в Сибирь, зачисленных в солдаты, тысячи семейств, переселенных в глубинные губернии России, стали жертвами правительства Николая I. Та же участь постигла участников последующих польских тайных национально-освободительных обществ и революционных выступлений.

Польское национально-освободительное движение, как подчеркивал В. И. Ленин, имело громадное значение для русской и европейской демократии и для пробуждения и политического воспитания масс не только в России, но и в Европе⁶.

Одним из мест, куда в наказание посылали как русских «беспокойных» вольнодумцев и «штрафованных» военных (солдат и офицеров), так и польских революционеров и военнопленных, был Кавказ, который Александр I окрестил «теплой Сибирью». А Абхазия и Черноморье считались чуть ли не «самыми суровыми» и «опасными» районами этого края. В ту пору здесь почти каждый царский гарнизон находился фактически в осадном положении; военные действия все более и более разгорались. Кроме того, пагубно влиял на указанных лиц непривычный сырой климат этих мест, порождавших малярию.

Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский в 1836 году писал, что

² Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. Алфавит декабристов. Л., 1925, с. 116.

³ Декабристы зафиксировали в своей программе, что Польша должна стать независимым государством. Пестель в «Русской правде» выражал надежду видеть будущую Польшу республикой. Декабристы призывали поляков действовать совместно против общего врага — царского самодержавия.

⁴ Чулков Н. П. Автобиография Ю. К. Люблинского. — Литературное наследство, т. 60, кн. I. М., 1956, с. 249—254; Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII, с. 120, 348.

⁵ Цит. по: Бэльза И. Передовая русская интеллигенция и восстание 1863 года — История и культура славянских народов, М., 1966, с. 5.

⁶ Смирнов А. Ф. К вопросу о ленинской концепции освободительного движения в России. — История СССР, 1970, 2, с. 54.

в царских укреплениях на Абхазском побережье «нет ни зелени, ни живности, потому что за завал нельзя высунуть носа, а в самой крепости ходить — пули врагов с окрестных скал бьют людей на койках. Полтора комплекта в год поедается там цынгою и лихорадками, и не было примера, чтобы кто-нибудь выжил там более двух лет или после двух лет возвратился без страданий до конца жизни, а жизнь коротка после Гагр»⁷.

Прежде всего на Кавказ были сосланы военнопленные поляки из армии Наполеона I. По сообщению историка С. Л. Авалиани, весной 1813 года из разных губерний направлено было в Георгиевск 6 830 пленных поляков, из них в войска Кавказской линии определены 2 072 человека⁸. В одной партии пленных, в 150 человек, находился Станислав Новацкий, который по возвращении на родину описал свое «путешествие». В его неприятном повествовании содержатся интересные сведения, в частности, о положении жизни польских пленных на Кавказе⁹. В конце 1814 года польским военнопленным было разрешено вернуться на родину, но некоторые из них предпочли остаться на Кавказе¹⁰. Один из них, попавший в рабство в 1820 году, жил в с. Лыхны, в доме владельца Абхазии*.

В 1831 году, после подавления польского восстания, на Кавказ, в Тенгинский полк, были высланы 95 пленных поляков¹¹. Английский журналист Эдмунд Спенсер, побывавший на Кавказе в 1836 году, свидетельствовал, что некоторые поляки, взятые в плен из числа восставших или «изгнанных за свои политические убеждения», были посланы сюда служить в качестве солдат, так как на этот край правящие круги России смотрели «как на вторую Сибирь или скорее, может быть, как на школу, в которой непослушные подданные получают уроки повиновения»¹².

В войсках, стоявших в Пятигорске и его окрестностях, было немало ссыльных поляков¹³. Находились они и в других местах. М. Ф. Федоров, например, в Ольгинском укреплении на Кубани в 1835 году видел трех бывших гимназистов — Добрского, Рандерата и Яворского¹⁴. Среди этих ссыльных поляков был также Роман Сангушко, родом из Волынской губернии, получивший образование в Берлинском университете. Во время восстания 1831 года в Польше он был взят в плен с оружием в руках и, лишенный

⁷ Русский вестник, 1870, т. 88, № 7, с. 68.

⁸ Авалиани С. Заметки к истории войны 1812 г., Пгр., 1914. с. 19.

⁹ Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг. Тбилиси, 1946, с. 128—129.

¹⁰ Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965, с. 296.

* ЦГАДА СССР, ф. 1261/1, д. 2896, л.л. 86—88.

¹¹ [Ракович Д. В.] Тенгинский полк на Кавказе. 1819—1846. Тифлис, 1900, с. 107.

¹² Spenser. E. Travels in Circassia, Krim Tartary, vol. I, London, 1838, p. 270.

¹³ Бронштейн Н. Доктор Майер.— Литературное наследие. М., 1848. №№ 45—46, с. 480, 494.

¹⁴ Федоров М. Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год.— Кавказский сборник. Тифлис. 1879, т. III, с. 5.

дворянского достоинства и чина, сослан на поселение в Сибирь. В 1834 году Сангушко перевели на Кавказ, где он служил в Тенгинском пехотном полку (правый фланг Кавказской линии), а с 1836 года — в 1-м Кавказском линейном батальоне прапорщиком¹⁵. Как сообщает подполковник Казасси главнокомандующему на Кавказе барону Г. В. Розену в рапорте от 21 сентября 1835 года, декабристы А. Бестужев-Марлинский и В. Голицын, известный прогрессивный деятель доктор Н. Майер и Р. Сангушко в это время жили в Пятигорске и что Голицын и Сангушко «по вечерам посещали Бестужева и друг друга, но вели себя весьма скромно». Причем, Сангушко «видался с поляками из посетителей»¹⁶. Покинул он Кавказский край в 1838 году.

Многие из участников польского восстания служили также в воинских частях, дислоцированных в Тифлисе, Кутаисе и других городах Грузии. Вскоре между ними и грузинской общественностью устанавливается тесный контакт, некоторые же из них имели отношение и к заговору 1832 года грузинского дворянства. Грузинских прогрессивных деятелей вдохновляло польское восстание, как до этого — восстание декабристов. Значительная часть польских патриотов навсегда обосновалась в Грузии¹⁷.

Многие поляки переселялись на Кавказ сами, прибывая сюда через Турцию с «благословения» ее правителей и их английских и других западных партнеров, а некоторые направлялись сюда большими партиями как рекруты из Королевства Польского (Царства Польского)¹⁸. Например, в 1835 году в войска Отдельного Кавказского корпуса из города Варшавы, а также из Люблинского, Сандомирского, Мазовецкого, Краковского и других воеводств было набрано 2 550 рекрутов. Общее же количество рекрутов из Польши по набору 1838 года равнялось 4 358 чел., а в 1839 году — 5 450¹⁹.

В результате всех перечисленных обстоятельств на Кавказе оказалось значительное количество поляков. Однако эта масса, как и вся польская эмиграция, что нетрудно заметить из сказанного выше, состояла из людей разных социальных групп и политических направлений. Например, среди ее реакционной части было немало таких, которые, действуя здесь, всемерно способствовали агрессивным планам Англии и Турции.

¹⁵ Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, ф. Е. Г. Венденбаума, Словарь (Картотека) кавказских деятелей — Сангушко Р. Е.

¹⁶ Акты, собранные кавказскою археологическою комиссиею (АКАК), т. VIII. Тифлис, 1881, с. 967.

¹⁷ ნიკოლოზი შვილი ნ. 1830—1831 წლების პოლონეთის აჯანყება და საქართველოს მოწინავე საზოგადოება. „მაცნე“, 1867, 2, გვ. 67, 72—75, 79—82;

Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа и др. История Грузии, I. Учебное пособие. Тбилиси, 1862, с. 456—459.

¹⁸ На основании распоряжения Николая I от 3/15 декабря 1834 года было составлено «Наставление о приеме рекрут Царства Польского в военное ведомство и содержащих их на местах набора», утвержденное главнокомандующим действующей армии графом И. Ф. Паскевичем (ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 751, л. л. 7—10).

¹⁹ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 751, л. л. 3—3 об. 16.

Но нас интересует другая категория поляков, в числе которых преобладали солдаты (имеются в виду и разжалованные лица), сосланные или направленные сюда в качестве рекрутов. Среди них именно выходцам из трудовых масс приходилось нести все тяготы солдатской жизни в суровых природных и военных условиях Кавказа. В «Наставлении о приеме рекрут Царства Польского в военное ведомство и содержании их на местах набора», в статье «е» (§ 16), говорится: «Рекрут из дворян, штаб- и обер-офицерских детей, гражданских чиновников, равняющихся с штаб-офицерами, и дети чиновников, имеющих ордена... помещать отдельно от прочих и не позволять с ними иметь обращение грубое, но поступать прилично их происхождению». В примечании к указанному параграфу также подчеркивалось, что «поименованные лица не наказываются телесно»²⁰.

Солдаты, «наказываемые телесно», чаще всего и переходили на сторону борющихся горцев, у которых они находили приют, пищу, одежду. По этому поводу офицер генерального штаба В. И. Мочульский писал: «С тех пор, как на Кавказ направляются большие партии рекрутов западных губерний и Царства Польского,— эти ренегаты стали много появляться в горах и без всякого сомнения способствовали действиям дагестанцев и черкес»²¹. По утверждению майора Варнера, в армии Шамиля был специальный батальон, состоящий из русских и польских беглых солдат²².

Английские агенты-разведчики Белл и Лонгворт, орудовавшие на Западном Кавказе, писали о многих польских «перебежчиках»²³. В Джубье Белл в 1837 году беседовал с одним из них, а в Адагуме встретил еще двух поляков, «только что бежавших с берегов Абуна», в «серых шинелях»²⁴. В Семезе он видел поляка по имени Станислав. Это был «живой... молодой человек», который «уже пять лет как... дезертировал» из царской армии; «говорил он по-черкесски бегло, а сейчас был занят изучением французского языка». Станислав — «большой приятель местных жителей, со многими из которых он часто ходил вместе в битву»²⁵.

Генерал Г. И. Филипсон, служивший в 30—40-х годах на Черноморской береговой линии в качестве начальника штаба, писал: «...На Кавказе я встречал множество поляков, в разных чинах и положениях... Поляков в войсках Береговой линии, офицеров и солдат, было более 10%. Беглецов к горцам было между поляками соразмерно не более, чем между русскими...»²⁶.

Полковник Теофил Лапинский (Тефик-бей) в феврале 1857 го-

²⁰ Там же, л. л. 7—8.

²¹ Мочульский В. И. Война на Кавказе и Дагестане, ч. I. Политическая. 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, л. 73-об.

²² Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.—Л., 1939. с. 125.

²³ См.: Bell J. S. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837—1838, vol. I. London, 1840; I. A. Longworth. A year among the Circassians, vol. I. London, 1940, p. 194—195; vol. II, p. 30.

²⁴ S. Bell J. Указ. соч., т. I, с. 75, 123,

²⁵ Там же, стр. 265.

²⁶ Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1885, с. 215.

да в районе Туапсе встречался с одним солдатом бывшей польской армии, который после восстания 1830—1831 годов в Польше был определен в Кавказскую армию, но вскоре бежал к черкесам. Старый солдат в конце концов попал в рабство и в течение 20 лет влачил жалкое существование. У него были жена и дети, но он не имел на них права, как на собственную семью. Знал он превосходно язык и условия страны ²⁷.

С. Смоленский, офицер сотни, стоявшей в Бамборе летом 1859 года, беседовал с пленным русским солдатом, который рассказывал, что, странствуя по горам, ему часто приходилось видеть пленных и беглых солдат, из которых последние — «большую часть поляки» ²⁸.

Враждебная России английская дипломатия на Кавказе пыталась использовать и этих беглых польских солдат, многие из которых, как и часть русских солдат, принимали бескорыстное участие в борьбе кавказских горцев за свою независимость, но в конце концов завербованные англичанами в своей массе были обращены в рабов — продавались в Трапезунде, где откупщики медных руд охотно приобретали их для работ ²⁹.

Вместе с тем Англия и Турция в своих интересах на Кавказе стремились широко использовать представителей польской политической эмиграции. Деятельность этих лиц обычно рассматривалась как деятельность польских патриотов, стремившихся, подняв горцев, ослабить этим царскую Россию и добиться восстановления независимости польского государства. При этом, как отмечал Маркс, почти не учитывалась их роль как орудия политики буржуазной Англии ³⁰. Речь идет о польских деятелях вроде князя Адама Чарторыйского, пытавшихся вмешаться в кавказские дела, но у которых, в сущности, не было никакого интереса к борьбе горцев. А попытка связать свои планы с англо-турецкой политикой неизбежно вела к подчинению польского вопроса политическим интересам этих государств, которые были ему в корне противоположны ³¹.

Перейдем теперь к конкретным данным, связанным прежде всего с Абхазией. Сперва обратим внимание на тот факт, что и здесь с береговых укреплений часто солдаты, в том числе поляки по национальности, совершали побег и оставшиеся еще неподвластными царской военной администрации горные районы, заселенные «вольными» абхазскими обществами, фактически не при-

²⁷ Lapinski T. Die Bergvölker des Caucasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen, Bd. II. Hamburg, 1863. S. 36.

²⁸ Смоленский С. Воспоминания кавказского офицера.— Военный сборник, 1872, № 9, стр. 164.

²⁹ АКАК. т. IX, с. 454.— Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 8 апреля 1838 года.

³⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 11, с. 514—515.

³¹ Вежховский М. Польское национально-освободительное движение в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Украине и русско-польские революционные связи. 1830—1849 гг. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1958, с. 14.

знававшими и владельца Абхазии. И когда в 1840 году генерал Н. Н. Раевский построил в Цебельде укрепление Марамба (Мрамба), то вокруг него обосновались люди, в числе которых были 70 беглых и пленных солдат, из них — 13 поляков.

К. Д. Мачавариани писал по этому поводу: «В этих краях нередко можно было наблюдать такую картину: глава семьи — Станислав Янковский, жена — Гугу, сын — Тухи, дочь — Фатьма»³². В Абхазии и сейчас встречаются абхазские семьи с польскими фамилиями, а многие из них в XIX веке эмигрировали в Турцию, во время известного махаджирства.

В 1828 году по резолюции великого князя Константина Павловича на Кавказ были сосланы в качестве солдат студенты Виленского университета А. Ф. Тржасковский, К. И. Зах и Ф. Я. Лисовский³³ за принадлежность к тайному политическому обществу «Приверженцы отечества» или «Сарматское племя». Причем, Зах, который, как видно, играл особенно активную роль (в «учреждении и распространении» указанного общества), называется «начальником штаба»³⁴. На Кавказе эти молодые поляки были определены в Нижегородский драгунский полк, которым командовал тогда Н. Н. Раевский (младший). Примерно в это время в названном полку служили также Франц Борковский и Андрей Яневич. Почти все эти «злоумышленники» принимали активное участие в русско-иранской и русско-турецкой войнах³⁵.

Затем Лисовский, Тржасковский, Зах и некоторые другие опальные поляки служили на Черноморской береговой линии. Здесь они имели общение с декабристами С. И. Кривцовым, В. С. Норовым, А. А. Бестужевым-Марлинским, А. А. Фокком и др., а также с абхазскими интеллигентами С. Т. Званба и Н. Н. Шакрыл, с которыми им нередко приходилось служить в одной части³⁶. В июне 1834 года главнокомандующий на Кавказе барон Розен предложил для получения «верных сведений» о народах, обитающих на восточном берегу Черного моря между Абхазией и крепостью Геленджик, выбрать кого-либо из виленских студентов, сосланных в Абхазию за «преступление», «знающего язык сих народов»³⁷. Выбор пал на унтер-офицеров 7-го Черноморского линейного батальона Лисовского и Заха, которые 17 сентября 1834 года были отправлены для рекогносцировки Гагринско-

³² Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 267—268.

³³ Филиппсон Г. И. ошибается, когда пишет, что они были исключены из Киевского университета, так как он был открыт в 1834 году, т. е. спустя 6 лет после указанного факта.

³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., 1835 г., д. 81, лл. 9—10; В. П. Долгорукий. В рядах драгунского Нижегородского полка. Русская старина, 1882, № 8, с. 447—448; АКАК, т. XII, с. XII; Архив Раевских, т. III. СПб., 1910, с. 189; Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений, т. II, Ереван, 1961, с. 326 (прим. 49).

³⁵ Там же, с. 247—248.

³⁶ См.: Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии, Сухуми, 1970.

³⁷ Государственный исторический музей СССР. Отдел письменных источников, ф. 6, Г. В. Розена, т. 44, лл. 50—51.

го ущелья, в результате чего Лисовский и составил «Описание Гагринского ущелья»³⁸. В феврале 1839 года в укреплении Бамбора (вблизи нынешнего города Гудаута) им же было завершено составление довольно обширного «Замечания о местоположении гагринских окрестностей»³⁹. В этих отчетах содержится интересный материал по истории, этнографии и исторической географии указанного района.

В апреле 1835 года Ф. Я. Лисовский в Бамборе встречался с известным зоологом, профессором Одесского лицея А. Д. Нордманом, который собирал и изучал материалы по зоологии и ботанике, а также географии, этнографии и археологии. В кратком отчете об этом путешествии по Западному Кавказу ученый отмечает: «Любознательность г. Лисовского в Бамборах мне много помогла»⁴⁰. Кстати, здесь в это время, с апреля 1835 года, находился декабрист В. С. Норов, а до него — декабристы С. И. Кравцов и А. А. Фок. Посылали же таких людей именно сюда, ко всему прочему, потому, что в Бамборском укреплении, как сообщал командир Отдельного Кавказского корпуса 15 декабря 1838 года, «средним числом... умирает ежегодно 111 человек из 748... климат так был вреден»⁴¹.

Г. И. Филипсон, отмечая особую дружбу между Лисовским и Тржасковским, подчеркивал, что «несчастье только закалило их характер»⁴². Оба они много лет служили на береговой линии солдатами, неся «всю тяжесть службы в этом убийственном климате»; они были известны как «люди способные, образованные, твердого характера и трудолюбивые»⁴³.

В 1837 году Лисовского⁴⁴ мы видим в чине прапорщика 5-го Черноморского линейного батальона, когда Г. В. Розен назначил его приставом в Цебельде. Объясняя этот свой выбор, барон Розен писал военному министру А. И. Чернышеву 20 мая 1837 года, что Лисовский «в продолжение долговременного служения в Абхазии хорошо ознакомился с характером, обычаями здешних народов и может даже объясняться на их языке», т. е. на абхазском языке⁴⁵. Причем, цебельдинский пристав подчинялся непосредственно командующему войсками в Абхазии подполковнику Б. Г. Чилаеву (Чилашвили). Это был видный деятель грузинской культуры первой половины XIX века, имевший широкие связи с декабристами, в первую очередь с А. А. Бестужевым-Марлинским. Лисовскому было поручено, «как имеющему основательные сведения в топографии», обозреть «с особенным тщанием» часть Главного Кав-

³⁸ См.: Государственный архив Краснодарского края, ф. 249, оп. 1, д. 3029, л.л. 20—23.

³⁹ См. там же, л.л. 24—31.

⁴⁰ Нордман [А. Д.] Путешествие по Закавказскому краю.— Журнал Министерства народного просвещения, 1838, ч. XX, № 11, с. 419.

⁴¹ Архив Раевских, т. III. СПб., 1910, с. 57.

⁴² Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236.

⁴³ Там же, с. 281.

⁴⁴ О нем: Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, Словарь (Картотека) кавказских деятелей.— Ф. Я. Лисовский.

⁴⁵ АКАК, т. VIII, с. 461.

казского хребта, пролегающего через Цебельду, чтобы установить возможности по этому направлению постоянного удобного сообщения с Кавказской линией⁴⁶.

Лисовский тщательно изучает Цебельду и Псху — эти обширные горные районы Абхазии, устанавливает с их населением дружественные отношения. Он сообщает немало сведений, представляющих особенный интерес для исследователя социально-экономической жизни Абхазии первой половины XIX века. Таковы, например, его докладная записка полковнику Катенину от 24 мая 1838 года⁴⁷, рапорт начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса генералу П. Е. Коцебу от 8 февраля 1839 года⁴⁸. В последнем документе говорится, в частности, о том, как владелец Абхазии М. Шервашидзе требовал от жителей села Джгерда выдачи «находящихся там беглых и пленных русских солдат».

В 1838 году Тржасковский был произведен в прапорщики и заведывал канцелярией генерала Я. М. Эспехо — управляющего Абхазией, Мингрелией и Гурией, а затем являлся старшим адъютантом дежурства штаба войск Черноморской береговой линии⁴⁹. Из записки Эспехо об Абхазии, относящейся к апрелю 1839 года, видно, что подпоручик Тржасковский был назначен «состоять при владетеле Абхазии»⁵⁰. В начале 40-х годов он был старшим адъютантом в управлении Черноморской береговой линии⁵¹.

По сообщению генерала Филипсона, в 1842 году штабс-капитанам Лисовскому и Тржасковскому, которые знали грузинский язык, было поручено сделать по возможности полное описание: первому — Сванетии, второму — Мегрелии и Гурии, т. е. районов, которые должны были войти в четвертое отделение береговой линии и которые царскому командованию были мало известны. В 1843 году эти молодые офицеры представили целый фолиант, заключавший в себе «верную картину» указанных районов и множество данных⁵².

В 1846 году Тржасковский на страницах газеты «Кавказ» опубликовал статью «Краткий исторический очерк Гурии», а в следующем году — «О сословиях в Гурии», в которой дается характеристика социальных отношений в Гурийском княжестве перед его присоединением к России и изменений, происшедших в этой области после присоединения⁵³. Кроме того, в том же году, во время археологического путешествия академика М. И. Броссе по Кавказу, Тржасковский, знавший хорошо грузинский язык, сообщил ученому разные исторические сведения и передал копии с

⁴⁶ Там же, с. 462.

⁴⁷ Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, д. 1361/384, лл. 1—7.

⁴⁸ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, 1839 г., д. 225, лл. 4—6.

⁴⁹ АКАК, т. XII, с. XII.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 3, д. 217, л. 10.

⁵¹ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236.

⁵² Там же, стр. 280—281; АКАК, т. XII, с. XII; Кавказский этнографический сборник, II. М., 1958, с. 206—207.

⁵³ См.: Кавказ, 1847 г. 4 октября.

надписей на храмах в Гурии и Имеретии⁵⁴. В 50-х годах, будучи отставным майором, Тржасковский управлял имениями А. М. Раевской, жены Н. Н. Раевского (младшего)⁵⁵.

Что касается Лисовского, то ему, «имеющему основательные сведения в топографии», удалось посетить все главные ущелья и населенные места Сванетии и составить глазомерную карту⁵⁶. Кроме того, в октябре 1842 года он совершил трудный и опасный двухкратный переход через Главный Кавказский хребет из Абхазии на Лабинскую линию. Лисовский произвел рекогносцировку через становой хребет Кавказа от Сухума до укрепления Хумары и от Бамборы до Ахметогорского укрепления. Его сопровождали местные знатоки горных путей Кизилбек Маршания, Сабыда Амичба, Ханаш Уанача, Трам Капба, Кемышв Андерба, Аздамыр Ашуба, Софан Абжарба, Чахмат Ардзынба и Яса Куджба. За этот самоотверженный поступок Лисовский был произведен в следующий чин (капитана), а участники экспедиции, по ходатайству предводителя, материально вознаграждены⁵⁷.

В 20—30-х годах в Абхазии служил, в качестве сперва командира 44-го егерского полка (с 1823 г.), а затем командующего войсками (с 1834 г.), полковник (с 1835 г. генерал-майор) Андрей Григорьевич Пацовский (1788—1839), сын стародубского поручика (род. в г. Вильно)⁵⁸. Участник русско-турецких войн 1806—1812 и 1826—1829 годов. По отзыву современников (Ф. Ф. Торнау, Г. И. Филипсон и др.), Пацовский был человек умный и опытный. В его войсках было много декабристов и польских революционеров. Пацовский стремился сблизиться с местным населением. С этой целью, чтобы «составить новую связь с абхазцами», он около 1824 года взял к себе «на воспитание» Соломона Званба и Николая Шакрыл, а затем, в 1828 году, первый был определен в Дворянский полк (Петербург). Это был тот С. Званба, который впоследствии прославился как первый абхазский ученый-этнограф и герой Крымской войны (погиб 25 октября 1855 года во время знаменитого Ингурского боя в чине подполковника). Ф. Ф. Торнау, встречавший Пацовского в 1834 году, весьма одобрительно отзывался о нем за его «прямой характер и здравый смысл», в частности, за «политику» установления добрососедских отношений с абхазским населением⁵⁹. Недалеко от бамборского укрепления, являвшегося его местопребыванием, Пацовский в начале 30-х годов построил лесопильный «завод», который снабжал досками и дранью воинские части, дислоцированные на территории Абхазии. Вместе с тем это предприятие служило «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»; аб-

⁵⁴ См.: Brosset. Voyage archéologique dans la Georgie. St.-Pt., 1850. Livraison 2-me second rapport, p. 183, 188.

⁵⁵ Кавказский этнографический сборник, II, с. 207.

⁵⁶ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 281.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, л. л. 1—10.

⁵⁸ АКАК, т. VIII, ч. I, стр. XV; Русский биографический словарь, т. 13 (Па — Пе), СПб., 1902, с. 424—425; Русский архив, 1904, вып. 1, с. 134, сн. 2; Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 191.

⁵⁹ Торнау [Ф. Ф.] Воспоминания кавказского офицера, ч. 1. М., 1864, с. 36.

казы мало-помалу стали приезжать на «завод» «выменивать и выпрашивать доски у Пацовского, которые он им давал под разными условиями»⁶⁰.

Примечательны личности двоюродных братьев К. Г. Игельстрома (род. в Волынской губ.) и А. И. Вегелина (род. в Варшаве). Они являлись членами «Общества военных друзей» и офицерами пионерного батальона. Отдельного Литовского корпуса. Названная тайная организация была связана с «Северным обществом» декабристов. Есть также предположение, что и со стороны «Южного общества» были приняты меры к пропаганде в среде Отдельного Литовского корпуса, части которого были расположены в Вилинской, Гроденской, Минской и Подольской губерниях и в Белостокском округе. Капитан Игельстром, поручик Вегелин и некоторые их единомышленники в декабре 1825 года пытались поднять восстание в войсках корпуса. В результате, по приговору суда, состоявшегося в 1827 году, Игельстром, Вегелин, Рукевич и другие были сосланы в Восточную Сибирь, туда, где томились на каторге декабристы⁶¹.

В 1837 году К. Г. Игельстром и А. И. Вегелин были переведены солдатами в войска Отдельного Кавказского корпуса, с установлением за ними «бдительного надзора»⁶². Состояли они в Кабардинском полку (отряд генерала Засса), стоявшего на р. Лаба. Игельстром в 1838—1840 годах принимал участие в экспедициях генерала Н. Н. Раевского на черноморской береговой линии. Декабрист А. П. Беляев, служивший на Кавказе одновременно с Игельстромом и Вегелиным, так отзывался о них: «Оба они были славные личности, благороднейших и честнейших правил и добрые товарищи»⁶³. В 1843 году оба они были уволены в отставку. Игельстром поселился в Таганроге (умер в 1851 году), Вегелин — в Полтаве (умер в 1859 году), где продолжали находиться под строгим надзором полиции. Интересно еще отметить, что А. И. Вегелин в 1859 году посетил А. И. Герцена в Лондоне, к которому он приехал с материалами для «Полярной звезды»⁶⁴.

На Черноморье находился также подполковник Карове, в 1840 году вступивший в русскую армию. Это был тот Карове, который являлся участником всех наполеоновских войн, а во время Польского восстания 1830—1831 годов командовал повстанческим полком. На Черноморской береговой линии Карове сперва командовал (в чине подполковника) 5-м батальоном, а затем генерал

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ЦГВИА СССР, ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1836 г., оп. 273, д. 404, л. 3; 1837 г., оп. 274, д. 2, л.л. 1—4; 1843 г., оп. 279, д. 30, л.л. 1—8; Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII. Алфавит декабристов. Л., 1925, с. 233—239; Дело и дни, Пгр., 1920, кн. I, с. 239—244; Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение, М., 1939, с. 190—213.

⁶² Павловский И. Ф. О декабристах Вегелине и Игельстроме.— Русская старина, 1911, т. 148, декабрь, с. 670.

⁶³ Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и прочувственном.— Русская старина, 1881, т. XXXII, октябрь, с. 256.

⁶⁴ Боровой С. Я. Миницкий и Вегелин. Вопросы истории, 1971, № 8, с. 199—200.

Раевский назначил его военным начальником Новотроицкого укрепления. Почтенный седой старик, лет шестидесяти, он стал вскоре известным даже ближайшим «немирным горцам, и нередко случалось, что они приходили к старику с просьбами разбирать их ссоры или тяжбы». Благодаря этому гарнизон мог выменять скот на порцию, отчего болезненность среди солдат заметно уменьшилась. При Карове находился и его 18-летний сын⁶⁵.

За участие в «последней польской революции» сюда был сослан и Онуфрий Гартер, который вскоре перешел на сторону горцев. Женившись на горянке, он жил в селении убыха Джамбулата Берзека. Гартер был связан с другими беглыми поляками, проживавшими в кавказских горах. Это был «человек смелый, предприимчивый, с большим присутствием духа». Но в 1845 году Гартер оказался «под строгим караулом» в укреплении Бамбора. Затем он «под строгим караулом» же был отправлен в Тифлис⁶⁶.

Следует назвать также И. В. Бентковского (1812—1890), прибывшего на Кавказ также «в серой шинели» и в кандалах после польского восстания 30-х годов. В 1836 году он поступил рядовым в Ставропольский казачий полк, а в 1842 году был произведен в офицеры. В Ставрополе Бентковский встречался с А. А. Бестужевым-Марлинским и другими опальными лицами. В 1857 году Бентковский, выйдя в отставку в чине сотника, стал заниматься сельским хозяйством и научно-литературной деятельностью. С 1861 года он начал работать в Ставропольском статистическом управлении, а с 1871 года стал его секретарем. И. В. Бентковский известен как видный краевед, публицист и этнограф⁶⁷. Его работы представляют интерес и для абхазоведов.

Особо следует сказать о Владиславе Багриновском. В Абхазии, куда его сослали, он проявил искреннее уважение и готовность оказать посильную помощь абхазскому народу. Происходил он из Житомирского уезда, Волынской губернии; родился приблизительно в 1804 году в польской дворянской семье. В 1812 году Владислав окончил Волынский лицей и поступил в Виленскую медико-хирургическую академию⁶⁸. Это учебное заведение вскоре становится одним из главных очагов революционно-демократического движения, связанного с именем Шимона Конарского. Этот

⁶⁵ Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 236—237.

⁶⁶ Госархив Краснодарского края, ф. 269, оп. 1, д. 559, л.л. 13—16.— Рапорт нач-ка 3-го отделения Черноморской береговой линии Врангеля нач-ку линии Будбергу от 14 августа 1845 г.

⁶⁷ Косвен М. О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник. III. М.—Л., 1962, с. 166; А. В. Попов. Декабрист А. А. Бестужев в Ставрополе.— Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 1. Ставрополь, 1849, с. 114—115.

Перу Бентковского принадлежат около 30 работ, в том числе: Частное землевладение и крестьянская колонизация на Северном Кавказе до 1804 года (Ставропольские губернские ведомости, 1876, 41), Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии (там же, 1878, 6—12; 1879, 15—18), Моздокские осетины (там же, 1880, 3), Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта (Кубанский сборник, 1883, 1) и др. (См. Д. Д. Пагирев. Алфавитный указатель... ЗКОРГО, 1913, кн. XXX, стр. 318).

⁶⁸ ЦГА Украинской ССР, ф. 710, оп. 3, д. 232, л.л. 5, 16—63; д. 236, л. 590; ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 18—19; ЦГВИА, ф. 1101, оп. 1, д. 14.

выдающийся польский революционер в 1836—1838 годах развернул энергичную деятельность на Украине, в Белоруссии и Литве, сумев создать конспиративную организацию численностью до 3 тыс. человек. Члены данной организации развивали традиции русско-польского революционного сотрудничества. Так, между Конарским и русскими революционными офицерами во главе с Н. Кузьминым-Караваевым установились связи⁶⁹. Среди студентов-медиков выдвигается талантливый революционный пропагандист и организатор белорусский поэт Франц Саввич, ставший общепризнанным вожаком молодежи Вильно⁷⁰.

В мае 1838 года царской полиции удалось захватить близ Вильно отважного эmissара Конарского. В письме к матери перед казнью он писал: «Считаю долгом сказать тебе, что умираю с чистой и спокойной совестью»⁷¹. К этому времени был арестован также ряд членов польских организаций. По делу «о конарщине» в январе 1839 года были привлечены к суду 215 человек, из них в г. Вильно — 72 человека⁷². Среди этих лиц находился и студент пятого (выпускного) класса Владислав Багриновский, как «прикосновенный»⁷³. Более 20 студентов-медиков, в том числе Савич, Багриновский и Вояковский, были высланы на Кавказ, где многие из них погибли под пулями. В феврале 1839 года Багриновский был определен солдатом в 5-й Черноморский линейный батальон; Савич стал солдатом 13-го Грузинского линейного батальона.

Дело, начатое Конарским и Савичем, не оборвалось с их арестом. Оставшиеся на свободе члены организации установили связи с товарищами, сосланными на Кавказ. Обычно они обменивались письмами через выпускников академии, назначаемых в кавказские войска. В 1841 году Ф. Савичу по «высочайшему повелению» надлежало отправиться в Вильно, т. к. следственная комиссия для «разыскания преступных намерений злоумышленников» находила нужным его присутствие. Но отправка его задержалась, т. к. он в это время находился по болезни в Кизлярском госпитале. После выписки из больницы Савич исчез; 22 апреля на левом берегу Терека было найдено платье Савича и записка о том, что он утопился⁷⁴. Полагали, что он ушел к горцам; в действительности же Савич бежал на Украину, где умер в 1845 году⁷⁵.

Еще в 1839 году Багриновский был переведен в Сухум, где начал работать лекарем, обслуживая воинские части, расположенные здесь. Он был «замечен» генералом Н. Н. Раевским в укреплении Вельяминовском. Где-то поблизости «служил с отличием» и его товарищ по университету и несчастью Франц Вояковский, ко-

⁶⁹ Миско М. В. Польское восстание 1863 года, М., 1962, с. 15.

⁷⁰ История Польши т. I, с. 602—604; Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX века. М., 1962, с. 58—100.

⁷¹ Русский архив (1870), М., с. 659.

⁷² История Польши, т. I, с. 604.

⁷³ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1269, оп. 1, д. 6, л.л. 317—324; 429—439.

⁷⁴ Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, Словарь (Картотека) кавказских деятелей — Савич Франц.

⁷⁵ Смирнов А. Ф. Указ. соч., с. 114, 382.

торому вскоре удалось «выбиться из солдатской шинели», а впоследствии дослужиться до чина генерал-майора ⁷⁶.

Губительная лихорадка и лишения четырехлетней походной жизни совершенно расстроили и без того слабое здоровье Багриновского. Начальство ходатайствовало об освобождении его от военной службы с производством в коллежские регистраторы, но ходатайство это не имело успеха. В апреле 1843 года он был произведен в унтер-офицеры с назначением за «неспособностью к фронтовой службе» заведывать Сухумским ботаническим садом ⁷⁷. Кроме садоводства, Багриновский занимался и врачеванием. Последнее содействовало его сближению с абхазским населением, к которому он проявляет глубокий гуманизм и искреннее стремление оказать возможную медицинскую помощь.

Еще будучи студентом академии Багриновский 6 мая 1836 года получил денежную награду в сумме 300 рублей за отделку анатомических препаратов «в пользу казеннокоштных студентов и анатомического музея» ⁷⁸. В Абхазии, как отзывался о Багриновском начальник Черноморской береговой линии генерал А. И. Будберг, «всегдашняя его готовность и опытность в лечении местных болезней приобрели ему известность и доверие между туземными жителями»; к тому же он отличался «примерным поведением и строгой нравственностью» ⁷⁹. Багриновский ездил за несколько десятков верст, в глубь страны, «даже к непокорным горцам» ⁸⁰. В этом отношении Багриновский мог перенять определенный опыт от своего предшественника — врача сухумского военного госпиталя, фамилию которого Ф. Ф. Торнау скрыл, обозначив ее буквой «К». Последний, по характеристике Торнау, был «хороший доктор и очень умный человек, пользовался уважением всего сухумского общества... Он был беден и своими трудами не мог ничего нажить...» ⁸¹.

12 октября 1843 года Багриновский, уже в чине унтер-офицера, подал докладную записку на имя начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерала Н. Н. Муравьева, в которой подробно излагал план своих действий в новом для него крае. «Занимаясь довольно часто в течение двух последних лет лечением абхазцев,— писал он,— я нашел, что болезненность между ними вообще очень велика и что они с большим доверием прибегают к помощи медицины. За всяким моим приездом в какую-нибудь абхазскую деревню всегда окружает меня толпа несчастных страдальцев, просящих пособия; а как Сухум-Кальская аптека едва достаточна для батальонного лазарета, наполненного постоянно больными, то я, будучи не в состоянии отказать в помощи боль-

⁷⁶ Филипсон Г. И. Указ. соч., с. 236.

⁷⁷ Вейденбаум Е. Предисловие к т. XII АКАК, с. III.

⁷⁸ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 18—19. Рапорт и. д. нач-ка Черноморской береговой линии ген. Будберга командиру Отдельного Кавказского корпуса ген. Нейдгарду от 11 марта 1844 г.

⁷⁹ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л.л. 18—19.

⁸⁰ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. М., 1847, с. 178.

⁸¹ Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I, стр. 49.

ным, вполне уверенным, что пособить им от моего желания зависит, принужден был выписывать лекарства на свой счет из вольных аптек. Но это, делая мне больше известности между туземцами, привлекло ко мне такое число больных, что наконец я нахожусь в совершенной невозможности давать им нужное пособие»⁸².

Багриновский просил отпустить ему средства для оказания медицинской помощи абхазскому населению. Он считал, что эта мера будет иметь и важное политическое значение. «А мне,— писал он далее,— доставит случай собирать важные сведения о целом крае в отношении естественной истории и географии, а больше всего может довести до полезных открытий в медицине, потому что, сравнивая болезни туземцев с больными наших войск, можно будет различать с точностью, какие именно свойственны климату и какие происходят от других обстоятельств, а тем самым поставить себя в возможности предпринять против них более действенные меры». На первый случай он просил снабдить его аптекой и назначить, по крайней мере на один год, хорошего переводчика, который за это время мог бы ему «пособить к изучению абхазского языка»⁸³. Длительная официальная переписка по этому поводу завершилась в июне 1844 года удовлетворением всех предложений Багриновского⁸⁴.

В 1844 году в Отдельный Кавказский корпус в качестве солдат был зачислен 21 поляк. Это были Апполинарий Ровицкий, Матвей Гралевский, Станислав Томашевский, Игнатий Завадский, Андрей Цехановский и др., «оказавшиеся виновными по следственному делу... о существовании в Царстве Польском заговора»⁸⁵.

Речь идет о раскрытой властями группой, руководимой Гервазием Гзовским. Все они являлись в основном чиновниками, а, Станислав Томашевский был подмастерьем ювелира⁸⁶. Кстати, с мая 1844 года на Черноморской береговой линии служил в качестве командира 11-го батальона Игнатий Казамирович Ковельский (из польских шляхтичей Каменец-Подольской губернии). Ушел в отставку в 1847 году⁸⁷.

Примерно в это же время на Кавказ пожизненно был сослан участник польского национально-освободительного движения Константин Прогульбицкий. В 1848 году в чине капитана он находился в составе 4-го Грузинского линейного батальона. В 1855 году Прогульбицкий занимал должность плац-майора Ахалцихской крепости. В одном из пограничных боев с турками в начале 60-х годов он лишился зрения, после чего вышел в отставку (в чине майора)

⁸² ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, лл. 5—5 об.

⁸³ Там же, лл. 5 об.— 6.

⁸⁴ Там же, лл. 24—25.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 656, лл. 82—87.

⁸⁶ О них см.: Круль С. Варшавская цитадель. Х павильон. Варшава, 1969 (на пол. яз.); Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. V. СПб., с. 530.

⁸⁷ [Стефанов Т. Т.] Михайловский крепостной походный батальон на Кавказе. 1819—1906. Батум, 1906, с. 198—199, прилож. с. 34.

и поселился с семьей в Абастумане. Прогульбицкий был женат на дочери Михаила Старова, по семейному преданию цебельдинских Вороновых, декабриста. Его сын, полковник Владимир Прогульбицкий, в 900-х годах являлся начальником Сухумского округа и находился в большой дружбе с Кутаисским губернатором В. А. Старосельским⁸⁸ («красный губернатор»), членом Коммунистической партии с 1907 года. В. Прогульбицкий обеспечил полную конспирацию пункта укрытия и отдыха большевиков в Цебельде, в доме его сестры А. К. Вороновой. Кстати, он был крестным отцом и принял большое участие в судьбе В. К. Ладария, впоследствии видного революционера, партийного и государственного деятеля Абхазии⁸⁹.

Говоря о польских политических ссыльных на Кавказе в рассматриваемое время, надо подчеркнуть, что некоторые из них продолжали вести и активную революционную деятельность, вступая порой в контакт с сосланными сюда же декабристами. Речь идет прежде всего о Ворцеле и Карвицком, видных деятелях «Патриотического общества». Николаю — Якову Станиславовичу Ворцелю в 1924 году было сообщено «о предположении войти в сношение с русским тайным обществом», он также был осведомлен о переговорах известного польского деятеля, члена Верховного совета указанного общества Антония Яблонского⁹⁰ с декабристами П. И. Пестелем и С. Г. Волковским в 1825 году⁹¹ и «слышал о разных планах русских тайных обществ для перемены формы правления в России»⁹². Станислав Станиславович Карвицкий — президент отделения «Польского тайного общества» в Волынской губернии⁹³. В 1828 году Ворцель и Карвицкий были привлечены варшавским следственным комитетом, лишены чинов и графства и определены в солдаты до выслуги. В 1829 году они были отправлены в Отдельный Кавказский корпус, где сперва попали в Нижегородский драгунский полк, которым командовал тогда Н. Н. Раевский (младший). Последний оказывал им всяческую поддержку и помощь, между ними устанавливаются дружеские отношения⁹⁴. Вскоре, «дабы не могли быть вместе», Ворцеля переводят в Апшеронский пехотный полк, а Карвицкого — в 44-й егерский⁹⁵.

⁸⁸ О нем: Советская историческая энциклопедия, т. 13, с. 804.

⁸⁹ ЦГАА, ф. 833, д. 25; Лейберов И. П. Цебельдинская находка. — Наука и жизнь, 1973, № 11, с. 26—31.

⁹⁰ О нем: Восстание декабристов. Материалы. Т. VIII, с. 215, 430.

⁹¹ Эти переговоры состоялись в январе 1825 года в Киеве и начались на квартире С. Г. Волконского (Восстание декабристов. Материалы, IV, М.—Л., 1927, с. 85—86; т. VIII, с. 215, 430). Подробные сведения по данному вопросу см. в кн.: Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение, М., 1959.

⁹² ЦГВИА, ф. 36, оп. 8/851, св. 54, д. 10, л. 3; ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1837 г., оп. 274, д. 135, л.л. 1—3.

⁹³ Декабристы. Новые материалы. Редакция М. К. Азадовского, примечания С. В. Житомирской. — Государственная ордена Ленина Библиотека СССР имени В. И. Ленина. Труды Отдела рукописей. М., 1955, с. 113—114.

⁹⁴ Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений, II, с. 250, 251 и след.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 8/851, св. 54, д. 10, л.л. 8—12; ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1837 г., оп. 274, д. 135, л. 2 об.

Ворцель и Карвицкий и в условиях ссылки не прекращали общественной деятельности. Уже в 1829 году они проходили по «делу Раевского». Речь идет о встрече Н. Н. Раевского с декабристом З. Г. Чернышевым, Ворцелем, Карвицким и другими опальными лицами. Встреча эта была расценена главнокомандующим на Кавказе царским фаворитом И. Ф. Паскевичем в письме на имя Николая I как «признак, что дух сообщества существует»⁹⁶. Было произведено следствие над Раевским «за проезд его в общество государственных преступников»⁹⁷. Затем Карвицкий, в период его нахождения в Редут-Кале (Кулеви), проходил по политическому процессу 1831 года в Кутаисе⁹⁸. Доносчик подпоручик Рельи сообщал, что к Карвицкому дважды приезжал проживавший в Кутаисе унтер-офицер Мингрельского пехотного полка декабрист Е. С. Мусин-Пушкин и что он и Мусин-Пушкин вместе с декабристами А. А. Брое, Н. П. Акуловым и А. А. Фоком и другими распространяли «мысли вольные и буйные, одобряют и выхваляют дух буйный некоторых европейских держав»⁹⁹. Обо всем этом управляющий Имеретией генерал-майор К. Ф. Гессе 10 января 1831 года рапортовал графу Паскевичу, а тот в свою очередь шефу жандармов Бенкендорфу¹⁰⁰. По личному распоряжению Николая I Карвицкий был «удален» из Имеретии, где служили несколько декабристов. Он был переведен из 44-го егерского полка в 8-ой линейный Грузинский батальон, квартировавшийся в Ленкоране. Командиру 44-го егерского полка было приказано, чтобы он усилил секретный надзор «за всеми поступившими в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»¹⁰¹. Командир Мингрельского пехотного полка полковник Жихарев получил строгий выговор за покровительство, оказанное Брое, Мусину-Пушкину и др.¹⁰².

Офицер Херсонского внутреннего гарнизонного батальона

⁹⁶ Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. III, СПб., 1896, с. 147.

⁹⁷ Там же, с. 147, 168.

⁹⁸ Подробнее об этом см.: ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, лл. 1—54; Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность, Тбилиси, 1958, с. 209—212.

⁹⁹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л. 17 об. Выписка из секретного разыскания по донесениям строительного отряда путей сообщения подпоручика Рельи [на имя управляющего Имеретией г.-м. Гессе от 24 декабря 1830 г.].

¹⁰⁰ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I экспед., 1831, г., д. 90, л. 1. Нерсисян М. Указ. соч., с. 258.

¹⁰¹ Там же, л. 19; Нерсисян М. Указ. соч., с. 259.

¹⁰² Нерсисян М. Указ. соч., с. 259.

В 1833 году С. Карвицкий по приказу Николая I был удален с военной службы «по немолодым уже летам». Однако ему не разрешили вернуться в Польшу по причине «содеянного им преступления» и по тогдашним «польско-го края обстоятельствам». С 1934 года он жил в Воронежской губернии под строгим надзором полиции (ЦГВИА, ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1834 г., оп. 271, д. 66, лл. 1—2). Ворцелю же не разрешили оставить службу. В 1835 году Николай I на ходатайство барона Розена, к которому обратился с просьбой отец Ворцеля, написал «рано» (ЦГВИА, ф. 395, Канцелярия, 2-й стол, 1837 г., оп. 274, д. 135 л. 3). Он был уволен от службы лишь в 1843 году, а в 1856 году возвращены ему права потомственного дворянства (Энциклопедический валь. Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., т. VII, № 13, СПб., 1892, с. 237).

Сальва Торович Седлицкий, родом из Владимирского уезда Волынской губернии, по распоряжению Николая I от 24 октября 1831 года «за намерение бежать в Литву на присоединение к польским мятежникам» был заключен в Бобруйскую крепость сроком на 6 месяцев, затем переведен на Кавказ, где служил в 7-м Кавказском, 8-м и 1-м Черноморских линейных батальонах ¹⁰³.

В 1834 году в Пятигорске возникло новое «дело» — политический процесс над декабристом С. М. Палицыным, доктором Н. В. Майером и Ваневым. Обвинялись они во многих политических «грехах», в частности, в общении с некоторыми декабристами, а также в связях с сосланными поляками. В бумагах Палицына найдено было запечатанное письмо Ходзько к сыну на польском языке, которое тот должен был переслать с какой-либо «верной оказией» ¹⁰⁴. А вот что писал жандармский полковник Юрьев 12 апреля 1834 года: «Кроме того, что в Пятигорске нет места для удобного их помещения, нет людей, которым можно было бы поручить надзор за ними. Самый караул занимают здесь три роты Кабардинского полка, наполненные поляками и состоящие под командою капитана Перекрестова, находившегося в дружеских связях с гг. Палицыным, Майером и Ваневым» ¹⁰⁵.

В архивном фонде Отдельного Кавказского корпуса хранится «Дело штаба Отдельного корпуса по дежурству Особого отделения о патриотических сочинениях, отобранных у нижних чинов — военнорабочих рот в Анапе состоящих» ¹⁰⁶. В этом «Деле» имеется рапорт командующего войсками на Кавказской линии и Черноморья генерала А. А. Вельяминова от 4 ноября 1836 года, на имя барона Г. В. Розена, в котором говорится, что анапский комендант граф Н. Е. Цукато 7 сентября того же года передал ему отобранные у польских солдат 40-й и 41-й военнорабочих рот «разного рода польские стихотворения, между коими находятся патриотические мотивы и песни», «непозволительные сочинения», на 21 странице ¹⁰⁷. Дальше приводится список найденных сочинений с указанием лиц, у кого они были изъяты.

Выше говорилось о сосланных в Грузию поляках, из которых отдельные лица — Петр Завилейский и Войцек Потоцкий — имели даже отношение к заговору 1832 года. Следует отметить, что руководители заговора в лице этих поляков видели серьезную опорную силу ¹⁰⁸.

¹⁰³ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 910, л. 31.

¹⁰⁴ Бронштейн Н. Доктор Майер.— Литературное наследство. М., 1948. № 45—46, с. 480.

¹⁰⁵ См. там же, с. 494—495.

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 845.

¹⁰⁷ Там же, л. л. 2—3.

¹⁰⁸ ბოქოლიანი ბ. 1830—1831 წლების პოლონეთის აჯანყება და საქართველოს მოწინავე საზოგადოება, გვ 72—75, 80—81.

Особого внимания заслуживают замечательные поэты Тадеуш Лада-Заблоцкий¹⁰⁹, Леон Янишевский и Владислав Стшельницкий, сосланные на Кавказ за свою революционную деятельность. Здесь они провели большую часть своей жизни, и вдохновленные величием края, создали произведения, проникнутые любовью к его природе, населению. В истории польской литературы они известны как группа «польских кавказских поэтов». Члены этой группы внесли значительный вклад в сокровищницу поэзии польского народа. Между Лада-Заблоцким, самым крупным представителем этой группы, и Н. Бараташвили и М. Туманишвили устанавливается трогательная дружба и творческое сотрудничество. Эти выдающиеся грузинские поэты и сами стремились к установлению широкой связи с поляками, сосланными на Кавказ. В Тифлисе Заблоцкий сближается и сотрудничает со ссыльным известным русским писателем Я. П. Полонским¹¹⁰.

Владислав Стшельницкий (1820—1846), студент Киевского университета, был сослан на Кавказ и отдан в солдаты в 1839 году по делу «о конаршине». В Тифлисе он сблизился с Лада-Заблоцким, Янишевским и Потоцким и, очевидно, под их влиянием начал писать стихи. Писал он и прозу. В творчестве Стшельницкого сочеталось влияние Адама Мицкевича и живой поэзии Кавказа. Замечательно было и то, что его повесть «Махмудка» была создана под влиянием известной повести А. Бестужева-Марлинского «Мул-ла-Нур», которую Стшельницкий высоко ценил и любил¹¹¹.

Среди польских патриотов, переселившихся в Грузию в 30-х годах XIX века, был также известен Александр Ходзько, проживший в Тифлисе два года. Вероятно, его близость с лучшими представителями грузинской общественности позволила ему основательно познакомиться с историей и литературой Грузии. В XIX веке Ходзько был первым, кто сделал достоянием своего народа бессмертное творение Шота Руставели. С помощью «Общества по изучению Востока» Александр Ходзько в 1833 году издал в Лондоне на польском языке труд «Образцы из персидской поэзии», в который включил свой очерк «Шота Руставели — грузинский поэт», вызвавший большой интерес в передовых кругах как Поль-

¹⁰⁹ Т. Лада-Заблоцкий (1813—1847) был одним из замечательных людей своего времени. В 1831 году Заблоцкий, студент словесного отделения Московского университета, через И. С. Савина сближается с В. Г. Белинским, руководителем кружка «Литературное общество 11-й нумер». Вскоре оба молодые поляки утверждают «Общество любителей отечественной словесности» (ставило главной целью распространение патриотических и революционных идей) и устанавливают связь с пленными польскими офицерами. Однако через некоторое время, по доносу, последовал арест членов этого общества. За революционную деятельность и «возмутительные» стихотворения Заблоцкий был приговорен к каторжным работам, которые он должен был отбывать в качестве рядового на Кавказе. Польского поэта ссылают в этот край в 1837 году, а в 1839 году он переселяется в Тифлис (История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV, М., 1967, с. 322—323; И. Богомолов, Я. П. Полонский в Грузии. Тбилиси, 1966, с. 37).

¹¹⁰ См.: Богомолов И. Указ. соч., с. 37.

¹¹¹ Живов М. Польские певцы Кавказа.— Литературная Грузия, 1957, № 6, с. 67—71.

ши, так и России. Очерк был перепечатан в журнале «Телескоп» (1833, № 5). Это сочинение о гениальном грузинском поэте перевел с польского на русский язык соотечественник А. Ходзько П. Дубровский¹¹². Вторым польским руствелологом был переселившийся в Тифлис в 40-х годах XIX столетия инженер Казимир Лапчинский, который в 1863 году опубликовал в четвертом томе «Библиотека варшавска» прозаический перевод «Витязя в тигровой шкуре» (со своим предисловием), сделанный им с помощью Г. Эристави¹¹³.

Наконец, о знаменитом Ярославе Домбровском, хотя пребывание его на Кавказе относится к 1855—1859 годам. Самый факт пребывания здесь имел для молодого польского патриота то значение, что он понял истинный смысл проводимой на Кавказе царским правительством политики, которая сводилась к той же цели, которую осуществлял царизм и на польской земле. Существенное значение имел также прямой или опосредственный контакт Домбровского с целым рядом ветеранов русского и польского освободительного движения, сосланных на Кавказ в разное время. В период нахождения Домбровского на Кавказе, объятom пламенем войны, особенно западной его части, только в 19-й пехотной дивизии состояли на службе декабрист А. И. Сутгоф, польские революционеры Ф. Вояковский, М. Важинский и Л. Корытовский. В других частях, действовавших на Кавказе (Апширонский пехотный полк и др.) служили А. Кузьмин-Караваев, который, будучи офицером царской армии, пытался в 1838 году освободить из тюрьмы Конарского, а также десятки участников польского освободительного движения 30—50-х годов. Можно с уверенностью сказать, что Домбровский о многих политических ссылках слышал, а с некоторыми и встречался, что не могло пройти для него бесследно¹¹⁴.

Хотелось бы в заключение привести некоторые данные из очень интересной книги «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917» (М., 1976, с. 123—124), появившейся позднее первоначальной публикации данной работы. По свидетельству польского мемуариста Матеуша Гралевского, в 40—50-х годах на Кавказе находилось свыше 20 тыс. репрессированных поляков. В 1835—1846 годах в частях Кавказского Отдельного корпуса прибыло 14 430 поляков. Среди поляков, оказавшихся на Кавказе «не по своей воле», находились участники вооруженных выступлений и членов конспиративных организаций за период, начиная с 20-х годов до Крымской войны. Рядом с ними были, о чем частично говорилось выше, декабристы, члены русских революционных кружков 20—30-х годов, петрашевцы и другие участники русского освободительного движения. Одной из форм про-

¹¹² Николайшвили Н. Витязь сближает народы.— Заря Востока. 1966, 21 октября.

¹¹³ Там же; ტაბაღუა ი. პოლონეთის სახალხო რესპუბლიკა. თბ., 1970, 38: 101-105.

¹¹⁴ Дьяков В. Ярослав Домбровский. М. ЖЗЛ. 1969, с. 39, 45.

теста против существовавших в армии порядков для русских и польских солдат на Кавказе являлось «дезертирство». Например, из Тенгинского и Навагинского пехотных полков за период с 12 августа по 1 октября 1834 года бежало к «немирным горцам» 26 поляков. В некоторых частях корпуса существовали кружки, включавшие в себе подвергнувшихся репрессиям русских и польских революционеров. Вообще между ними существовали дружеские контакты, усилившиеся особенно после Крымской войны. С середины 40-х годов русско-польские кружки с участием репрессированных лиц существовали в Кабардинском и Апширонском пехотных полках. Например, в 40—50-х годах в последнем служили Н. А. Кузьмин-Караваев и петрашевец Н. А. Момбелли. Из поляков здесь находились в основном сторонники Ш. Конарского и его ученики более поздних конспиративных организаций, в том числе Ян Зродловский, Нербет Савич, Ян Савич и другие. Более или менее значительные контакты с поляками имело местное население Кавказа. Известные грузинские писатели и общественные деятели Акакий Церетели и Нико Николадзе, например, отзывались о ссыльных поляках Роздевиче и Казановского.

Таковы некоторые сведения, представляющие интерес для освещения затронутой темы.

Естественно возникает вопрос, имеются ли данные, свидетельствующие об обратном явлении, т. е. о пребывании и прогрессивной деятельности сынов Абхазии на польской земле? Да, имеются. Правда, факты эти относятся к позднему периоду, точнее к периоду, современниками которого мы являемся. Речь идет о второй мировой войне, когда в схватке с фашизмом решалась судьба человечества. В то тревожное для всех народов время наши земляки-солдаты и офицеры в рядах частей Советской Армии сражались и во имя светлого будущего Польши, потерявшей во время войны пятую часть своих граждан и более трети достояния¹¹⁵. Многие воины-абхазы были награждены орденами и медалями, за проявленные ими отвагу на польской земле, в том числе и ветеран борьбы за власть Советов в Абхазии М. Г. Кучуберия. На его груди сияет медаль «За освобождение Польши».

Немало из них легли на польской земле, которая приняла их, в числе других советских воинов, как своих дорогих сынов. Они покоятся рядом с польскими патриотами.

Так, в столице Польши, на Брузденском кладбище, имеется могила советских воинов. Там покоится отважный сын абхазского народа — старший лейтенант Михаил Пкин. Он командовал пулеметной ротой, входившей в 66-й ордена Суворова стрелковый полк 61-й Никольской Краснознаменной ордена Суворова и Кутузова дивизии. За смерть своего командира жестоко отомстили отважные пулеметчики — ими было скошено свыше 150 гитлеровцев. Погиб он геройски у польской деревни Зявишни под Варшавой.

В одном из живописных уголков Польши — в городе Вольштык

¹¹⁵ Свидзинская Н. Польша 1944—1969. Факты и цифры. Варшава, 1969, с. 6.

(Познанское воеводство) расположено красиво оформленное кладбище, где выстроились в шеренги пирамидальные обелиски над могилами погибших офицеров доблестной 33-й армии. Там лежит другой славный сын абхазского народа — Петр Чанба.

Таких кладбищ, почитаемых как священные места, в народной Польше множество. Они напоминают о многом и призывают к единению сил всех людей доброй воли во имя мира и безопасности народов.

ИЗ ИСТОРИИ МОРЕХОДСТВА В АБХАЗИИ *

Абхазы, исстари проживая на берегу Черного моря, некогда славились как прекрасные мореплаватели, хотя, говоря словами академика Н. Я. Марра, «современный быт абхазов не согласуется с таким утверждением»¹. О важном значении моря и мореходства в жизни населения Абхазии красноречиво говорят многочисленные данные. Систематизация некоторых из них, известных и доступных автору, является основной задачей настоящей статьи, задуманной им еще в начале 40-х годов.

* * *

Абхазия расположена на юго-восточном берегу Черного моря, в ней много рек и озер. Здесь известно более 30 видов пресноводных и 180 — морских рыб, а из млекопитающих в море водятся два вида дельфинов. Это обстоятельство благоприятствовало рыболовству и распространению рыбного и, частично, дельфинного промысла.

Можно полагать, что на морском берегу Абхазии некогда рыболовство играло ту же важную роль, как охота в горной полосе. Нельзя считать случайным явлением распространение древних поселений на берегах моря и рек.

Среди материалов археологических раскопок очень часто и в изобилии встречаются кости рыб, в том числе морских, и разнообразные рыболовные принадлежности.

Уже обитатели Кистрикской палеолитической (древнекаменный век) стоянки (близ г. Гудаута) применяли каменные грузила для сетей. Некоторые исследователи последних лет считают, что в эпоху раннего и развитого неолита (новокаменный век) морской

* Труды Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького, 1959, т. XII, с. 85—104.

В 1959 и 1984 гг. вышли работы Ш. Д. Инал-ипа «Рыболовство и мореходство у абхазов» (Труды АИЯЛИ, 1959), и О. П. Дзндзария «Морская лексика в абхазском языке» (М., 1984), в которых содержится интересный материал по изучаемой теме.

¹ Академик Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Изд. АН СССР, М.-Л., 1939, с. 143.

берег был изрезан глубокими бухтами, в которые впадали многоводные реки. Это обстоятельство создавало особенно благоприятные условия для распространения рыболовства среди берегового неолитического населения. Охота и рыболовство являлись хозяйственной основой жизни прибрежных обществ вплоть до конца указанной эпохи — периода каменного века ².

Охота на рыбу при помощи гарпуна и остроги постепенно «сменяется подлинным рыболовством при помощи удочек и сетей... Для конца существования поселения можно допустить уже зачатки мореходства» ³.

Рыболовство имело место не только на побережье Абхазии. Так, на пещерной стоянке первобытного человека Апианча (расположена у восточного подножья горы Апианча, на побережье р. Кодор, в 5 км к югу от пос. Цебельда) в трех слоях обнаружены многочисленные кости животных и рыб ⁴. Или возьмем «Грот царицы пчел», расположенный недалеко от Багадской скалы, в том месте, где р. Джампал сливается с Кодором. Еще восемь тысячелетий назад и в последующее время здесь селились рыболовы — в грунте найдены костяные наконечники гарпунов ⁵. И еще. В гроте Хупынипшахва, в верхних слоях, встречаются в большом количестве рыбные кости. Применялся же здесь костяной гарпун (основное орудие рыбной ловли) и, может быть, даже удочки ⁶.

В разных местах Абхазии найдены керамические грузила, относящиеся к более позднему периоду по сравнению с упомянутыми выше грузилами. Обнаружены также бронзовые и железные крючки, иглы (для плетения сетей) из рога и других материалов, гарпуны и т. д. Встречаются предметы с изображением рыб.

Следует сказать еще об одном хозяйственном значении моря. Население Абхазии выпаривало соль из морской воды. Обнаружен ряд промысловых поселений, остатки которых дают ясное представление о способе выпаривания, который, почти в неизменившейся древней форме, применялся частично и в XIX веке, преимущественно во время блокад побережья края. Память о соляном промысле сохранилась и в абхазском фольклоре. У абхазцев до сих пор бытует загадка: «Рожденное водой, воспитанное солнцем, увидя свою мать — умирает» (соль). Кроме того, абхазцы гнали скот к морю на водопой — к «соленой воде» (амыжзы).

Самое важное значение моря заключалось в развитии море-

² Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского черноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. — Труды АИЯЛИ, 1958, т. XXIX, с. 136—137.

³ Егo же. Многослойное население Кистрик близ г. Гудаута. — XVI научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. 1965, с. 37.

⁴ Международный союз по изучению четвертичного периода. XI конгресс. Путеводитель экскурсии А-16. М., 1981, с. 11—12.

⁵ Пачулиа В. «Грот царицы пчел». — Советская Абхазия, 1975, 19 сентября.

⁶ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 44—45.

плавания. Черное море — путь для оживленных международных сношений с незапамятных времен ⁷.

Длительное пребывание на берегу моря вырабатывало из абхазцев хороших мореплавателей. Ф. Энгельс указывал, что «...прибрежные жители становятся искусными судостроителями и смелыми мореплавателями...» ⁸.

Морские пути для населения Абхазии имели большое экономическое и культурное значение. При помощи этих путей оно имело связи с культурными странами древнего мира и со своими непосредственными соседями. Ими же, по тогдашнему состоянию сухопутных дорог, в основном осуществлялись и внутренние сношения.

Л. Н. Соловьев полагает, что уже строительство дольменов на Черноморском побережье возникло под воздействием тесных связей с малоазиатским культурным миром, осуществлявшихся морским путем, что наложило особую печать на развитие южно-дольменной культуры, в носителях которой мы видим далеких предков абхазского народа ⁹.

Главным условием развития мореходства в Абхазии надо считать торговлю, в частности, пленопродавство (работорговля), а также пиратство, процветавшие на Черном море с античного времени. Природные богатства Черноморского побережья манили к себе предприимчивых мореплавателей и купцов средиземноморских государств древнего мира. В дальнейшем это относилось также к Византии, Генуе и Турции.

Древний мир знал отважных мореплавателей гениохов, земля которых, «кажется, одна из самых излюбленных стран древних писателей Эллады и Рима» ¹⁰, начиная с середины первого тысячелетия до н. э. Само слово «гениох» (греч.) переводят как «возчик», «возничий» и пр. Мы имеем дело, по-видимому, с собирательным названием этнических единиц, обитавших на восточном берегу Черного моря, в том числе и предков современных абхазцев. Античные авторы последних ясно причисляли к указанному этническому конгломерату Помпоний Мела (ум. в 60 г.), например, нахождение города Диоскурии (нынешний Сухуми) «в пределах земли гениохов» считал несомненным ¹¹. На связь абхазцев с гениохами указывают Дюбуа ¹², Н. Я. Марр ¹³, Д. И. Гулия ¹⁴, К. Кудрявцев ¹⁵ и другие. Автор книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» наместник Троицко-Сергиевской лавры архимандрит Леонид подчеркивал, что Арриан

⁷ Литвинов М. Черное море. СПб. 1881, с. 19.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 480.

⁹ Соловьева Л. Н. Указ. соч., с. 165.

¹⁰ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922 (1925), с. 59.

¹¹ Цит. по Гулия Д. История Абхазии, т. I. Тифлис, 1925, с. 27.

¹² Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 15—18.

¹³ Марр Н. Я. Указ. соч. с. 395.

¹⁴ Гулия Д. Указ. соч., с. 9.

¹⁵ Кудрявцев К. Указ. соч., с. 50—52.

(100—160 гг.) писал об абхазцах, как «об отдельном племени генихов»¹⁶.

Древние авторы генихов изображали как морских разбойников и пиратов. Так, Страбон (63 г. до н. э.— 23 г. н. э.) в «Географии» отмечал, что ахеи, зиги и гениохи «живут морским разбоем»¹⁷. Они плавали на своих ладьях — камарах, описанных знаменитым географом. Это были «небольшие узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их камарами». «Выходя,— пишет далее Страбон,— в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей; нередко они в свою очередь нападают на пиратов и захватывают камары вместе с людьми; области же, подчиненные римлянам, более беспомощны вследствие нерадения посылаемых ими правителей»¹⁸.

Митрополит Фессалонский Евстафий (XII в.) в комментарии к «Землеописанию» Диониса Периегета, жившего во втором веке, писал: «На этом перешейке живет большой народ — камариты; они получили название свое от судов, на которых они занимались пиратством, которые назывались у эллионов «камарами». Эти суда были очень тонки, узки и легки; в них помещалось 25, редко 30 человек»¹⁹.

Академик Н. Я. Марр, подчеркивая, что абхазский морской термин *апра* (*апыра*) и поговорки из морского быта указывают на наличие «в составе абхазского населения мореплавателей», писал: «Мореходству содействовало унаследованное от народа с мировой известностью, энихов, пиратство и торговля, в частности торговля красивыми отроками и девицами из народной массы, которых князья Абхазии сбывали в чужие страны. На заре общественной жизни края древний мир знал особое разбойничье судно, носившее название «камар», созвучное с разбойничьим именем «камаритов», из пределов Абхазии. Оба слова имеют, однако, свое особое смысловое происхождение; на Кавказе они представлены и в названии

¹⁶ А. Л. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885, с. 77.

¹⁷ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, № 4, 1947, с. 213.

¹⁸ Там же, с. 213—214.

¹⁹ Цит. по: Гулиа Д. И. Указ. соч., с. 280—281.

«корабля» и в письменных названиях, одновременно означающих «разбойник»²⁰.

В крае имелись все необходимые материалы для судостроения. Страбон отмечал, что Кавказ «изобилует разнородным лесом, между прочим и корабельным». В другом месте: «Колхида (в состав которой входила и территория современной Абхазии.— Г. Д.) «богата... всем нужным для кораблестроения: лес она и сама производит в большом количестве и получает по рекам, производит также в изобилии лен, пеньку, воск и смолу»²¹. Вергилий Марон (умер в 19 г. до н. э.) говорил, что леса на горах Кавказа «приносят разные плоды и дают полезный строевой материал: сосну для кораблей, кедр и кипарис для домов...»²²

Византийский историк VI века Агафий писал: «В настоящее время колхи совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду от торговли»²³. Херсонес, Боспор и Лазика, включавшая в себя Абхазию, несли Византийской империи «морскую повинность в натуре» — «мореходство, как главное занятие туземного населения, определяло и форму обложения». Оно «состояло в поставке судов, предметов оснастки и морского снаряжения». Указ 575 года, изданный по поводу восшествия на престол императора Тиберия, сохранил нам память об этой подати²⁴.

О мужестве же колхов-мореплавателей свидетельствуют многочисленные данные в легенде об аргонавтах. Они, говорится в легенде, вышли в открытое море и под руководством сына Аета Аспирта погнались за аргонавтами. Спустя несколько дней аргонавты, направляясь к берегам Истры (Дуная), увидели, что все острова в устье реки заняты колхидскими воинами, которые опередили аргонавтов и добрались сюда раньше них²⁵.

«Древние абхазы,— пишет Г. Ф. Турчанинов, как бы завершая вышесказанное,— были мореходами, и наличие их поселений и стоянок в северо-западном направлении, на подступах к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу), не кажется нам удивительным. У античных авторов бытовала даже версия об основании города Пантикопии (Керчи) сыном Колхидского царя Ээта»²⁶.

Большое значение моря в жизни абхазцев нашло свое отражение в абхазской мифологии, в которой божество моря известно под именем «Ет-ныха-Аг-ныха». Этому божеству приносили жертвы, когда приходилось надолго оставаться на берегу моря²⁷.

Профессор А. Н. Грен сообщает о другом названии абхазского бога моря — «Хайт» (Хаит). Согласно легенде, на дне моря у него

²⁰ Марр Н. Я. Указ. соч., с. 395.

²¹ Латышев В. В. Указ. соч.— ВДИ, 1947, № 4, с. 215—216.

²² Его же. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. СПб., 1904, т. II, в. I, с. 14.

²³ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953, с. 73.

²⁴ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды, Киев, 19, 14. гл. VIII, с. 64.

²⁵ По следам легенды.— Заря Востока, 1972, 6 января.

²⁶ Турчанинов Г. Ф. Древний письменный памятник Кавказа.— ВДИ, 1966, № 2, с. 97.

²⁷ Джанашиа Н. Религиозные верования абхазов.— Христианский Восток. Пер., 1915, т. IV, с. 106.

великолепный дворец, и при нем свита из 12 мальчиков — утопленников. Очевидно, у абхазцев практиковались жертвоприношения морю детьми мужского пола. Такие утопленники являлись подданными морского царства Хайт и они не могли умереть, захлебнувшись в воде. Хайт же подстерегал людей, чтобы их утопить. В царстве Хайт, в море имеется дыра или провал, в который втекают все реки с гор и потом по подземным каналам возвращаются обратно. Наступит день, когда освобожденный великан Абрскил-Прометей перевернет весь мир и тогда бог зла Хайт погибнет²⁸.

Вообще в абхазском фольклоре широкое отражение находят море и его обитатели, морские разбои и путешествия²⁹. Интересны и данные языка. Обращают на себя внимание абхазские названия рыб³⁰, рыболовных принадлежностей³¹, средств плавания — судов³², и их частей³³, а также топонимические наименования³⁴.

Академик Н. Я. Марр писал: «...Абхазская речь и абхазские предания полны воспоминаний интимного общения абхазцев с морем». При этом он обращал особое внимание на слово «апра» — парус, заимствованное грузинами³⁵, что «имеет не только словарное, но реальное культурно-экономическое значение: выходит, что абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины...»³⁶. В другом месте Марр говорит: «Абхазы, отброшенные ны-

²⁸ Грен А. Н. Абхазская мифология.— ЦГАА, ф. 833, д. 63, л. 8.

²⁹ Например, в сказании об Абрскиле, абхазском Прометее, адауы (великан) с горы протягивает руки к морю и топит корабли; ловит рыбу, подносит ее к солнцу, жарит и съедает ее.

³⁰ Форель — акамлах (акамлах) или акалмах (акалмах), лосось — амлагур, сельдь — атрыс (атрыс), ставрида — ацухушвугу (атцыхушэыгу), осетр — ажинтх (ажынтых), барабулька — гыцапш (гыцапшы), игла — аматпсыдз (аматпсыз), усач — сейхач (сейхач), сазан — апкаш (апкаш), камбала — ашвиак (ашеиак), хамса — акамшиа (акамшиа); ашвыбгы (ашевыбы) и др. Икра — акурт (акурт), жабры — алымхрт, алымхарт), плавники — аргыдз (аргыз) или ахдзы (ахзы), чешуя — акан и т. д.

³¹ Сети — аката (аката), гарпуны и остроги — ацварс (ателарс), удочки — аркиац, крючки — ацгур (ацегур), плетни (корзины) — адарч, акуцха (акуцха) и др.

³² Апра (апра), ашхуа, аныш (анышь), азандал, афлыка, аканджа (аканца), агба (агба).

³³ Парус — апраш (апраш), весло — ажвиа (ажефа), руль — апскы (апскы), мачта — амазгут (амазгут).

³⁴ Например, озеро в Пицунде известно под названием Анышхацара (Анышьцара) — «место пускания лодок»; в с. Мгудзырхва одна местность называется «Ашхуа цвахырта» (Ашхуа цеахырта) — «место скрывания лодок». На Бамборском мысе (недалеко от г. Гудаута) имеется выступ Аилагабуку (Аилагабуку) — «путающий» или «вводящий в заблуждение (судов) уступ». «Местность Бамборы, — пишет И. Адзинба, — издавна была известна как притон пиратов. В бурную ночь они могли, зажигая огонь, сбивать с правильного пути суда с тем, чтобы они разбивались о скалистые уступы Бамборского мыса». (Адзинба И. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, с. 49). Маяк называется акра, море — амшын, берег моря — ага или агача (агаеа).

³⁵ «В грузинском, между прочим, сохранилось абхазское слово а — пра парус, абхазское и по форме и по поводу корня., и по значению: 'парус' называется у абхазов термином от корня а-пры-ра 'летать' в связи с образным их представлением о судне или лодке, как о птице». Марр Н. Я. Указ. соч., с. 87).

³⁶ Марр Н. Я. Указ. соч., с. 143.

не пришлыми элементами от береговой линии, некогда в морском деле, естественно, могли быть учителями своих соседей»³⁷. «Переживанием древнего быта» является и следующая пословица, записанная Н. Я. Марром в 1914 году в с. Калдахвара: «Зашхуа утоу нашеа хеы» — «в чьей лодке сидишь, того песню пой»³⁸.

«Интимное общение» абхазцев с морем, несомненно, оставалось активным на протяжении и всей последующей их исторической жизни. Это относится в первую очередь к периоду существования Абхазского царства, когда внешние связи края, особенно с Византией, приобретают сложный и активный характер. Это относилось и, главным образом, к XIII—XIV векам, когда Абхазия вела оживленную торговлю с средиземноморскими странами. Тогда на побережье Абхазии возник ряд генуэзских колоний, наиболее крупной из которых был Севастополь (Сухуми), служивший в одно время резиденцией протектора всех кавказских колоний генуэзцев. На пространстве, например, в 120 верст, от Сухума до Хосты, «мы находим 8 портов, куда заходили с торговыми целями генуэзские суда»³⁹. Генуэзских купцов сменили турецкие; завоевание турками Константинополя в 1453 году нанесло смертельный удар черноморской торговле генуэзцев⁴⁰.

Однако отсутствие соответствующих источников не позволяет проследить непосредственную деятельность абхазского народа в этом отношении, и только начиная с XVII века более или менее расширяются наши возможности.

Из пеньки (конопли) в Абхазии изготовлялись веревки и шпагат. Абхазская веревка славилась издавна и применялась в районах побережья Черного моря в рыболовстве — для сетей и неводов⁴¹. Термин «абхазская веревка» имеется в описании расходов одного строительства в грузинской грамоте XVII века — «абхазури бацари»⁴².

Турецкий путешественник — ученый Евлия Челеби, посетивший Абхазию и все восточное побережье Черного моря в 1641 году, дает подробное описание лазских судов — барок, на которых он и плыл вдоль кавказских берегов. Они делались из старых платанов и состояли из трех досок: две из них составляли стенки этой барки, третья — дно ее; стенки обшивались тростником, который охранял их от потопления во время бурь, поддерживая на воде, подобно губке. Не имея ни бака, ни руля, они были равны с обеих сторон⁴³.

Далее Челеби пишет о многочисленных «пристанях» и «гава-

³⁷ Там же, с. 87.

³⁸ Там же, с. 143.

³⁹ Дьячков - Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. — ЗКОРГО, кн. XXIV, вып. I. Тифлис, 1903, с. 47.

⁴⁰ Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии. Сухум, 1933, с. 5.

⁴¹ Мшвениерадзе Д. М. Строительное дело в Древней Грузии. Тбилиси, 1952, с. 198—199.

⁴² Бердзенишвили Н. Кн. I. Тбилиси, 1938, с. 268.

⁴³ Брун Ф. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. — ЗООИД, т. 9, с. 167; 173—179.

нях», которые он видел на указанном пространстве. Он говорит, например, о большой пристани «главного племени в Абхазии» чач — Лакиа. Пристань другого абхазского «колена» арлан называлась Лачига, «где суда могут останавливаться и зимой и летом». Через территорию соседнего племени кечилар протекала большая река Псу (Псоу), представлявшая зимой «безопасное пристанище для судов». К западу от них было расположено племя арт, на земле которого имелись две пристани, в одной из них — Лейуше (долина Лиашв) «суда могут укрываться в течение шести месяцев». Пристани имели также садша, камыш, боздук и другие племена, куда из разных стран шли суда с товарами, среди которых имелись и «рыболовные крючки».

Надо заметить, что торговлю эту вели главным образом турецкие купцы, в руках которых на протяжении XVI — XVIII веков фактически была сосредоточена вся береговая торговля в Абхазии, дававшая им высокую прибыль. Французский консул при дворе крымских ханов М. Пейсонель писал: «Едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абхазии»⁴⁴. Самый большой барыш они получали на торговле рабами. Работорговля, всячески культивировавшаяся султанской Турцией, приняла такие «чрезвычайные размеры», что не давала абхазскому народу «возможности поправиться: все цветущее здорьем и силой народонаселение шло на рынки Турции...»⁴⁵ Эта торговля, с другой стороны, консервировала застойные формы натурального хозяйства.

Путешественник-монах доминиканского ордена Жан де Люк (1625 г.) писал, что абхазы «обладают очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходят суда из страны лазов, Трапезунда, Константинополя и Каффы и иногда зимуют здесь. Эта гавань называется Эски-Сумуни» (Старый Сухум)⁴⁶. Французский путешественник XVII же века Жан Шарден писал, что «лодки черкесов и абхазов крейсируют вдоль берегов Мингрелии. Они угнали местные лодки, а с ними и ту, которую я нанял»⁴⁷. На карте Шардена отмечен пункт «Portus Avcassorus», который имеется и на более поздней карте имеретинского царя Александра (1738 г.) под названием «Порт абхазов». Речь идет о бухте, расположенной между Пицундой и Бамборой, в углублении которой протекает р. Мчишта (Черная). «Некогда это был один из главных рынков Абхазии... Это Savo de vixo» — «Самшитовый порт» всех средневековых карт»⁴⁸. Другой автор XVII века — Арканджело Ламберти на карте, приложенной к его сочинению «Описание Колхиды», побережье района

⁴⁴ Пейсонель М. Исследования торговли на черкесско-абхазском берегу Черноморья в 1750—1762 гг. Краснодар, 1927, с. 31.

⁴⁵ [Введенский А. Н.] Экономическое положение... — ССКГ, 1872, в. VI, отд. III, с. 4.

⁴⁶ ЗООИД, 1879, т. XI, с. 492.

⁴⁷ Путешествия Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг., Тифлис, 1902, с. 143.

⁴⁸ Дюбуа де Монперэ. ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сухуми, 1937, с. 127; См.: Дзидзария Г. А. Лыхны... Сухуми, 1986, с. 15.

нынешнего г. Очамчира, между реками Маркула и Мармал, отмечает как значительный населенный пункт и важную гавань. Здесь изображена группа трехмачтовых судов, довольно высоких и с длинными носами⁴⁹. Ламберти дает описание ловли рыбы с помощью лодок и сетей в устьях Риона и Ингура. Он говорит о мастере, «который делал лодку»⁵⁰.

С конца 70-х и в 80-х гг. XVII века из Абхазии, при владетеле Сорехе Шервашидзе (Чачба), «пользуясь смутами», царившими в Мегрелии, был предпринят целый ряд походов. Говоря об этом факте, грузинский историк и географ Вахушти Багратиони (около 1696—1772 гг.) писал: «И было в Одиши (Мегрелии.— Г. Д.) большое несчастье, как описали выше, и главным образом от абхазцев, так как приходя на лодках и сушею, уводили в плен людей, завоевали всю территорию до реки Егриси и поселили там абхазцев»⁵¹.

У Вахушти находим и такое сообщение: абхазцы «пускаются в море на судах, в которые могут сесть 100, 200 и 300. Нападают на лодки османов и лаз-чанов, больше всего Одиши — Гурия». Он подчеркивал, что абхазцы в море «крепки и мощны»⁵².

Сулхан-Саба Орбелиани, возвращаясь из путешествия по Европе, в мае 1716 года выехал из Константинополя в Гурию. Однако в пути хозяин судна заявил: «Не могу я вести судно в Гурию. В Абхазии смута, и я боюсь»⁵³.

М. Пейсонель писал: «Сухум — небольшой городок, расположенный в бухте, на берегу Черного моря, куда пристают суда всякого размера...»; в Сухуме «больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря»⁵⁴; абхазские беи (князья) «стоят на страже и вооружают свои лодки, чтобы взять на abordаж и ограбить судно, уходящее с товаром. Ввиду такого рода обстоятельств для торговых операций с Абхазией надобно выбирать большие, хорошо вооруженные корабли с надежным многочисленным экипажем; впрочем, больших судов требует и самый род торговли в этой стране...»⁵⁵.

Яков Рейнегс, находившийся в Тифлисе в 1779—1783 годах, отмечал, что абхазы, как и их соседи черкесы, «любили жить мечом: долгое время их занятием были разбой на море; до этого времени, когда Черное море еще принадлежало русским, их суда, ходившие под веслами и парусами и экипаж которых составлял 200—300 человек, отваживались нападать на берега Анатолии, Крыма и Европейской Турции, вплоть до Босфора. В прежнее время многие из них отваживались отправляться в Египет, чтобы предаться там в солдаты или в рабство. В отряде мамлюков в са-

⁴⁹ Ламберти А. Описание Колхиды...— СМОНПК, 1913, в. 43, прилож.

⁵⁰ Там же, с. 164—167.

⁵¹ Вахушти. История Грузии, ч. II, Тифлис, 1913, с. 317.

⁵² ვახუშტი. აღწერა საქართველოსა (საქართველოს გეოგრაფია).

Тбилиси, 1941, с. 172.

⁵³ სულხან-საბა ორბელიანის მოგზაურ. ევროპაში.

Тбилиси, 1940, с. 149.

⁵⁴ Пейсонель М. Указ. соч., с. 29.

⁵⁵ Там же, с. 31.

мом Каире среди жителей было очень много таких, которые родились в горных долинах Абхазии»⁵⁶.

Абхазский феодал, столетний генерал Кац Маан (Маргания) (ум. в 1864 г.), рассказывал о следующем факте, имевшем место во второй половине XVIII века. Члены абхазского владетельского дома — братья Сулейман, Ширван и Зураб Чачба (Шервашидзе) находились в Батуме, посланные туда в свое время. Абхазы решили объявить своим владетелем Зураба, но тот категорически отказывался. Тогда они «послали в Батум пять галер с выборными и от народа... Зураб был схвачен и высажен на Абхазский берег в Абжуйском округе»⁵⁷.

Н. Я. Марр писал: «В сравнительно недавнем прошлом, именно в XVIII в., абхазцы, ныне оттиснутые от берегов моря в глубь края, продолжали пользоваться славой древних энихов, опасных для ближайших соседей и вообще для путешественников»⁵⁸.

Как сообщал французский посол в Тифлисе коммерсант Ж. Гамба, посетивший Сухум и Абхазию в 1822 году, пиратство абхазцев и их соседей — черкесов почти прекратилось, когда корабли султанской Турции начали плавать по Черному морю. Но с тех пор, «как Россия, вследствие победы Екатерины, приобрела для своих судов право прохода через Дарданеллы... черкесы и абхазцы снова возобновили свои морские набеги...»⁵⁹.

Об этом свидетельствовал и С. Броневский, в 1802—1804 годах служивший правителем дел при главнокомандующем в Грузии генерале П. Д. Цицианове. Он отмечал: «Приморские абхазы разбойничают в лодках по Черному морю, нападая на оплошных корабельщиков или на тех, коих постигнет несчастье сесть на мели»⁶⁰.

При Келешбее Шервашидзе (Чачба), владетеле Абхазии, с начала 80-х годов XVIII века по 1808 год была корабельная верфь, расположенная недалеко от Сухумской крепости⁶¹. Здесь в 1802 году находился 74-пушечный корабль, посланный названным владетелем в Стамбул турецкому султану⁶². По другим данным, Келешбей послал в Турцию 60-пушечный корабль «из материалов, той земли принадлежащих»⁶³. Офицер Скирневский в 1807 году на Сухумском рейде видел около десяти небольших торговых судов —

⁵⁶ Цит. по: Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география, VI. СПб., 1883, с. 78—79.

⁵⁷ Черепов А. П. Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях жителей Бзыпского округа Абхазии.— Ист. архив. М.-Л., т. V, с. 401—402.

⁵⁸ Марр Н. Я. Указ. соч., стр. 143.

⁵⁹ [G a m b a]. Voyage dans la Russie meridionale, et particulierement dans les provinces sitnees au — dela du Caucases. fait depuis 1820 jusqu'en 1824... т. I. Париж, 1826, с. 79.

⁶⁰ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II. М., 1823, с. 924.

⁶¹ Там же, с. 295; См. также: Докладная записка Р. А. Скасси... 1818—1820 гг.— АКАК, т. VI, ч. II, с. 646—658 (на франц. яз.).

⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 389, л. 71; ВПР XIX и начала XX века. Серия I, т. IV, М. 1965, с. 49—51; Броневский С. Указ. соч., с. 295.

⁶³ АКАК, т. VI, ч. I, с. 450.

чектырмей «на коих и торговлю производят»⁶⁴. Впоследствии и командир Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Паскевич отмечал, что Келешбей обладал небольшой флотилией, состоящей из «некоторого числа хорошо вооруженных галер». Готовясь к «Абхазской экспедиции» (1830 г.), он просил управляющего Имерети генерала К. Ф. Гессе выяснить, «какой именно постройки были галеры, употребленные прежним владельцем Абхазии Келеш-беем; каким образом были снабжены и вооружены...» они⁶⁵. Генерал Д. Орбелиани в 1809 году писал, что Сухум имеет «хорошую пристань», в «которой и строение кораблей прежде сего было производимо для Оттоманской Порты»⁶⁶, т. е. Турции.

В 1816 году в Пицундской бухте, с разрешения абхазского владельца, был построен бриг длиной в 120 футов, у которого киль был из цельного дерева, что «показывает редкой величины дерева»⁶⁷.

В 1817 году царское правительство получило заявление греческого купца Георгия Скардена о выдаче удостоверения на право «поднять российско-купеческий флаг на построенном им у абхазских берегов собственным капиталом мореходном коммерческом двухмачтовом судне, именуемом «Эолом»⁶⁸. Управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде 23 августа 1817 года представил записку в Комитет министров, в которой указывал на «ощутительную пользу» развития торговли и кораблестроения на берегах Абхазии⁶⁹.

Е. И. Энегольм в «Кратком обозрении Империи, Гурии, Мингрелии и Абхазии», составленном в 1817 году, дает следующие сведения: река Ингур «есть судоходная для небольших лодок, вверх верст на 20 до сел. Барбары, но по причине быстроты ее течения вход из моря в ее устье затруднителен даже для баркасов, которые при кр. Анаклии имеют хорошее стояние». Южный рукав р. Кодор имеет при устье своем медленное течение воды, отчего «представляется возможность входить в оный небольшими лодками... Быстрая струя оной, сильно противоборствующая, заставляет суда объезжать устье, вдавшись верст за 5 в море». Течение р. Келасури довольно медленное, «и поэтому вход для небольших лодок в оную удобен»⁷⁰. В другом месте, говоря «о свойствах» рек Абхазии, Энегольм еще раз подчеркивал, что в устья рек Ингур, Гудава, Галидзга и Келасури «удобно входить небольшим лодкам и то на весьма малое расстояние. Суда же большой конструкции должны

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, л.л. 1—4.

⁶⁵ Там же, 1829 г., д. 6434, л.л. 57—70.

⁶⁶ АКАК, т. IV, с. 412.

⁶⁷ Аш И. К. Военно-статистическое обозрение...— ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л.л. 1—34.

Эти слова буквально повторяет О. Евещкий в своем «Статистическом описании Закавказского края» (ч. I—II, СПб., 1835, с. 56).

⁶⁸ Отношение командующего войсками в Грузии А. П. Кутузова управляющему МИД К. В. Несельроде от 5 августа 1817 г.— АВПР, оп. П-5, 1917, д. 8, л.л. 1—2.

⁶⁹ Там же, л.л. 12—14.

⁷⁰ См.: ЦГВИА, ф. 14719, оп. 3, д. 74, л.л. 36—36 об.

останавливаться в море против устья Гудавы на 3¹/₂ вер. и так постепенно несколько ближе или далее от берега». «Лучшие пристани» на Абхазском берегу «для мелких судов — Гудавская, Галидзгская, Келасурская, Логинская (?) и Гагринская. «Главные бухты, удобные к стоянию во всякое время больших судов», — Сухумская и Пицундская, в которых «не далее полуверсты от берега военные суда имеют свободное и безопасное стояние». Пицунда занимает выгодное положение «по причине столь же выгодной бухты и близ оных произрастающего корабельного лесу, могут сделаться довольно важными, т. е. в случае буде предпринято бы было строение тут судов либо запастись нужным для оных лесом».

Главнокомандующий на Кавказе А. П. Ермолов в рапорте на имя Александра I от 28 марта 1818 года писал, что Абхазия богата лесом, очень нужным для Черноморского флота. Он предлагал для обозрения этого леса послать в Абхазию несколько чиновников и использовать генуэзца Р. А. Скасси, имевшего в Одессе торговые дела, который был уже в сношениях с Абхазией и выменивал там строевой лес на железо и соль.

В том же году генуэзский коммерсант и уже чиновник Министерства иностранных дел России Р. А. Скасси отмечал, что абхазы «строят только челноки, сделанные из одного ствола дерева»*. Капитан Жургаки держал наемных крестьян «за довольно умеренную плату» «для постройки судна» в Лыхнах. Скасси утверждал, что «сообщение между Мингрелией и Черкесией происходит морем посредством небольших турецких лодок, которые ходят вдоль берега на парусах и веслах и которые заметны часто на бичеве; их вытаскивают на землю ночью. Число этих лодок очень ограничено, но достаточно для торговли». Скасси предлагал всемерно развивать морскую торговлю (каботажную). «Часто эта перевозка (товаров.— Г. Д.), — писал он, — могла бы производиться морем, только на мелких судах, чтобы можно было заходить во все места побережья». Скасси, кроме того, писал, что абхазский владетель Сафарбей Шервашидзе, для защиты со стороны моря от нападений черкесов на своих легких лодках, в окрестностях с. Лыхны построил маленькие деревянные хижины с бойницами⁷¹.

Французский путешественник и коммерсант, бывший в Абхазии в 1818—1819 годах для закупки леса Поль Гибаль сообщает ценные данные по интересующему нас вопросу. В его работе абхазы еще пользовались плоскодонными судами. На этих «суденышках» они когда-то совершали пиратские нападения на проходящие корабли», которые, главным образом, перевозили груз. Келасурский князь Хасанбей Шервашидзе, например, имел в своем распоряжении несколько таких лодок, а также два «прекрасных, больших судна — узкие и длинные галеры, большая из которых вмещала

* Интересно отметить, что в 1837 г. гидроархеологическая экспедиция, руководимая проф. Р. А. Орбели, из р. Буга у с. Сабиновка извлекла челн-лодку однодреву скифской эпохи (Вопросы истории, 1946, № 10, с. 124).

⁷¹ Докладная записка Р. А. Скасси... АКАК, т. VI, ч. I, с. 646—652 (на франц. яз..)

80—100 человек. Некоторые абхазы пользовались также длинными и узкими каюками — небольшими лодками, сделанными «из полного ствола дерева», причем их использовали для рыбной ловли и небольших поездок из Келасури в Сухум⁷². В другом месте Гибаль отмечает, что «их (абхазов.— Г. Д.) лодки также сделаны из очень маленьких досок». В Лыхны имелась речка, которая считалась «центром морских сообщений резиденций» владельца Абхазии Георгия (Сафарбея) Шервашидзе. Кроме того, это — «база его военно-морских сил». Как сообщает Гибаль, между Сухумом и Келасури имелось ежедневное сообщение, в частности, судами. В дни его пребывания здесь княгиня Ханума, мать Хасанбея, по случаю торжества приехала в Сухум, в сопровождении свиты, на галере которой управляли 40 гребцов⁷³.

Еще раз обратимся к генералу А. П. Ермолову, который 16 июля 1820 года сообщал К. В. Нессельроде, что абхазы «теперь уже в большом количестве имеют вооруженные лодки и производят около берегов разбой»⁷⁴. Причем эти лодки были плоскодонными. Их достоинство состояло в том, что они, «будучи застигнуты у берега бурей, весьма легко могут быть вытаскиваемы на берег». Генерал А. А. Вельяминов писал, что в 1819 году употреблялись палубные канонерские лодки для крейсирования около восточного берега Черного моря и преследования абхазских и черкесских лодок.

В том же 1820 году капитан Готье, во время своего плавания вдоль абхазских берегов, оказался под угрозой нападения со стороны двух «пиратских судов». В 1823 году было захвачено пиратами и отведено в Пшад небольшое судно, шедшее из Трапезунда⁷⁵. Гамба считал, что «искусство постройки кораблей на побережье Черкесии и Абхазии значительно более развито, чем на берегу Хопи и Фаза». Встречавшиеся здесь «ладьи сохранились по традиции со времени самых древних», в каждой из них размещалось 24 гребца⁷⁶. Чертежи абхазского гребного судна Гамба дает в своем атласе⁷⁷, а в книге — изображение мачтовых судов, стоящих на сухумском рейде.

О «весельных лодках абазов», которые «часть занимаются пиратством», писал и известный немецкий ученый Клапрот⁷⁸.

16 октября 1826 года было задержано судно с экипажем в 12 человек, принадлежавшее «абхазскому уроженцу Солиману» и следовавшее с солью из Трапезунда к Кодорскому мысу⁷⁹.

Поручик генерального штаба барон И. К. Аш по поручению командира Отдельного кавказского корпуса И. Ф. Паскевича в

⁷² ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2896, л.л. 61 об.— 62, 117, 127—128.

⁷³ Там же, ф. Ермоловых, д. 256, л.л. 9—12.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312: л.л. 10 об., 46—47.

⁷⁵ Гамба. Указ. соч., т. I, с. 79, прим. 1.

⁷⁶ Там же, с. 89—90.

⁷⁷ Его же. Atlas. Париж, 1826. (Приложение ко II тому «Voyage...»).

⁷⁸ Klapprot M. Tableau... du Cancase... Paris — Leipzig, 1827, с. 83—84.

⁷⁹ Рапорт главного командира Черноморского флота и портов Грейга Николаю I от 29 декабря 1826 г. ЦГАВМФ, ф. 283, д. 25, л.л. 2—3.

1830 году, перед так называемой «Абхазской экспедицией», произвел «военно-статистическое обозрение» Абхазии. В своей записке он отмечал, что реки Ингур, Кодор, Келасури, Мчишта и другие «на небольшое расстояние», «на несколько верст», судоходны для малых лодок. Говоря о р. Бзыбь, барон Аш сообщал: «Неудобна к плаванию лодок, несмотря на то, случается, что черкесы с небольшими лодками входят в оную, скрываются там и в удобное время делают набеги на Абхазию». Далее он писал о «бухтах и пристанях»: Пицунда, Сухум — «главные и самые выгодные бухты на берегу Абхазии». Озера «изобилуют рыбой». (Аш. Военно-статистическое обозрение...). В одном рапорте, адресованном графу А. И. Чернышеву от февраля 1832 года, говорится об абхазских плоскодонных длинных лодках⁸⁰.

Швейцарский ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ 26 июля 1833 года из Сухума наблюдал в море «две абхазские галеры», нагруженные людьми; пересекая Сухумскую бухту во всю ее ширину, они быстро шли на веслах по направлению к Кодорскому мысу. Утром следующего дня эти галеры напали на торговое судно, которое остановили за мысом и ограбили. Заметив судно, на котором ехал Дюбуа, гребители бросились в свои ладьи, налегли на весла и исчезли в одно мгновение в устье р. Кодор, куда они, «по своему обыкновению», втянули за собой свои галеры. В указанных галерах находилось, приблизительно, 120 человек: три князя из окрестностей Лыхны и остальные оттуда же — из Бамбора. Шкипер ограбленного судна также был абхазец по происхождению⁸¹.

Дюбуа в своем атласе⁸² дает панораму прибрежных населенных пунктов — Гагр, Псырцха (Новый Афон), Сухума, Келасури и Тамыша. Здесь, между прочим, изображены 5 двухмачтовых и 8 одномачтовых судов и 5 маленьких лодок.

В начале 1834 года убыхи и джигеты «на нескольких галерах приехали к Пицундам...» В том же году на Бамборское укрепление напал отряд абхазских партизан-абреков совместно с черкесами, «подъехав на галерах», и «исполнили с успехом свое намерение». В 1835 году при нападении горцев на укрепление Гагры в их составе был отряд на галерах. Тем временем и около Сочи русские крейсера разбили 4 галеры⁸³.

И. о. главного командира Черноморского флота и портов в рапорте на имя начальника Главного морского штаба 2 октября 1834 года писал о «плоскодонных кочермах», употреблявшихся прибрежными жителями Абхазии, достоинство которых заключает-

⁸⁰ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 19, л. 2.

⁸¹ Дюбуа. Указ. соч., с. 143—144.

⁸² Voyage au Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée par Frédéric Dubois de Montpéroux. Atlas. Neuchatel, 1843.

⁸³ Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, СПб., 1847, с. 187, 195—196, 216, 219.

ся в том, что «они, будучи застигнуты у берега бурей, весьма легко могут быть вытаскиваемы на берег»⁸⁴.

Ф. Ф. Торнау, говоря об искусной ловле дельфинов абхазами, отмечал (1835 г.), что они выезжали в море на маленьких каюках, выдолбленных из дерева⁸⁵.

В 1835 году садзы (джигеты) совершили нападение на Гагринское укрепление, в частности, со стороны моря наступали они на 150 галерах. Как писал А. Н. Дьячко-Тарасов, джигеты и их соседи убыхи «не в первый раз пускали в ход свою флотилию»⁸⁶.

В сентябре 1839 года владетель Абхазии М. Шервашидзе, узнав, что около Адлерского мыса стояла турецкая кочерма, на которой якобы находился английский агент Белл, проживавший среди черкесов, отправил туда прапорщика Маргания с 4 галерами, чтобы захватить указанное судно⁸⁷. По другим данным в том же году владетель Абхазии с жителями Бзыбской Абхазии на 7 галерах отплыл от Абхазских берегов к укреплению Св. духа (Адлер)⁸⁸. А 26 января 1840 года ночью он 180 «самых лучших абхазцев» на галерах направил туда же для нападения на какой-то аул⁸⁹.

Генерал Н. Н. Раевский в 1840 году в «Записке о торговле с горцами и переселении на восточный берег» утверждал: «Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области»⁹⁰.

Кстати, названный английский авантюрист, еще в мае 1837 года плывший на черкесском корабле, обратил внимание на то, что «жилистые, сильные» гребцы «пели почти непрерывно... свои разнообразные прекрасные песни гребцов»⁹¹. Наверное, такие специальные песни были и у абхазов? Еще раз кстати, И. К. Айвазовским написана картина «Лодка черкесских пиратов», которая среди других произведений художника была показана на Парижской выставке в 1843 году и удостоена награды.

Цезарь Фамен писал: «Суда России плавают дозором вдоль абхазских берегов, но это не мешает этим неисправимым морским разбойникам пускаться в плавание по морю в своих длинных плоских лодках, похожих на камары древних готов, нападая на торговые суда, которых штиль застал в водах этого всегда негостеприимного моря»⁹².

Через р. Бзыбь, свидетельствовал М. Селезнев (1847, с. 196),

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л.л. 46—47.

⁸⁵ [Торнау Ф. Ф.] Воспоминания Кавказского офицера, ч. I, М., 1864, с. 61.

⁸⁶ Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. ЗКОРГО, 1903, кн. XXIV, в. I, с. 65.

⁸⁷ АКАК, т. IX, с. 462.

⁸⁸ Там же, с. 179.

⁸⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6411, л.л. 2—4.

⁹⁰ АКАК, т. IX, с. 477.

⁹¹ *Jurnal d'une residence Cirkassie pedant les annees 1837, 1838 et 1839 par James Stanislas Bell armateur du Vicsen...* Paris, t. I. 1841, s. 70.

⁹² *Famin C. Region Caucasienn 1re Caucasse et georgie.— Univers pittoresque Europa*, Paris, t. 40, 1842.

в нынешнее время переправляются абхазы «на своих длинных каюках».

Однажды хорунжий Барахович увидел против устья р. Вардане убыхскую галеру, на которой было 40 человек, шедшую по направлению к Абхазии. Началась перестрелка между горцами и двумя казацкими баркасами. Во время этого боя казаки заметили другую галеру, шедшую от берега на помощь атакующей. Вскоре одна из галер убыхов была потоплена, а другая ушла⁹³.

Генерал Г. И. Филипсон в октябре 1856 года писал: «...Крейсерство вдоль восточного берега от Анапы до Сухума будет возложено на пароходы, иначе опять возобновятся морские разбои горцев на галерах...»⁹⁴

Летом 1859 года офицер С. Смоленский в устье р. Мфишта (Черная) видел, как производились постройки кочерм и фелюг из леса урочища⁹⁵.

Воинский начальник укрепления Гагры доносил в марте 1860 года, что в Сочи убыхи снаряжают до 26 галер с целью высадить десант между Гаграми и Пицундой. «Снаряжение убыхами значительного числа кочерм,— писал кутаисский генерал-губернатор Эрстов 19 марта 1860 года,— может быть весьма опасно для наших коммерческих парусных судов, тем более, что бывали и прежде примеры, что убыхи захватывали наши купеческие суда и предпринимали дерзкие и весьма отважные набеги на берега Абхазии и часто с большим успехом»⁹⁶.

Д. З. Бакрадзе писал, что в долинах рек Абхазии «действуют туземные каюки, которые, имея древнейшую конструкцию и будучи сделаны из выдолбленного дерева, размером около 3-х сажень в длину, искусно и смело управляются туземными гребцами...» В другом месте он отмечал: «Для переезда через большие реки вы можете смело довериться маленькому каюку, большей частью сделанному из одного выдолбленного дерева и имеющему сажени три в длину»⁹⁷. Об абхазских каюках, лодках, выдолбленных из одного куска дерева, писал и Н. Дубровин⁹⁸.

В 1875 году в газете «Московские ведомости», в №№ 93—94, сообщался такой факт: на окраине юго-восточной части Черноморского округа абхазы «доводят лошадей до моря, связывают и укладывают на заранее доставленные фелюги (небольшие лодки), затем поднимают парус и, пользуясь обычным береговым ветром, уплывают к берегам Абхазии»⁹⁹.

⁹³ Воспоминания Филипсона Г. И.—Русский архив, 1883, кн. 6, с. 310—311.

⁹⁴ АКАК, т. XII, с. 701.

⁹⁵ Смоленский С. Воспоминания кавказца.— Военный сборник, 1872, № 10, с. 329.

⁹⁶ Рапорт кутаисского генерал-губернатора ген. Эрстова кн. Барятинскому от 19 марта 1860 г. АКАК, т. XXII, с. 843.

⁹⁷ Бакрадзе Д. Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии.— Кавказ, 1860, № 48.

⁹⁸ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II. СПб., 1871, с. 8—9.

⁹⁹ Цит. по: Верещагин А. В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1878, с. 23—24.

По сведениям современника, в мае 1877 года в с. Адзюбжа, там, где р. Кодор течет двумя рукавами, в трех-четыре километрах от берега моря, на каждом из этих рукавов «у абхазцев были довольно большие каюки»¹⁰⁰. Как сообщал генерал Я. К. Алхазов «абхазцы с правого берега р. Кодора сели на суда у устьев этой реки и удалились к Сухуми»¹⁰¹.

Об этом свидетельствовал и специальный корреспондент газеты «Голос» (возможно, Г. И. Церетели) и сам он переправился с берега на берег на одной из них¹⁰². Еще до этого, в 1869 году, имеретинский епископ Гавриил со своей свитой переправился на лодке в селе Адзюбжа¹⁰³.

Барон И. К. Аш писал, что абхазские выдолбленные из одного куска дерева лодки и их большие размеры «говорят о редкой величине леса»¹⁰⁴. Абхазия, как уже отмечалось, издревле славилась «корабельным лесом», являвшимся и предметом широкого вывоза. Надо сказать, что русское правительство давно обратило свое внимание на это обстоятельство. Еще задолго до присоединения Абхазии к России, 27 ноября 1779 года, лейтенант Иосиф Пери из Таганрога обратился к президенту Военной коллегии графу И. Г. Чернышеву с письмом, в котором он указывал на богатство края лесом — «дерева разного сорта», в том числе «мачтовые деревья»¹⁰⁵.

Поэтому не случайно, что в 1806 году владелец Абхазии Келешбей Шервашидзе, излагая условия принятия им русского подданства, ко всему прочему, обещал хороший лес для кораблестроения¹⁰⁶. Лейтенант Скирневский, посетивший названного владельца в 1807 году, обратил внимание, что окрестности Сухума покрыты лесом, годным для кораблестроения¹⁰⁷. Один из «просительных принципов» Георгия Сафарбея Шервашидзе, при котором произошло официальное присоединение Абхазии к России (1810 г.), также содержал сообщение дать «леса для кораблей»¹⁰⁸. Е. И. Енегольм писал, что в Абхазии растет «весьма удобный к строению лес», в особенности близь Гагры и Пицунды «произрастает редкий... удобный к кораблестроению» лес¹⁰⁹. Генерал А. П. Ермолов писал, что им было сделано представление императору, в котором он сообщал, что при наличии в Абхазии двух батальонов пехоты, из края «можно будет для Черноморского флота доставить неистощимые корабельные леса наилучшего качества. В пример поставлены

¹⁰⁰ Война 1877—1878 гг., т. III, Война в Азиатской Турции. Под ред. ген. Зыкова Вып. I. СПб., 1882, с. 214.

¹⁰¹ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-малоазиатском театре, т. VII, ч. II. Тифлис, 1911, с. 248.

¹⁰² Голос, 1877, № 226.

¹⁰³ Кавказ, 1870, № 142.

¹⁰⁴ И. К. Аш. Военно-статистическое обозрение...

¹⁰⁵ ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, л.л. 196—197.

¹⁰⁶ АКАК, т. III, с. 191—192.

ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, л.л. 1—4.

¹⁰⁷ АКАК, т. III, с. 209.

¹⁰⁸ Енегольм Е. И. Указ. рук., л. 34.

¹⁰⁹ Записки А. П. Ермолова, ч. II. 1816—1827 гг. М., 1868, с. 70.

строящиеся при тамошних берегах большие купеческие суда... Предложено в бухте, именуемой Пицунда, лучшей по всему восточному берегу Черного моря, сделать заведение, в котором бы хранились заготавливаемые леса для отправления по назначению»¹¹⁰. А. К. Аш, обозревший этот лес в 1830 году, отмечал, что «сосновый лес годен к кораблестроению»¹¹¹. Даже в 80-х годах XIX века «все приморье» Абхазии было еще «покрыто строевым лесом, годным для кораблестроения»¹¹².

Английский журналист и разведчик Эдмунд Спенсер, давая описание абхазского леса, виденного им в районе Пицунды, писал о том, что «корабельный лес», имевшийся здесь, представлял большой интерес для России¹¹³.

И действительно, уже перед Крымской войной из Абхазии в значительных размерах вывозился дубовый лес «для нужд морского ведомства». Так, в 1848 году лесопромышленник Мошин рубил лес в Аджуа для Черноморского флота, а в 1851—1852 годах — в Кодорском и киндгском лесах. Лес был вывезен в г. Николаев¹¹⁴. Яков Гогешвили одной из причин относительно лучшего благосостояния населения Самурзаканского участка считал вывоз богатого леса этого района «для постройки кораблей»¹¹⁵. М. Крыжановский констатировал, что из абхазского леса «выстроен почти весь Черноморский флот»¹¹⁶.

А А. Н. Введенский писал, что из абхазского леса «выстроен весь наш Черноморский флот». Он также отмечал, что «устья рек и берега Абхазии кишат сельдми, устрицами и всевозможного рода морскими рыбами»¹¹⁷.

С учреждением Черноморской береговой линии в 30—40-х годах XIX века и организацией регулярной крейсерской службы, а также с налаживанием русского торгового и пассажирского пароходства на Кавказском побережье занятие абхазцев мореходством пришло в упадок.

В 1848 году торговые пункты Абхазии — Гудава, Очемчиры и Келасури были приняты в карантинно-таможенное ведомство. В разных местах были учреждены карантинно-таможенные заставы и посты. Надзор со стороны моря был возложен на крейсирующие военные суда и лодки, а по сухопутной границе — на

¹¹⁰ И. К. Аш. Военно-статистическое обозрение...

¹¹¹ А. Л. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885, стр. 8.

¹¹² E. Spencer. Travels in Circassia, Krim, Tartary etc in 1836, т. 2. Лондон, 1838, письмо XXX.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ См.: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958, с. 88.

¹¹⁵ იაკობ გოგეშვილი. თბილისი, 1958, стр. 637.

¹¹⁶ Крыжановский М. Последний абхазский бунт. Очерк событий 1877 года. Рукописи. отд. Гос. публич. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр F. IV. 837, л. 67 об.

¹¹⁷ [Введенский А. Н.] Письма из Абхазии.— Газ. Кавказ, 1877, № 224.

разъездные посты. Для усиления же крейсерства по берегам Абхазии и Мегрелии были назначены особые команды.

Все эти меры были направлены, ко всему прочему, против англо-турецкой контрабандной торговли на побережье; они нанесли удар по грабительской торговле и торговле пленниками (работоторговля) иностранцев, а также всяким морским разбойничьим нападениям, хотя разбросанные на широком пространстве, изолированные друг от друга форты Черноморской береговой линии и русские сторожевые корабли не могли обеспечить полного пресечения всего этого.

А. П. Черепов в 1865 году об «абхазских морских разбоях», говорил как уже о давно пережитом, хотя это было не совсем так. «Бзыпчане рассказывают,— писал он,— что в былые годы они имели галеры, на которых, плавая по побережью Черного моря, чинили нападения на соседей...»¹¹⁸. В 1888 году газета «Кавказ» об указанном явлении писала как о еще более отдаленном прошлом, даже как об области «эпических воспоминаний», в которых сохранились следы указаний на морские набеги абхазцев и гурийцев, «предпринимавшиеся на судах на те или другие черноморские прибрежья»¹¹⁹.

Создавались все более и более благоприятные условия для налаживания русского пароходства на Черноморском бассейне и установления прочных торговых отношений с краем. В 1845 году было установлено морское сообщение между Сухумом и Керчью, а в 1846 году — и Одессой: В том же году Сухум и Очамчыры были объявлены портами. С 50-х годов морские сообщения между Сухумом, Редут-Кале, Поти и другими приморскими пунктами становятся почти регулярными. В 1856 году было основано «Русское общество пароходства и торговли» (РОП и Т), цель которого заключалась в организации сообщения по Черному морю, обслуживании экспорта за границу. Суда общества должны были служить резервом для военного флота на случай войны. В 1857 году в Сухуме была открыта морская станция.

Все это ознаменовало начало развития регулярного торгового мореплавания в Абхазии, успехи которого, начиная с середины 40-х годов, делаются заметными. Приход судов в Сухум из-за границы в 1850 году достиг 220. Оживилось и каботажное судоходство; Сухумский порт посещали от 357 до 420 каботажных судов ежегодно. За время с 1832 по 1852 год в Сухумский порт по заграничному плаванию прибыло 1223 суда, отошло 536, по каботажному плаванию прибыло 3899 судов, отошло 5060; всего же было в приходе 5122 суда, в отходе — 5596.

Рост торговых оборотов Сухума по заграничной торговле выразался в следующих цифрах: в 1832—1852 годах было ввезено на 1 196 158,08 руб., вывезено 273 175,3; общий оборот равнялся 1 469 333,38 руб. Значительно увеличилась и каботажная перевозка товаров: в 1852 году ценность привезенных на каботажных судах

¹¹⁸ Черепов А. П. Указ. соч., с. 408.

¹¹⁹ Кавказ, 1888, № 292.

в Сухум товаров поднялась до 197 576 руб., а вывоз равнялся 254 985 руб. Общий же вывоз через Сухумский порт в 1848—1852 годах составлял 71 773 руб. Показателем постепенного роста экономических связей Сухума с другими российскими портами и прочими пунктами является также нарастание движения русских судов: в 1851—1853 годах пришло 392 суда, отошло — 396. Аналогичное явление наблюдается и по другим торговым местам Абхазии — Очемчиры, Гудауты, Бамборы.

Крымская война прервала на время развитие торговли в Абхазии, ставшей непосредственной ареной военных действий. Но вскоре после этого события торговля начала расти более быстрыми темпами.

Из 2 330 рейсов, совершенных в 1860 году каботажными судами в Поты, Николаевск, Редут-Кале (Кулеви) и Сухум, на последний падало 769 рейсов. В 1862 году приход каботажных судов в Сухум, Очемчиры и Гудауты составлял 499 единиц и отход — 495. Оборот торговли г. Сухума в 60-х годах равнялся: отпускной — 175,5 тыс. рублей, внутренней — около 536 тыс. рублей. Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владения в 1864 году. Через Сухумский порт уже в 1867 году всего ушло и пришло 721 судно; из них 504 — в российские порты, 217 — за границу¹²⁰.

Пореформенный период, несмотря на ограниченный характер крестьянской реформы, характеризовался созданием определенных условий для развития производительных сил края. В частности, наблюдалось улучшение транспорта и торговли.

В 70-х годах правительство действовало в направлении установления правильных и дешевых морских сообщений на Черноморском побережье, выдавая значительные субсидии Русскому обществу пароходства и торговли. Пароходы заходили: до русско-турецкой войны 1877—1878 годов — в Цандрипш, Гагры и Пицунду; после войны — в Псырдзха и Очемчиры; до и после войны — в Адлер, Гудауты и Сухум. Другие пункты побережья обслуживались казенными шхунами и мелкими судами гребной флотилии (баркасы и фелюги). Кроме того, администрация Сухумского отдела выдала субсидию частному пароходу «Звездочка» за рейсы его от Поты до Гагр и обратно; в Новом Афоне имелись фелюги, принадлежавшие монастырю¹²¹.

В 1874 году министром путей сообщения Посыета был поднят вопрос об организации Сухумского порта, необходимость устройства которого была признана еще генералом Н. Н. Раевским в 1840 году. В 1888 году в Сухуме была построена железная пристань. В 1896 году Министерством путей сообщения были произведены портовые изыскания и составлен проект портовых сооружений в Сухуме, хотя вопрос снова заглох¹²².

¹²⁰ См.: Дзидзария Г. А. Указ. соч., § 5 — Торговля, с. 116—140.

¹²¹ Верещагин А. В. Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1885, с. 26—27, 31, 39.

¹²² Олонцкий А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (Конец XIX — начало XX века). Сухум, 1934, с. 16—17.

Если общая стоимость товаров, вывезенных за границу в 1886 году через таможенные пункты Абхазии, равнялась 868 092 руб., то в 1893 году она поднялась до 1 288 818 руб; стоимость же ввезенных из-за границы товаров в первом случае равнялась 10 210 руб., а во втором она снизилась до 3 414 руб. Шло усиление торговой связи с Россией. Об этом свидетельствует движение коммерческих судов заграничного плавания и каботажа, например, в 1886 году: пришло 703 суда, 13 012 ластов ¹²³, в том числе по заграничному плаванию — 217 судов, 9393 ластва; отошло 704 суда, 130922 ластва, в том числе по заграничному плаванию — 220 судов, 9 505 ластов ¹²⁴.

Рыболовство и промысел дельфинов, особенно во второй половине XIX века, становятся важной отраслью промышленности Абхазии. Еще А. Д. Абрюцкий, констатируя, что абхазские реки и озера изобилуют рыбой, писал: «И в сем отношении жители совершенно удовлетворяют свои нужды...» ¹²⁵. Ф. Торнау также сообщал, что абхазцы, живущие на побережье, занимались рыбной ловлей преимущественно в устьях горных рек, изобилующих лососями, которые составляли весьма лакомую пищу и жарятся, обыкновенно, на вертеле ¹²⁶. М. Селезнев писал, что, в устье р. Маркула водились осетры и семга, которых абхазцы, видя их через прозрачную воду, убивали пулей ¹²⁷. Кроме того, навстречу потоку речки ставили специальную корзину (адарч), куда рыба легко попадала, но выйти уже не могла. По сведениям Ив. Аверкиева, относящимся к 1866 году, в Сухуме бывали случаи, когда рыболовы на небольшой лодке одной наметкой за утро налавливали до 7 пудов сельди; наметки состояли из круглой сетки. Для ловли камбалы солдаты прибрежных мест расставляли прямоугольные сетки ¹²⁸. П. Надеждин в 1869 году отмечал: «Прибрежные абхазы занимаются рыбной ловлей и добычей дельфинов» ¹²⁹. Как писал М. В. Владыкин, «в любом ручье он (абхаз.— Г. Д.) закинет сеть и вытащит десяток вкусных форелей. Прибрежные жители занимаются рыбной ловлей преимущественно у устьев горных речек, изобилующих лососями» ¹³⁰. А. А. Миллер в 1907 году в Абхазии и Мегрелии наблюдал еще такой способ ловли рыбы: в маленьких горных речках стреляли форель из луков стрелами с железными наконечниками в форме лопаточки ¹³¹.

¹²³ Ласт — 2 тонны.

¹²⁴ Кавказский календарь. Тифлис, 1887, отд. I, Внешняя торговля Кавказа, с. 30.

¹²⁵ [Абрюцкий А. Д.] Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии. Тифлиские ведомости, 1831, №№ 27—29, с. 223.

¹²⁶ Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I, с. 61.

¹²⁷ Селезнев М. Указ. соч., кн. II, с. 163.

¹²⁸ Аверкиев Ив. С северо-восточного побережья Черного моря.— Кавказ, 1866, № 77.

¹²⁹ Надеждин П. Природа и люди на Кавказе. СПб., 1869, с. 97.

¹³⁰ Владыкин В. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1885, с. 345.

¹³¹ Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г.— Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910, с. 77.

Улов рыбы реализовался в Сухуме и в местечках, а также вывозился. По данным таможи, с 1891 по 1895 годы из Сухума и Гудаут вывозилось в среднем ежегодно по 7,5 тыс. пудов разной рыбы¹³². С 1900 года начали появляться скупщики, которые закупали почти всю рыбу для отправки ее в Москву, Харьков и другие города. В 1901 году московским купцом Игумновым у устья р. Бзыбь была организована «правильная рыбная ловля и устроен завод для приготовления консервов»¹³³. Хорошо было поставлено рыболовческое хозяйство в Ново-Афонском и Драндском монастырях.

Особый интерес представляла ловля дельфинов, которых убивали для вытапливания из них жира. Били их из ружья дробью, а также охватывали сетями и били баграми. Абхазские берега, по словам Ф. Ф. Торнау, посещались летом несчетным количеством дельфинов. В хорошую погоду они имеют привычку держаться на поверхности моря. Ловцы выезжали на маленьких лодках, выдолбленных из дерева, и обхватывали довольно большое водяное пространство длинной сетью, имевшей футов шесть ширины, с поплавками наверху и с тяжестью внизу. Две или три лодки въезжали внутрь обхваченного сетью пространства, и ловцы начинали бить баграми находящихся в нем дельфинов. «Этот способ ловли рыбы не безопасен,— писал Торнау,— потому что каюки иногда тонут под тяжестью убитой рыбы, опрокидываясь, когда дельфины ударяют в них, кружась в воде, но абхазцы не боятся этого, плавающая не хуже дикарей островов Южного океана»¹³⁴.

В Пицундской бухте в 60-х годах добывалось около 300 пудов дельфиньего жира¹³⁵. В 1871 году жителем с. Лыхны Решитом Парнаут-ипа было заключено «условие» с управлением Пицундского округа на отдачу ему в арендное пользование сроком на один год Пицундской бухты для ловли в ней дельфинов и вытапливания из них жира¹³⁶. В зиму 1872 года в Сухумской гавани было добыто 3 800 дельфинов¹³⁷. М. В. Владыкин в 1874 году писал, что промысел дельфинов является «одной из заметных доходных статей Абхазии»¹³⁸. В Абхазии в 1897—1901 годах добывалось дельфиньего жира от 20 до 30 тыс. пудов ежегодно. Только из Гудаут вывозилось каботажем в среднем по 2025 пудов в год. Жир оправлялся в Одессу и Керчь, где его очищали на специальных заводах и продавали под видом рыбьего жира. В 1887 году в Гудаутах возник устричный промысел¹³⁹.

¹³² Родзиевич-Белевич В. Рыбный промысел на Закавказском побережье Черного моря.— «Весь Кавказ». Иллюстративный справочно-литературный сборник. Тифлис, 1903. Торгово-промышленный отдел, с. 7.

¹³³ Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего).— ЗКОРГО, 1906, кн. XV, с. 52—53.

¹³⁴ Торнау Ф. Ф. Указ. соч., с. 61.

¹³⁵ Аверкиев Ив. Указ. соч.

¹³⁶ ЦГИАГ, ф. 545, д. 956, л. л. 6—7.

¹³⁷ Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч., с. 52—53.

¹³⁸ Владыкин М. Указ. соч., изд. 1874 г., с. 484—485.

¹³⁹ «Весь Кавказ» Тифлис, 1903, № 1. Торг.-пром. отдел, с. 11—12.

Море и мореходство в исторической и культурно-экономической жизни абхазского народа, одного из аборигенов Черноморского побережья Кавказа, всегда имели важное значение.

В составе древних генихов (по-видимому, собирательное название этнических единиц восточного берега Черного моря и отважных мореплавателей) надо полагать и предков абхазов. Морские суда, известные античным авторам под названием «камары», идентичны традиционным судам, описанным позднейшими авторами и употреблявшимся в Абхазии почти до конца XIX столетия. «Если мы сравним, для примера, как это уже делалось не раз, описание, сохраненное Страбоном, деятельности пиратов на Черноморском побережье в первом веке до нашей эры, их лодок, способов плавания и пр. с тем, что нам сообщается в описаниях половины XIX века..., мы вынуждены будем констатировать возможность включить без нарушения исторической перспективы описание Страбона в число сведений XIX века и обратно. При этом не пришлось бы даже менять номенклатуры: термин «камара», служивший древним керкетам и генихам для означения их военных лодок, сохранялся, судя по некоторым указаниям в литературе, до новейших времен»¹⁴⁰.

В Абхазии имелись все необходимые предпосылки для судостроения. В частности, она исстари славилась «корабельным лесом», составлявшим важную статью и ее внешней торговли.

Занятие мореходством абхазов приходит в упадок в XIX веке, вследствие учреждения так называемой «Черноморской береговой линии», организации регулярной крейсерской службы и налаживания русского торгового и пассажирского пароходства. Последнее с течением времени, особенно в пореформенный период, делает значительные успехи. Вместе с тем рыболовство и промысел дельфинов становятся заметной отраслью местной промышленности.

Отмеченное развитие было следствием присоединения Абхазии к России и результатом оживления в определенных сферах хозяйственной жизни края, вызванного постепенным приобщением его народного хозяйства в целом к экономической системе России.

¹⁴⁰ Генко А. Н. О языке убыхов. Известия Академии наук СССР. Изд. АН СССР, Л., 1928. Отд. гуманитарных наук, с. 228.

СОДЕРЖАНИЕ

Восстание 1866 года в Абхазии	3
Введение	3
Глава I. Непосредственные причины восстания . . .	18
Глава II. Ход, характер и движущие силы восстания	45
Глава III. Поражение восстания	76
Глава IV. Последствия восстания	98
Заключение	107
Список принятых сокращений	109
Ссылные декабристы на Западном Кавказе	111
Участники польского движения 20—40-х гг. в Абхазии .	229
Из истории мореходства в Абхазии	251

Автор Георгий Алексеевич Дзидзария

ТРУДЫ

**Книга вторая
На русском языке**

Редактор Л. Е. Аргун

Оформление Л. И. Евменова

Художественный редактор П. Г. Цквитария

Технический редактор Л. Е. Евменов

Корректоры А. А. Мхитарян, Ж. И. Гублиа

ИБ 1476

Сдано в набор 5.10.90. Подп. к печати 26.11.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Физич. печ. л. 18. Усл. печ. л. 21,7. Усл. кр. отт. 21,88. Уч.-изд. л. 21,7. Заказ 0—529. Тираж 1000 экз. Цена 4 р. 80 к.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.
Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 252119, Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44.